

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2008

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова, П.Г. Гайдуков,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва

Научно-производственное объединение
«Издательство “Наука”»

© Российская академия наук, 2008 г.

© Редакция журнала “Российская археология”
(составитель), 2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2008

Погребения скифской эпохи с предметами конской узды из Нижнего Поволжья <i>Очир-Горяева М. А.</i>	5
Соотношение исторических савроматов и “савроматской” археологической культуры: к историографии проблемы <i>Стрижак М. С.</i>	15
Глазчатые бусы <i>Мошеева О. Н.</i>	23
Западное Беломорье в эпоху раннего железа: динамика межкультурного взаимодействия <i>Жульников А. М.</i>	34
Археологические памятники низовьев Сырдарьи (по материалам Хорезмской археолого- этнографической экспедиции) <i>Сыдыкова Ж. Т.</i>	43
К вопросу о боктаг <i>Доде З. В.</i>	52

Дискуссии

К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион <i>Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В.</i>	64
---	----

Публикации

Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы <i>Рафикова Я. В.</i>	72
Курган 5 у с. Берестняги – памятник среднескифского времени в Поросье <i>Могилев А. Д., Диденко С. В.</i>	84
Накладка со сцены амазомахии из Елизаветовского могильника <i>Копылов В. П.</i>	91
Сарматское “княжеское” погребение в кургане у г. Липецка <i>Медведев А. П., Сафонов И. Е., Матвеев Ю. П.</i>	97

Заметки

Памятник позднего палеолита в нижнем течении р. Черная Калитва на Среднем Дону <i>Федюнин И. В.</i>	108
Случайная находка топора древнеямной культуры в Челябинской области <i>Виноградов Н. Б., Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В.</i>	111
Новые материалы раннего железного века из лесостепного Подонья <i>Березуцкий В. Д., Золотарев П. М.</i>	114
Городища Щербинское и Кузнечики: к вопросу о реконструкции построек <i>Сыроватко Н. А.</i>	119
К истории копья из Ковеля <i>Леус П. М.</i>	125
Новые археологические находки эпохи средневековья в Северной Карелии <i>Кочкуркина С. И.</i>	128

Погребение воина-кочевника из Прикубанья <i>Голубев Л. Э., Сазонов А. А.</i>	130
Нагробница XVII в. из церкви в Коровниках (г. Ярославль) <i>Баранова С. И.</i>	133

Ко II (XVIII) Всероссийскому археологическому съезду

Значение научного наследия академика А.П. Окладникова для развития археологии Северной и Центральной Азии (к 100-летию со дня рождения) <i>Деревянко А. П., Молодин В. И., Худяков Ю. С.</i>	137
К столетию Алексея Павловича Окладникова. Первые встречи <i>Дэвлет М. А.</i>	144
Крупный человек крупной эпохи <i>Пиотровский Ю. Ю.</i>	150
К 150-летию со дня рождения Ивана Ивановича Толстого <i>Гайдуков П. Г.</i>	159
Некролог С.Ф. Платонова о графе А.С. Уварове <i>Митрофанов В. В.</i>	167
Всероссийские археологические съезды: от Пскова до Новосибирска <i>Вдовин А. С., Кузьминых С. В., Серых Д. В.</i>	170

Хроника

II Научная конференция “Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв.” (Ялта, Украина, 2007) <i>Коваль В. Ю., Бочаров С. Г.</i>	178
Рашо Рашев (1943–2008) <i>Флёров В. С.</i>	181
Памяти Владимира Никифоровича Станко (1937–2008) <i>Дзиговский А. Н., Островерхов А. С.</i>	184
Правила для авторов	187
Список сокращений	189
Авторский указатель тома за 2008 г.	190

Сдано в набор 08.08.2008 г.	Подписано к печати 19.09.2008 г.	Формат бумаги 60 × 88 ¹ / ₈
Офсетная печать	Усл. печ. л. 24.0 + цв. вкл.	Усл. кр.-отт. 20.6 тыс.
	Тираж 844 экз.	Уч.-изд. л. 25.7
		Бум. л. 12.0
		Зак. 599

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Академиздатцентр “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 4, 2008

Scythian-time burials containing details of horse bridle in the Lower Volga region <i>Ochir-Goryaeva M. A.</i>	5
Correlation between the historical Sauromatians and the “Sauromatian” archeological culture: to the historiography of the issue <i>Strijak M. S.</i>	15
Eye beads <i>Mosheeva O. N.</i>	23
The western part of the White Sea in the Early Iron Age: the dynamics of cultural interaction <i>Zhulnikov A. M.</i>	34
Archeological sites in the lower reaches of the Syrdarya (based on the materials of the Khoresm archeological and ethnographical expedition) <i>Sydykova J. T.</i>	43
Concerning boktag <i>Dode Z. V.</i>	52

Discussions

On the radiocarbon chronology of the Middle Volga Neolithic: Western region <i>Vybornov A. A., Kovalyukh N. N., Skripkin V. V.</i>	64
---	----

Publications

The Srubno-Alakulsky kurgan at Selivanovskij II cemetery in the South Trans-Urals and the issue of Bronze Age double burials <i>Rafikova Ya. V.</i>	72
Kurgan 5 near Berestnyagi Middle Scythian site in the Porosye <i>Mogilov A. D., Didenko S. V.</i>	84
Mount with amazonomachy scene from the Yelizavetovskij cemetery <i>Kopylov V. P.</i>	91
Sarmatian “prince’s” burial in a kurgan near Lipetsk <i>Medvedev A. P., Safonov I. E., Matveyev Yu. P.</i>	97

Notes

Late Paleolithic site in the lower reaches of the Chernaya Kalitva river on the Middle Don <i>Fediunin I. V.</i>	108
Chance find of Ancient Pit-Grave (Drevneyamnaya) culture in the Chelyabinsk oblast’ <i>Vinogradov N. B., Degtyareva A. D., Kuzminykh S. V.</i>	111
New Early Iron Age materials from the forest-steppe Don region <i>Berezutsky V. D., Zolotarev P. M.</i>	114
Scherbinskoe and Kuznechiki fortified settlements: on the reconstruction of the buildings <i>Syrovatko N. A.</i>	119
On the history of the spear from Kovel’ <i>Leus P. M.</i>	125

New Medieval archeological finds from North Karelia <i>Kochkurkina S. I.</i>	128
Nomad warrior's burial from the Kuban region <i>Golubev L. E., Sazonov A. A.</i>	130
The 17 th -c. tomb from the church at Korovniki <i>Baranova S. I.</i>	133

To the II (XVIII) All-Russia Archeological Congress

Academician A.P. Okladnikov's scientific heritage and its significance for the archeology of Northern and Central Asia <i>Derevyanko A. P., Molodin V. I., Khudyakov Yu. S.</i>	137
To commemorate Alexei Pavlovich Okladnikov's 100 th anniversary. The first encounters <i>Devlet M. A.</i>	144
An outstanding man in an outstanding era <i>Piotrovsky Yu. Yu.</i>	150
To commemorate Ivan Ivanovich Tolstoy's 150 th anniversary <i>Gaidukov P. G.</i>	159
S.F. Platonov's necrologue for A.S. Uvarov <i>Mitrofanov V. V.</i>	167
The All-Russia Archeological Congresses: from Pskov to Novosibirsk <i>Vdovin A. S., Kuzminykh S. V., Serykh D. V.</i>	170

Chronicle

The 2 nd conference "East European, Pontic and Mediterranean glazed pottery in the 10 th -18 th cc." (Yalta, Ukraine, 2007) <i>Koval' V. Yu., Bocharov S. G.</i>	178
Rasho Rashev (1943-2008) <i>Flyorov V. S.</i>	181
In memory of Vladimir Nikiforovich Stanko (1937-2008) <i>Dzigovsky A. N., Ostroverkhov A. S.</i>	184

Rules for authors	187
List of abbreviations	189
Index of authors, 2008	190

ПОГРЕБЕНИЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ С ПРЕДМЕТАМИ КОНСКОЙ УЗДЫ ИЗ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2008 г. М. А. Очир-Горяева

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, г. Элиста

Памятники Нижнего Поволжья скифского времени представлены подкурганными захоронениями, датирующимися в рамках второй половины VI – первой четверти IV в. до н.э. Комплексы скифской эпохи встречаются небольшими сериями или единичными погребениями в курганных могильниках в степной и полупустынной частях нижнего течения Волги. На правобережье – от Каспийского моря до отрогов Ергенинской возвышенности и излучины Дона и Волги и на левобережье – от низовьев Волги до границы с лесостепью на широте современного г. Саратова открыто, по моим данным, более 300 инвентарных погребений конца VI – начала IV в. до н.э.

Предметы конской узды в погребениях скифского времени Нижнего Поволжья встречаются не часто. В настоящее время насчитывается 16 комплексов с предметами конской узды, что составляет примерно 5.3% от общего числа погребений. Погребения с сопроводительными захоронениями коней в Нижнем Поволжье не известны. Среди рассматриваемых комплексов Нижнего Поволжья большинство составляют погребения с отдельными предметами узды, и только в нескольких случаях были найдены полные уздечные наборы.

Анализ нижеволжских погребений с предметами конской узды позволяет разделить их на три группы: 1) комплексы с предметами конской узды, расположенными в насыпи кургана; 2) с предметами конской узды непосредственно в погребении; 3) с предметами конской узды, расположенными рядом с погребением.

Первая группа. Комплексы с предметами конской узды в насыпи кургана

1. Быково-1, курган 21. В насыпи кургана был найден “клад” бронзовых бляшек уздечного набора. Из них сохранились только две полусферические круглые уздечные бляхи на массивных полукруглых петлях (Смирнов, 1961. Рис. 51, 16, 17).

2. Кривая Лука-VI, курган 1. В насыпи кургана (ОЮ – 4 м, ОВ – 1.1 м) на глубине 0.52 м обнаружены зубы лошади с удилами и двумя железными псалиями. Поблизости были найдены три сосуда типичных для скифского времени форм и два бронзовых трехлопастных наконечника стрел. Псалии – стержневидные с одним Г-образнозагнутым кон-

цом и шишечками или утолщениями на концах. По типу сосудов и форме наконечников стрел комплекс может датироваться первой половиной V в. до н.э. (Федоров-Давыдов, Дворниченко, 1977. С. 3–214).

Всего лишь два случая расположения предметов узды в насыпи кургана, конечно, дают мало оснований для заключений. Оба комплекса находок зафиксированы в насыпи “чужого” кургана, не связаны с определенным однокультурным погребением. Надо полагать, что в Нижнем Поволжье существовал обряд возложения в насыпь кургана предметов узды, оружия, сосудов с пищей или напитками вне связи с конкретным погребением. Возможно, это были своего рода поминальники. В таком случае они аналогичны так называемым “кладам” или “странным комплексам” более позднего сарматского времени (Симоненко, 1993. С. 89, 90).

Вторая группа. Комплексы с предметами конской узды, расположенными в погребении

1. Три Брата, курган 25. Две бронзовые уздечные бляхи с поперечной массивной петлей на обороте, с рельефным изображением свернувшегося в круг хищника были найдены около левого плеча погребенного, с южной стороны. Погребенный был положен на спине вытянуто, головой на СВ (Синицын, 1956. С. 34, 37. Рис. 12).

2. Аксай-1, курган 3, погребение 3. Бронзовая крестовидная бляха с верхней отломанной в древности частью и тремя концами, оформленными в виде голов грифона была найдена с северной стороны, на запястье левой руки погребенного, положенного головой на запад. Традиционно считается, что крестовидные бляхи служили налобными украшениями коня или деталью портупей. В данном случае расположение бляхи не дает твердых оснований для определения ее функций. На оборотной стороне бляха имеет прямоугольную поперечную петлю. Погребение датируется авторами раскопок второй половиной VI в. до н.э. по двум точным аналогиям бляхе, а также по родосской расписной амфоре (Дьяченко и др., 1999. С. 108).

3. Комсомольский, погребение 23. Оригинальные украшения узды и сбруи происходят из мужского погребения, найденного при зачистке пола

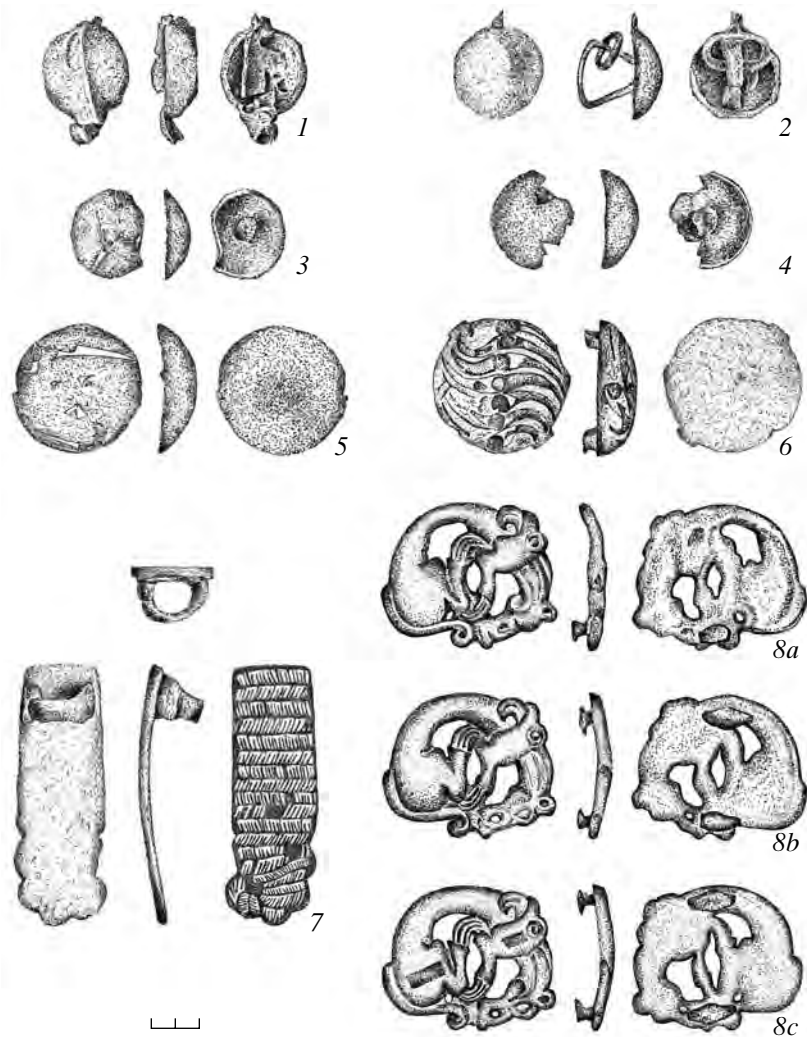

Рис. 1. Предметы конской снаряжения из кургана 23 с. Комсомольский. 1–6 – фалары; 7 – пластина налобная; 8а–с – подпружные пряжки; 1–7 – железо, инкрустированное золотом; 8 – бронза (Дворниченко и др., 1997).

гурханы средневекового мавзолея, рис. 1, 1–8 (Дворниченко и др., 1997. С. 127–141). Фалары, налобная пластина и подпружные пряжки были положены севернее погребенного, с левой стороны. Погребенный был ориентирован головой на запад. В погребении были найдены также три бронзовые подпружные бляхи с изображением свернувшегося в кольцо волкообразного хищника на столбиках-штырях (рис. 1, 1). Вместе с почти полным богатым набором узды в погребении найдены длинный, больше метра, меч, золотая серьга в виде конуса, колчаный набор из 102 наконечников стрел. Погребение датируется второй половиной VI – началом V в. до н.э.

4. Кривая Лука-XVII, курган 15, погребение 2.

Из этого коллективного погребения происходят две пары удил и бронзовые кубические пронизи-распределители для перекрестных ремней (Очир-Горяева, Дворниченко, 2004. С. 169–178). Фраг-

менты клыков кабана также, по всей видимости, относились к уздечному набору. Пронизи-распределители для перекрестных ремней находились с северной стороны около левой руки одной из погребенных, положенных головой на запад, а пса-лии с удилами лежали с северного края каменного блюда, поставленного за головой той же погребенной. Погребение датируется концом VI – началом V в. до н.э.

5. Бережновка-2, курган 97, погребение 3.

Из разрушенного основного погребения происходят три кабаньих клыка (большой и 2 маленьких). Большой клык с гравированным изображением хищника на широком конце служил скорее всего налобным украшением, поскольку имел одно отверстие для подвешивания. Два коротких клыка служили пронизями-разделителями перекрестных ремней, так как они имели у основания широкой части по четыре отверстия (Синицын, 1960. С. 98,

99. Рис. 36, 10; 37). Погребение было совершено в прямоугольной широтно ориентированной могиле. Грабители проникли в западный конец могилы, нарушив часть скелета: были выброшены череп, шейные позвонки, кости левой руки и частично потревожены ребра левой стороны. В разрушенной части на дне могилы в различных местах были найдены гравированные клыки вместе с такими предметами, как наконечники стрел, фрагменты железного меча, фрагмент железной ворворки. На основании этих данных можно считать, что уздечные украшения были первоначально положены в северо-западном конце могилы со стороны левой руки погребенного. С правой стороны и в ногах обнаружена грудка костей животных: кости передних ног шести баранов, шейные позвонки и целые хребты баранов и трех коров, а также кости ног трех крупных копытных и лошадей. По набору наконечников стрел и гравированным кабаньим клыкам погребение датируется серединой V в. до н.э.

6. Бичкин Булук, курган 12. В разрушенной могиле был найдена ворворка от конской сбруи. Погребение было основным и единственным в кургане. Дата – V век до н.э. – установлена по двум сосудам, найденным в насыпи кургана и бронзовому наконечнику стрелы, обнаруженному в насыпи могильной ямы (Синицын, 1956. С. 47, 48).

7. Суслы, курган 2, погребение 43 (основное). Погребение скифского времени в прямоугольной широтно ориентированной яме было разрушено захоронением сарматского времени. Остатки заупокойной пищи (кости лошади и овцы) и остатки скелета погребенного, положенного головой на запад, были перемешаны (Rau, 1929. S. 77, 78). Среди костей найдены железные удила, псалии с секировидными окончаниями, две бляшки со щитком в виде стоящего хищника с повернутой назад головой и слегка выпуклые круглые пронизи с несомкнутыми концами.

8. Адрык, курган 7, погребение 2. У левой руки одного из двух погребенных, положенных вытянуто на спине головой на восток, с южной стороны были найдены клык кабана, четыре бронзовые бляшки с зооморфными изображениями и три бронзовых полукольца (Щуцкин, 1978).

Рассмотрим предметы конской узды, дающие возможность реконструкции полного набора. Строго говоря, к погребениям, содержащим полные уздечные наборы, относится только коллективная могила из знаменитого Блюменфельдского кургана.

9. Блюменфельд, курган В-12. В широкую и просторную яму этого погребения были положены четыре уздечки с железными удилами и псалиями. Полные наборы сохранились лишь при трех удилах, лежавших в ногах погребенных. Погребенные лежали головой на юго-запад, уздечки – в

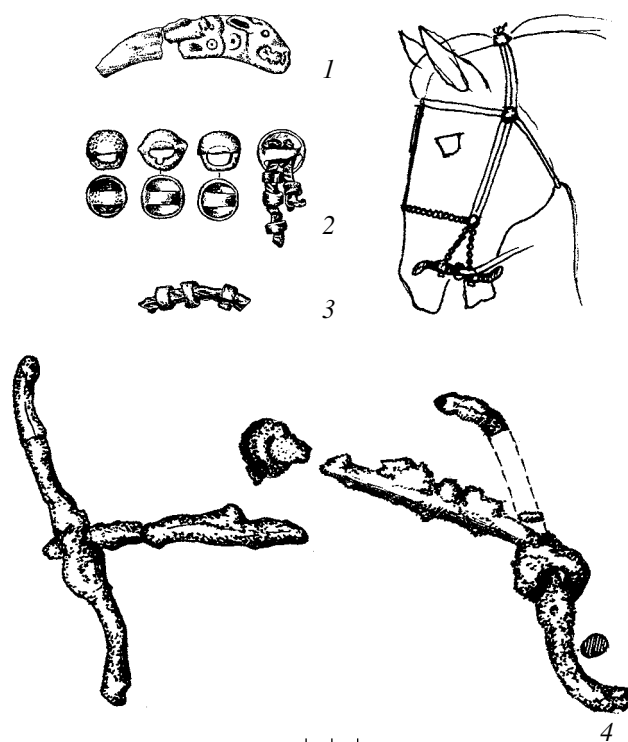

Рис. 2. Уздечный набор № 1 кургана В-12 у с. Блюменфельд. Реконструкция (Смирнов, 1961).

ногах погребенных, с северной стороны (Смирнов, 1964. Рис. 11, а, б). В состав первого уздечного набора из Блюменфельдского кургана входили железные удила и псалии, бронзовые обоймы в виде незамкнутых колец, четыре литые полусферические бляшки с массивной петлей на обороте и плоская бляшка в виде полулунницы или клыка кабана. Лицевая сторона полулунницы украшена рельефным изображением хищника и хищной птицы с массивным изогнутым клювом (Смирнов, 1961. Рис. 44, 3) (рис. 2, 1–4). Ко второму уздечному набору из Блюменфельда относятся четыре бронзовые зооморфные бляшки с петлей на обороте. Три из них украшены головками хищных птиц с круглым глазом, массивным клювом и надкостницей, обозначенной вертикальными рубчиками. Одна представляет собой расположенную в фас голову длинномордого хищника или лошади с вертикально стоящими полукруглыми ушами. Налобником служил клык кабана крупных размеров с изображением двух хищников с оскаленной пастью. В отличие от первого набора удила и псалии остальных двух наборов были перемешаны, поэтому было невозможно определить, какие именно удила и псалии относились ко второму или третьему набору. В составе третьей блюменфельдской уздечки имелись железные удила, псалии и лишь один нащечник в виде схематично трактованной головки грифона с большим круглым глазом и гладкой восковицей. Налобным украшением служил большой кабаньим клык-подвеска со слож-

ной резьбой в зверином стиле (Смирнов, 1964. Рис. 11, а, б).

10. Молчановка, курган 2, погребение 3. К погребениям, содержавшим полные уздечные наборы, данное погребение отнесено условно. В нем был найден почти полный набор уздечных блях с налобником, но без удил и псалиев. Набор украшений узды найден на уровне древнего горизонта в юго-западной части кострища. Кострище, занимавшее почти всю центральную часть кургана диаметром 3–3,5 м, состояло из слоев обожженной земли и древесного угля. В центре кострища были найдены обугленные человеческие кости и два грубых лепных сосуда, типичных для скифского времени Нижнего Поволжья форм (Синицын, 1959. С. 134, 135. Рис. 45, 4). Набор уздечных украшений состоял из десяти бронзовых полусферических уздечных бляшек, двух зооморфных бляшек, плоского ромбовидного налобника и одной низкой ворворки (Смирнов, 1961. Рис. 44, 5).

В перечисленных погребениях Нижнего Поволжья в числе предметов конского убранства зафиксированы прекрасные образцы звериного стиля из бронзы и кости, позолоченные изделия и предметы, изготовленные из серебра. Однако они дают только общее представление об уздечном наборе, отдельными деталями которого являются. Надо понимать, что такой обычай – это типичное проявление принципа *“pars pro toto”*. Общей чертой всех этих погребений можно считать тот факт, что все предметы были найдены в одной яме с погребенным, с северной стороны от погребенного. В двух случаях: в могильнике Адык и Три Брата – при обратной по отношению к традиционной или “перевернутой” ориентировке погребенного (на юго-восток и северо-восток соответственно), предметы узды также “переворачивались” и оказывались с южной стороны погребенного. Конечно, можно предполагать, что важным было расположение предметов узды с левой стороны погребенного независимо от ориентировки погребенного. При любом предположении, вполне обоснованно фиксируется факт перемены места инвентаря при изменении ориентации погребенного.

Общим для предметов узды и полных уздечных наборов первой и второй групп погребений является декоративный стиль их оформления. Уздечные бляхи рассмотренных погребений украшены в зверином стиле, но в сдержанной манере; все наборы имели в своем составе простые железные псалии и налобники. Условно наборы первой и второй групп можно определить как бытовые или профанные уздечные наборы. Они содержат явно стандартный набор предметов. Общий стиль этих наборов выглядит достаточно функциональным, а предметы в зверином стиле не страдают излишней декоративностью и имеют явно охранительную функцию.

Среди рассмотренных выше предметов узды наиболее ранними являются предметы конского снаряжения из погребения 23 могильника Комсомольский и из погребения 3 кургана 3 могильника Аксай. К ним примыкают, несомненно, бляхи из погребения 2 кургана 25 могильника Три Брата, а также массивные полусферические бляхи на петлях из “клада” в насыпи из кургана 21 могильника Быково-1. Они аналогичны крупным и полусферическим бляхам с инкрустацией золотом из Комсомольского. Похоже, довольно массивные полусферические уздечные бляхи на петлях характерны для ранних нижневолжских уздечных украшений скифской эпохи. Наблюдается и другая закономерность. Из образов звериного стиля на ранних нижневолжских уздечных украшениях представлены только два: головка хищной птицы и свернувшегося в кольцо хищника. К перечисленным ранним наборам примыкают также предметы узды из кургана 15 могильника Кривая Лука как наиболее позднего из них. Эта группа уздечных принадлежностей хорошо соотносится с хронологией, базирующейся на типологии наконечников стрел (Очир-Горяева, 1996. С. 41–54; Дворниченко, Очир-Горяева, 1996. С. 105–107; Ochir-Goryaeva, 1998. P. 129–132), а именно: с нижним пластом раннего этапа, датирующимся второй половиной VI – началом V в. Что касается остальных уздечных наборов из рассмотренных выше (один из Молчановки – курган 2, погребение 3; один из Бережновки – курган 97, погребение 3 и три набора из Блюменфельдского кургана В-12), то дата их определяется по Блюменфельдскому кургану В-12, который по набору наконечников стрел является опорным комплексом в следующем хронологическом верхнем пласте того же раннего этапа. Комплексы верхнего пласта характеризуются инвентарем по всем признакам, типичным для V в. до н.э. По аналогии с Нимфейскими курганами и второй хронологической группой, выделенной А.Ю. Алексеевым для памятников Северного Причерноморья, верхний пласт можно датировать широко в рамках первой половины V века до н.э. с возможностью сужения до второй четверти V в. до н.э. (см. подробнее: Дворниченко, Очир-Горяева, 1996. С. 105–107; Ochir-Goryaeva, 1998. P. 129–132). Характеризуют данную группу уздечных наборов клыки-подвески с гравированными зооморфными изображениями, ведущими среди которых являются морда хищника с оскаленной пастью, а также бронзовая имитация клыка с аналогичным сюжетом. Уздечные бляшки, прежде всего для нащечных ремней, украшены стилизованными головками птиц и отличаются от ранних более мелкими размерами. Другой вид уздечных бляшек – круглые гладкие или с рубчатыми краями. Последние в сочетании с ромбовидным налобником служат, как отмечено выше, твердым хронологическим индикатором.

Третья группа. Погребения с предметами конской узды, расположенными рядом с погребением

1. Хошеутово, погребение 1. Разрушено строительной траншеей. С северной стороны погребальной ямы в отдельной небольшой (диаметр 0,5 м) яме были сложены исключительно предметы конской узды. В самом погребении кроме частично нарушенного скелета взрослого мужчины были найдены три крупные бусины и кремешок. Набор конской узды из Хошеутова насчитывает более 300 предметов. По стилистическим особенностям и образам звериного стиля они собираются в одиннадцать уздечных наборов (рис. 3). Среди них представлены псалии, налобники, уздечные бляхи и ременные пронизы. К центральным украшениям налобного и наносного ремней или налобникам и нахрапникам относятся четыре парных и десять одиночных бронзовых предметов. Бронзовые бляшки разделители перекрестных ремней представлены четырьмя разновидностями.

К украшениям нащечных ремней относятся шесть разновидностей бляшек, к дополнительным украшениям налобного и нахрапного ремней — шесть комплектов бляшек. Восемь разновидностей бляшек могли служить украшениями как вертикальных, так и горизонтальных ремней. Этому способствовали их геометрическая форма (отсутствие верха и низа) и наличие бляшек с одиноковым украшением щитка, часть из которых была с вертикальной петлей, а часть — с горизонтальной. Кроме того, в комплексе из Хошеутова найдены две бронзовые ворворки и большое количество ременных пронизей. По аналогиям образам звериного стиля и формам 11 пар псалий комплекс из Хошеутова датируется первой половиной V в. до н.э. с возможностью сужения даты до второй его половины (Ochir-Goryaeva, 2005).

2. Старица, курган 51 (Шилов, 1961. С. 143–145; Смирнов, 1976. Рис. 1, 14, 15, 25; 3, 1). Предметы конской узды: шесть бляшек в зверином стиле, две бронзовые пронизы (одна целая и одна фрагментированная) — найдены на уровне древнего горизонта с северной стороны могильной ямы (рис. 4, 1–7).

3. Новопривольное, разрушенное погребение. По описанию автора публикации, около с. Новопривольное в результате подмыва был разрушен находившийся на первой коренной террасе левого берега Волги курган (Максимов, 1976. С. 210–219). “При наибольшем спаде воды на обнаженном бичевнике обнаружены отдельные человеческие кости и найден ряд предметов в зверином стиле” (Максимов, 1976. С. 210). Как выходит из этого описания, с костями человека были найдены только предметы конской узды (рис. 5, 1–3; 6, 1–5). К ним относятся два вида псалиев, три налобника в виде орнаментированных клыков кабана и один в виде головки хищной птицы и девять видов уздечных бляшек. Орнаментированные клыки анало-

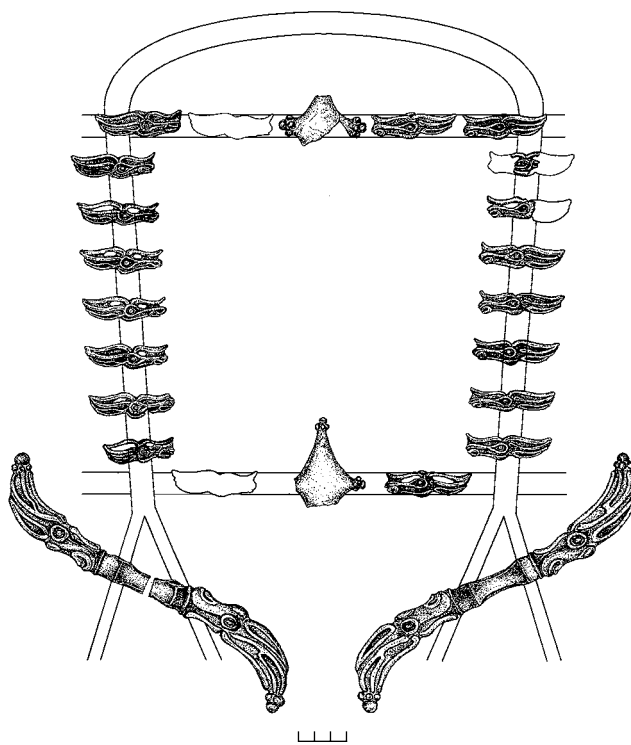

Рис. 3. Уздечный набор № 1 из погребения 1 у с. Хошеутова. Реконструкция автора статьи.

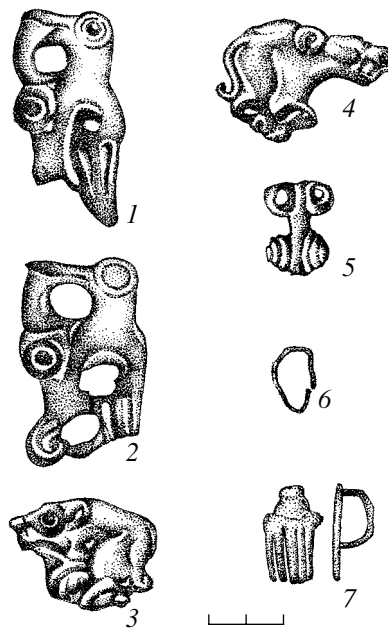

Рис. 4. Предметы конского снаряжения из кургана 51 с. Старица. 1–5, 7 — уздечные бляшки; 6 — пронизка. Бронза (Шилов, 1961, фотоархив ЛОИА 2146-234; (Смирнов, 1976).

гичны большому блюменфельдскому клыку как по многокомпонентности декора, так и по художественной манере (рис. 5, 1).

В новопривольненском комплексе имеются четыре налобника и два вида псалиев. Уздечные

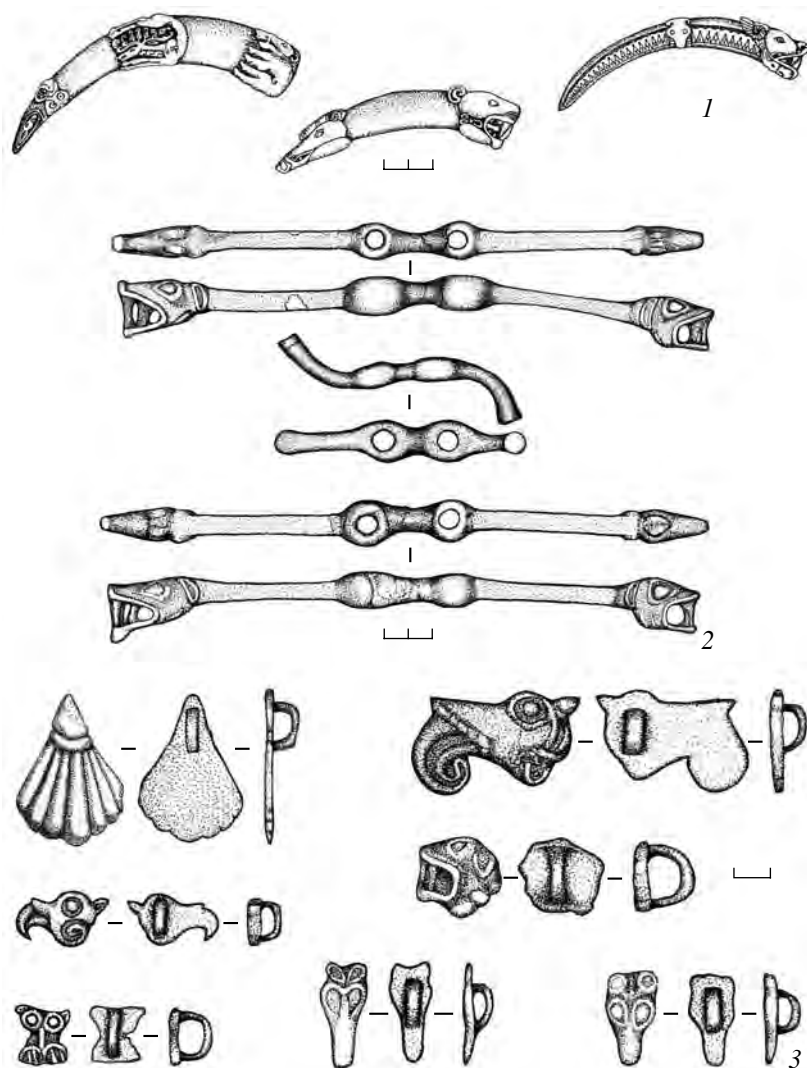

Рис. 5. Предметы конского снаряжения из разрушенного погребения с. Новопривольное. 1 – налобные подвески; 2 – пса-лии; 3 – уздечные бляшки. 1 – клыки кабана; 2, 3 – бронза (Максимов, 1976).

бляшки по образам животных делятся на четыре вида, что свидетельствует о том, что комплекс из Новопривольного содержал остатки по крайней мере четырех уздечных наборов. По аналогии с комплексом из Хошеутова, представленного одиннадцатью полными уздечными наборами, а также с учетом того, что погребения скифского времени в Нижнем Поволжье встречаются в основном по одному в кургане, можно также предполагать, что Новопривольненский набор уздечных украшений относился, с большой долей вероятности, к одному погребению.

4. Кривая Лука-VIII, погребение 16. Комплекс с предметами узды, расположенными за пределами погребения, происходит из кургана 5 (Федоров-Давыдов и др., 1977; Очир-Горяева, Дворниченко, 2004. С. 169–178). Рядом с частично разрушенным погребением скифского времени, совершенным в подбойной яме, были найдены бронзовые предметы конской узды. *In situ* сохранилась нижняя часть

скелета человека: правое крыло таза и кости обеих ног, а также лучевые кости и кисть правой руки. Вероятно, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. На северном борте подбоя найдены бронзовые уздечные бляшки (23 штуки) конского убора, выполненные в зверином стиле. Пряжки лежали в определенном порядке, кое-где сохранился полусгнивший ремешок. Расположение предметов узды свидетельствует, что они не были выброшены из погребения, а специально расположены рядом с ним. В полевом отчете даже приведен рисунок-схема расположения бляшек на борту подбоя (Федоров-Давыдов и др., 1977. С. 148). В состав набора входят три подпружные пряжки, две маленькие и одна крупная ворворки, пронизи трех видов и одна ромбовидная плоская бляшка. Все остальные детали узды выполнены в зверином стиле: среди них три уздечные бляшки в виде сдвоенных голов кабана с единым ртом, четыре бляшки в виде сдвоенных голов медведя также с одной

общей пастью, две бляшки в виде головы оленя с рогами в форме голов грифона и одна довольно крупная бляшка в виде фигурки хищной птицы с расправленным крылом, распушенным хвостом и когтистыми лапами в профиль – скорее всего, налобник (Очир-Горяева, Дворниченко, 2004. С. 169–178).

Предметы узды из перечисленных четырех комплексов: Хошеутово, курган 1, Старицы, курган 51, Новопривольное, разрушенное погребение и Кривая Лука-VIII, курган 5 – образуют очень яркую, необычайно единую стилистическую группу, объединенную рядом важных черт. Прежде всего их объединяет место предметов конской узды в погребении. В тех случаях, когда это известно, наборы конской узды были связаны с погребением человека, но расположены отдельно от него (с северной стороны в специально устроенной яме (Хошеутово), с северной стороны погребения на уровне древнего горизонта (Старица, курган 51), рядом с погребением на борту подбоя (Кривая Лука-VIII, курган 5)). Весьма примечательно, что рядом с погребением были положены только предметы конской узды, нет ни одного другого предмета инвентаря. Хотя в самих погребениях был найден обычный инвентарь. В Хошеутово – крупные бусины и кремешок; в Кривой Луке – короткий железный меч; в Старице – глиняные сосуды. Несмотря на то что комплекс из Новопривольного был разрушен, можно считать примечательным, что кроме костей человека там были найдены только уздечные принадлежности. В этом принципиальное отличие комплексов третьей группы от комплексов второй. В комплексах второй группы предметы узды были положены вперемешку с остальным инвентарем и рядом с погребенным, непосредственно в могильной яме, в то время как предметы узды третьей группы были намеренно отделены как от могилы человека, так и от остального инвентаря.

Следующая особенность третьей группы комплексов – необычайное стилистическое единообразие уздечных украшений. Предметы уздечного набора из этих комплексов по целому ряду признаков выглядят как очень близкие и однопорядковые. Все они имеют очень близкие перекрестные аналогии. В то же время они разительно отличаются от бытовых или профанных наборов первой и второй групп. Прежде всего это выражается в необычайном обилии и разнообразии предметов, оформленных в зверином стиле. Особую пышность придает наборам третьей группы наличие парных зооморфных налобников-наносников, частое сопровождение центрального налобного украшения боковыми налобными бляшками, обилие, порой чрезмерное, нащечных украшений. Важное отличие наблюдается в материале и оформлении псалиев. В комплексе из Хошеутова было одиннадцать бронзовых псалиев, а в комплексе из Новопривольного – две пары бронзовых

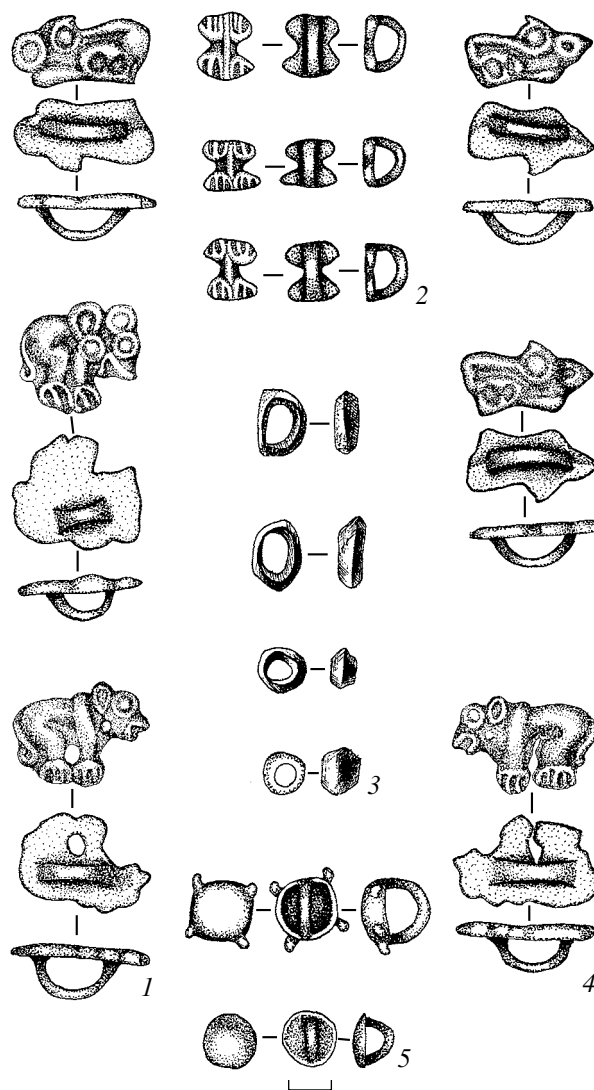

Рис. 6. Предметы конского снаряжения из разрушенного погребения с Новопривольное. 1, 2, 4, 5 – уздечные бляшки; 3 – пронизи. Бронза (Максимов, 1976).

псалиев. При этом оба комплекса содержали одинаковые типы псалиев – одну пару необычайно маленьких простой формы бронзовых псалиев и другие необычно большие (от 24 см) с концами, украшенными головками животных, в то время как в бытовых профанных наборах первой и второй групп использовались только железные удила и псалии. Важно, что в уздечных наборах всех четырех комплексов имеются предметы с мотивами звериного стиля, которые уводят в раннескифское время. Я бы назвала эти мотивы старомодными (фигурки стоящих хищников, морды животных с одной общей пастью, морды животных в анфас, кольцевидные пронизи). Кроме того, наряду с предметами, явно импортированными с соседних территорий (лесостепное Причерноморье, Южное Приуралье), рассматриваемые наборы содержат ряд образов звериного стиля, абсолютно ориги-

нальных или имеющих аналогии далеко на востоке (горный Алтай, степи северо-западного Китая и внутренней Монголии), что можно рассматривать как свидетельство сохранения каких-то древних традиций, принесенных из “глубин Азии”.

Особый интерес представляет тот момент, что рассматриваемые нижеволжские наборы уздечных принадлежностей по общему стилистическому облику очень близки наборам из пазырыкских курганов Горного Алтая и Семибратних курганов на Кубани. Это прежде всего необычайная декоративность, многофигурность предметов в сочетании с гармоничностью взаимосочетания, чрезмерная пышность и фантазийность декора предметов узды. Именно указанные особенности позволяют предположить некое необычное использование этих уздечных наборов в живой культуре. Я бы назвала эту группу предметов узды – в противовес повседневным профанным наборам – “церемониальными”.

На эту мысль наталкивают следующие соображения. Известно, что рядовые кочевники имели часто не одно седло и разные уздечные наборы, например простой, повседневный для пастыби скота в степи и парадный для участия в праздниках, свадьбах, поездках в гости. Богатые или родовитые кочевники, имевшие слуг и не пасшие скот, имели только богато украшенные уздечные наборы. Однако в данном случае причина не в богатстве узды. Например, уздечный набор из Комсомольского является по ценности наиболее дорогим среди наборов Нижнего Поволжья. В данном случае можно предположить, что “церемониальные наборы” сопровождали могилы представителей какого-то определенного социального статуса. В церемониях, к которым эти люди имели отношение, участвовали кони со специальными уборами, изготовленными по обычаям предков (отсюда древние мотивы), оформленными в необычном громоздком зверином стиле (культовые предметы), имеющими мало общего с уздечными наборами (богатыми или бедными) бытового или профанного назначения. Возможно, в этом кроется причина того, что профанные наборы были положены в могилу вместе с хозяином, а церемониальные наборы – в отдельном месте.

При таком понимании уздечных наборов третьей группы появляется возможность примирить две противоположные точки зрения, высказанные некогда М.П. Грязновым и С.И. Руденко. М.П. Грязнов считал, что все пазырыкские седла и уздечки сделаны специально для погребения. “Их богатое и пышное оформление рассчитано лишь на внешний эффект и сделано из дорогих и красивых материалов, непрочных и непрочно скрепленных друг с другом. Некоторые детали их сделаны согласно традициям погребального обряда по давно уже оставленным в быту образцам. Совершенно ясно, что нельзя все особенности устройства и оформления пазырыкских седел и уздечек переносить

полностью в наши представления о бытовых предметах снаряжения коня...” (Грязнов, 1950. С. 54). С.И. Руденко оспаривал это мнение и указывал на следы ремонта уздечных принадлежностей и замены в некоторых наборах предметов, пришедших в негодность. Вся упряжь, в том числе и деревянные псалии, по мнению С.И. Руденко, была бытовой (1953. С. 171, 172). В.Д. Кубарев рассматривал деревянные предметы узды в рядовых погребениях могильника Юстыды как свидетельство правоты С.И. Руденко (Кубарев, 1991. С. 46, 47). Однако факт изготовления из дерева как бытовых, так и церемониальных уздечных предметов можно понимать и по-другому. М.П. Грязнов был прав в том, что уздечные наборы из больших пазырыкских курганов не были бытовыми. Однако это не означает, что они использовались только один раз во время погребения. Скорее всего, судя по тому, что подобные пышно декорированные уздечные наборы на западе, в Поволжье и на Кубани были отлиты из бронзы, их использовали многократно, но не в быту, а при определенных церемониях. С.И. Руденко также прав, так как действительно церемониальные наборы не были одноразовыми, в процессе использования они ремонтировались и обновлялись.

Особое внимание хотелось бы уделить расположению предметов узды как в могиле, так и за ее пределами. Как указано выше, традиционным для Нижнего Поволжья является широтное расположение погребенного, с ориентировкой головой на запад. Предметы узды в погребении расположены во всех известных случаях с северной стороны погребенного. При изменении ориентировки погребенного на противоположную (в восточную сторону) соответственно “переворачивается” весь “микроскоп погребения и предметы узды оказываются на южной стороне. По-инному обстоит дело с предметами узды за пределами могильной ямы. В двух случаях они находились с северной стороны погребальной ямы, ориентированной широтно и в одном случае при ориентировке погребенного на юго-восток, предметы узды были положены вдоль северного борта подбоя.

Таким образом, можно констатировать, что расположение предметов узды с северной стороны за пределами ямы сохраняется даже при “переворачивании” погребенного. Этот факт, на мой взгляд, показывает, что предметы узды, положенные в могилу с остальным инвентарем, и предметы узды, положенные отдельно от остального инвентаря, за пределами ямы имели разный статус. Выявленная закономерность хорошо соотносится с расположением коней в погребениях пазырыкской культуры в Горном Алтае. В погребальных срубах пазырыкской культуры погребенные также расположены в широтном направлении, но, в отличие от Нижнего Поволжья, с ориентировкой головой на восток. Конские сопроводительные за-

хоронения всегда располагаются за стенкой сруба с северной стороны. В случаях “переворачивания” погребенного, когда менялась ориентировка головы при том же широтном расположении (Малталу, курган 23, Коксу, курганы 11, 19, 29), то коней укладывали головой в ту же сторону, что и “хозяина”, но расположение их с северной стороны сруба сохранялось (Кубарев, 1992. С. 139; Сорокин, 1974. С. 62–91). Подмеченная закономерность свидетельствует о том, что сходные представления о сторонах света, загробном мире и месте в нем людей и сопровождающих предметов и животных у племен, столь отдаленных друг от друга, в принципе совпадали.

Хронологически церемониальные уздечные наборы непосредственно связаны с блюменфельдским и молчановским наборами. Комплекс из Новопривольного является ключевым для датировки церемониальных наборов, потому что он более твердо связан с Блюменфельдом, а через него с остальными комплексами верхнего пласта. Три бляшки из Новопривольного относятся к профильным головкам грифонов с той лишь разницей, что здесь клюв превратился в морду хищника (Переводчикова, 1999. С. 231). Орнаментированные кабаньи клыки из Новопривольного по насыщенности декоративных деталей, сочетаниям мелких геометрических узоров с зооморфными изображениями и по сложности композиций наиболее близки блюменфельдским из всех известных орнаментированных клыков Нижнего Поволжья. Этими же стилистическими особенностями отличается бронзовая имитация большого кабаньего клыка из Хошеутова. Интересно, что налобником первого блюменфельдского уздечного набора служила также бронзовая имитация клыка. Во втором блюменфельдском наборе имеется бляшка в виде вытянутой морды животного анфас, аналогичная по схеме бляшкам из Хошеутова и Новопривольного. Перечисленные особенности свидетельствуют о хронологической близости или одновременности поздних “бытовых” и “церемониальных” уздечных наборов. На этом основании вся группа церемониальных уздечных наборов уверенно относится к верхнему пласту первой хронологической группы, будучи связанной рядом аналогий с основным комплексом верхнего пласта – Блюменфельдским курганом В-12, т.е. в целом – с первой половиной V в. до н.э.

В то же время, если рассматривать верхний пласт как нечто единое, имеется возможность сузить его дату до второй четверти V в. до н.э. Решающую роль при этом играют в основном опять-таки комплексы с предметами узды. Стилистические особенности и набор предметов конской узды из рассматриваемых нижевожских погребений имеют прямые аналогии в памятниках Европейской Скифии, которые А.Ю. Алексеев относит к наиболее ранним комплексам выделенной им

II хронологической группы Европейской Скифии, и интерпретирует их как памятники второй четверти V в. до н.э. (Алексеев, 1991. С. 5–7). Наборы с пластинчатыми ромбовидными налобниками и круглыми бляшками с рубчатými краями, маленькие бляшки в виде головок грифонов, представленные в Блюменфельдском, Молчановском, Новопривольненских комплексах, профильные изображения лосиных голов, секировидные псалии из Хошеутова представлены в северопричерноморских степных и лесостепных памятниках, таких как Подгородное, курган 2, погребение 1; Ковалевка, группа 2, курган 6, погребение 1; Червоный яр, курган 1 – в степи; Стайкин верх, курган 2; Журовка, курганы 400 и 401 – в лесостепи. К важным комплексам второй хронологической группы Северного Причерноморья относится некрополь Нимфея. Все шесть погребений “с местными чертами” Нимфейского некрополя содержали скифские погребения. В трех погребениях встречены предметы конского убора, прямыми аналогиями которым являются перечисленные выше бляшки и налобники из нижевожских уздечных наборов. Комплексы Нимфейского некрополя содержали предметы греческого импорта, дающие точные абсолютные даты. Отсюда становится ясно, что церемониальные наборы вполне логично вписываются в круг именно тех памятников верхнего пласта, которые датируются второй четвертью V в. до н.э. Еще одним подтверждением служит бляшка в виде кисти руки из Старицкого кургана. Такие бляшки, по материалам Северного Причерноморья, также указывают на вторую четверть V в. до н.э. (Алексеев, 1991. С. 115). Таким образом, по материалам Нижнего Поволжья и согласно схеме относительной хронологии этого региона, время бытования “церемониальных” уздечных наборов устанавливается вполне определенно в рамках первой половины V в. до н.э. с возможностью сужения даты до второй четверти V в. до н.э.

Подведем итоги. 1. На основе анализа предметов конского снаряжения в насыпях курганов выделен впервые особый вид археологического комплекса – поминальники, напоминающие более поздние “странные комплексы” или “клады” сарматского времени. 2. Определенного типа уздечные наборы хорошо маркируют хронологические группы, выделенные на основе типологии наконечников стрел и поддержанные аналогиями из Северного Причерноморья, датированных на основе античного импорта. Это свидетельствует о том, что уздечные наборы могут в дальнейшем служить хронологическими индикаторами для однокультурных памятников. Указанный результат трудно переоценить в условиях скудости и невыразительности инвентаря большинства погребений Нижнего Поволжья. 3. Стилистические особенности и состав уздечных наборов позволяют выделить среди нижевожских уздечных наборов

простые воинские, или профанные, и церемониальные наборы. Такое разделение находит подтверждение в различиях погребального обряда, что рассматривается мной как дополнительный аргумент для предлагаемой интерпретации двух групп комплексов с предметами узды.

Изучение довольно немногочисленной выборки погребений с предметами узды из Нижнего Поволжья показало их высокую информативность как археологического источника и позволило сделать ряд интересных наблюдений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // АСГЭ. 1991. № 31.
- Грязнов М.П.* Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.
- Дворниченко В.В., Очир-Горяева М.А.* Ранние кочевники Нижнего Поволжья: хронология и периодизация // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Ч. 1. Улан-Удэ, 1996.
- Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А.* Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. 1997. № 3.
- Дьяченко А.Н., Мейб Э., Скрипкин А.С. и др.* Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. 1999. Вып. 2.
- Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Кубарев В.Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.
- Максимов Е.К.* Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- Очир-Горяева М.А.* Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. 1996. № 1.
- Очир-Горяева М.А., Дворниченко В.В.* Предметы конской узды из могильника Кривая Лука // Монголоведение. Элиста, 2004.
- Переводчикова Е.В.* К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 1999.
- Руденко С.И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Симоненко А.В.* “Клады” снаряжения всадника II–I вв. до н.э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Вторая кубанская археол. конф. Тез. докл. Краснодар, 1993.
- Синицын И.В.* Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени // Археологический сб. Тр. Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1956.
- Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953) // МИА. 1959. № 60.
- Синицын И.В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА. 1960. № 78.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сармат. М., 1964.
- Смирнов К.Ф.* Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- Сорокин С.С.* Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Коксу (южный Алтай) // АСГЭ. 1974. № 16.
- Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В.* Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края. М., 1977.
- Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Смирнов А.С.* Отчет о раскопках курганов в Астраханской области, Черноярском районе в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6719 (а–г).
- Цуцкин Е.В.* Отчет о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции КНИИ ИФЭ в 1978 г. // Архив ИА РАН. 1978. Р-1. № 9827.
- Шилов В.П.* Отчет о раскопках Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1961 г. // Архив ИА РАН. 1961. Р-1. № 2380.
- Ochir-Goryaeva M.* Early Iron Age Nomads of Low Volga Region (model of Cultural Development) // BAR. 1998. Intern. Ser. 717.
- Ochir-Goryaeva M.* Pferdegeschirr aus Chosheutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga Archaologie in Eurasien. 20 Bd. Berlin, 2005.
- Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet: Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Pokrowsk, 1929.

Scythian-time burials containing details of horse bridle in the Lower Volga region

M. A. Ochir-Goryaeva

Summary

Analysis of the horse equipment from the kurgans allows to identify, for the first time, a specific type of archaeological complexes, – commemoration sites (pominalniki), which resemble the later “strange complexes” or “hoards” of the Sarmatian times. The specific types of bridle sets serve as markers for the chronological groups that have been identified on the basis of arrowheads typology and confirmed by North Pontic analogies. The stylistic features and the composition of the bridle sets allow to identify ordinary warrior sets and ceremonial ones. This distinction is supported by the differences in funeral rite, thus becoming an additional argument for the herein suggested interpretation for the two groups of complexes containing bridle parts. Study of the rather sparse selection of Lower Volga burials containing bridle parts showed that they are a highly informative archaeological source and allowed to make a series of interesting observations.

СООТНОШЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ САВРОМАТОВ И “САВРОМАТСКОЙ” АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

© 2008 г. М. С. Стрижак

Московский государственный университет, Москва

Продолжительный период в археологической науке было принято считать, что вопросы, связанные с “савроматской” культурой, достаточно разработаны и во многом бесспорны. Однако непрерывное пополнение археологического материала постоянно возвращает исследователей к проблемам, казавшимся уже давно решенными. В настоящее время можно выделить два блока наиболее дискуссионных тем сарматской археологии. Первый касается вопросов локализации племен скифской эпохи (происхождение кочевников Приуралья и Поволжья), их этнической идентификации, родства и единства; второй – вопросов хронологии. Савроматская проблема связана и с обоими блоками, но главным образом концентрируется на вопросах локализации племен скифской эпохи на современной географической карте и идентификации сведений из письменных источников о них с определенными археологическими культурами.

Название “савроматы” дошло до нас благодаря упоминаниям, содержащимся в античных письменных источниках, прежде всего в скифском рассказе Геродота, где савроматы выступают как ближайшие соседи и союзники скифов. Согласно легенде, савроматы произошли от браков скифов и амазонок, говорили на скифском, хотя издревле искаженном языке, на западе савроматские владения непосредственно граничили со скифскими. Местом формирования савроматов Геродот называет степи северного побережья Меотиды (Азовское море), а дальнейшего их расселения – за рекой Танаис (Дон) – “они шли к востоку три дня спуская от Танаиса и три же от озера Меотиды к северу” (Геродот, 2004. С. 110–117).

Археологические материалы с территории от Дона до р. Урал впервые научно обобщил М.И. Ростовцев. На территории Поволжья и Приуралья он выделил группу памятников, близкую скифским. Сопоставив материалы погребений с письменными источниками, М.И. Ростовцев определил их как сарматские, оговорив при этом, что “не имеет в виду сарматов Геродота, первые сведения о которых мы имеем в IV в. до р.х.” (1918. С. 80, 81; 2002). Савроматов М.И. Ростовцев рассматривал как отдель-

ное племя, жившее на левом берегу Дона у Меотиды (1925; 2002).

В 1929 г. П.Д. Рау, проанализировав 40 археологических комплексов с территории Нижнего Поволжья и определив для них хронологические границы VII–IV вв. до н.э., соотнес эти памятники с савроматами письменных источников (Рау, 1929). Его точка зрения не сразу была принята другими исследователями. Так, Б.Н. Граков и П.С. Рыков еще какое-то время продолжали называть кочевников поволжских и приуральских степей скифами, а археологическую культуру скифоподобной (Граков, 1930; Рыков, 1932. С. 14; 1936). Однако в 1947 г. Б.Н. Граков в работе “Пережитки матриархата у сарматов” отказался от своих прежних взглядов и пришел к выводу, что античная традиция и данные археологии – на стороне П.Д. Рау. С одной стороны, Б.Н. Граков, как и П.Д. Рау, помещает савроматов между Доном и Волгой, а с другой – вводит новое археологическое понимание локализации савроматов, расширяя их территорию обитания до Южного Приуралья, мотивируя это тождественностью археологической культуры, существовавшей на протяжении всей территории от Поволжья до Южного Приуралья. Исследователь отмечает, что “в ней нет почти никаких различий”, и “лишь по наличию каменных блюд на ножках и по некоторым вариантам керамики и наконечников стрел” можно выделить в отдельную область зону “Самара – Оренбург – Орск от зоны Степной – Саратов – Уральск” (Граков, 1947. С. 103). С этого времени в сарматской археологии закрепляется название для памятников кочевников степей Приуралья, Зауралья и Поволжья VI–IV вв. до н.э. – “савроматы” или “савроматская археологическая культура”.

Накопившийся к концу 1950-х годов массовый археологический материал позволил К.Ф. Смирнову опубликовать монографию, в которой была дана не только развернутая характеристика погребального обряда и инвентаря “савроматской” культуры, но и окончательно оформлены представления исследователя по вопросам происхождения, хронологии, территории расселения, общественного строя “савроматов”, частично опубли-

кованные им ранее (1964). К.Ф. Смирнов вслед за Б.Н. Граковым относит памятники Приуралья и Поволжья VI–IV вв. до н.э. к “савроматской” археологической культуре. В пользу объединения памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в одну археологическую культуру К.Ф. Смирнов приводит несколько аргументов: единство культуры, родство языка, генетическая связь кочевого населения двух регионов и их родство с более поздними сарматскими племенами (1964. С. 3, 4, 182–197). В рамках этой археологической культуры К.Ф. Смирнов выделяет намеченные еще Б.Н. Граковым две основные локальные области в два варианта единой “савроматской” культуры – самаро-уральский и доно-поволжский, которые внутренне неоднородны. Как и Б.Н. Граков, К.Ф. Смирнов посчитал возможным ввести расширенное, “археологическое” понимание названия “савроматы”. Однако К.Ф. Смирнов счел необходимым внести уточнение “в утвердившееся в нашей литературе понятие о савроматах”. Исследователь предлагает понимать “савроматов” как союз, группу или конфедерацию племен, “объединенных единой археологической культурой и, вероятно, родством языка”, занимавших степную часть Поволжья и Приуралья. Допустимость подобного толкования этнонима савроматы исследователь объясняет тем, что “иного общего названия для восточных соседей скифов античная литературная традиция не знала вплоть до III–II вв. до н.э.” (Смирнов, 1964. С. 194). По мнению К.Ф. Смирнова, собственно савроматы Геродота занимали значительно более ограниченную территорию – от Дона до низовий р. Урал, с ними он связывает нижеволжский вариант “савроматской” археологической культуры (1964. С. 195). В последующих работах исследователь неоднократно уточняет значение термина “савроматы” для степных кочевников Волго-Уралья, называя его условным: «многочисленные племена Задонья, Поволжья и Южного Приуралья представляли большое единство, и я всех их называю условно “савроматами” VII–IV вв. до н.э.», таким образом, отчасти разделяя савроматов исторических и “савроматскую” археологическую культуру (1977. С. 129, 130; 1984. С. 20). Восточную группу “савроматских” памятников Южного Приуралья К.Ф. Смирнов предположительно относит к исседонам, а южную и юго-западную связывает с дахо-массагетским массивом племен (1984. С. 14–17). Так, уже на этом этапе развития археологической науки подчеркивается условность, относительность названия “савроматы” для всей группы поволжско-уральских кочевых племен VI–IV вв. до н.э.

Однако отсутствие четкости в терминологии привело к тому, что термин “савроматы” вошел в употребление в не совсем верном значении. Это вызвало в свою очередь некоторое недопонимание, отчасти путаницу и критику использования

“археологического” названия “савроматы”. В статье 1971 года Д.А. Мачинский дал подробный анализ античных источников по этнокарте скифского времени. Он пришел к заключению, что «нет никаких оснований отводить всю огромную область, вплоть до зауральских степей, савроматам и приписывать им какие-либо памятники VIII–VII вв. до н.э., а также вводить новое, расширенное “археологическое” понимание названия савроматы, отличное от понимания его античными авторами» (Мачинский, 1971. С. 37). Савроматов Геродота Д.А. Мачинский размещает в степях к востоку и юго-востоку от Дона. Вслед за М.И. Ростовцевым он признает близость названий “меоты” и “савроматы” в античных источниках и предполагает, что “савроматы” было этническим названием, а “меоты” VI–V вв. до н.э. – скорее географическим. Кочевников приуральского региона исследователь отождествляет с исседонами (Мачинский, 1971. С. 33–36).

Л.А. Ельницкий, также много работавший с письменными источниками, размещает савроматов по нижнему течению Танаиса и по восточному берегу Меотиды. Поскольку территориально савроматы частично граничат с меотами, Л.А. Ельницкий полагал, что первый этноним относится к кочевым племенам приазовских и прикубанских степей, а второй является собирательным для ряда местных приморских оседлых племен. Собственно исторических савроматов исследователь помещает к северо-востоку от нижнего течения Дона, а археологические комплексы Поволжья и Приуралья, которые принято называть савроматскими, отождествляет с племенами тиссагетов (Ельницкий, 1977. С. 108).

В.Е. Максименко в своей монографии “Савроматы и сарматы на Нижнем Дону” дает новую трактовку этнической истории Подонья. Допуская, что мифические амазонки – это существовавшие на самом деле киммерийцы, появившиеся в результате походов на прародину у Меотиды и Танаиса, он предполагает, что древнейшей областью (центром) обитания савроматов первоначально были правобережные районы Дона. В.Е. Максименко включает в сферу савроматских древностей памятники степей Нижнего Дона, его дельты и Нижней Волги. Правда, соотносит их с савроматами Диодора – пришельцами, влившимися в уже существовавшее на Нижнем Дону объединение с таким же названием. В целом В.Е. Максименко понимает савроматов как “группу родственных по языку и культуре племен, связанных между собой политическим союзом”, и отмечает близость памятников Нижнего Подонья скифским (1983. С. 123–129).

Несмотря на появление альтернативных мнению Б.Н. Гракова концепций, опора на археологическое толкование этнонима савроматы про-

должается. И хотя исторические савроматы большинством исследователей локализуются на территории междуречья Дона и Волги, термин “савроматы” многие продолжают связывать со всем массивом племен, обитавших в степной зоне восточнее Европейской Скифии до Южного Приуралья и лесостепного Зауралья. В конце 1980-х годов М.Г. Мошкова, чтобы избежать существующей нечеткости в терминологии применительно к сарматским материалам, предлагает “весь отрезок времени существования савромато-сарматских памятников и всю территорию их распространения от Урала до Дуная определять как савромато-сарматскую культурно-историческую общность”. Отмечая при этом, что данная культурно-историческая общность “не была моноэтнична и в состав ее на разных территориях и в разное историческое время входили разные этнические образования при ведущей роли тех или иных групп ираноязычного населения” (Мошкова, 1989. С. 13).

Новый поворот в изучении проблемы происхождения и локализации савроматов, этнической принадлежности памятников Приуралья и Поволжья произошел в начале 1990-х годов в связи с публикацией результатов исследования М.А. Очир-Горяевой. Археологический материал с территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, отсутствие импортных вещей в погребениях Поволжья, а также в целом характер культуры кочевников Поволжья позволили М.А. Очир-Горяевой сделать следующий вывод: “общий облик памятников Нижней Волги вовсе не производит впечатления, что создателями их были те самые известные античным авторам савроматы” (Очир-Горяева, 1993. С. 136). По мнению исследовательницы, “для устранения противоречий с данными письменных источников приходится отказаться от привычных представлений о савроматах как об этнической группе, населявшей нижневолжские и южноприуральские степи” (Очир-Горяева, 1993. С. 138). Отсутствие четкой терминологии и использование исследователями этнически окрашенных терминов при описании археологической “савроматской” культуры привело, по-видимому, М.А. Очир-Горяеву к возможности такого утверждения: никто из специалистов давно не связывал этнических савроматов с Южным Приуральем. Еще К.Ф. Смирнов с савроматами Геродота соотносил только археологические памятники междуречья Дона и Волги. В то же время утверждение о неправомерности идентификации культуры Нижнего Поволжья с савроматами греческих источников представляется достаточно аргументированным (особенно в последующих исследованиях 2000-х годов) и крайне интересным.

Наиболее вероятными претендентами на роль археологического эквивалента этнониму “савроматы” М.А. Очир-Горяева посчитала памятники Нижнего Подонья. Вместо названия савроматская

археологическая культура для культур Нижнего Поволжья и Южного Приуралья М.А. Очир-Горяева предлагает “определять их как культуры или памятники скифского времени Нижнего Поволжья и Приуралья” (Очир-Горяева, 1993. С. 137, 139). Южное Приуралье и Нижнее Поволжье исследовательница рассматривает как районы, принадлежащие двум самостоятельным археологическим культурам и разноэтничному населению. Следует особо отметить, что точка зрения о разноэтничности кочевников VI–IV вв. до н.э. Нижнего Поволжья и Южного Приуралья не нова, она давно утвердилась в научной литературе – об этом писали К.Ф. Смирнов, Д.А. Мачинский, В.П. Шилов, М.Г. Мошкова и др. (Смирнов, 1954; 1964; 1977; 1984; Мачинский, 1971; Шилов, 1975; Мошкова, 1989). Немного позднее, в 1994 г., на основании классификации признаков погребального обряда “с точки зрения их взаимосвязи, взаимозависимости, неоднородности и информативности” Б.Ф. Железчиков посчитал возможным выделить уже три области, имеющие серьезные отличия, – Южное Приуралье, Заволжье и междуречье Волги–Дона (Железчиков, 1994. С. 151).

После выхода работ М.А. Очир-Горяевой в 1994 г. М.Г. Мошкова уже в предисловии к работе, касающейся “савроматской” археологической культуры, специально оговаривает условность термина “савроматы” – “степи Южного Приуралья не были населены савроматами Геродота, но это были, очевидно, родственные савроматскому этносу, однако не тождественные ему кочевые племена”. Савроматам Геродота М.Г. Мошкова отводит место “на Нижнем Дону и, возможно, Нижнем Поволжье” (Мошкова, 1994. С. 7).

В свою очередь Б.Ф. Железчиков, И.В. Сергацков и А.С. Скрипкин более уверенно помещают исторических савроматов на территории Нижнего Поволжья, а заволжские и приуральские погребения связывают с упоминанием Геродота о скифах-отщепенцах, освободившихся из-под ига скифвоцарских и живущих где-то далеко за Танаисом (Железчиков и др., 1995. С. 69). Заостряя внимание на сообщениях античных источников, в которых савроматы связываются со скифами, исследователи отмечают явное сходство “савроматских” памятников Поволжья со скифскими в противовес южноуральским, тяготеющим к Средней Азии и сакам Приуралья. Б.Ф. Железчиков, И.В. Сергацков и А.С. Скрипкин разграничивают понятия “савроматы” и “савроматская археологическая культура”. Савроматов, по их мнению, можно рассматривать “как одно из подразделений скифского объединения, отколовшегося от него после возвращения из ближневосточных походов и осевшего в степях за Танаисом”, а “савроматская” археологическая культура включает все памятники кочевников VI–IV вв. до н.э. с территории от Дона до Южного Зауралья, на которой четко выделяются

два региона – Поволжский и Приуральский (Железчиков и др., 1995. С. 62–69).

М.Н. Погребова и Д.С. Раевский также указывают на сообщения письменных источников о непосредственной связи скифов и савроматов. По мнению исследователей, савроматы – это скифы, вернувшиеся из среднеазиатских походов, смешавшиеся с местным населением и осевшие на территории междуречья Нижнего Дона и Нижней Волги (Погребова, Раевский, 1997. С. 81, 84). Авторы соотносят археологические памятники Нижнего Поволжья с историческими савроматами, а “савроматов” Южного Приуралья называют “условными”.

Равно как исследователи, о которых говорилось выше, Н.В. Мышкин и В.А. Скарбовенко считают, что “идентификация поволжских кочевников VI–IV вв. до н.э. или их какой-то части с савроматами античных источников является общепризнанной”, а кочевников Самарского Заволжья и Южного Приуралья савроматами можно назвать лишь условно (Мышкин, Скарбовенко, 2000. С. 14).

Итак, савроматов как исторически существовавших, занимавших территорию Меотиды-Танаиса, и “савроматов”, представляющих собой некую общность кочевых племен Волго-Уралья VII–IV вв. до н.э., характеризуемых в целом единой материальной культурой, принято дифференцировать с середины 50-х годов XX в. Сейчас как будто все строго разделяют савроматов Геродота и “савроматскую” археологическую культуру. Разногласия существуют только по вопросу определения восточных границ исторических савроматов. Одни исследователи, как М.И. Ростовцев, помещают савроматов более локально по берегам Азовского моря и в степях Нижнего Подонья (Ростовцев, 1925; 2002; Ельницкий, 1977; Очир-Горяева, 1992; 1993), другие отводят им более широкую территорию: междуречье Дона и Волги, а некоторые – и все Нижнее Поволжье, включая территорию Заволжья (Мачинский, 1971; Максименко, 1983; Мошкова, 1994; Железчиков и др., 1995; Мышкин, Скарбовенко, 2000).

Необходимо признать справедливой критику отдельными исследователями сосуществования реальных и археологических древних этнонимов (Мачинский, 1971; Пьянков, 1987. С. 1–3; Очир-Горяева, 1992; 1993; Яблонский, 2006). Хотя к настоящему времени большинство специалистов согласны с тем, что следует отказаться от названия “савроматы” для кочевников Зауралья, Приуралья и Заволжья, однако названием продолжают пользоваться в силу устоявшейся историографической традиции. Наряду с термином “савроматы”, который взят теперь в кавычки, применяются близкие ему по смыслу, такие как кочевники (памятники, археологические комплексы) Приуралья и Поволжья савроматского времени или эпохи, “савроматская” археологическая культура.

Л.Т. Яблонский предлагает пойти еще дальше и совсем отказаться от “условной этнически окрашенной терминологии” ввиду того, что крайне мало объективных точек соприкосновения, по которым можно соотнести археологические комплексы с реальными этносами (2006. С. 73). Обратив внимание на путаницу, связанную с использованием исторических этнонимов “савроматы” и “сарматы”, а также дискуссионность в вопросах хронологии “сарматской культуры”, Л.Т. Яблонский предложил к обсуждению концепцию “культурно-хронологических горизонтов” (2006). В соответствии с идеей исследователя следует отказаться от понятия “археологическая культура”, которое не работает в области кочевниковедения, выделить для памятников кочевников Южного Приуралья ряд культурно-хронологических горизонтов и признать переходные этапы в развитии раннекочевнических культур. Правда, необходимо заметить, что переходные этапы в “савроматской” и сарматской археологических культурах выделялись и ранее, уже в схеме периодизации Б.Н. Гракова. Последний датировал блюменфельдскую ступень VI–IV вв. до н.э., а раннесарматскую – IV–II вв. до н.э., где IV в. является переходным, так как на протяжении этого времени фиксируются признаки как одной, так и другой археологических культур.

В настоящее время вопрос о том, насколько правомерно называть “савроматскими” памятники территории за пределами междуречья Дона и Волги, остается не разрешенным до конца. Один из минусов сохранения подобного положения вещей – существующее в сарматской археологии искажение отдельных черт общественного строя “савроматов”. Как оказалось, решая частные вопросы, связанные с историей “савроматских” племен, исследователи четко не дифференцируют савроматов исторических и археологических, перенося сведения античных источников о первых на вторых, о чем свидетельствует ситуация, сложившаяся в отношении женских погребений степной Евразии VI–IV вв. до н.э.

Благодаря сообщениям античных письменных источников до нас дошли сведения об особом положении женщин у савроматов (о савроматском женовластии – гинекократии). Образ савроматки, созданный древними авторами (они вместе с мужьями и без них ездят верхом, выезжают на охоту, выступают в поход, стреляют из лука и бросают копьё, носят одинаковую одежду с мужчинами, а также девушка не выходит замуж, пока не убьет врага), знаком многим и прочно ассоциируется не только с савроматами письменных источников, но и со всей “савроматской” археологической культурой.

В 1947 г. Б.Н. Граков в статье “Пережитки матриархата у сарматов” на основании археологического материала и данных письменных источников

обосновывает положение о существовании единой археологической культуры на территории “от Аткарска до г. Степного и Яшкюля, между Волгой и Доном, до Эмбы на восток и отсюда на север до Бузулука и до Магнитогорска и Орска”, соответствующей историческим савроматам (Граков, 1947. С. 103). Для подтверждения своей точки зрения в данной работе Б.Н. Граков ставит цель “показать, что археологически может быть прослежено наличие пережитков матриархального рода у савроматов-сарматов” территории Поволжья-Приуралья (1947. С. 106). Сопоставив сведения античных источников и археологический материал, накопленный к тому времени, Б.Н. Граков приходит к заключению, что в погребальном обряде памятников Поволжья и Приуралья нашлись подтверждения письменным источникам. Исследователь выделяет несколько признаков, которые согласуются с данными античных историков, могут являться доказательством наличия гинекократии или пережитков матриархата и позволяют тем самым соотнести исторических савроматов с археологическими комплексами Поволжья и Приуралья. Это центральное место женского погребения в кургане, вокруг которого группируются остальные захоронения, предметы вооружения и предметы культа в женских погребениях. Необходимо отметить, что Б.Н. Граков делает выводы о соответствии погребального обряда кочевников письменным источникам в основном на материале археологических комплексов Приуралья, отмечая особо, что “значительно труднее отделить женские погребения блюменфельдской культуры с особенностями ритуала и инвентаря в интересном для нашей темы смысле в Нижнем Поволжье”. И даже – “в Нижнем Поволжье возможность проследить особые обычаи в некоторых женских погребениях почти неуловима, да и уловимая часто едва заметна” (Граков, 1947. С. 117, 118).

Выделение Б.Н. Граковым отдельной археологической культуры, не идентичной скифской, основывалось не столько на реальности особого статуса женщин, сколько на специфике всего археологического материала: особенностях погребального обряда, инвентаря. После выхода статьи дальнейшее изучение “савроматских” и сарматских памятников пошло по линии разработок отдельных этапов их истории и конкретных проблем внутри каждого из периодов, выделенных ученым. Недостаточная убедительность отдельных аргументов Б.Н. Гракова относительно существования особого положения женщины у кочевников Приуралья и Поволжья не была замечена другими исследователями. Как известно, обширную дискуссию вызывал лишь поднятый Б.Н. Граковым вопрос о сарматской гинекократии, в чертах которой автор увидел пережитки матриархата. Часть исследователей поддержали его идею (Синицын, 1960. С. 158; Виноградов, 1963. С. 96; Смирнов К.Ф.,

1964. С. 200–211; Толстов, 1948. С. 325–331), другие выступили против (Шилов, 1959. С. 430–432; Берхин-Засецкая, Маловицкая, 1965. С. 143, 153; Смирнов А.П., 1971. С. 188–191). На саму дискуссию отрицательным образом повлияло несколько моментов. Во-первых, терминологическая неопределенность, которая выражалась в использовании неэквивалентных по содержанию терминов в одном значении. И во-вторых, исследователи практически не учитывали современные точки зрения специалистов по первобытной истории на проблему матриархата.

Ко времени выхода статьи Б.Н. Гракова исследователи еще в полной мере придерживались официального ортодоксального взгляда на проблему матриархата. В соответствии с принятой в то время периодизацией первобытной истории в качестве основных периодов выделялись три стадии: а) первобытное стадо; б) первобытная (клановая, родовая) община; в) военная демократия. В этой схеме период матриархата, являясь универсальным этапом развития человечества, соответствовал второй стадии, а период патриархата – третьей. В соответствии с современным ему уровнем развития науки Б.Н. Граков, пытаясь определить место гинекократии и трактовать данный феномен, опираясь на последние разработки этнографов, специалистов в области истории древнего мира, назвал ее проявления пережитками матриархата. Но использование ученым различных терминов для обозначения одного по сути явления сделало его позицию не вполне последовательной и ясной для других исследователей, на что обратил внимание А.М. Хазанов. Статья Б.Н. Гракова называется “Пережитки матриархата...”, в тексте он пишет о пережитках материнского рода, далее о том, что “счет родства явно шел по материнской линии” и что “вполне материнский род здесь явно налицо” (Граков, 1947. С. 106, 119). Это и послужило ключевым поводом для дискуссии. Основным предметом обсуждения стал вопрос – допустимо ли называть матриархатом или его пережитками черты общественного устройства, свойственные савроматам. В главном же, в одном из основных тезисов, выдвинутых в статье, – об особой роли женщины в обществе кочевников Приуралья и Поволжья, – Б.Н. Граков был поддержан всеми учеными.

В 1970-е годы с выходом статьи А.М. Хазанова дискуссия о матриархате у “савроматов” получила окончательное завершение. Опираясь на анализ не только археологических и письменных источников, но и на сложившиеся к тому времени представления в этнографии и истории первобытного общества, А.М. Хазанов заключил, что недопустимо говорить ни о матриархате, ни о его пережитках у “савроматов”, а единственно – о бытовании материнского рода на поздней ступени его развития (1970). А.М. Хазанов, как и другие исследователи, не поставил под сомнение основные положения

ния концепции Б.Н. Гракова и поддержал тезис об исключительности роли женщины у “савроматов”. Отчасти, возможно, потому, что А.М. Хазанов не ставил своей задачей критическое осмысление проблемы об особом положении женщины в обществе, а намеревался разобраться только с путаницей в терминологии, подвести итог дискуссии о матриархате.

По мере решения проблем, связанных с вопросом матриархата, исследователями был упрочен образ женщины ранних кочевников Евразийских степей, основные черты которого были намечены Б.Н. Граковым. Женщина кочевников территории Поволжья и Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. была представлена как воительница и жрица, активно участвующая в общественной жизни. Сложилась парадоксальная ситуация, когда, с одной стороны, исследователи начиная с 1960-х годов четко дифференцируют исторических савроматов и “савроматскую” археологическую культуру, а с другой – сведения античных источников о савроматском женовластии продолжают переносить на всю археологическую культуру, не разделяя ее на локальные варианты и, таким образом, на все нетождественные савроматам кочевые племена, обитавшие в Южном Приуралье. Причины такого положения вещей, возможно, кроются в следующем. Несмотря на признание существования двух локальных вариантов “савроматской” археологической культуры с индивидуальными особенностями каждого, культура считалась единой или близкой, и потому черты погребального обряда, характеризующие положение женщины в обществе, одного региона прочно связывались с другим. Кроме того, этому способствовала утвердившаяся историографическая традиция, берущая начало со статьи Б.Н. Гракова “Пережитки матриархата у сарматов”, основные положения которой, касающиеся вопроса особого положения женщины кочевников региона Дон–Приуралье, никем специально не пересматривались вплоть до 90-х годов XX в. Между тем сам Б.Н. Граков отмечал, что многие погребения савроматского времени Поволжья сильно ограблены, и в целом беднее по сравнению с погребениями Южного Приуралья, откуда происходит большинство богатых, элитарных “савроматских” комплексов. В силу этого основанием для утверждения особенности положения женщины кочевников раннего железного века территории от Дона до Южного Приуралья послужили комплексы Приуралья, что, несомненно, в настоящее время недопустимо.

Первой на несоответствие традиционным представлениям о женщине “савроматской” археологической культуры действительности обратила внимание Т.В. Мирошина. Не принимая априори данные, приводимые другими исследователями, и оспорив выделенные ими признаки особого положения, Т.В. Мирошина в своей статье, вышедшей

в 1990 г., сумела наглядно продемонстрировать несостоятельность сделанных ранее выводов об особенностях женской роли в обществе “савроматских” кочевников. В результате проделанной работы исследовательница пришла к заключению, что на самом деле существование у “савроматов” жриц не подтверждается археологически, количество вооруженных женщин у них такое же, как у скифов и саков, что не соответствует письменным источникам и не может говорить об исключительности женской роли у кочевников Приуралья и Поволжья, а лишь о возможном равноправии женщин и мужчин (Мирошина, 1990). Несмотря на некоторые неточности и категоричность выводов, Т.В. Мирошиной удалось сделать ряд любопытных наблюдений. Исследовательница обратила внимание, что большая часть женских “савроматских” погребений с оружием и уздой найдена в Приуралье, в Поволжье их гораздо меньше, а если обратиться к погребениям, для которых были выполнены антропологические определения, то нельзя выделить ни одного женского погребения с оружием. Относительно женских погребений с территории, по словам Т.В. Мирошиной, “истинных савроматов”, т.е. территории Подонья, “мы видим, что процент женских погребений с оружием у савроматов стабильный... но все они относятся ко времени позже Геродота” (Мирошина, 1990. С. 168, 169). Т.В. Мирошина отметила также, что у племен савроматского времени 14,5% погребений Южного Приуралья содержат каменные “алтарики” (традиционно связываемые с обрядовыми культами и жрицами их осуществлявшими), тогда как в Поволжье “найден только 1 экземпляр такого блюда, а у савроматов Подонья только одно происходит из женского погребения” (1990. С. 172). Следует отметить, что одно из существенных недостатков исследования Т.В. Мирошиной – это ограниченное привлечение данных антропологии и соответственно неточность отдельных выводов.

Свои сомнения относительно особенности женской роли в обществе “савроматских” кочевников высказали и итальянские ученые М. Бернабей, Л. Бондиоли и А. Гуиди (Бернабей и др., 1994). Проанализировав более 500 археологических комплексов Волго-Уралья, исследователи пришли к следующим результатам: 1) следует подвергнуть критическому пересмотру матрилинейность общества “савроматов” и отдать предпочтение гипотезе о преобладании патрилинейной системы; 2) “присутствие настоящего вооружения в женских погребениях редко и может рассматриваться как ошибка или экстраординарный случай, далекий от закономерности”; 3) наконечники стрел «не рассматривались социально как “настоящее” оружие», а их наличие в женских погребениях является свидетельством социального статуса погребенной. Однако выводы итальянских ученых несколько не поколебали представлений российских

исследователей о женщине “савроматской” культуры как о воительнице. Возможно, отчасти, потому, что итальянские исследователи не совсем верно были поняты: называя наконечники стрел “ненастоящим оружием”, они не отрицали их боевое значение, а хотели подчеркнуть сакральность функции, которую выполняли одиночные стрелы в погребении.

К схожим результатам пришел В.Н. Мышкин. Поставив перед собой задачу очертить круг вещей, составлявших у кочевников Самаро-Уральского региона мужской воинский инвентарь, он выделяет две группы предметов, одну из которых соотносит с мужскими погребениями, другую – с женскими. Оба набора вещей по своему составу в основном совпадают с теми комплексами предметов, которые были выделены в свое время М.А. Очир-Горяевой для всей территории Волго-Уралья как инвентарь мужских и женских захоронений (1988). Однако выводы, сделанные исследовательницей, не были подкреплены данными антропологии, тогда как В.Н. Мышкин подтверждает результаты своего исследования на основании выборки из 54 половозрастных определений. Исходя из общего анализа данных, исследователь делает вывод – “обрядовые нормы кочевников Самаро-Уральского региона не фиксировали какую-либо роль женщины в военной деятельности” (Мышкин, 2001. С. 145, 146, 149).

Автором данной статьи в свое время была сделана попытка дифференцировать женские и мужские комплексы савроматского времени территории Приуралья и Поволжья, опираясь на материалы погребений, для которых были выполнены половозрастные определения (Стрижак, 2006). Предпринятый анализ имеющихся данных позволил выделить два набора предметов, которые четко разделились в соответствии с полом и были условно названы “мужским” и “женским”. Оба набора в целом схожи с полученными ранее в работах М.А. Очир-Горяевой и В.Н. Мышкиным, что стало веским доводом в пользу верности выводов отдельных исследователей об отсутствии женщин-воительниц в “савроматской” культуре Нижнего Поволжья и Приуралья (Очир-Горяева, 1988; Мышкин, 2001). И хотя воинственность женщин кочевников Евразии – это лишь один из признаков, позволивших соотнести савроматов Геродота и “савроматскую” археологическую культуру, для многих именно он составил ту характерную особенность, которая объединила савроматов исторических и археологических. Для окончательного решения этого вопроса необходимо тщательное исследование комплексов савроматского времени более узкой территории – междуречья Дона и Волги. Между тем не только отсутствие воинских предметов в женских погребениях кочевников Поволжья и Приуралья, но и общий анализ обрядовых норм кочевников этого региона, а также ре-

зультаты работ некоторых исследователей заставляют усомниться в возможности проводить параллели между историческими савроматами и “савроматами” всей территории Поволжья.

Резюмируя изложенное выше, можно утверждать, что “савроматов” Геродота, занимавших территорию к востоку и юго-востоку от Дона, и “савроматскую” археологическую культуру, включающую все памятники кочевников VI–IV вв. до н.э. с территории от Нижнего Дона до Зауралья, дифференцируют с 60-х годов XX в. Однако, несмотря на признание условности термина “савроматы” для кочевников Заволжья, Приуралья и Зауралья VI–IV вв., отсутствие четкости в формулировках приводит зачастую к искажению смысла выводов, изложенных теми или иными авторами, и даже отдельных черт общественного строя, истории “савроматов”. Неизбежно предстоит найти оптимальные способы решения чрезвычайно актуальной на сегодняшний день савроматской задачи. Синтезируя современный опыт близких наук, необходимо упорядочить терминологию и дать окончательную оценку савроматскому вопросу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернабей М., Бондиоли Л., Гуиди А.* Социальная структура кочевников савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). М., 1994.
- Берхин-Засецкая И.П., Маловицкая И.Я.* Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. 1965. № 3.
- Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
- Геродот.* История. М., 2004.
- Граков Б.Н.* Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Кызыл-Орда, 1930.
- Граков Б.Н.* Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3.
- Ельницкий Л.А.* Скифия Евразийских степей. Новосибирск, 1977.
- Железчиков Б.Ф.* Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). М., 1994.
- Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С.* Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам. Волгоград, 1995.
- Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-н/Д., 1983.
- Мачинский Д.А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13.
- Мирошина Т.В.* Амазонки у сарматов и проблемы матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990.

- Мошкова М.Г.* Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности // Научн. докл. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989.
- Мошкова М.Г.* Предисловие // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.). М., 1994.
- Мышкин В.Н.* Воинский инвентарь в “савроматских” погребениях Самаро-Уральского региона // Матер. по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.* Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.
- Очир-Горяева М.А.* Савроматская культура Нижнего Поволжья VI–IV вв. до н.э. // Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Очир-Горяева М.А.* Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии // РА. 1992. № 2.
- Очир-Горяева М.А.* Савроматы Геродота // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Савроматы и скифы // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997.
- Пьянков И.В.* Скифы и сарматы: реальные и “археологические” // Проблемы археологии степной Евразии. Тез. докл. Ч. II. Кемерово, 1987.
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. № 37. Петроград, 1918.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Ростовцев М.И.* Эллинизация и иранство на юге России. М., 2002.
- Рыков П.С.* Археологические работы в среднем и Нижнем Поволжье с 1917 по 1932 год // Изв. Нижне-Волжского ин-та краеведения им. М. Горького. Т. V. Саратов, 1932.
- Рыков П.С.* Археологические раскопки курганов в урочище “Три Брата” в Калмыцкой области, произведенные в 1933–1934 гг. // СА. 1936. № 1.
- Синицын И.В.* Древнейшие памятники в низовьях Еруслана // МИА. 1960. № 78.
- Смирнов А.П.* К вопросу о матриархате у сарматов // Проблемы сарматской археологии. М., 1971.
- Смирнов К.Ф.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в савроматской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Стрижак М.С.* К вопросу о дифференцировании женских и мужских комплексов в “савроматской” культуре на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград, 2006.
- Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Хазанов А.М.* Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. № 2.
- Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. Т. 1. № 60.
- Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М., 1975.
- Яблонский Л.Т.* Культуры ранних кочевников Южного Приуралья: проблемы терминологии, хронологии и типологизации // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Мат. III Регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2006.
- Rau P.* Die Graber der fruhen Eisenzeit im unteren Volga gebiet Studien zur Chronologie skythischen Pfeilspitze. Pskov, 1929.

Correlation between the historical Sauromatians and the “Sauromatian” archeological culture: to the historiography of the issue

M. S. Strijak

Summary

Of late, there has been a revival of interest in the correlation between historical ethnonyms and specific archeological cultures. The article presents a brief historiographic overview of the issue of correlating the historical and the archeological Sarmatians. Even though the “Sauromatian” in Sauromatian archeological culture is a provisional term, the terminological inconsistencies arising with reference to “Sauromatian” and Sarmatian materials lead to certain misunderstanding, sometimes confusion, and cause the usage of the archeological name “Sauromatians” to be criticized. Since the validity of applying the term “Sauromatian” to sites outside the territory of the Don–Volga interfluvium area is still disputed, certain aspects of “Sauromatian” social structure also become distorted. It turned out that researchers, when solving specific issues pertaining to the history of “Sauromatian” tribes, do not always clearly differentiate between the historical and the archeological Sauromatians and interpret ancient data about the former as applying to the latter. This can be illustrated by the situation with 6th–4th cc. BC women’s burials in steppe Eurasia. Hence it appears necessary to finalize the terminology and to arrive at clear-cut definitions pertaining to the Sarmatian issue.

ГЛАЗЧАТЫЕ БУСЫ

© 2008 г. О. Н. Мошеева

г. Москва

Для многих памятников археологических культур характерны находки глазчатых бус, по терминологии англоязычной литературы – бусы глаза – “eye beads” (Andrews, 1990; Dubin, 1987. P. 307–312 и др.). Глазчатые бусы (рис. 1; 2) – общий тип бус, который имеет рисунок в форме глаза: сочетание пятна и окружности (окружностей) вокруг него. В своде “Античные бусы Северного Причерноморья” Е.М. Алексеева проводит разделение орнаментов на пятнистые и глазчатые и выделяет простые и сложные глазки в зависимости от количества колец в глазке вокруг центра (Алексеева, 1975. С. 15, 50, 51. Рис. 3.1а, б).

В англоязычной литературе под глазчатым орнаментом понимаются украшения с комбинациями пятен на контрастном фоне, а также сочетания пятен с полосами, квадратами, спиральями и другими мотивами (Spraeg, 2001. P. 77).

Происхождение глазчатых бус тесно связано с представлениями древнего человека об окружающем его мире на основе зрительных контактов с тем или иным явлением либо существом. Последствия такого контакта могут быть нежелательными и принести вред самому человеку или его окружению. Вера в “дурной” глаз, в его возможности вызывать болезни и отрицательные эмоции у других людей есть практически во всех культурах, начиная с самых древних. Наиболее ранние упоминания о нем найдены в клинописных текстах шумеров, вавилонян и ассирийцев, т.е. около пяти тысячелетий назад.

Идеология “дурного” глаза сложна. В мире животных прямой взгляд является сигналом к нападению или выражением угрозы противнику. У человека многие привычки животных остались на уровне условных рефлексов и, вероятно, поэтому прямой взгляд, власть глаз вообще расценивается как вредное действие. В общем смысле концепция “дурного глаза” может быть расценена как символизация опасности и неприятностей, перед которыми мы все стоим.

У многих народов мира глаз стал мифологическим символом, обладающим магической силой, благодаря которой герой или божество может, оставаясь невидимым другим, видеть все вокруг. Это и тысячеглазый Аргос в греческой мифологии, и Митра, чей “мириад очей бессонных, не-

успшных” следят за “лжецами, нарушившими слово” (Авеста, 1990. С. 56, 73).

Мифологические представления о магической силе взгляда, дурном глазе и смертоносном взгляде находят развитие в фольклоре (в заговорах от сглаза, дурного глаза) (Иванов, 1997. С. 306, 307). Человеческие глаза, выражающие чувства зависти и ревности их хозяина, рассматривались как способные причинять вред, и поэтому необходимо, чтобы это действие было предотвращено. Но все же пристальный взгляд некоторых богов считался благоприятным, например Гора в додинастическом Египте (Шеркова, 1996) или златоглазого Хаомы, который обладает лучистым и целебным взглядом (Авеста, 1990. С. 75).

Изображения глаз часто встречаются на амулетах. Их рисовали на зданиях или могилах, чтобы противодействовать сглазу. Самые древние письменные упоминания о “злом глазе” есть на глиняных табличках Шумера, датируемых III тыс. до н.э. (Dubin, 1987. P. 307).

В различные периоды бусы украшали разные части тела, но всегда это были голова (вышивка или подвески на головных уборах), шея, грудь, руки (кисти) или ноги, т.е. защищали открытые участки тела, “вход” в него. У сарматов Нижнего Поволжья глазчатые бусы распределялись следующим образом: шея – 22%, грудь – 10,8; голени, щиколотки, стопы – 42,1; руки – 13,9 (рис. 3). Юрий Лесман считает, что женщины украшали себя бусами в зависимости от моды (1996).

В чем же основные причины ношения бус? Некоторые психиатры считают, что человек украшает себя бусами из чувства безопасности, связанной с глазами и внешним видом. Джон Моуат Эриксон, автор “Универсальной Бусины”, выдвинула свою гипотезу. По ее мнению, глаза могут быть основным ключом к пониманию влияния округлых бус на человека. Это глаза, связывающие мать и ребенка прежде, чем разовьется речь, и встреча глаз служит как бы дополнением к речи всякий раз, когда язык терпит неудачу. Мы начинаем жизнь с этого соотношения глаз; когда мы видим, мы защищены, мы чувствуем себя в безопасности. Глаза сверкают, подобно бусинам, и, подобно бусинам, окрашены в синий, зеленый, серый, коричневый и золотой цвета (Dubin, 1987. P. 19).

Рис. 1. Глазчатые стеклянные бусы из сарматских погребений IV в. до н.э. – IV в. н.э. Нижнего Поволжья (см. цветную вклейку № 1).

Во многих культурах глазчатые бусы носили для того, чтобы отклонить “дурной” глаз или нейтрализовать его воздействие. Глазчатые бусы стали “глазами, которые могут видеть во всех направлениях” (Erikson, 1969) и, таким образом, служили защитными амулетами против сглаза.

С другой стороны, психиатр Роберт Бронс полагает, что контакт, а не вид является первичным смыслом для младенца. Он говорит, что страсть к бусам может быть связана с тоской по осязательным удовольствиям, связанным с кормлением грудью и соской. Действительно, принимаем мы его

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА № 1 К СТ. МОШЕЕВОЙ

Рис. 1

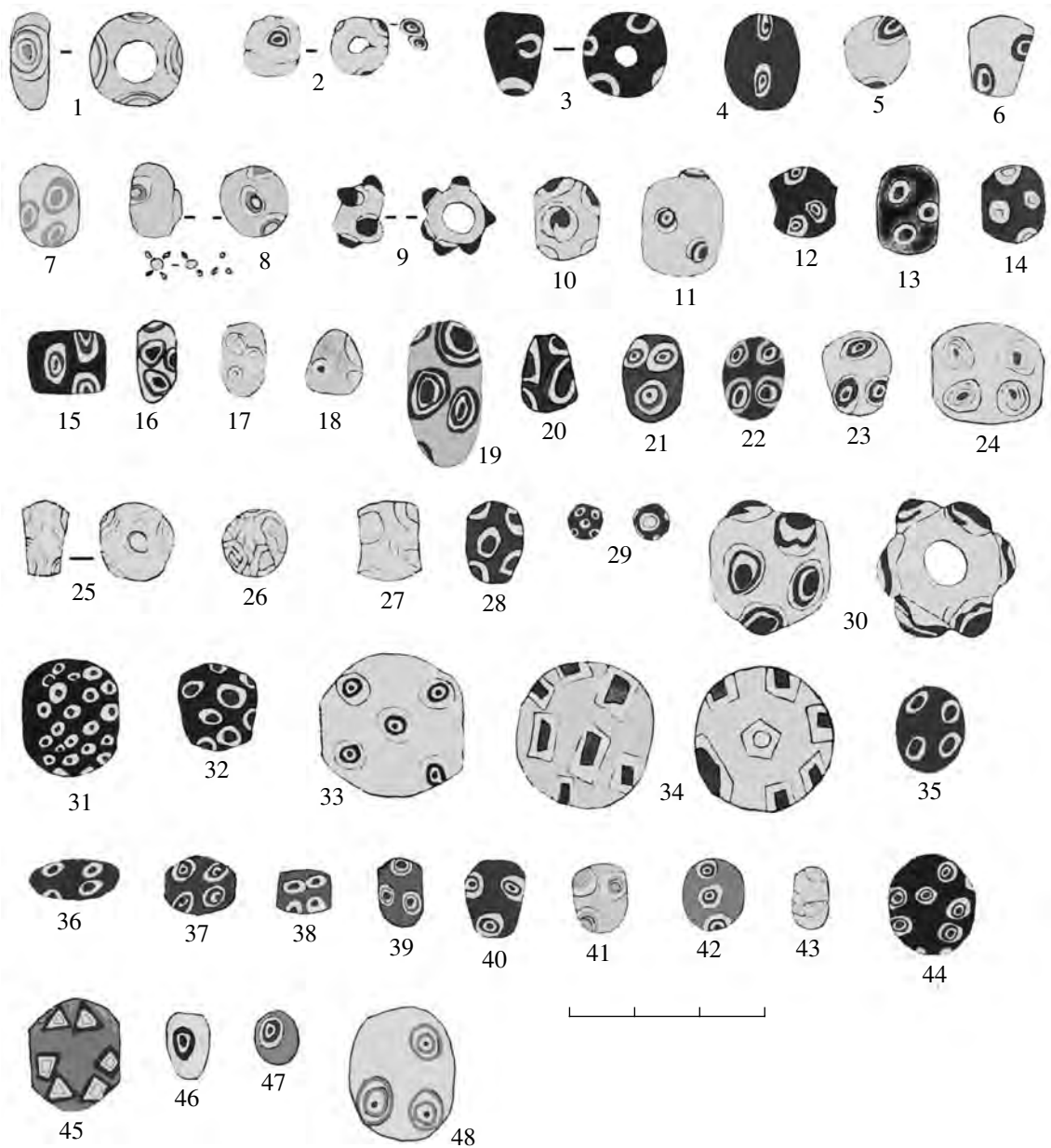

Рис. 2. Глазчатые стеклянные бусы из сарматских погребений IV в. до н.э. – IV в. н.э. Нижнего Поволжья (см. цветную вклейку № 2).

аргументы или нет, власть бус такова что, должно быть нечто скрытое в них, означающее необходимое для всех нас.

Археологические находки так называемых “Богинь Глаза” позволяют выдвинуть концепции взаимосвязи глаз и защитной магии бус, развитой в Малой Азии. Рядом с поселением Телль-Брак в Восточной Сирии найдено изображение богини (III тыс. до н.э.) с большими, открытыми глазами, подчеркнутыми грудями и выделенным ожерельем. Покровительственные, материнские глаза, возможно, имеют значение главного источника защиты и связи дитя–мать. Грудь – условие удовле-

творения голода молоком, а шейное ожерелье символизирует защитную силу глазчатых бус, охраняющую младенца в моменты, когда глаза матери временно отведены (Dubin, 1987. P. 308).

Степень популярности глазчатых бус в древности огромна (рис. 4). Бусы с выгравированным глазчатым орнаментом из отшлифованного агата и сердолика известны в комплексах Шумера, Месопотамии и долины Инда. Многогранные бусины с глазами-точками на каждой стороне находят в погребениях Лоталя и Калибангана (Индия) (Dikshit, 1949). Амулеты в виде глаза Гора – бусы “*udjat*” – широко использовались в древнем Египте

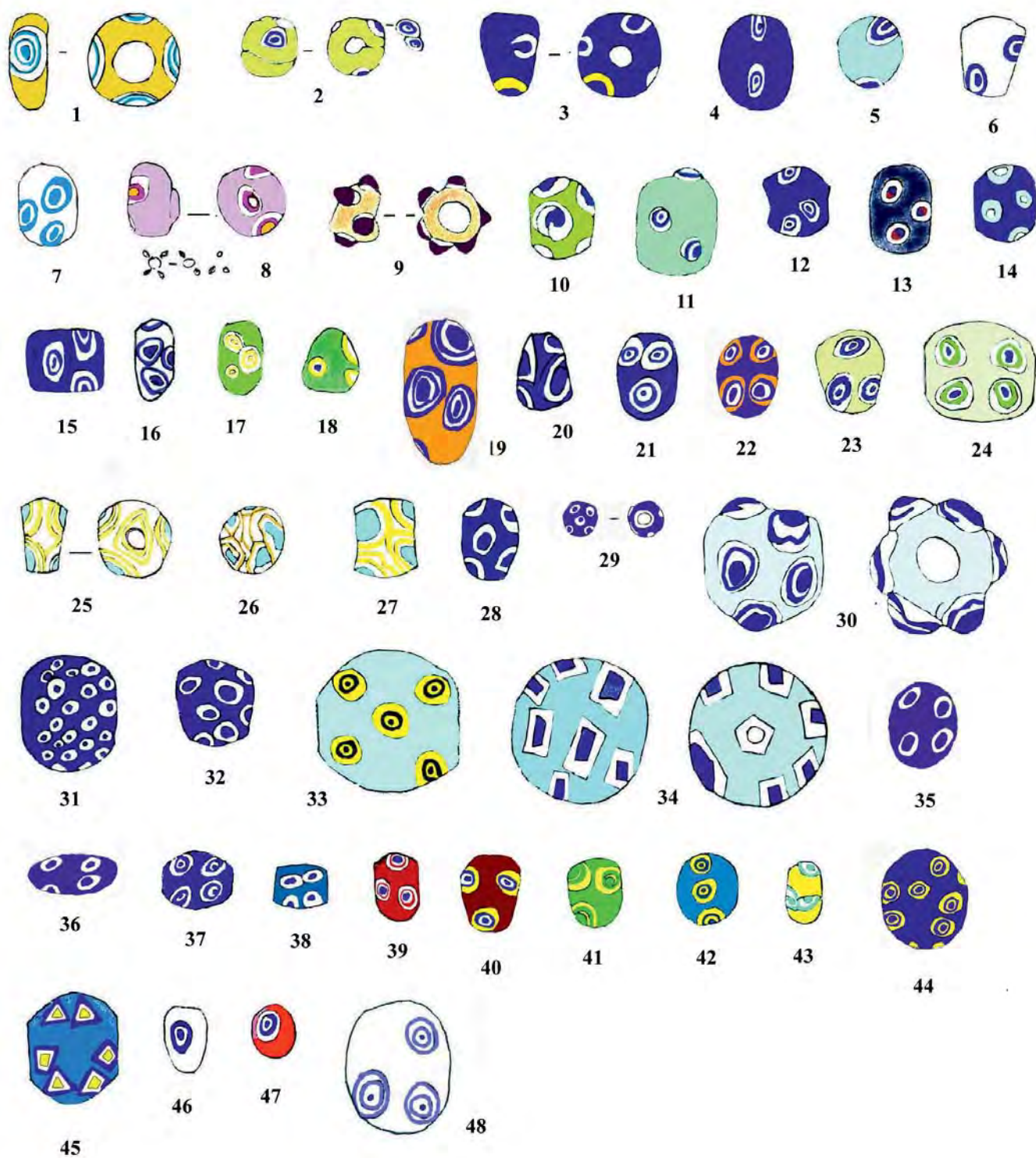

Рис. 2

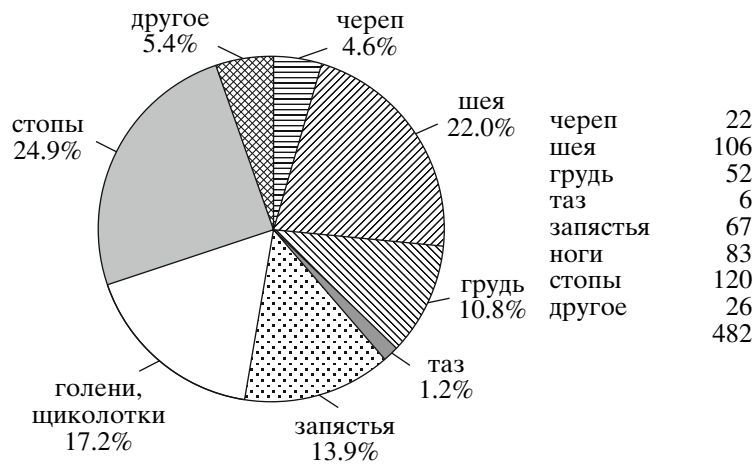

Рис. 3. Локализация глазчатых бус у сарматов Нижнего Поволжья IV в. до н.э. – IV в. н.э.

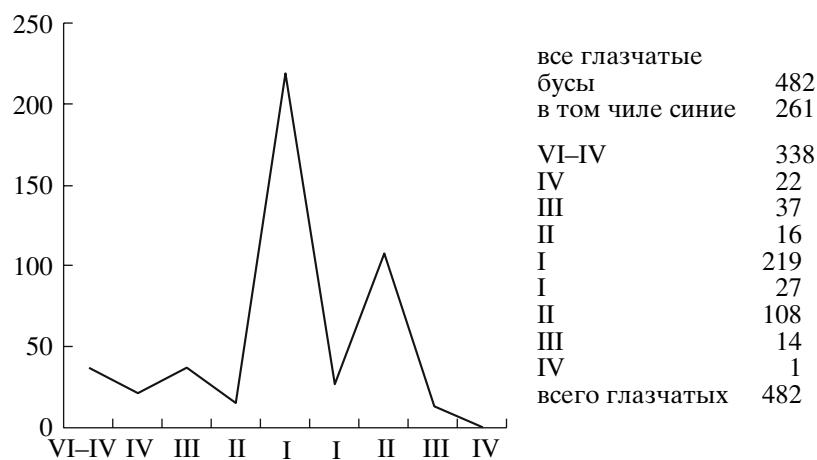

Рис. 4. Распределение глазчатых бус Нижнего Поволжья во времени.

при V–XII династиях (2494–1786 гг. до н.э.). Огромные количества *udjat*, найденных в египетских погребениях, указывают на то, что они имели большое значение в жизни древних египтян (Andrews, 1990. P. 146. Fig. 128, 181; Petrie, 1884–1885; 1888). Е.М. Алексеева, всесторонне изучив стеклянные бусы Северного Причерноморья, приходит к выводу, что глазчатый орнамент был наиболее распространенным декоративным мотивом в украшении бус в данном регионе в античное время (1978. С. 51).

В погребениях сарматской культуры Нижнего Поволжья IV в. до н.э. – III в. н.э. глазчатые бусы встречаются достаточно часто (рис. 5). Для их описания и последующего определения использована классификация Е.М. Алексеевой (1975). Типы, которым не найдены аналогии в Своде северопричерноморских украшений, обозначены как “Новый тип” (см. Приложение).

По археологическим и этнографическим данным чаще всего глазчатые бусы носили молодые

женщины и дети. Например, в Нижнем Поволжье это в большинстве случаев были синие или голубые, округлые или цилиндрические стеклянные бусы с глазчатым орнаментом. В позднесарматской культуре количество глазчатых бус в детских погребениях доходит до 13% от общей массы бус этого периода. По данным Л.С. Ильюкова и М.В. Власкина, достаточно редкие находки бус в мужских погребениях последних веков до н.э. – первых веков н.э. междуречья Сала и Маныча (11% могил) содержали крупные глазчатые бусы синего или голубого цвета. Вероятно, это были подвески-амулеты к оружию (Ильюков, Власкин, 1992. С. 219). В средневековых памятниках, например Селитренном городище (Астраханская обл.), общее количество найденных глазчатых бус могло доходить до 33.9%. В это время преобладающими становятся украшения бирюзового цвета, что является особенностью традиций Востока (Галкин, 1982. С. 217; Ал-Бируни, 1963. С. 158; Васильева, 1986).

В 1972 г. в США прошла конференция, где обсуждались исторические и современные концепции веры в “дурной” глаз и исследования взаимоотношений культур. Была высказана идея, что вера в “дурной глаз” зародилась в Западной Азии или Индии и потом диффузно распространялась от культуры к культуре. Греческая исследовательница Тереза Митсопулу предполагает, что идея глазчатых бус сформировалась как подражание “очкам” кобры-нага. Защитница-змея ела крыс, распространявших болезни, которые угрожали человечеству истреблением. Две “точки”, которые кобра имеет на капюшоне, и которые напоминают глаза, сливаются с символическими представлениями о змеях (круги, спирали, волнистые линии, меандры и т.д.), предлагая идеальную защиту, т.е. глазчатые бусы – это символ змеи (очки кобры) – лучшая защита против Зла (Mitsopoulou, 2001).

Некоторые проявления этой веры, вероятно, развивались независимо в южной части Тихого океана и в обеих Америках. Интересно, что концепция “дурного глаза” появилась сначала в среде пастухов, которые одомашнивали животных и боролись за землю и средства к существованию с оседлыми земледельцами и своими соседями – обитателями, типичные для Малой Азии и средиземноморского региона начиная с неолита. По контрасту, менее развитые общества охотников-собираателей, кажется, не придают особого значения специфике защитного глаза (Dubin, 1987. P. 308).

Историческое распределение глазчатых бус, казалось бы, поддерживает это наблюдение. Самые ранние и самые большие наборы глазчатых бус появляются в Западной Азии, Индии и Египте и относятся ко второй половине XV – первой половине XIV в. до н.э. (Sraeg, 2001). В середине I тыс. до н.э. они появляются в Европе и в некоторых местностях в пределах Китая, возможно, отражая ранние западные влияния, хотя в китайском языке имеются близкие ассоциации между словами “зрачок” и “бусина”. Кстати, китайское слово “*biliu (li)*” – одно из трех, обозначающих стекло, – переводится как синее стекло (Mitsopoulou, 2001). Неудивительно, что существует визуальное подобие между округлыми, светлыми человеческими глазами и большинством стеклянных бусин. Многие формы стеклянных глазчатых бус производились в течение длительных периодов времени с небольшими стилистическими вариациями.

В 1916 г. Густав Айзен опубликовал труд, который до сих пор является классической работой по изучению стеклянных украшений (Eisen, 1916). Он разделил стеклянные глазчатые бусы на три основные категории, которые основаны на методах, используемых для производства глазков: простой глазок, сложный слоистый и мозаичные глазки.

Бусы, испещренные глазками, были самым ранним типом, изготовлявшимся в большинстве

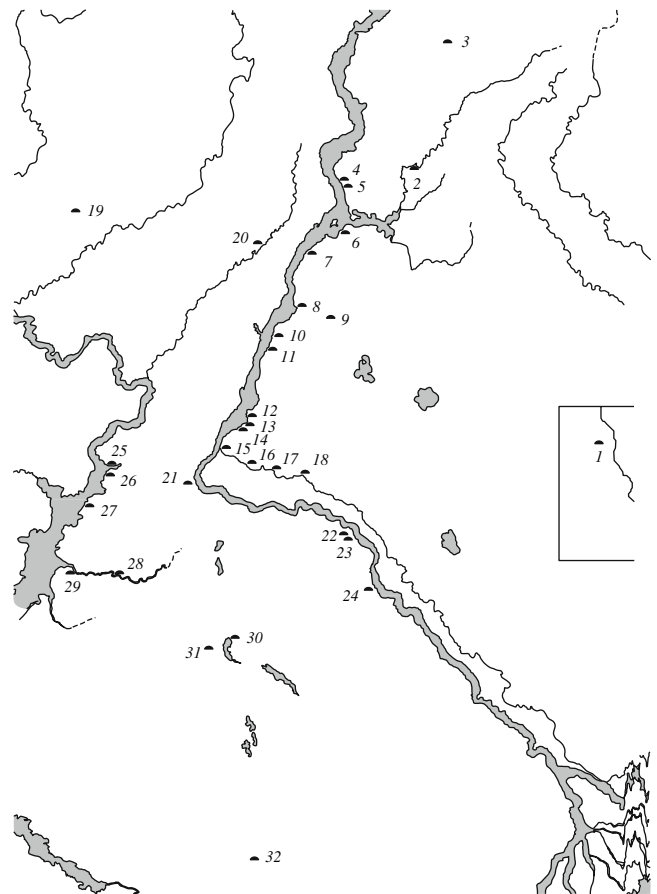

Рис. 5. Карта сарматских погребений IV в. до н.э. – IV в. н.э. Нижнего Поволжья с глазчатыми стеклянными бусами. На врезке – курганный могильник Калмыково, раскопки 1952 г. 1 – Калмыково, правый берег Урала; 2 – Лятошинка; 3 – Новолиповка; 4 – Белокаменка; 5 – Богодушанский ерик; 6 – Бережновский; 7 – Политотдельское; 8 – Рыбный; 9 – Быково; 10 – Верхний Бальклей; 11 – х. Степана Разина; 12 – Рахинка; 13 – Верхнепогромный; 14 – Калининский; 15 – Волжский; 16 – Заплавное; 17 – Ленинск; 18 – Колобовка; 19 – Сидоры; 20 – Барановка; 21 – Химкомбинат “А”; 22 – Старица; 23 – Кривая Лука; 24 – Солёное Займище; 25 – Ильевка; 26 – Колпачки; 27 – Первомайский; 28 – Октябрьский; 29 – Аксеновский; 30 – Ханата; 31 – Аршань Зельмень; 32 – КВЧ 37/38.

регионов. Они появляются в Египте периода Нового Царства в виде стеклянных капелек или колец, нанесенных на ядро бус (XVIII–XIX династии, 1567–1200 гг. до н.э.). Инкрустация не всегда хорошо держалась на ядре, и многие глазки выпадали.

В настоящее время выделено несколько технологических приемов изготовления глазков: простые накладные, сложные накладные, спаянно-накладные, сложно-спаянные и их различные комбинации.

В сарматских погребениях Нижнего Поволжья V в. до н.э. – III в. н.э. самыми распространенными являются находки бус с накладным орнаментом: простым (И01), слоисто-накладным (И02) и спаян-

но-накладным (И05) (Алексеева, 1978. С. 51). Наиболее распространена схема изготовления слоисто-накладных глазков (И02). В погребениях сарматской культуры Нижней Волги бусы, изготовленные этим способом, составляют 39%. Орнамент на них состоит из капель-дисков, помещенных на ядро в виде пирамидки. Бусина была основой для готового конуса с внешним краем каждого нанесенного слоя, что давало появление ряда колец. Такие глазки обычно выпуклые, иногда до 3 мм высотой, но встречаются и плоские; вероятно, стекло пресовалось в то время, когда ядро было еще мягким (рис. 1, 29, 36). В некоторых случаях многослойные глазки изготавливались отдельно и после крепились на ядре. Со временем глазки расслаивались и выпадали из своих гнезд. Наибольшим разнообразием приемов при изготовлении орнаментов отличаются экземпляры с тремя глазками (49% от общего числа бус) (рис. 1, 20–35).

Глазки из мозаичного прутика появились в V в. до н.э., но они не были особо популярны до II в. до н.э., когда начался процесс замены слоистых глазков, закончившийся только к концу римского периода. Сложно-щитковые глазки являются отрезками стеклянных прутиков со слоисто-кольчатым поперечным сечением, которые делались из стеклянных стержней, опущенных в расплавленное стекло чередующихся цветов, – техника, с помощью которой производили составное стекло. После охлаждения многослойные прутики резали на секции или диски, причем каждый диск представлял собой готовый глазок с кольцами. Эти глазки (рис. 1, 55) крепили на ядро или сплавляли вместе так, чтобы из шаблона можно было получить полную бусину (Алексеева, 1978. С. 54, Рис. 6г). И в слоистых, и в мозаичных вариантах шаблоны располагались от простых пятен до более запутанных орнаментов, составленных из многочисленных глазков, окруженных дополнительными точками, кольцами и линиями.

Во второй половине I тыс. до н.э. многие типы стеклянных глазчатых бус импортировались и изготавливались в пределах различных центров в Средиземноморье, Центральной и Восточной Европе. Мод Спаер считает, что бусы с темными сине-фиолетовыми и темно-синими глазками на светлом сине-зеленом ядре обычны для Средиземноморья, тогда как глазчатые бусы со светлым коричнево-желтым ядром были предпочтительны в Центральной Европе (Spaer, 2001. P. 82. Fig. 2, 9).

В борьбе со злыми духами предпочтение отдавалось синим бусам, особенно синим глазчатым бусам, что, кажется, имело историческое и межкультурное значение. Большинство стеклянных глазчатых бус из погребений Нижнего Поволжья VI в. до н.э. – IV в. н.э. имеет ядро из специфически сине-фиолетового стекла с белыми, желтыми или синими глазками (279 из 575 экз.) (рис. 1, 47–50; 2, 3–

4, 12 и др.). В Среднеземноморском регионе такие бусины датируются VI–IV вв. до н.э. и не встречаются ни ранее, ни позднее (Spaer, 2001. P. 81).

В погребениях сарматов Нижнего Поволжья набор бус синего цвета в ранне- и среднесарматский периоды сравнительно одинаков (14,9 и 18% соответственно) и лишь со II в. н.э. наблюдается тенденция к снижению процента синего цвета в ожерельях (до 8,7%). В детских¹ же погребениях наблюдается рост количества бус синего цвета наряду с ростом числа глазчатых бус (синий цвет: 27% – раннесарматский; 43,8 – среднесарматский; 82,6 – позднесарматский периоды; соответственно глазчатые: 3,6, 8,4 и 13%).

В Иране, Индии и в Средней Азии с глазчатыми бусами связывались пожелания богатства и здоровья (Борозна, 1975. С. 289; Богданова, 1980. С. 80; Чурсин, 1929. С. 212).

Относительно цветовой гаммы таких бусин можно отметить, что у тюрков голубой и синий цвета традиционно было принято связывать с культом неба (Малов, 1951. С. 26; Худяков, 1987. С. 65–75), а в узком смысле – с предохранением от “дурного глаза”, каким на Востоке был именно голубой. Последнее представление нашло отражение и в Коране: “В тот день, когда прозвучит труба, Мы соберем беззаконных: в этот день они будут голубоглазыми” (Смирнова, 1999). Глазчатые бусы были различных цветов “как глаза”, но предпочтение отдавалось все-таки синему и голубому. Здесь мы наблюдаем синтез одновременных представлений и отражение жизненных реалий – контактов с представителями различных национальностей, обладателями глаз разного цвета, любые из которых могли быть “дурными”. Так, у туркмен бусины были в основном черного и голубого цвета (Васильева, 1986. С. 190; Смирнова, 1999) – черные бусины предохраняют от возможного сглаза “своими”, а голубые – “чужими”, иноплеменниками.

Пристальный взгляд “дурного глаза” всегда считали особенно вредным для беременных женщин и детей, возможно, потому, что это угрожало самому существованию человечества. Во многих автомобилях на Востоке наряду с четками висят 3–4 бусины черного или синего цвета с одним или двумя глазками. В современной Турции вера в “дурной” глаз, способный довести до смерти, самый распространенный предрассудок, говорит Торбен Соде, эксперт по стеклу в Школе консервации среды (The School of Conservation, Копенгаген, Дания) (Daily Newspaper, № 10 (1036)). От младенца до субмарины, от здания до животного – почти все в стране находится под защитой таинственно смотрящих наборов глаз из синих стеклянных бус, из-

¹ На данный момент количество определенных детских погребений сарматской культуры IV в. до н.э. – IV в. н.э. равно 70.

вестных как *Nazar Boncuk* или *na-zar bon-jook*. До сих пор в Греции ослы, мулы и коровы часто имеют защитные синие бусины и кисточки на своих уздечках или поперек лба. Синие бусы из бирюзы, стекла, фаянса или пластика также часто крепятся на детской одежде в Югославии, Турции, Греции, в странах Средней Азии.

История глазчатых бус говорит о том, что они всегда значили в культуре больше, чем просто украшение. Этот специфический класс бус, носимый людьми в течение более чем пяти тысяч лет, возможно, больше, чем любой другой, распространяется на широкий диапазон культур и большой промежуток времени. Интересно отметить, что, несмотря на их распространенность, глазчатые бусы редко использовались для того, чтобы выразить богатство или статус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авеста*. Избранные гимны / Пер. Стеблина-Каменского И.М. Душанбе, 1990.
- Ал-Бируни*. Минералогия. М., 1963.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1-12.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1-12.
- Богданова Н.А.* Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников первых веков н.э. Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.
- Борозна Н.Г.* Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
- Васильева Г.П.* Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986.
- Галкин Л.Л.* Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // СА. 1982. № 2.
- Иванов В.В.* Глаз // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1997.
- Илюков Л.С., Власкин М.В.* Сарматы междуречья Сала и Мангыча. Вып. I. Ростов-н/Д., 1992.
- Лесман Ю.* Украшения древних новгородок и древнерусская эротика // Альманах "Чело". № 2 (9). Новгород, 1996. <http://www.novsu.ac.ru/lesman.htm>
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951.
- Смирнова Е.Ю.* Магия в традиционном мировоззрении: по материалам традиционной одежды сибирских татар // Культурологические исследования в Сибири. Вып. 2. Омск, 1999.
- Худяков Ю.С.* Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. Новосибирск, 1987.
- Чурсин Г.Ф.* Амулеты и талисманы Кавказских народов // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 46. Махачкала, 1929.
- Шеркова Т.А.* "Око Хора": символика глаза в додинастическом Египте // ВДИ. 1996. № 4.
- Andrews C.A.* Ancient Egyptian jewellery. L., 1990.
- Dikshit M.G.* The characteristics of the eye beads from the earliest times to the present // AJA. 1949. Sec. ser. V. XIX.
- Dubin L.Sh.* The History of beads from 30.000 B.C. to the present. N.Y., 1987.
- Eisen G.A.* The Characteristics of eye beads from the earliest time to the present // AJA. 1916. V. XX. № 1.
- Erikson J.M.* The Universal Bead. N.Y., 1969.
- Mitsopoulou T.* Eye-Shaped and Horned Glass Beads from China and Greece. 2001. <http://www.greecetravel.com/archaeology/mitsopoulou/glass.html>
- Spaer M.* Ancient glass in the Israel Museum. Beads and other small objects. Jerusalem, 2001.
- Petrie W. M. Fl.* Naukratis. P. 1. L., 1884–1885.
- Petrie W. M. Fl.* Naukratis. P. II. L., 1888.
- Daily Newspaper, №10(1036), www.bakusun.az:8101/cgi-bin/ayten/bakusun/show.cgi?code=303

ПРИЛОЖЕНИЕ

Глазчатые стеклянные бусы из сарматских погребений IV в. до н.э.–IV в. н.э. Нижнего Поволжья (рис. 1, цветная вклейка № 1).

1–3 – новый тип; 4 – тип 1б (по Алексеевой Е.М. 1978); 5 – новый тип; 6 – тип 6; 7–9 – новый тип; 10–14 – тип 13; 15–22 – новый тип; 23 – тип 25б; 24 – тип 25л; 25 – тип 25м; 26 – тип 26б; 27 – тип 26м; 28 – тип 26н; 29 – тип 27д; 30 – тип 27и; 31 – тип 27о; 32 – тип 27п; 33 – тип 27с; 34 – тип 27т; 35 – тип 28б; 36 – тип 28л; 37–41 – новый тип; 42 – тип 29з; 43 – новый тип; 44 – тип 31б; 45 – тип 31к; 46 – тип 31л; 47 – тип 33а; 48 – тип 33в; 49 – тип 33т; 50 – тип 33у; 51 – тип 33ш; 52–71 – новый тип; 72 – тип 34ж; 73 – тип 34и; 74–79 – новый тип; 80 – тип 37.

Список комплексов (цифры после номера погребения – количество бусин).

1 – Калмыково 1952, к. 3 п. 2 – 1; 2 – Верхнее Погромное, 1957 к. 1 п. 8 – 1; 3 – Первомайское I, 1984 к. 1 п. 1 – 1; 4 – Быково, 1955 к. 10 п. 10 – 4; 5 – Верхнее Погромное, 1957 к. 1 п. 8 – 1; 6 – Калиновский, 1952 к. 3 п. 6 – 1; 7 – Суслы, 1924 к. 47 – 1; 8 – Суслы, 1924 к. 47 – 2; 9 – Калмыково, 1952 к. 4 – 1; 10 – Верхнее Погромное, 1957 к. 1 п. 8 – 1; 11 – Ханата, 1976 5.7 – 2; 12 – Первомайский I, 1985 к. 13 п. 3 – 7; 13 – Ленинск, 1956 к. 3 п. 15 – 1; 14 – Первомайский I, 1985 к. 13 п. 3 – 1; 15 – Саломатино, 1902 – 1; 16 – Старица, 1960 к. 9 – 1; 17 – Быково, 1955 к. 5 п. 3 – 3; 18 – Суслы, 1924 к. 47 – 37; 19 – Бережновский, 1952 к. 34 – 1; 20 – х. Степана Разина, к. 1 п. 5 – 7; 21 – Верхний Балыклей, 1978 к. 5 п. 6 – 1; 22 – Калиновский, 1952 к. 8 п. 41 – 1; 23 – Соленое Займище III, 1988 к. 10 п. 11 – 1; 24 – Калиновский, 1952 к. 27 п. 3 – 1; 25 – Химкомбинат "А", 1981 к. 4 п. 6 – 1; 26 – Аршань Зельмень II, 1993 к. 3 п. 1 – 2; 27 – Верхнее Погромное, 1957 к. 1 п. 8 – 1; 28 – Калиновский, 1952 к. 3 п. 13 – 3; 29 – Калиновский, 1952 к. 3 п. 1 – 2; 30 – Быково, 1955 к. 5 п. 3 – 1; 31 – Калиновский, 1952 к. 27.3 – 2; 32 – Бережновский, 1952 к. 38 – 2; 33 – Бережновский Южная группа, 1952 к. 2 п. 7 – 1; 34 – Первомайский I, 1985 к. 6 п. 2 – 1; 35 – Ра-

хинка, 1985 к. 5 п. 3 – 1; 36 – Рыбный, 1976 к. 2 п. 11 – 1; 37 – Верхний Балыклей, 1978 к. 7 п. 2 – 1; 38 – Богодушанский ерик, 1988 п. 5 – 1; 39 – Первомайский I, 1985 к. 13 п. 3 – 1; 40 – Первомайский VII, 1983 к. 6 п. 1 – 4; 41 – Аксеновский I, 1966 к. 10 – 1; 42 – КВЧ № 37/38, 1988 к. 10 п. 1 – 6; 43 – Барановка I, 1988 к. 10 п. 2 – 3; 44 – Суслы, 1924 к. 47 – 28; 45 – Калмыково, 1952 к. 3 п. 2 – 1; 46 – Химкомбинат “А”, 1981 к. 4 п. 6 – 2; 47 – Калиновский, 1952 к. 12 п. 1 – 1; 48 – Белокаменка, 1987 к. 3 п. 5 – 1; 49 – Колобовка I, 1973 к. 7 п. 1 – 1; 50 – Калиновский, 1952 к. 12 п. 22 – 1; 51 – Рахинка, 1985 к. 5 п. 3 – 1; 52 – Старица, 1961 к. 15 п. 3 – 1; 53 – Верхний Балыклей II, 1980 к. 7 п. 2 – 1; 54 – Калмыково, 1952 к. 3 п. 2 – 1; 55 – Заплавное, 1958 к. 3 п. 10 – 1; 56 – Верхний Балыклей, 1978 к. 5 п. 6 – 1; 57 – Калиновский, 1952 к. 27 п. 3 – 1; 58 – Калмыково, 1952 к. 3 п. 2 – 1; 59 – Калиновский, 1952 к. 8 п. 16 – 1; 60 – Верхний Балыклей, 1978 к. 5 п. 6 – 1; 61 – Верхнее Погромное, 1957 к. 1 п. 8 – 1; 62 – Бережновский II, 1955 к. 100 – 1; 63 – Лятошинка II, 1990 к. 5 п. 10 – 8; 64 – Новолиповка, 1969 к. 7 – 1; 65 – Капитанский хутор, 1964 к. 7 – 2; 66 – Рыбный, 1976 к. 1 п. 6 – 2; 67 – Аксеновский I, 1966 к. 10 п. 1 – 2; 68 – Калиновский, 1952 к. 44 п. 1 – 2; 69 – Калиновский, 1952 к. 3 п. 21 – 3; 70 – Верхний Балыклей, 1978 к. 5 п. 6 – 1; 71 – Старица, 1960 к. 4 п. 6 – 3; 72 – Быково, 1954 к. 5 п. 3 – 2; 73 – Верхнее Погромное, 1957 к. 14 п. 6 – 1; 74 – Сидоры, 1959 к. 18 п. 1 – 1; 7–5 – х. Степана Разина, 1957 к. 1 п. 5 – 40; 7–6 – Черebaево, 1951 к. 4 – 1; 77 – Первомайский I, 1984 к. 5 п. 1 – 1; 78 – х. Степана Разина, 1957 к. 1 п. 5 – 4; 79 – Калмыково, 1952 к. 3 п. 2 – 9; 80 – х. Степана Разина, 1957 к. 1 п. 5 – 2;

Реконструированные типы бус (рис. 1)

4 – тип 1б; 6 – тип 6; 7–8, 15, 18–19 – новый тип; 32 – тип 27п; 33 – тип 27с; 44 – тип 31б; 52–53, 57–58, 65, 71, 76, 79 – новый тип.

Глазчатые стеклянные бусы из сарматских погребений IV в. до н.э.–IV в. н.э. Нижнего Поволжья (рис. 2, цветная вклейка № 2).

1–2 – новый тип; 3 – тип 42д; 4 – тип 42е; 5 – новый тип; 6 – тип 46в; 7 – тип 46г; 8–10 – новый тип; 11 – тип 52г; 12 – тип 54ж; 13 – тип 54и; 14 – тип 54к; 15 – новый тип; 16 – тип 58а; 17–18 – новый тип; 19 – тип 61в; 20 – тип 66б; 21 – тип 66е; 22 – тип 66и; 23–24 – новый тип; 25 – тип 68б; 26 – тип 68в; 27 – новый тип; 28 – тип 78а; 29 – тип 78г; 30 – новый тип; 31–32 – тип 84а; 33–37 – новый тип; 38 – тип 104; 39–44 – новый тип; 45 – тип 129б; 46–48 – новый тип.

Список комплексов

1 – Аксеновский I, 1966 к. 27 – 1; 2 – КВЧ № 37 к. 10 п. 1 – 1; 3 – Верхнее Погромное, 1957 к. 1 п. 12 – 1; 4 – Верхний Балыклей, 1978 к. 6 п. 9 – 4; 5 – Верхний Балыклей, 1978 к. 6 п. 9 – 1; 6 – Ар-

шань Зельмень II, 1993 к. 3 – 1; 7 – Большая Дмитровка, 1988 к. 13 – 1; 8 – Волжский, 1983 к. 1 п. 22 находка В; 9 – Кривая Лука XXIII, 1978 к. 1 – 1; 10 – Барановка I, 1982 к. 3 п. 1 – 1; 11 – Барановка I, 1982 к. 3 п. 1 – 1; 12 – Ильевка, 1970 к. 1 п. 2 – 1; 13 – Калиновский, 1952 к. 3 п. 13 – 1; 14 – Богодушанский ерик, 1988 п. 5 – 1; 15 – Барановка I, 1982 к. 1 п. 1 – 3; 16 – Калиновский, 1952 к. 3 п. 1 – 1; 17 – Калиновский, 1952 к. 12 насыпь – 1; 18 – Калиновский, 1952 к. 12 п. 1 – 1; 19 – Саломатино, 1902 случайная находка – 1; 20 – Барановка I, 1982 к. 3 п. 1 – 1; 21 – Калиновский, 1952 к. 12 п. 7 – 1; 22 – Зауморье, 1989 к. 2 – 1; 23 – Аршань Зельмень II, 1993 к. 3 – 1; 24 – Аршань Зельмень II, 1993 к. 3 – 1; 25 – Аршань Зельмень II, 1993 к. 3 – 1; 26 – Колпачки, 1966 к. 1 п. 2 – фр.; 27 – Барановка, 1982 к. 1 п. 1 – 1; 28 – Верхнее Погромное, 1957 к. 1 п. 8 – 1; 29 – Быково, 1977 к. 3 п. 1 – 19; 30 – Октябрьский II, 1993 к. 1 п. 1 – 1; 31 – Колпачки, 1967 к. 4 п. 1 – 1; 32 – Быково, 1978 к. 11 п. 6 – 1; 33 – Барановка I, 1982 к. 4 п. 1 – 1; 34 – Бережновский II, 1955 к. 98 п. 1 – 3; 35 – Новоузенск, 1977 к. 1 п. 3 – 1; 36 – Новоузенск, 1977 к. 1 п. 19 – 2; 37 – Политотдельское, 1953 к. 3 п. 1 – 1; 38 – Быково, 1955 к. 5 п. 3 – 1; 39 – Калиновский, 1952 к. 12 п. 7 – 1; 40 – Колобовка I, 1973 к. 7 п. 1 – 1; 41 – Калиновский, 1952 к. 8 п. 16 – 3; 42 – Калиновский, 1952 к. 12 п. 22 – 1; 43 – Первомайский I, 1985 к. 13 п. 3 – 1; 44 – Калмыково, 1952 к. 4 п. 1 – 1; 45 – Быково, 1954 к. 5 п. 3 – 1; 46 – Аршань Зельмень II, 1993 к. 3 – 1; 47 – х. Степана Разина, 1957 к. 1 п. 5 – 2; 48 – Калиновский, 1952 к. 8 п. 40 – 1.

Реконструированные типы бус (рис. 2)

7 – тип 46г; 19 – тип 61в; 22 – бби; 29 – тип 78г; 35–36, 44 – новый тип.

Датировки

Пятнистые орнаменты

Новый тип (рис. 1, 1). Комплекс датируется I в. до н.э. – I–II в. н.э.

Новый тип (рис. 1, 2). Комплекс датируется I в. до н.э. – I в. н.э.

Новый тип (рис. 1, 3). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Тип 1б (рис. 1, 4). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 1, 5). Комплекс датируется I в. до н.э. – I в. н.э.

Тип 6 (рис. 1, 6). Комплекс датируется I в. до н.э. – I в. н.э.

Новый тип (рис. 1, 7). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 1, 8). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 1, 9). Комплекс датируется II – началом I в. до н.э.

Тип 13 (рис. 1, 10–14). Бусы датируются II в. до н.э. – началом II в. н.э.

Комплекс Ленинск 1956 3.15 датируется IV–III вв. до н.э.

Новый тип (рис. 1, 15). Комплекс датируется I в. до н.э.

Новый тип (рис. 1, 16). Комплекс датируется I–II вв. н.э.

Глазчатые орнаменты

Новый тип (рис. 1, 17). Комплекс датируется I–началом II в. н.э.

Новый тип (рис. 1, 18). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 1, 19). Комплекс датируется I–II вв. н.э.

Новый тип (рис. 1, 20). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 1, 21). Комплекс датируется II–I вв. до н.э., ближе ко II в. до н.э.

Новый тип (рис. 1, 22). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Тип 25б (рис. 1, 23). Комплекс датируется второй половиной – II в. н.э.

Тип 25л (рис. 1, 24). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Тип 25м (рис. 1, 25). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Тип 26б (рис. 1, 26). Комплекс датируется – концом II–III в. н.э.

Тип 26м (рис. 1, 27). Комплекс датируется I в. до н.э. – I в. н.э. (?)

Тип 26н (рис. 1, 28). Комплекс датируется I в. до н.э. – I в. н.э.

Тип 27д (рис. 1, 29). Бусы датируются I в. до н.э. – I в. н.э.

Тип 27и (рис. 1, 30). Комплекс датируется I – началом II в. н.э.

Тип 27о (рис. 1, 31). Бусы датируются II в. до н.э. – началом II в. н.э.

Тип 27п (рис. 1, 32). Комплекс датируется I–II вв. н.э.

Тип 27с (рис. 1, 33). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Тип 27т (рис. 1, 34). Комплекс датируется II в. н.э.

Тип 28б (рис. 1, 35). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Тип 28л (рис. 1, 36). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 1, 37). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип. Вариант а (рис. 1, 38). Комплекс датируется I в. до н.э. – I в. н.э.

Новый тип. Вариант б (рис. 1, 39). Комплекс датируется II – I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 1, 40). Комплекс датируется I–II вв. н.э.

Новый тип (рис. 1, 41). Комплекс датируется V в. до н.э.

Тип 29з (рис. 1, 42). Данных для датировки недостаточно

Новый тип (рис. 1, 43). Комплекс датируется началом I в. н.э.

Тип 31б (рис. 1, 44). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Тип 31к (рис. 1, 45). Комплекс датируется I–II в. н.э. (I в. до н.э.).

Тип 31л (рис. 1, 46). Данных для датировки не достаточно.

Тип 33а (рис. 1, 47). Бусы датируются I в. до н.э. – I в. н.э.

Тип 33в (рис. 1, 48). Комплекс датируется III–II вв. до н.э.

Тип 33т (рис. 1, 49). Бусы датируются III–I в. до н.э.

Тип 33у (рис. 1, 50). Бусы датируются III–I вв. до н.э.

Тип 33ш (рис. 1, 51). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип. Вариант а (рис. 1, 52). Комплекс датируется II в. н.э.

Новый тип. Вариант б (рис. 1, 53). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип. Вариант в (рис. 1, 54). Комплекс датируется I–II вв. н.э. (по Мошковой М.Г.); I в. до н.э. (по Шилову В.П.)

Новый тип. Вариант г (рис. 1, 55). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип. Вариант д (рис. 1, 56). Комплекс датируется II в. до н.э. (по Скрипкину А.С.)

Новый тип. Вариант е (рис. 1, 57). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип. Вариант ж (рис. 1, 58). Комплекс датируется II – начало I в. до н.э.

Новый тип. Вариант з (рис. 1, 59). I в. до н.э. (по Мошковой М.Г.: I в. до н.э. – I в. н.э.). Лятошинка, 1990 5.3 – 1. IV–III вв. до н.э.

Новый тип. Вариант и (рис. 1, 60). Комплекс датируется II в. до н.э. (по Скрипкину А.С.).

Новый тип. Вариант к (рис. 1, 61). Комплекс датируется I в. до н.э. – I в. н.э.?

Новый тип. Вариант л (рис. 1, 62). Комплекс датируется I–II вв. н.э.

Новый тип. Вариант м (рис. 1, 63). Комплекс датируется IV в. до н.э.

Новый тип. Вариант а (рис. 1, 64). Комплекс датируется I–II вв. н.э.

Новый тип. Вариант б (рис. 1, 65). Комплекс датируется IV в. до н.э. (по Клепикову В.М.).

Новый тип. Вариант в (рис. 1, 66). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип. Вариант г (рис. 1, 67). Комплекс датируется V в. до н.э.

Новый тип. Вариант д (рис. 1, 68). Комплекс датируется II в. н.э.

Новый тип. Вариант е (рис. 1, 69). Комплекс датируется I в. до н.э. – I в. н.э.

Новый тип. Вариант ж (рис. 1, 70). Комплекс датируется II в. до н.э. (по Скрипкину АС).

Новый тип. Вариант и (рис. 1, 71). Комплекс датируется IV в. до н.э. (по Клепикову В.М.).

Тип 34ж (рис. 1, 72). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Тип 34и (рис. 1, 73). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 1, 74). Данных для датировки не достаточно.

Новый тип. Вариант а (рис. 1, 75). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип. Вариант б (рис. 1, 76). Комплекс датируется I–II вв. н.э.

Новый тип (рис. 1, 77). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 1, 78). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 1, 79). Комплекс датируется II – начало I в. до н.э.

Тип 37 (рис. 1, 80). Бусы датируются II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 2, 1). Комплекс датируется V в. до н.э.

Новый тип (рис. 2, 2). Данных для датировки не достаточно.

Тип 42д (рис. 2, 3). Комплекс датируется II в. н.э.

Тип 42е (рис. 2, 4). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 2, 5). Комплекс датируется II – I вв. до н.э.

Тип 46в (рис. 2, 6). Комплекс датируется концом II–III в. н.э.

Тип 46г (рис. 2, 7). Данных для датировки не достаточно.

Новый тип (рис. 2, 8). Комплекс датируется первой половиной II в. н.э.

Новый тип (рис. 2, 9). Данных для датировки не достаточно.

Новый тип (рис. 2, 10). Комплекс датируется I–II вв. н.э.

Тип 52г (рис. 2, 11). Комплекс датируется I–II вв. н.э.

Тип 54ж (рис. 2, 12). Бусы датируются II–I в. до н.э.

Тип 54и (рис. 2, 13). Комплекс датируется I в. до н.э.–I в. н.э.

Тип 54к (рис. 2, 14). Комплекс датируется I в. до н.э. – I в. н.э.

Новый тип (рис. 2, 15). Комплекс датируется второй половиной I – началом II в. н.э.

Тип 58а (рис. 2, 16). Комплекс датируется I в. до н.э. – I в. н.э.

Новый тип. Вариант а (рис. 2, 17). Данных для датировки не достаточно.

Новый тип. Вариант б (рис. 2, 18). Комплекс датируется I в. до н.э. – I в. н.э.

Тип 61в (рис. 2, 19). Комплекс датируется I в. до н.э.

Тип 66б (рис. 2, 20). Комплекс датируется второй половиной I – началом II в. н.э.

Новый тип. Вариант е (рис. 2, 21). Комплекс датируется III–II вв. до н.э.

Новый тип. Вариант и (рис. 2, 22). Данных для датировки не достаточно.

Новый тип. Вариант а (рис. 2, 23). Комплекс датируется концом II–III в. н.э.

Новый тип. Вариант б (рис. 2, 24). Комплекс датируется концом II–III в. н.э.

Тип 68б (рис. 2, 25). Комплекс датируется концом II–III в. н.э.

Тип 68в (рис. 2, 26). Комплекс датируется II – I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 2, 27). Комплекс датируется второй половиной I – началом II в. н.э.

Тип 78а (рис. 2, 28). Бусы датируются IV в. до н.э. – I в. н.э.

Тип 78г (рис. 2, 29). Данных для датировки не достаточно.

Новый тип (рис. 2, 30). Комплекс датируется II в. н.э.

Тип 84а (рис. 2, 31–32). Бусы датируются I–II вв. н.э.?

Новый тип (рис. 2, 33). Комплекс датируется второй половиной – началом II в. н.э.

Новый тип (рис. 2, 34). Комплекс датируется I–II вв. н.э.

Новый тип (рис. 2, 35). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 2, 36). Комплекс датируется IV в. до н.э.

Новый тип (рис. 2, 37). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Тип 104 (рис. 2, 38). Данных для датировки не достаточно.

Новый тип. Вариант б (рис. 2, 39). Комплекс датируется III–II вв. до н.э.

Новый тип (рис. 2, 40). Комплекс датируется III в. до н.э.

Новый тип (рис. 2, 41). Комплекс датируется I в. до н.э. (по Мошковой М.Г.: I в. до н.э. – I в. н.э.).

Новый тип (рис. 2, 42). Комплекс датируется III–II вв. до н.э.

Новый тип (рис. 2, 43). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 2, 44). Комплекс датируется II – началом I в. до н.э.

Тип 129б (рис. 2, 45). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 2, 46). Комплекс датируется концом II–III в. н.э.

Новый тип. Вариант б (рис. 2, 47). Комплекс датируется II–I вв. до н.э.

Новый тип (рис. 2, 48). Комплекс датируется III–II вв. до н.э.

Eye beads

O. N. Mosheeva

Summary

Eye beads are encountered at sites belonging to a variety of archeological cultures. The origin of eye beads is closely connected with the ancient notion of perceiving the surrounding world through visual contact with this or that phenomenon or entity. Archeological and ethnographic data shows that eye beads were most often worn by children and young women. In Late Sarmatian culture, the share of eye beads in children's burials amounts to 13% of the total number of beads dating to the period in question. Blue beads, especially blue eye beads, were the preferred remedy against evil spirits. The majority of glass eye beads from 6th c. BC – 4th c. AD burials in the Lower Volga region have a nucleus of specific blue-violet glass with white, yellow or blue eyes (279 items of 575). The history of eye beads shows that their cultural significance was always more important than that of mere ornament.

ЗАПАДНОЕ БЕЛОМОРЬЕ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА: ДИНАМИКА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2008 г. А. М. Жульников

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

Появление на территории Западного Беломорья населения с керамикой ананьинского облика – важный рубеж, маркирующий для данного региона начало эпохи раннего железа. Существенные различия в материальной культуре пришлого и местного населения дают хорошую основу для изучения особенностей их взаимодействия. Основным источником для рассмотрения этого вопроса представляется выявление пространственно-хронологических изменений в керамическом производстве, а также признаков “гибридизации”, наблюдаемых в керамике (по обе стороны от границы распространения нового типа посуды). Необходимо также определить пути поступления металла и металлических изделий на территорию Западного Беломорья, что позволяет отчасти выявить направления связей древнего населения этого региона.

Проблема происхождения ананьинских памятников на южном берегу Белого моря неоднократно обсуждалась в археологической литературе. По мнению М.Е. Фосс, керамика со шнуром и валиками с поселений южного побережья Белого моря представляет собой полную аналогию керамике ананьинской культуры, что является признаком связей беломорских племен с населением камской области. И в свою очередь служит признаком существования этнической общности населения, расселившегося на территории Севера в первой половине I тыс. до н.э. (Фосс, 1952. С. 131). А.В. Збруева предполагала, что на побережье Белого моря существовали временные стоянки поволжско-прикамских ананьинцев, связанные с сезонной охотой или торговыми операциями. Ананьинцы были поставщиками на север цветного металла, проводниками форм бронзовых вещей (Збруева, 1952. С. 185). В последние десятилетия XX в. среди исследователей возобладала точка зрения о миграции некоторых групп ананьинского населения на территорию Карелии и Южного Беломорья (Косменко, 1993; Ашихмина, Васкул, 1997. С. 332; Манюхин, 2002). М.Г. Косменко и И.С. Манюхин обосновали гипотезу о том, что в ареале от Белозерья до Северной Фенноскандии ряд типов керамики раннего железного века (позднекаргопольская, лууконсаари, къяльмо (чальмой)) возникли в результате переселения ананьинских племен с территории Поволжья (Косменко,

1993; Манюхин, 2002). Недавно М.Г. Косменко отказался от этой гипотезы, признав ее бездоказательной (2006. С. 206, 207).

Исследователи ананьинских памятников неоднократно высказывали предположение, что они оставлены племенами, говорившими на пермских языках (Збруева, 1952; Ашихмина, 1985; Генинг, 1988). Изучение процесса формирования ананьинских древностей на западной периферии их ареала позволяет получить некоторые данные о характере отношений далеких предков западных и восточных финно-угорских народов.

На территории Западного Беломорья, включая южную часть Кольского полуострова, Онежский и Летний берега, к настоящему времени открыто 82 поселения эпохи раннего железа. Наиболее хорошо изучены памятники эпохи раннего железа в Юго-Западном Беломорье. Здесь зафиксировано 44 поселения этой эпохи. На 19 поселениях проведены раскопки (Савватеев, 1977; Жульников, 2005).

Предметы, связанные с бронзолитейным производством эпохи раннего железа, обнаружены в Западном Беломорье на поселениях Тумча (тигель) (Гурина, 1961), Бохта II (обломок глиняной формы для отливки бронзового дрота) (Жульников, 2005. Рис. 156, 3). На территории Западного Беломорья и южной части бассейна Белого моря найдены три кельта акозинско-меларского типа и одна глиняная форма для их отливки, шесть кельтов ананьинского типа и четыре литейные формы для их отливки. Половинка литейной формы из талька для ананьинского кельта обнаружена на поселении Елменкоски с керамикой типа къяльмо (Косменко, 1982. Рис. 2, 1). Двухсторонняя каменная литейная форма для ананьинского кельта происходит из района д. Бабыя Губа (Брюсов, 1940. Рис. 1). Кельты данных типов (КАН-24, КАН-4) отнесены С.В. Кузьминых к VI–V вв. до н.э. (1983. С. 60). Обе формы происходят с территорий, которые примыкают к восточным районам Северной Финляндии, где найдена целая серия каменных литейных форм для ананьинских кельтов (Нунге, 1982). Эти находки свидетельствуют о возможном наличии массового местного производства ананьинских кельтов. Показательно, что кельты акозинско-меларского типа и форма для их отливки

найжены только в юго-западной части бассейна Белого моря и Южной Карелии, тогда как кельты ананьинских типов и формы для их отливки обнаружены в основном севернее и восточнее от данной территории. Эти данные хорошо согласуются с выводом С.В. Кузьминых о том, что распространение кельтов аозинско-меларского типа шло на север из ареала общности населения с текстильной керамикой, а ананьинских кельтов – на территорию Северной Фенноскандии было связано с мощным восточным ананьинским импульсом (Кузьминых, 1993).

По определению С.В. Кузьминых, цветной металл с поселений раннего железного века Карелии имеет восточное происхождение (Косменко, 1993). Формы украшений из бронзы, найденные на территории Карелии на поселениях эпохи раннего железа, характерны преимущественно для ананьинских и пьяноборских древностей Прикамья, Поволжья, Европейского Северо-Востока.

Примерно в VI–V вв. до н.э. у населения Северной Фенноскандии появляются первые железные вещи, полученные, вероятно, в результате обмена. Так, в Лапландии были найдены два железных меча, имеющих аналогии среди скифских и савроматских мечей, датируемых VI–V вв. до н.э. (Халиков, 1977. С. 173, 174).

В Западном Беломорье ранние изделия из железа найдены в бассейне р. Тунгуда на трех поселениях с керамикой лууконсаари. Аналогии кельту без ушка, обнаруженному на поселении Бохта II (Жульников, 2005. Рис. 156, 11), имеются в кургане № 1 могильника Чагода I и в кургане № 3 могильника Усть-Белая I, датируемых по инвентарю и радиоуглеродным датам II–IV вв. н.э. (Башенькин, 1996а). Аналогичный железный кельт без ушка найден на поселении Кумпуниemi в Северной Финляндии (приход Суомуссалми) (Niine, 1986). Железный наконечник с поселения Хижозеро I имеет линзовидную в сечении форму пера. Черешок хорошо выражен, имеет прямоугольную в сечении форму. Близкие по форме наконечники обнаружены А.Н. Башенькиным в разрушенном погребальном сооружении на р. Молога (Куреваниха ХХ), частично перекрытом “домиком мертвых”, датированным 2130 ± 50 (ГИН-6621) л.н. (1996б). Серповидный железный нож обнаружен на поселении Березово ХХIX. Два сходных по форме ножа имеются в коллекциях поселений с керамикой типа лууконсаари района Суомуссалми (Niine, 1986). Ножи данного типа датируются в широких пределах: вторая половина I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э. (Башенькин, 1996б. С.145).

Следы раннего железодельного производства в Западном Беломорье достоверно фиксируются на четырех поселениях (Хижозеро I, II, Тунгуда XII, Кандалакша XIII). Кроме того, железные шлаки и керамика эпохи раннего железа зафиксиро-

рованы на поселениях Золотец V, X (Савватеев, 1977), Елменкоски (Косменко, 1982), Нильмозеро IV, Колвица IX.

На поселении Тунгуда XII раскопан горн в виде каменного ящика, датированный 2200 ± 70 (ТА-2139) л.н. (Жульников, 2005). В окрестностях г. Каяни в Северной Финляндии исследован горн (без керамики) в виде каменного ящика, датированный 2220 ± 100 (Hel-2098), 2180 ± 90 (Hel-2101) л.н. (Lavento, 2001). Опираясь на эти даты, можно предположить, что древнее население Западного Беломорья уже в III в. до н.э. освоило производство железа в горнах многократного использования.

На оз. Тунгудское горны из камней обнаружены на пяти поселениях. На всех этих памятниках нет керамики типа лууконсаари. На оз. Верхнее Куйто М.Г. Косменко исследовал древнюю железодельную мастерскую Кюперяйнен, где обнаружил горн для производства железа в виде каменного ящика. Керамика также не найдена (Косменко, 1996). Судя по этим данным, изготовление кричного железа древними жителями Западного Беломорья велось за пределами поселений.

В 2005 г. в бассейне р. Тунгуда мною было исследовано поселение Хижозеро I (320 м^2) – первый в Западном Беломорье раскопанный памятник с чистым комплексом эпохи раннего железа. По распределению находок на площади раскопа были выявлены контуры разновременных жилищ. Постройки прямоугольной формы с одним кострищем функционировали только в зимнее время, о чем свидетельствует отсутствие находок на участках между жилищами. В кострищах найдена керамика лууконсаари, куски обожженной (?), многочисленные кальцинированные косточки мелких млекопитающих, кварцевые отщепы и орудия. В пяти из восьми кострищ, исследованных на поселении, найдены железные шлаки, обломки изделий из железа. В одном из кострищ обнаружен ранее упомянутый железный наконечник стрелы. Среди орудий из камня, найденных на поселении, доминируют скребки (172 экз.), встречаются отбойники и абразивы. Отсутствие в коллекции каменных наконечников стрел, ножей явно связано с широким использованием в период функционирования поселения орудий из железа. Эти орудия изготавливались жителями поселения в зимнее время в домашних условиях. Примечательно, что на поселении Бохта II, где найдена самая многочисленная в Западном Беломорье коллекция керамики эпохи раннего железа (108 сосудов), нет железных шлаков. Поселение Бохта II, судя по особенностям его топографии (небольшой каменистый мыс у устья речки), видимо, функционировало в летнее время.

Железные орудия, найденные на территории Западного Беломорья и Южной Карелии, имеют явные прототипы в западных или южных культурах раннего железного века. Можно предполо-

жить, что технология производства железа и орудий из него была заимствована древними жителями Западного Беломорья в результате контактов с населением балтийского или верхневолжского регионов.

Основным источником для рассмотрения этнокультурных процессов, происходивших в раннем железном веке на территории Беломорья, является керамическая посуда. Одна из важных проблем, связанных с ее изучением – это выявление степени сходства и различия между имеющимися комплексами керамики. Примененная автором методика исследования во многом основана на пространственном изучении распространения тех или иных признаков или их устойчивых сочетаний в керамике раннего железного века Западного Беломорья и соседних регионов. Учитывалась частота проявления в пространстве как отдельных признаков, так и их сочетаний.

В результате классификации керамики эпохи раннего железа Западного Беломорья были выделены четыре группы (типа) керамики: къяльмо, лууконсаари, керамика типа Красная Гора и керамика типа Водоба (рис. 1).

Керамика къяльмо (рис. 2) обладает устойчивым сочетанием ряда специфических признаков. Сосуды изготовлены из глины с примесью асбеста, изредка – слюды. Верхняя часть тулова сосудов имеет, как правило, цилиндрическую форму, венчик прямой или, редко, слегка отогнут, дно плоское. Большая часть сосудов имеет широкий плоско срезанный венчик с утолщением на внешней стороне. На некоторых сосудах отмечены горизонтальные уступчатые линии, иногда в виде валиков, образовавшиеся при выравнивании стенок инструментом с острым ребром (рис. 2, 4, 7). Верхняя часть сосуда украшена орнаментом из горизонтальных линий в сочетании с перекрещивающимися или зигзагообразными линиями, выполненными в резной технике или, реже, гребенчатым штампом или мелкими вдавлениями. Глубокие и крупные ямки отсутствуют. Изредка резной или гребенчатый элементы сочетаются с овальными вдавлениями (рис. 2, 2).

В Северной Швеции на 39 поселениях выделено 139 сосудов, которые можно отнести к типу къяльмо (Hulthen, 1991). В Северной Норвегии керамика къяльмо найдена на 35 стоянках (Jørgensen, Olsen, 1988). М. Лавенто упоминает о находках 24 сосудов типа къяльмо на поселениях Северной Финляндии (Lavento, 2001). В коллекциях пяти поселений северной и центральной частей Кольского полуострова имеется минимум 20 сосудов типа къяльмо. В Западном Беломорье есть всего три сосуда, которые могут быть отнесены к керамике рассматриваемого типа (рис. 2, 6, 10). Так как эти находки единичны, то пока нет оснований включать данную территорию в область распространения керамики къяльмо.

Для поселений Северной Норвегии с керамикой къяльмо имеется большая серия радиоуглеродных дат в диапазоне от VIII до I в. до н.э. (без калибровки) (Jørgensen, Olsen, 1988). Поселения Северной Швеции с асбестовой посудой с плоским дном (типа къяльмо) имеют датировки в диапазоне от VII в. до н.э. до II в. н.э. (Linder, 1966). Аналогичные AMS-датировки были получены недавно для асбестовой керамики (типа къяльмо) с поселений района Немфорсен (Forsberg, 2001). Сосуды типа къяльмо со стоянок Северной Финляндии были датированы по нагару – 2540 ± 70 (Hela-22), 2075 ± 55 (Hela-18), 2020 ± 70 (Hela-35), 1910 ± 95 (Hela-17) л.н. (Lavento, 2001). В целом керамика къяльмо может быть датирована в диапазоне от VII в. до н.э. до I–II вв. н.э.

Для керамики лууконсаари (рис. 3) в отличие от посуды типа къяльмо характерен более богатый набор форм сосудов. Подавляющая часть сосудов имеет цилиндрическое тулово, иногда со слегка отогнутым венчиком. Встречаются сосуды со слегка выраженным ребром на тулове, а также со слабо выраженной шейкой. Сосуды большей частью плоскодонные. Примеси разнообразны: асбест, слюда, органика, дресва. Иногда в сосуде представлено два вида примесей. Специфическим признаком орнаментации керамики лууконсаари является широкое использование поясков из прочерченных линий (рис. 3, 2, 5–8), прочерченного или отступающего гребенчатого штампа (рис. 3, 1), каннелюров. Горизонтальные линии-пояски часто имеют обрамление из рядов наклонных оттисков гребенки, гладкого штампа, мелких вдавлений. Такое построение орнамента характерно для посуды гляденовского типа Европейского Северо-Востока. Среди мотивов, указывающих, возможно, на генетическое родство керамики лууконсаари и сетчатой посуды эпохи бронзы, выделяется мотив в виде “зигзага в рамке”.

Керамика лууконсаари имеется на 61 поселении Западного Беломорья, где найдено 243 сосуда этого типа. Самая удаленная восточная находка керамики лууконсаари – сосуд с поселения Тамица в юго-западной части Онежского полуострова (Фосс, 1952. Рис. 74, 5). Всего на поселениях Карелии, Мурманской обл. и Финляндии обнаружено около 1000 сосудов типа лууконсаари.

Территория, занятая памятниками с керамикой лууконсаари, достаточно обширна (рис. 1). Особо следует отметить наличие в юго-западной части Финляндии четкой границы между культурой охотников и рыболовов с керамикой лууконсаари и культурой земледельцев и скотоводов с керамикой типа Морбю (Meinander, 1969). Напротив, на Севере Финляндии имеется достаточно широкая полоса, где на памятниках многократного заселения одновременно встречается керамика лууконсаари и къяльмо (рис. 1).

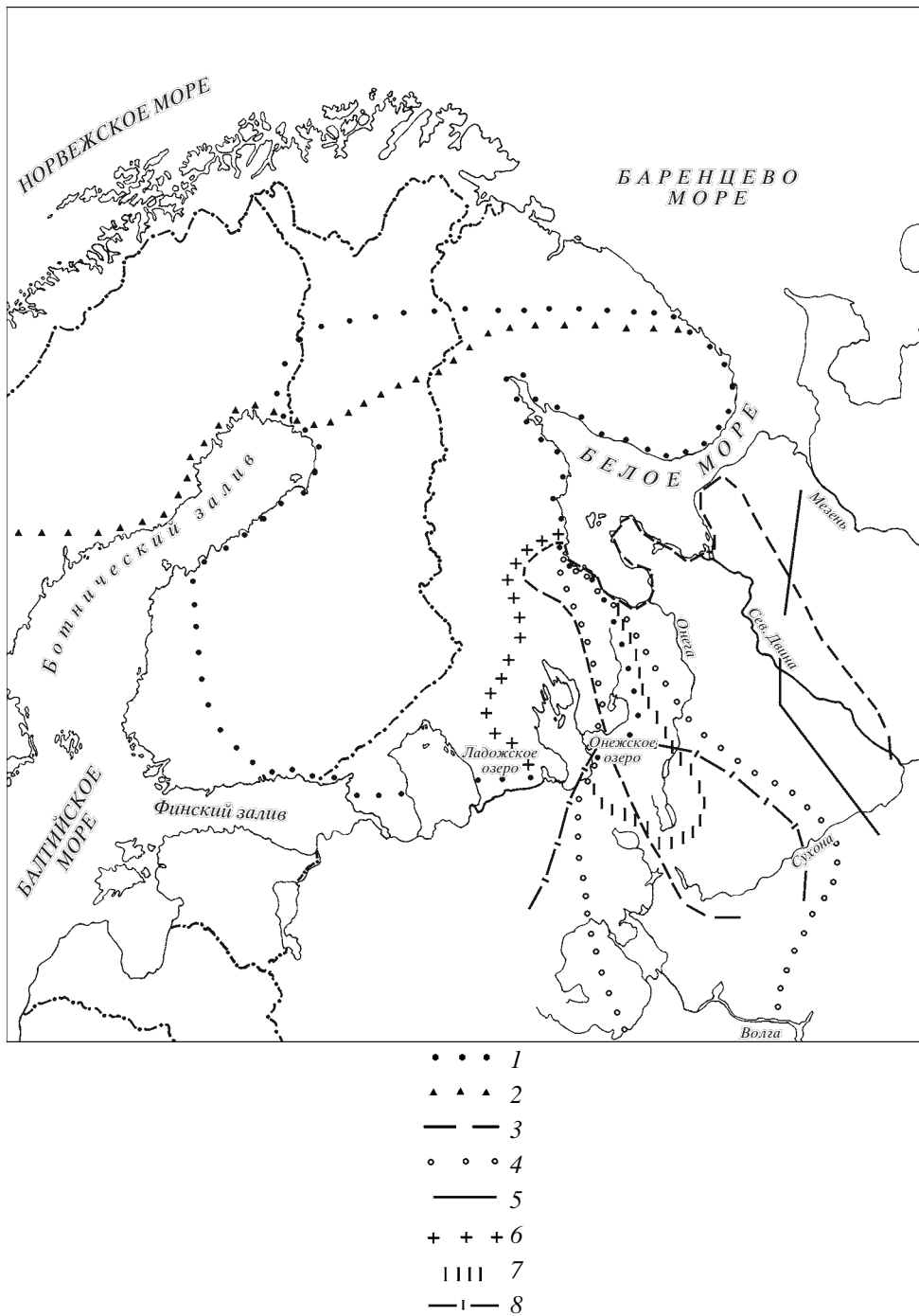

Рис. 1. Распространение типов керамики раннего железного века (кѣльмо, лууконсаари, Красная Гора, Водоба) в Западном Беломорье и соседних регионах: 1 – граница распространения керамики лууконсаари (Финляндия – по данным М. Лавенто (Lavento, 2001); 2 – граница распространения керамики кѣльмо (Норвегия, Швеция – по данным Р. Йоргенсена и В. Ольсена (Jørgensen, Olsen, 1988)); 3 – граница распространения керамики типа Красная Гора; 4 – граница распространения керамики типа Водоба; 5 – западная граница распространения ранней ананьинской керамики; 6 – западная граница распространения сосудов с отдельными ананьинскими (гладеновскими?) признаками; 7 – восточная граница распространения сосудов с отдельными признаками керамики лууконсаари; 8 – граница распространения керамики с дьяковскими признаками (парные “слезки” и т.п.).

Для керамики лууконсаари, найденной на территории Финляндии, в настоящее время получена серия AMS-дат, относящихся к периоду VII в. до н.э. – I в. н.э. (Lavento, 2001).

Единичные сосуды, найденные на территории Западного Беломорья и Северной Финляндии, обладают сочетанием признаков, характерных для керамики кѣльмо и лууконсаари. Например, со-

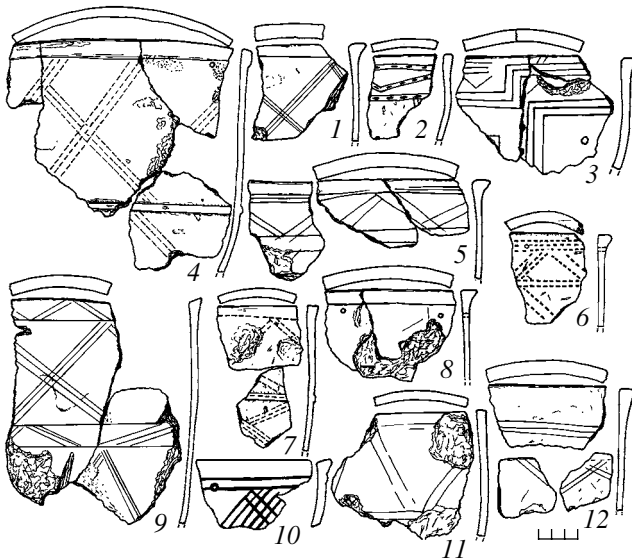

Рис. 2. Керамика кьельмо: 1–3, 5, 7, 9, 11, 12 – Ловозеро III; 4, 8 – Мыс Семерка; 6 – Бохта II; 10 – Елменкоски. 1, 2, 4–12 – примесь асбеста; 3 – примесь слюды.

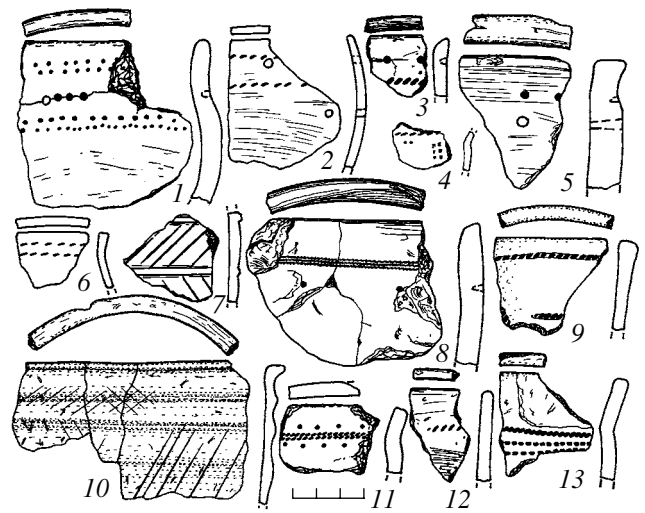

Рис. 4. Керамика, сочетающая признаки ананьинской (гляденовской?) и лууконсаари (1–6, 8, 9, 11–13), кьельмо и лууконсаари (7, 10): 1 – Залавруга IV; 2, 6 – Горелый Мост VI; 3, 5, 8, 10, 12, 13 – Бохта II; 11 – Горелый Мост VIII; 9 – Тунгуда LIV; 4 – Хижозеро I; 11 – Калмояркия. 1 – примесь слюды; 2, 5, 8, 9, 11 – примесь дресвы; 3, 4, 6, 12, 13 – примесь органики; 7 – примесь асбеста и органики; 10 – примесь асбеста.

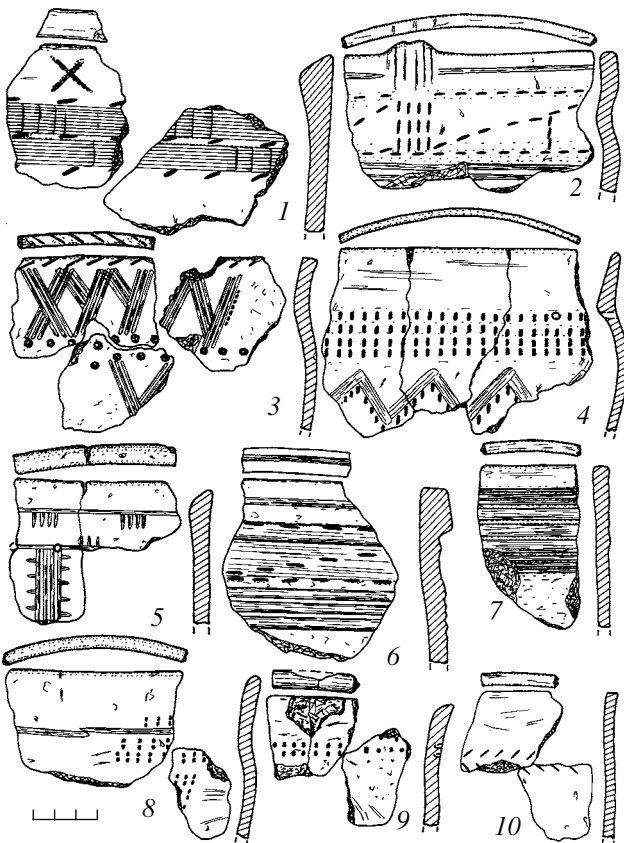

Рис. 3. Керамика лууконсаари Западного Беломорья: 1, 6 – Тунгуда XLVIII; 2–5, 7, 8, 10 – Бохта II; 9 – Тунгуда III. 1, 3 – примесь дресвы; 2, 6, 7 – примесь слюды; 4 – примесь асбеста и слюды; 5, 8–10 – примесь органики.

суд с примесью асбеста с поселения Бохта II (рис. 4, 10), по форме венчика и орнаментации относящийся к типу кьельмо, украшен каннелюрами – признак керамики лууконсаари. На фрагменте сосуда с поселения Калмояркия (фрагмент Суомуссалми в Северной Финляндии) имеются специфические выступы и резные линии (рис. 4, 7) – сочетание признаков, характерное для керамики кьельмо. Помимо примеси асбеста в тесте данного сосуда наблюдается выгоревшая примесь органики, обычная для керамики лууконсаари Западного Беломорья.

Вдоль северной границы распространения керамики лууконсаари найдены фрагменты сосудов типа кьельмо с примесью слюды (рис. 2, 3). Очевидно, что появление слюды в керамике кьельмо обусловлено контактами с населением с керамикой лууконсаари, для которой характерна эта примесь. Находки в Западном Беломорье единичных сосудов типа кьельмо свидетельствуют, вероятно, о проникновении на юг некоторых групп северного населения. Гибридные сосуды, напротив, являются признаком связей, видимо брачных, между группами населения с керамикой кьельмо и лууконсаари.

Некоторые сходные признаки, характерные для керамики лууконсаари и кьельмо (форма сосудов, доньшка, некоторые мотивы орнамента), позволяют объединить их в одну более общую группу, получившую в финской археологической литературе название Сяр 2 (Lavento, 2001). Эта группа отлична от типов керамики ананьинского

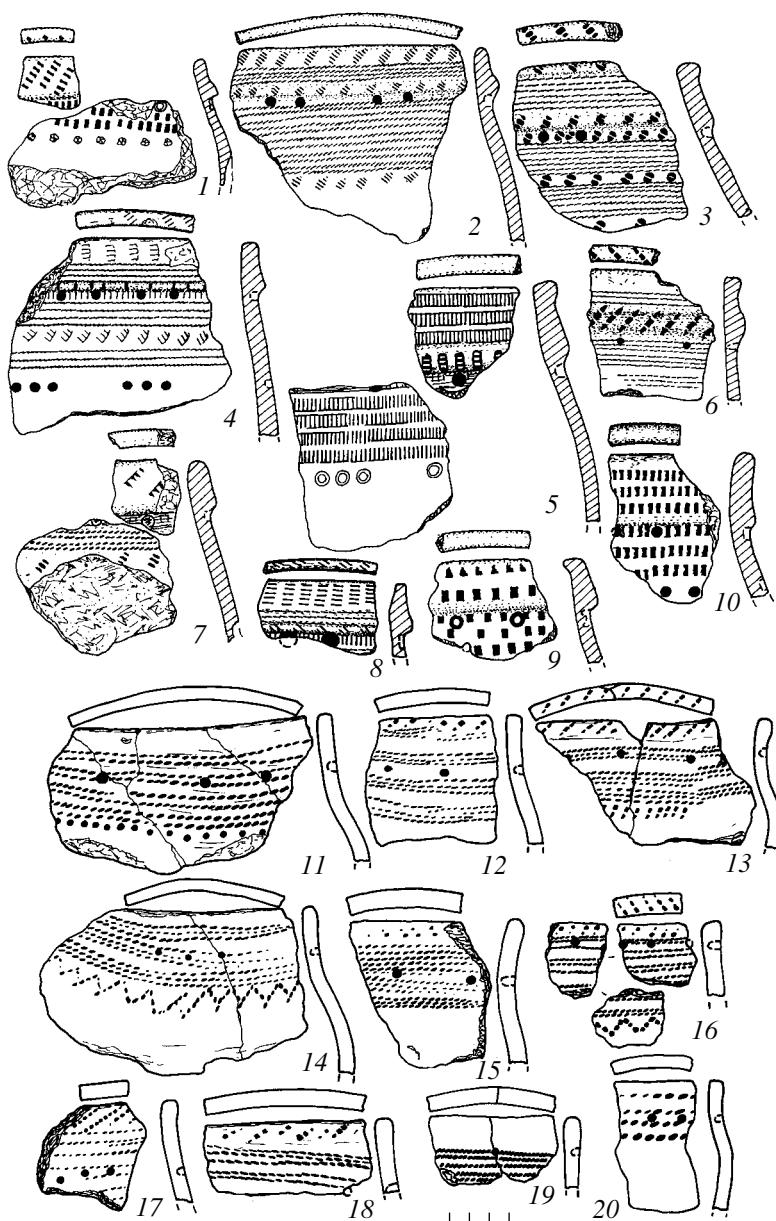

Рис. 5. Керамика ананьинского облика с поселений Западного Беломорья: 1–10 – керамика типа Красная Гора; 11–20 – керамика типа Водоба; 1–9 – Бохта II; 20 – Тунгуда XV; 11–14, 17, 18, 20 – Залавруга IV; 15–19 – Горельый Мост VI; 16 – Горельый Мост VII.

облика с минеральными примесями (группы Красная Гора и Водоба), распространившихся в раннем железном веке в южной части бассейна Белого моря.

Комплекс керамики поселения (поселений?) Красная Гора (Фосс, 1952. С. 239, 240), находящегося на Летнем Берегу Белого моря, является опорным для одноименного типа керамики.

Керамика типа Красная Гора (рис. 5, 1–10) обладает рядом признаков, характерных для некоторых групп ананьинской посуды Поволжья, Прикамья и Европейского Северо-Востока: преоблада-

ние сосудов с валиками-воротничками; наличие под валиком-воротничком пояска из ямок, часто сгруппированных по три; широкое использование в орнаментации горизонтальных линий из отпечатков шнура, иногда чередующихся с оттисками гребенки; сосуды имеют чашевидную или котло-видную форму, округлое дно, невысокую шейку, слегка или средне раздутое тулово.

Специфика типа: наличие в коллекциях сосудов, украшенных линиями и рядами из оттисков широкой гребенки с тонкими или приостренными зубцами. Оттиски широкой гребенки копируют

схему орнаментации посуды с отпечатками шнура. Доля сосудов, украшенных подобными оттисками (в том числе в сочетании со шнуровыми), составляет среди ананьинской керамики с валиками-воротничками на поселении Бохта II – 73%, на поселении Горелый Мост VI–VIII (низовье р. Выг) – 56%, на поселениях Красная Гора – Чукча – 47%.

В Беломорье (от верховьев р. Тунгуда на западе до устья Северной Двины на востоке) на 13 поселениях найден 91 сосуд типа Красная Гора. В бассейне Северной Двины керамика рассматриваемого типа обнаружена на поселениях: Ковозеро IV, Приозерное II (Верещагина, Ашихмина, 1980), Приозерное IV. Керамика типа Красная Гора известна также на некоторых поселениях оз. Водлозеро в восточной части бассейна Онежского оз. (Косменко, 1992. Рис. 49, 1, 4, 9, 10; 54, 5). Небольшие серии сосудов этого типа есть в материалах ряда поселений бассейнов озер Лаче, Воже (Селище), Кубенское. Общее количество сосудов типа Красная Гора в южной части бассейна Белого моря и восточной части бассейна Онежского озера не превышает 200 экз.

Абсолютная хронология комплексов типа Красная Гора может быть определена на основе восточных и юго-восточных аналогий (устойчивое сочетание валиков-воротничков и группировок ямок) VI–V вв. до н.э. Керамика с такими признаками отнесена Л.И. Ашихминой к третьей, каменноложской стадии бытования ананьинской посуды в Среднем Прикамье (1985. С. 11).

Отсутствие на южном побережье Белого моря ранней ананьинской посуды (рис. 1) указывает на пришлый характер населения с керамикой типа Красная Гора. Явные черты сходства керамики типа Красная Гора и относительно ранней керамики поселения Приозерное II, концентрация ранних ананьинских памятников в верхнем течении Северной Двины и бассейне р. Выг с учетом данных по пространственному распространению рассматриваемого типа позволяют наметить наиболее вероятный путь проникновения ананьинского населения на Белое море – по Северной Двине. С юго-западного побережья Белого моря, видимо, произошло проникновение на юг небольших групп ананьинского населения в бассейн озер Водлозеро, Лаче и Воже.

Опорными комплексами для другой западной группы ананьинской посуды является керамика поселений Водоба и Водоба II, расположенных на северном побережье Белого оз. Керамика типа Водоба сближается с ананьинской по форме сосудов (круглодонные чашевидные или котловидные сосуды), пояском из групп ямок, горизонтальным линиям из оттисков шнура, редко гребенки (рис. 5, 11–20).

Имеется ряд поселений, где керамика типа Водоба представлена в чистом виде, без других разновидностей ананьинской посуды – Залавруга IV, Ку-

бенино (раскопки В.И. Смирнова), Водоба, Водоба II и т.д. Количество сосудов этого типа в коллекциях достаточно велико – не менее 700 экз. (без учета керамики с оттисками шнура со стоянок и городищ на Верхней Волге).

В отличие от керамики типа Красная Гора и ананьинской керамики Европейского Северо-Востока в орнаментации керамики типа Водоба зафиксировано использование оттисков довольно толстого шнура – почти веревочки, диаметром около 2–4 мм. Этот признак позволяет достаточно уверенно выделять керамику этой группы из смешанных коллекций. Валики и воротнички, видимо, не встречаются. Раздутость тулова сосудов в отличие от керамики типа Красная Гора выражена слабо. Ощущается небрежность в нанесении шнуровых оттисков и групп ямок. Изредка на керамике с отпечатками толстого шнура встречаются оттиски веревочного узелка, парных отпечатков в виде “слезки”; тулово некоторых сосудов имеет сетчатое декорирование. Эти признаки характерны для дяковской керамики городищ Верхнего Поволжья.

Отсутствие валиков-воротничков на керамике типа Водоба, возможно, свидетельствует о ее более раннем возрасте по сравнению с керамикой типа Красная Гора. С другой стороны, судя по невысокой доле орнаментированных венчиков, доминированию сосудов с оттисками шнура (гребенки) и поясков сгруппированных ямок, керамика типа Водоба и керамика типа Красная Гора близки в хронологическом отношении. На Верхней Волге керамика с толстым шнуром найдена в нижних слоях городищ у г. Калязина и с. Городище, на Минском городище (Гурина, 1963. С. 164–182), что указывает на ее относительно ранний возраст по отношению к дяковским древностям. На Минском городище найдена бронзовая гривна (Гурина, 1963. Рис. 66, 7), которая имеет аналогии в ананьинских гривнах Среднего Поволжья, датируемых VII–VI вв. до н.э. (Патрушев, Халиков, 1982). Имеющиеся данные позволяют датировать керамику типа Водоба в пределах VII–V вв. до н.э.

Динамика пространственного размещения комплексов керамики типа Водоба (рис. 1) с учетом наличия в орнаментации некоторых сосудов этого типа отдельных дяковских элементов свидетельствует о верхневолжском происхождении этой группы.

На единичных сосудах типа лууконсаари Юго-Западного Беломорья (бассейн р. Тунгуда и низовье р. Выг) и Западного Прионежья встречаются признаки, указывающие на влияние ананьинских традиций – группировки ямок, пояски из отпечатков шнура, иногда объединенные по три, сосуды с валиками-воротничками (рис. 4, 1–6, 8, 9, 11–13).

Отдельные ананьинские признаки прослеживаются в посуде позднекаргопольского типа. К этому типу относится керамика, обладающая устой-

чивым сочетанием признаков, характерных как для сетчатой керамики, так и для ананьинского гончарства (Ошибкина, 1975; Манюхин, 1991; 2002; Косменко, 1993). Подходы исследователей к классификации и определению специфики позднекаргопольской керамики не совпадают. Посуда данного типа, учитывая ее синкретический характер и наличие специфических самобытных черт, должна иметь особый таксономический статус и не может рассматриваться как одна из групп керамики ананьинского культурно-хронологического пласта, как это предполагают И.С. Манюхин и М.Г. Косменко (Манюхин, 1991; 2002; Косменко, 1993).

На некоторых сосудах позднекаргопольского типа Восточного Прионежья, бассейна озер Лаче и Воже могут быть выделены отдельные признаки, характерные для керамики лууконсаари – пояски прочерченного гребенчатого штампа и каннелюры. Южнее, на некотором удалении от границы распространения керамики типа лууконсаари, в бассейне Белого озера и верховьях р. Сухона подобной керамики практически нет (рис. 1).

Подводя итоги, отмечу, что керамика с ананьинскими чертами в юго-западной части бассейна Белого моря появляется в результате передвижек групп населения с двух основных направлений – из бассейна Северной Двины и с Верхней Волги. Обе разновидности ананьинской посуды (типа Красная Гора и Водоба) хронологически близки, что косвенно указывает на наличие какого-то внешнего фактора, вызвавшего, по-видимому, в VI в. до н.э. переселение на запад и северо-запад некоторых групп ананьинского населения. В определенный момент в Восточном Прионежье и Юго-Западном Прибеломорье два потока ананьинского населения, видимо, частично пересеклись. Западная граница ананьинских поселений протянулась от Юго-Западного Прибеломорья к восточному берегу Онежского оз. и далее на юг примерно к нижнему течению р. Молога (рис. 1). По обе стороны от границы распространения керамики лууконсаари и ананьинской имеется широкая полоса (до 200 км), где изредка встречаются гибридные сосуды, сочетающие признаки двух этих типов. Видимо, с течением времени между соседствующими группами местного и пришлого населения установились брачные связи, которые привели к эпизодическому появлению на контактной территории смешанных традиций в керамическом производстве. Данная этнокультурная граница, установившаяся примерно в середине I тыс. до н.э., сохраняется и в конце I тыс. до н.э. Более сложная этнокультурная ситуация, видимо, имела место в раннем железном веке на территории Юго-Восточного Прионежья, бассейна озер Белое, Лаче, Воже, верховьях р. Сухона, где наблюдается устойчивое сочетание традиций, характерных для сетчатой (отчасти, видимо, дяковской) и ананьинской керамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аишхмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье // Серия репринтов “Научные доклады” филиала АН Коми ССР. Вып. 119. Сыктывкар, 1985.
- Аишхмина Л.И., Васкул И.О.* Памятники ананьинской культурной общности // Археология Республики Коми. М., 1997.
- Башенькин А.Н.* Вологодская область в древности и средневековье // Вологда. Историко-культурный альманах. Вып. 2. Вологда, 1996а.
- Башенькин А.Н.* Домик мертвых Куреваниха XX на р. Мологе // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996б.
- Брюсов А.Я.* История древней Карелии // ТГИМ. 1940. Вып. 9.
- Верецагина И.В., Аишхмина Л.И.* Раннеананьинские поселения в бассейне Северной Двины // Древние памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1980.
- Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). М., 1988.
- Гурина Н.Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. 1961. № 87.
- Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Костромском Поволжье // МИА. 1963. № 110.
- Жульников А.М.* Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск, 2005.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.
- Косменко М.Г.* Стоянка Елменкоски на оз. Куйто // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск, 1982.
- Косменко М.Г.* Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск, 1992.
- Косменко М.Г.* Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб., 1993.
- Косменко М.Г.* Поселения охотничье-рыболовецких культур // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Косменко М.Г.* Проблемы изучения этнической истории бронзового века – раннего средневековья в Карелии // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средневековье). Петрозаводск, 2006.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983.
- Кузьминых С.В.* Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной археологической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. Рязань, 1993.
- Манюхин И.С.* Позднекаргопольская культура (вопросы периодизации и хронологии) // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Манюхин И.С.* Происхождение саамов. Петрозаводск, 2002.
- Ошибкина С.В.* Краткая характеристика позднекаргопольской культуры // КСИА. 1975. № 142.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы. М., 1982.
- Савватеев Ю.А.* Залавруга. Ч. 2. Л., 1977.
- Фосс М.Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. 1952. № 29.

- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.
- Forsberg L.* Keramiken från Råingetlokalerna. Mångfald i tid och formspråk // Tidsspår. Fortidsvärld och gränslöst kulturarv. Umeo, 2001.
- Jørgensen R., Olsen B.* Asbestkeramiske grupper i Nord-Norge. 2100 f.Kr. – 100 e.Kr. // TROMURA. Tromsø, 1988.
- Lavento M.* Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus. Helsinki, 2001.
- Linder A.* C-14-datering av norrländsk asbestkeramik // Fornvännen. 1966. № 3.
- Meinander C.F.* Dåvits. En essä om förromersk järnålder // Finskt Museum. 1969. № 76.
- Hulthen B.* On ceramic ware in Northern Scandinavia during the Neolithic, Bronze and Early Iron Age // Archaeology and Environment. 1991. № 8.
- Huure M.* Suomussalmen varhaista metallikauta // Suomen Museo-1981. 1982. № 88.
- Huure M.* The eastern contacts of Northern Fennoscandia in the Bronze Age // Fennoscandia archaeologica. 1986. № 3.

The western part of the White Sea in the Early Iron Age: the dynamics of cultural interaction

A. M. Zhulnikov

Summary

The article is devoted to analysis of Early Iron Age complexes from the western part of the White Sea and neighboring regions. The initial period of the Early Iron Age is characterized by the spread of four types of ceramics in the territory, – Kjelmoøy, Luukonsaari and two Anan'ino subtypes: Krasnaja Gora and Vodoba. The appearance of Anan'ino-type ceramics in the western part of the White Sea was connected with the migration of peoples from the east, namely, from the basin of the Northern Dvina river, and from the south, – the upper part of the Volga river basin. Luukonsaari and Kjelmoøy types are of local origin. Two different groups coexisted in the western part of the White Sea region at the same time, and this resulted in the emergence of hybrid pottery combining the features of both Luukonsaari and Anan'ino types in the contact territory. In the 3d c. BC the inhabitants of the White Sea region already knew the technology of iron production in furnaces constructed of stone slabs.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НИЗОВЬЕВ СЫРДАРЬИ (по материалам Хорезмской археолого-этнографической экспедиции)

© 2008 г. Ж. Т. Сыдыкова

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

Низовья Сырдарьи – часть Туранской низменности, которая охватывает территорию от Каспийского моря на западе до Центрального Казахстана на востоке и от степной полосы на севере до южных окраин крупнейших азиатских пустынь Каракум и Кызылкум на юге (Энциклопедический..., 1973. 675). По определению академика В.В. Бартольда, Туран – это “бассейн Аральского моря” (Бартольд, 1971. С. 231). Район Нижней Сырдарьи составляет восточную часть этого бассейна, поэтому в научной литературе низовья Сырдарьи называют и Восточным Приаральем.

Физико-географические особенности Восточного Приаралья обеспечили возможности для тесных экономических, политических и культурных контактов разных народов, создавших различные типы хозяйства и культуры. Низовья Сырдарьи ограничивались на востоке степями Центрального Казахстана, обеспечивающими развитие кочевой цивилизации, а западные границы этого района соприкасались с побережьем Аральского моря, имевшего особое значение в торгово-экономических связях, и Хорезмским оазисом, в котором жители веками создавали высокую культуру земледелия. Южная часть области ограничивалась территорией Южного Казахстана, где в средневековье развивалась городская культура, а на севере – долинами Западного Казахстана, игравшими огромную роль в политических и экономических отношениях между государствами Восточной Европы и Центральной Азии.

История Восточного Приаралья охватывает несколько тысячелетий. С глубокой древности народы, населявшие этот регион, осваивали огромную территорию, связывавшую Запад и Восток, и формировали своеобразный тип хозяйства и культуры. Об этом свидетельствуют уникальные археологические памятники, расположенные на берегах сухих русел древних протоков Сырдарьи, и сложная система орошения, охватывающая территорию от Восточного Приаралья до Хорезма.

Упоминание о низовьях Сырдарьи и названия некоторых городов данного региона встречаются в весьма древних источниках. Эти места были хорошо известны средневековым арабским и персидским авторам, таким как ал-Якуби (IX в.), ал-Масуди (X в.), ибн Хаукал (X в.), ибн Русте (X в.), ал-Ид-

риси (XI в.) (Материалы..., 1939). Историко-географическое изучение региона начинается с середины XVIII в. В 1740–1741 гг. эту территорию посетили поручик Оренбургского Драгунского полка Д. Гладышев и геодезист Муравин по пути из Орска в Хиву. В их записках упоминается городище Джанкент и даны расстояния до некоторых памятников от обозначенных мест (Поездка 1851). Пишут о некоторых развалинах в сырдарьинских низовьях и С. Ремезов, П. Рычков, М. Мейер, А.И. Макшеев и др. (Ремезов, 1882. С. 316–319; Рычков, 1762; Макшеев, 1856. С. 69). Еще в 1867 году П.Л. Лерх, член Русского Императорского Археологического общества, посетил некоторые памятники низовьев Сырдарьи и произвел первые раскопки на одном из них – городище Джанкент. В его отчете, опубликованном в “Известиях Русского Императорского Археологического Общества”, описывается тогдашнее состояние памятника и определяется предположительное место некрополя городища (1870). Члены Туркестанского кружка любителей археологии, созданного в 1895 г. в Ташкенте, во время своих поездок по Средней Азии и Казахстану не только фиксировали вновь открытые ими памятники, но и пытались отождествлять их с упомянутыми у древних авторов городами (Смирнов, 1897. С. 11, 12; Каллаур, 1904).

Наиболее значительную роль в изучении района Нижней Сырдарьи сыграла Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция (ХАЭЭ). Именно ее работы доказали, что эта территория являлась своеобразным мостом между земледельческими и кочевыми цивилизациями, что здесь скрещивались исторические пути передвижения народов, происходили культурные и экономические контакты. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, возглавляемая С.П. Толстовым, начала свои разносторонние исследования в низовьях Сырдарьи в 1946 г. Крупная экспедиция, включившая в свой состав археологов, этнографов, топографов, почвоведов, гидрологов, продолжала свои широкомасштабные изыскания в низовьях Сырдарьи до 1990-х годов. Перед экспедицией стояли следующие задачи: обследование памятников древности в районе; определение значения оросительных систем Нижней Сырдарьи в

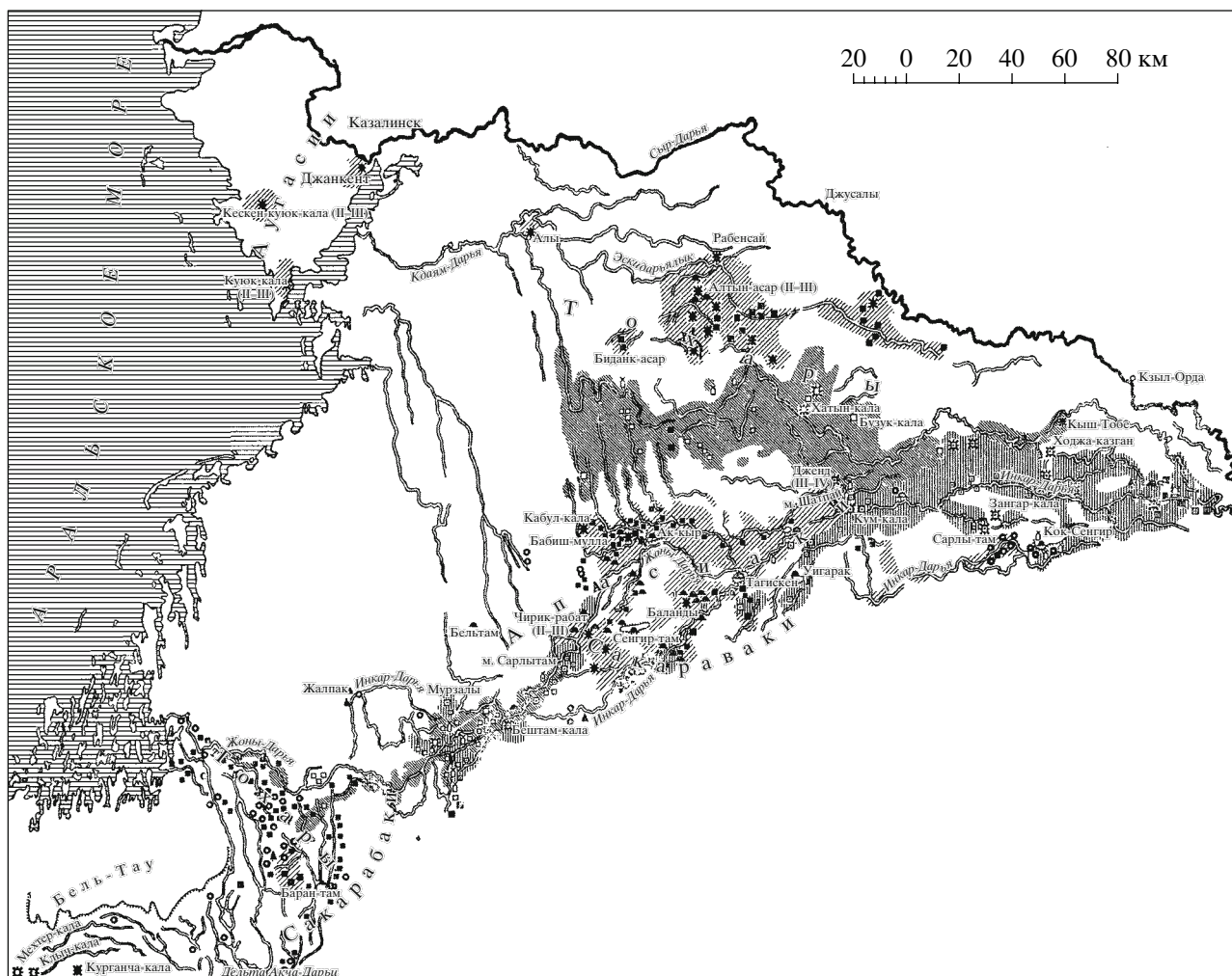

Рис. 1. Карта распространения археологических культур в бассейне р. Сырдарьи.

жизнедеятельности обитателей региона и выявление их этапов развития и структуры; исследование природных условий в древности и средневековье и влияния изменений экологической ситуации на историко-этнические и миграционные процессы; изучение этнической истории низовьев Сырдарьи с эпохи неолита до позднего средневековья; прослеживание этнокультурных, политических и экономических связей населения Нижней Сырдарьи с Хорезмом и сопредельными странами в древности, по данным письменных и археологических источников; установление ясной исторической картины Восточного Приаралья от момента заселения до позднего средневековья.

В результате многолетних работ было открыто и исследовано несколько сотен археологических памятников, сложная система орошения, разработаны вопросы природных условий и экологии региона в древности (рис. 1).

В древности и средневековье экологические условия Приаралья существенно отличались от со-

временных. Это необходимо учитывать при изучении истории и палеоэтнографии народов низовьев Сырдарьи (Вайнберг, 1997. С. 24). На огромной пустынной равнине Восточного Приаралья выделяются четыре системы древних сырдарьинских протоков: Инкардаря, Жанадаря, Кувандарья и Пракувандарья (иначе – Эскидарьялык). Именно эти древние протоки играли важную роль в истории и жизнедеятельности населения низовьев Сырдарьи. Они с древних времен создавали благоприятные условия для существования на этой территории разных племен с яркими, своеобразными культурами. Благодаря исследованиям, проведенным ХАЭЭ, удалось определить периоды функционирования этих протоков (Андрианов, 1969; Вайнберг, 1999). Самые ранние русла Инкардаря и Эскидарьялыка образовались в III тыс. до н.э. Русло Кувандарьи сформировалось в начале I тыс. до н.э. к югу от Эскидарьялыка, а Жаныдаря образовалась во второй четверти I тыс. до н.э. Южный проток системы – Инкардаря прекратил свое суще-

ствование. Судя по археологическим данным, в среднем и нижнем течении это русло не обводнялось уже во второй половине I тыс. до н.э. В конце III–II в. до н.э. прекратился сток воды в Жаныдарье. Северное русло системы – Эскидарьялык – функционировало до VIII в. н.э. В это время завершается процесс формирования современного сырдарьинского русла. В IX–XII вв. существовало русло Кувандарьи, а староречье восточной части Инкардарьи вновь обводняется в IX в. Сток вод Жаныдарьи возобновляется в XII и функционирует вплоть до XV–XVI вв. (Левина, 1996. С. 4, 5). Периодические изменения экологической ситуации, безусловно, повлияли на жизнь жителей этого региона. Археологические памятники, расположенные на берегах вышеназванных древних сырдарьинских протоков, определяют время их существования.

Данные археологических исследований позволили установить историко-этническую картину региона с древних времен до позднего средневековья. Только относящихся к неолиту археологических памятников в настоящее время насчитывается около четырех десятков. Среди них можно упомянуть такие стоянки, как Космола 1–6, Жалпак 1, 2, 4, 6, Айнора и др. (Левина, 1998. С. 44). В бронзовом веке население, обитавшее в долинах южных протоков Сырдарьи, оставило такой яркий памятник своей культуры, как могильник Тагискен. Мавзолеи Северного Тагискена представляют собой интереснейший культурный комплекс, сочетающий традиции степной бронзы Центрального Казахстана и компоненты древнебактрийской цивилизации (Итина, 1992. С. 36). В античное время территория заселяется различными сакскими племенами, от которых также остались многочисленные поселенческие и погребальные памятники. Городища Чирик-Рабат, Бабиш-мулла, Баланды и связанные с ними погребальные сооружения, шлаковые курганы могильников Сенгир-там и Уйгарак являются классическими памятниками раннего железного века. Эти памятники по ряду существенных признаков (тип расселения, керамический комплекс, погребальный обряд и сооружения) объединяются в одну компактную группу, названную чирикратской культурой, и датируются рубежом V–IV–III вв. до н.э. (Вайнберг, Левина, 1993. С. 6; Вайнберг, 1999). В VII в. до н.э. – VIII–IX вв. н.э. в северных районах сырдарьинской дельты, в бассейне Кувандарьи и Эскидарьялыка, развивается самобытная джетыясарская культура. С конца 1940-х по 1990-е годы было раскопано несколько сотен курганов и более полусотни городищ джетыясарской культуры. В результате исследований этих памятников стало ясно, что топография джетыясарских памятников в отличие от топографии инкардарьинских и жанадарьинских неукрепленных поселений VII–II вв. до н.э. имеет совершенно иной характер. Среди джетыясарских

городищ были лишь многослойные, с развитой фортификацией крепости, и не найдено ни одного неукрепленного поселения. Л.М. Левина, исследовавшая с 1960-х по 1990-е годы джетыясарскую культуру, подтверждает необычайную устойчивость и консерватизм джетыясарских памятников на протяжении всего периода бытования культуры в регионе (1998. С. 48). Памятники Джетыясарского оазиса доживают до раннего средневековья и приходят в запустение в VII–VIII вв. в результате пересыхания русел Эскидарьялыка.

В IX–X вв. на берегах Кувандарьи возникают очень крупные городища, такие как Джанкент, Кескен Куюк-кала, Куюк-кала. Эти памятники были названы академиком С.П. Толстовым “болотными городищами” (Толстов, 1947; 1962). Они расположены на дельтовом острове, ограниченном с севера Сырдарьей, с запада Аральским морем и с юго-востока – болотистыми камышовыми плавнями, в которые впадает староречье Кувандарьи. Среди городищ самым крупным является Кескен Куюк-кала, затем Джанкент и Куюк-кала. В IX–XI вв. эти города становятся центрами Огузского государства. Об этом свидетельствуют сведения средневековых авторов. В этих письменных источниках Джанкент фигурирует как резиденция огузского царя (Материалы..., 1939. С. 150).

Современное название памятника Жанкент (в русской транскрипции Джанкент) происходит от тюркского “Янгикент”. “Жан”, измененная форма прилагательного “жана”, переводится так же, как и “янги” – новый. “Кент” означает поселение, крепость (Курманкулов и др., 2006. С. 29).

В средневековых письменных источниках Джанкент упоминается под несколькими названиями, которые переводятся именно как “новый город”: Янгикент – тюркское название: Янги – новый, Кент – поселение, город; Ал-Карьят ал-Хадиса, ал-Мадина ал-джадида – арабское название: карьят, мадинатун – город, хадисун, джадидун – новый; Дих-и-нау – персидское название: дих – селение, нау – новый (Бартольд, 2002. С. 61).

Один из первых письменных источников, в котором упоминается городище Джанкент, это сочинение арабского историка Ибн-Русте “Китаб ал-а’алак ан-Нафиса”, написанное в X в. Автор, описывая нижнее течение Джейхуна (Амударьи), пишет: “на западном его берегу – горы, называемые Сиякух, на восточном – заросли, переплетающихся между собой деревьев; через них почти невозможно пройти или проехать, по дорожке, по которой ходят дикие кабаны, и (по дороге) к северному концу берега, ездит царь населения, называемого Новое селение” (Материалы..., 1939. С. 150).

Ал-Масуди, арабский историк и географ, в своем сочинении “Китаб мурудж аз-захаб”, написанном в 947 г., сообщает о Новом городе (ал-Медина

Рис. 2. Внешняя стена городища Джанкент.

Рис. 3. Пахсовые кладки внешней стены городища Джанкент.

ал-Джадида), в котором живут мусульмане (Материалы..., 1939. С. 166).

Персидский географ Ибн Хаукал в книге “Китаб ал-месалик ва-л-мемалик” о Новом Селении у реки Шаша¹: “А в Новом Селении живут мусульмане и вместе с тем – оно столица государства гузов. Вблизи от него (находится) Дженд и Хора², в обоих живут мусульмане, а власть принадлежит гузам. Самое большое из трех мест – Новое Селение, оно находится в 10 днях пути от Хорезма и в 20 днях пути от Фараба.” (Материалы..., 1939. С. 184).

Ал-Макдиси пишет: “Дженд, Харэ (Хварэ), Дех-и-Нау – три города, лежащие на берегу реки Чача. От Хорезма в 10 переходах, от Параба в 20 переходах. Князь гузов зимой находится в этом Дех-и-Нау.” (Материалы..., 1939. С. 217).

Джанкент имеет прямоугольную форму, размерами 600 x 500 м (Курманкулов и др., 2006. С. 29). На памятнике хорошо сохранилась фортификация – внешние стены с выступающими полукруглыми башнями (рис. 2). С западной и восточной сторон находятся въездные ворота. Цитадель, возвышающаяся почти на 8 м, расположена в северо-западной части городища, размер цитадели 100 x 100 м. Внешние стены, за исключением восточной, превратились в вал до 8 м высотой, вдоль которого местами на неравных расстояниях (25–40 м) видны расширения – следы бывших башен. Восточная стена городища сохранилась относительно хорошо. В основании ее прослеживается сырцово-кирпичная кладка, над которой на высоту около 3 м идет пахсовая кладка (рис. 3). Стена

укреплена округленными башнями, расположенными на расстоянии около 30 м между осями. Ширина башен – около 3 м (Толстов, 1947. С. 58). Подъемный керамический материал, собранный с городища в 1946 г., датирован IX–XI вв.

В 2005 г. совместная экспедиция Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК и Кызылординского государственного университета им. Коркыт Ата (Казахстан) на городище Джанкент начала новые археологические исследования как продолжение работ ХАЭЭ. Уже третий год в Джанкенте ведутся разносторонние археологические исследования. В 2005 г. экспедиция работала в два этапа: июнь и сентябрь-октябрь. На первом этапе изучения городища были проведены фото- и видео-фиксация, съемка координат при помощи GPS, сбор подъемного материала. Для уточнения параметров поселения была проведена инструментальная съемка плана городища при помощи электронного тахеометра (модель фирмы Leica – TGR 705) (рис. 4).

С этой целью было заложено два контрольных шурфа в южной части памятника, размерами 3 x 3 м. Анализ стратиграфических горизонтов позволяет выделить три уровня обживания данной территории. В течение первых двух она оставалась открытой, поэтому происходило постепенное накопление слоев. На третьем уровне этот участок начинает застраиваться: были выявлены остатки кладки из сырцовых кирпичей. Обнаруженный керамический материал оказался однородным на протяжении трех уровней (Отчет..., 2006).

С целью определения времени и последовательности возведения крепостной стены и цитадели был разбит шурф № 3, размером 2 x 4 м у стыка стены цитадели с внешней стеной. В северо-восточной части городища, в холме, изрытом многочисленными грабительскими ямами, был заложен раскоп № 1. После снятия первого штыка на рас-

¹ Шаш – средневековое название реки Сырдарья.

² Вопрос об отождествлении Хоры (Хувара, Джуvara) до сих пор не решается однозначно. В свое время К.М. Байпаков предположительно помещал ее вблизи мавзолея Хоркут-Ата (см: Байпаков, 1986. С. 28). В настоящее время К.М. Байпаков считает, что Хора соответствует одному из “болотных городищ” либо Кескен Куюк-кале, либо Куюк-кале (Байпаков, 2007. С. 52).

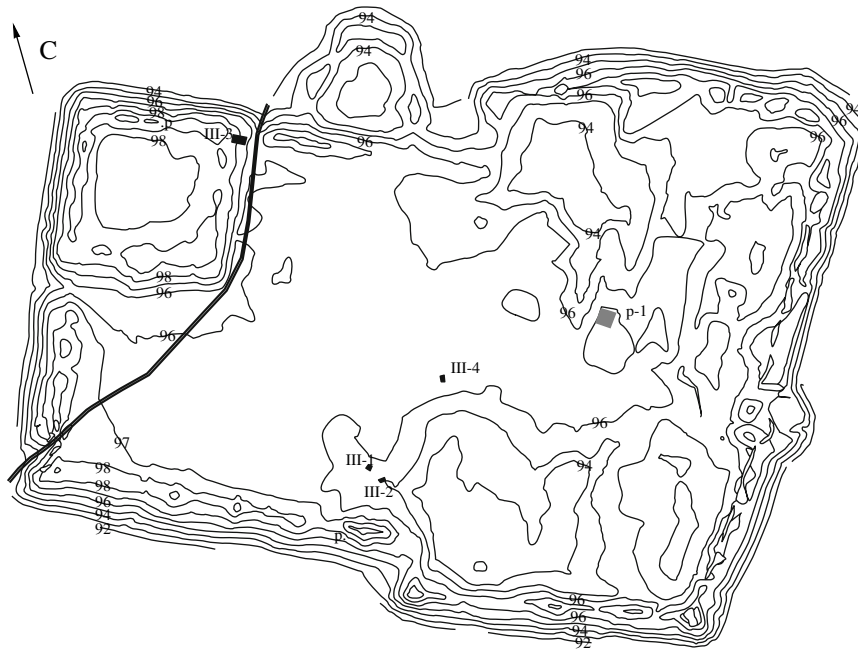

Рис. 4. Топографический план Джанкента.

копе № 1 стали видны контуры сырцовых стен. Здесь было открыто несколько помещений. Раскоп охватил часть большого многокомнатного жилого комплекса. Стены его были сложены из большеформатных сырцовых кирпичей и имели толщину от 50 до 80 см. Стены были ориентированы по сторонам света. Помещения имели различную планировку и назначение (Отчет..., 2006).

Керамический комплекс, полученный в результате раскопок, по технологии изготовления делится на две крупные группы: гончарную и лепную посуду. Наиболее распространенные формы керамики – горшки, миски, кувшины и хумы.

Данные новых археологических раскопок датируют верхний слой памятника IX – первой половиной X в. (Курманкулов и др., 2006. С. 31).

Кескен Куюк-кала располагается на южном берегу ныне сухого протока древней дельты. Размер городища 560 x 700 м (рис. 5). Площадь городища, окруженная сильно размытым валом – результат размыва стен из сырцового кирпича, поднимается над окружающей местностью на высоту около 2 м. Цитадель имеет прямоугольную планировку. Сырцовые кирпичи застроек по размерам приближаются к афригидским (Толстов, 1947. С. 62). Раскопки, произведенные ХАЭЭ в 1963 г. (начальник раскопок Б.И. Вайнберг), выявили, что верхний наиболее мощный культурный слой цитадели датируется VII–IX вв. Кескен Куюк-кала являлась развитым центром ремесленного производства. По данным археологических разведок можно сделать вывод, что помимо керамического производства, население занималось выплавкой железа и

Рис. 5. Кескен-Куюк кала.

меди, а также производило большое количество стеклянной посуды различного назначения (Курманкулов и др., 2006).

Куюк-кала расположена примерно в 700 м от старого русла бывшего дельтового протока. Городище подпрямоугольной формы, размером 145 x 290 м. В середине его северной стены находится округлый оплывший бугор цитадели площадью 50 x 50 м. Городище окружено неглубоким рвом, около 10 м шириной (Толстов, 1947. С. 65).

Собранный на городищах подъемный материал позволил дать их первоначальное хронологическое определение и установить культурно-исторические связи создателей этих памятников. С.П. Толстов полагал, что в культуре “болотных

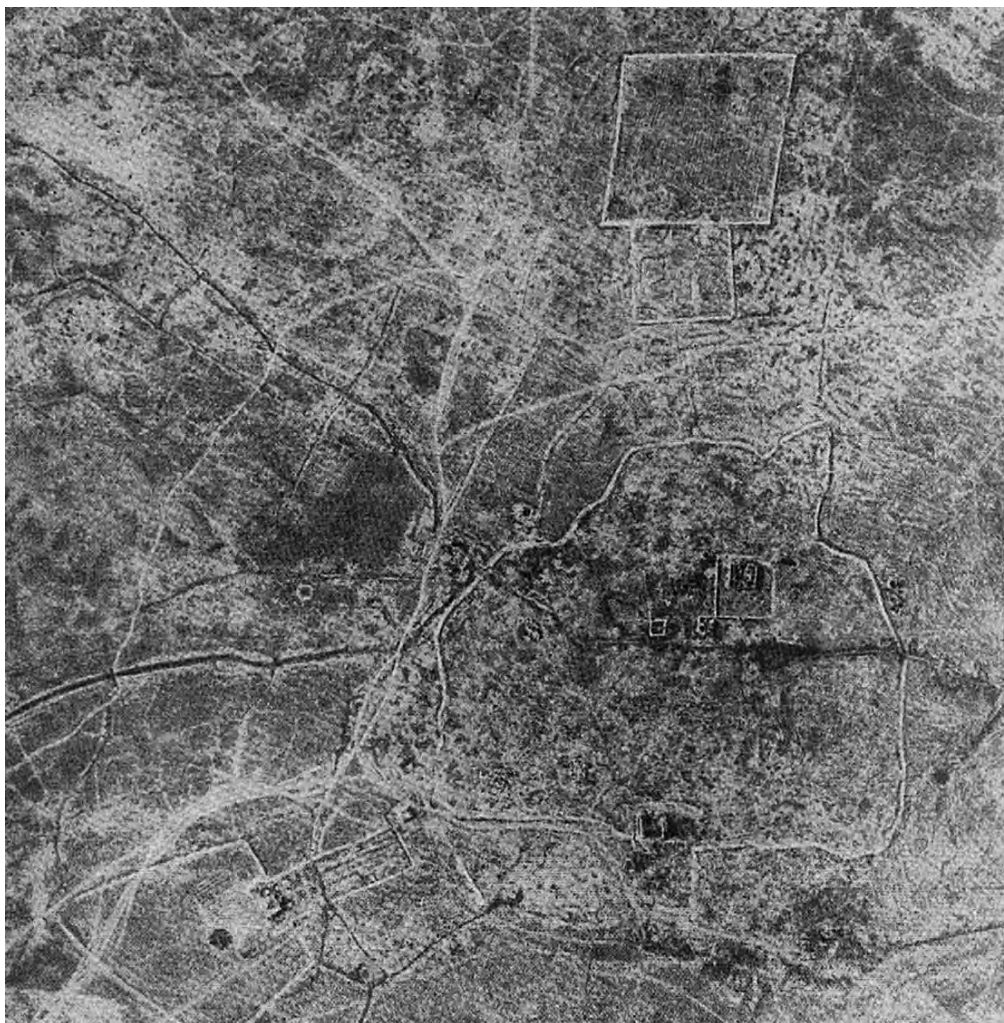

Рис. 6. Городище Дженд. Снимок с воздуха.

городищ” наблюдаются влияния высокой среднеазиатской цивилизации, в первую очередь Хорезма, и в меньшей мере Средней Сырдарьи (Джетыасары) (1962. С. 200). Многочисленные фрагменты сосудов, особенно небольших хумов типичных среднеафригидских (V–VII вв.) форм, с волнисто-линейным орнаментом, найденные на городищах Куюк-кала, Кескен Куюк-кала, богато представлены в Хорезме на Топрак-кале и в нижнем слое Тешик-калы. Планировка огузских городов (домамассивы) показала сохранение у них до X–XI вв. архаических общинно-родовых традиций, которые отражены в планировке античных городов и селений Хорезма V–VI вв. (Толстов, 1947. С. 67).

Время возникновения “болотных городищ” пока точно не известно, так как памятники были подвергнуты только рекогносцировочному изучению. Но по предположению С.П. Толстова данный район был заселен уже в конце эпохи бронзы, и история “болотных городищ” начинается со второй половины I тыс. до н.э. (1962. С. 198). Свое существо-

вание эти города прекратили в конце X–XI в. в связи историко-этническими процессами и природными катаклизмами в регионе. Изменение экологической ситуации вызывало массовое переселение огузов на юг и на запад, в том числе на Устюрт и в низовья Волги (Зиливинская и др., 2006. С. 33).

Средневековые авторы в числе “гузских городов”, расположенных в бассейнах Жанадарьи и Инкардарьи, называют Дженд и Асанас. Следы средневековых ирригационных систем и остатки орошаемых полей, развалины крупных городов и сельских поселений доказывают, что районы Инкардарьи и Жанадарьи были густо заселенными территориями в IX–XII вв. Города жанадарьинского бассейна: Дженд, Кумкала и Бештам-кала и сельские поселения, такие как Мурзалы, Уйгарак, Иркибай и Акмамбет; инкардарьинские города: Асанас, Сарлытам-кала, Зангар-кала, были подвергнуты археологическому изучению ХАЭЭ в 1950–60-е годы. Собранный на памятниках подъ-

емный материал датирует верхние слои памятников в основном X–XII вв. Только некоторые из них: Дженд и Асанас существовали до XIII–XIV вв. (Толстов, 1962. С. 290; Вактурская, 1979).

Городище Дженд, которое местными жителями называется Жан-кала, расположен в 115 км к западу-юго-западу от Кызылорды, на правом берегу Жанадарьи (рис. 6). В 1946 г. этот памятник был обследован Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. В результате исследований была установлена тождественность этого памятника с известным по письменным источникам городом Джендом (Толстов, 1948. С. 60, 61). В сочинении анонимного автора X в. “Худуд-ал-алам” Дженд упоминается в числе гузских (огузских) городов (Материалы..., 1939. С. 217). Со второй половины XI в. в письменных источниках Дженд упоминается уже как крайний восточный форпост Хорезма (Бартольд, 1965. С. 150). Он был центром значительного княжества, в XII в. зависимо от Хорезма, а ранее, в X–XI вв., игравшего крупную роль в истории хорезмско-огузских отношений и первого этапа возвышения династии сельджукидов. О переселении сельджукидов в Джендскую область сообщается в сочинении “Малик-наме”, составленном неизвестным автором в XI в. (Агаджанов, 1969. С. 176). Значение города Дженда с XI в. до монгольского нашествия было так велико, что даже Аральское море иногда называли “Джендским” (Толстов, 1962. С. 290). Такое название Аральского моря встречается в труде средневекового автора Ибн Наджиб Бекрана “Джехан-наме” (Материалы..., 1939. С. 34). В 1220 г. монголы захватили Дженд; в нем долго находилась ставка Джучи. Об этом сообщают средневековые авторы Джувейни и Рашид-ад-дин (Материалы..., 1939. С. 485). Во второй половине XIII в. Дженд посетил среднеазиатский ученый Джемал Карши. Он сообщает об упадке прежде очень богатого города, ставшего, по его словам, “ничтожным”. Тем не менее и в то время в Дженде “оставался оживленный базар, и купцы продолжали туда ездить с расчетом на прибыль” (Бартольд, 1965. С. 153).

В 1958 г. один из отрядов ХАЭЭ под руководством Б.В. Андрианова вел разносторонние исследования в Дженде и его окрестностях. В результате исследований был собран огромный подъемный керамический материал, кроме того, была изучена древняя ирригационная сеть Джендского оазиса (АИЭА. Ф. 142. Оп. 2. Д. 37. Л. 66–78). Джендский оазис – это обширный район, в котором хорошо прослеживаются следы средневековой ирригации. Каналы, связанные с ними усадьбы и укрепления, тянутся отсюда километров 40–50 к востоку, вдоль южного берега Жанадарьи почти до края современной, прилегающей к Сырдарье культурной полосы (АИЭА. Ф.142. Оп. 2. Д. 50. Л. 125). В 1961 г. маршрутный отряд под руководством С.П. Толстова вновь работал на этом памятнике, и тогда

был уточнен план городища. Площадь городища около 40 га. Территория оазиса представляет собой скопление археологических объектов разного времени и различной сохранности. Среди них можно увидеть развалины от XII–XIII вв. до каракалпакских поселений позднего средневековья (Толстов, 1962. С. 288–290). Керамика Дженда относится к нескольким историческим периодам. Большую группу составляют изделия, типологически близкие формам, бытовавшим в Хорезме в XIII–XIV вв. Это кувшины серого обжига с ручкой округлого сечения, узкогорлые кувшины с плечами, украшенными рельефным орнаментом, поливные кашинные сосуды нескольких видов и др. Кроме этих типов керамики на городище были найдены образцы хорошо известных люстровых сосудов XV–XVI вв., селадоновых и фарфоровых чаш, импортировавшихся в Среднюю Азию из Ирана и Китая (Толстов, 1962. С. 291). Все эти данные письменных и археологических источников позволяют нам сделать вывод, что Дженд располагался на перекрестке торговых и миграционных путей и был не только крупным экономическим центром, но и играл особо важную роль в этнокультурной и политической жизни региона Нижней Сырдарьи и Хорезма.

Одним из крупных памятников бассейна Инкардарьи является городище Асанас (рис. 7). Развалины Асанаса были отождествлены исследователями, в том числе В.В. Бартольдом, со средневековым городом Ашанас (или Эшнас), который по свидетельству Джувейни был захвачен в 1219 г. монгольскими войсками на пути из Сыгнака в Дженд (Бартольд, 1963. С. 236). В XIX в. В.А. Каллаур сделал подробное описание городища, снял план и итоги осмотра опубликовал в протоколах Туркестанского кружка (Каллаур, 1900). В 1954 г. ХАЭЭ посетила Асанас. В отчете о разведывательных работах, проведенных на памятнике, дано следующее описание: “В плане городище представляет собой многоугольник. Валы – остатки оборонительных стен с башнями – сохранились на значительную высоту (в некоторых местах на высоту до 4 м), внешний оборонительный ров отсутствует. Следы внутренней застройки прослеживаются очень хорошо, в виде усеянной керамикой холмов, иногда превышающих по высоте стены городища. По-видимому, город однажды претерпел изменение в планировке, причем это было сделано при частичном использовании старых оборонительных стен” (АИЭА. Ф.142. Оп. 2. Д. 21. Л. 176). Повторные исследования ХАЭЭ в 1960–1961 гг. доказали, что жителями Асанаса, культура которых была однородной с культурой коренного огузского населения низовий Сырдарьи, были местные огузы (Толстов, 1962. С. 282). Н.Н. Вактурская, проводившая археологические раскопочные работы в 1968 г. в Асанасе, считает, что «судя по керамике, городище Асанас было обитаемым

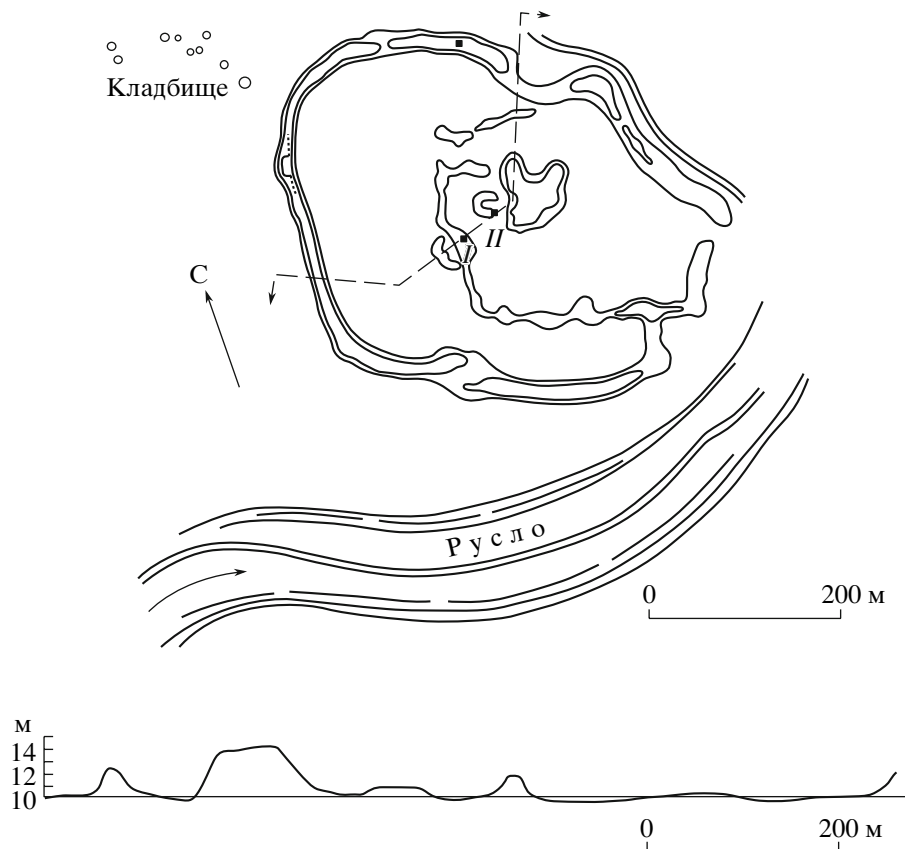

Рис. 7. Асанас. План и профиль городища.

со времени «болотных городищ» до XV в. Причиной его оставления были изменения в водном режиме присырдарьинского района» (Вактурская, 1979. С. 132).

В XIII в. монголо-татарское нашествие привело к упадку сырдарьинских городов. После этого бедствия развитие городской культуры в низовьях Сырдарьи прекращается на долгое время. Только в позднем средневековье в районе Нижней Сырдарьи возникают крупные крепости, такие как Орунбай-кала, Бузук-кала, Хатын-кала и неукрепленные каракалпакские поселения (Толстов, 1962. С. 306).

Подводя итоги, можно определить особо важную роль Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в изучении низовьев Сырдарьи. Результаты исследований доказали, что район Нижней Сырдарьи был центром своеобразных культур с древних времен. Города Восточного Приаралья имели огромное значение в историко-этнических, культурных и экономических связях населения низовьев Сырдарьи с Хорезмом. Племена, жившие в этой области, саки, кангюи, огузы сыграли весьма важную роль в этногенезе не только народов Казахстана и Средней Азии, но и в ис-

тории многих современных народов Центральной Азии и Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаджанов С.Г. Очерки истории Огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.
- Андреанов В.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алматы, 1986.
- Байпаков К.М. Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана // Изв. НАН РК. 2007. № 1.
- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963.
- Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана // Сочинения. Т. III. М., 1965.
- Бартольд В.В. Историко-географический обзор Ирана // Сочинения. Т. VII. М., 1971.
- Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.
- Вайнберг Б.И. Экология Приаралья в древности и средневековье // Этнографическое обозрение. 1997. № 1.
- Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М., 1993.

- Вактурская Н.Н.* Новые данные о городище Асанас // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю.* Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // РА. 2006. № 4.
- Итина М.А.* Ранние саки Приаралья // Археология СССР. М., 1992.
- Каллаур В.А.* Древние города Саганак (Сунак), Ашанас или Эшнас (Асанас) и др. в Перовском уезде, разрушенные Чингиз-ханом в 1219 г. // ПТКЛА. 1900. Год пятый.
- Каллаур В.А.* Древние города и селения (развалины) в Перовском уезде в долинах р. Сыр-Дарья и Яны-Дарья // ПТКЛА. 1904. IX.
- Курманкулов Ж.К., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д. и др.* Археологические работы на городище Жанкент (предварительные итоги) // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Актобе, 2006.
- Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
- Левина Л.М.* К истории исследований Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в Восточном Приаралье // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.
- Лерх П.И.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870.
- Макшеев А.И.* Описание низовьев Сырдарьи // Морской сб. 1856. Т. XXIII.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.; Л., 1939.
- Отчет об археологических работах на городище Джанкент в 2005 году. Т. I. М., 2006.
- Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах. СПб., 1851.
- Ремезов С.* Чертежная книга Сибири, составленная в 1701г. СПб., 1882.
- Рычков П.* Топография Оренбургская. СПб., 1762.
- Смирнов Е.Т.* Древности на среднем течении р. Сыр-Дарьи // ПТКЛА. Протоколы от 17.02.1897 г.
- Толстов С.П.* Города гузов // СЭ. 1947. № 3.
- Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
- Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Энциклопедический словарь географических названий / Гл. ред. С.В. Калесник. М., 1973.

Archeological sites in the lower reaches of the Syrdarya (based on the materials of the Khoresm archeological and ethnographical expedition)

J. T. Sydykova

Summary

The most important role in the investigations of the Lower Syr-Darya region belongs to the Khoresm archeological and ethnographical expedition. The material obtained in the course of the expedition's work proved that the territory in question served as a link between agricultural and nomad civilizations. The Khoresm expeditions started in 1946, and continued its largescale work till the 1990s. The investigations revealed several hundred archeological sites, a complex irrigation system, and the environmental conditions and ecology of the region in antiquity. The data obtained allowed to determine the historical and ethnographical situation in the region from ancient times to the Late Medieval period. The investigations proved that the Lower Syr-Darya region had been a center of outstanding cultures. The towns located in the Eastern Aral Sea region were an important factor in the historical, ethnic, cultural and economic relations between the region of the lower reaches of the Syr-Darya and Khoresm. The tribes that inhabited the territory played an important role in the ethnogenesis of Kazakhstan and Middle Asian peoples and in the history of many of the Central Asian and European peoples.

К ВОПРОСУ О БОКТАГ

© 2008 г. З. В. Доде

Ставропольский государственный университет

Встречающиеся в погребальных памятниках золотоордынского времени женские головные уборы с берестяным каркасом принято обозначать как *боктаг* – элемент костюма представительниц монгольского нобилитета. Но формы берестяных головных уборов из золотоордынских погребений не во всем соответствуют изображениям монгольских боктаг на портретах императриц и придворных дам династии Юань и дома Хулагу. Поэтому следует вернуться к вопросу о форме и декоре женских головных уборов эпохи Монгольской империи. Выявление типологии форм головных уборов на берестяном каркасе, обнаруженных в погребальных памятниках Золотой Орды, установление соответствия и различия между золотоордынскими находками и головными уборами династии Юань и Хулагуидов, определение имперского и этнического содержания в семантике золотоордынских головных уборов – основные задачи настоящего исследования.

БОКТАГ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛИ ЭТНИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ?

Боктаг известен по изобразительным и письменным источникам, а также по материалам археологических раскопок. Вильгельм де Рубрук обозначил этот предмет термином *bocca* (*Sinica Franciscana. Itinerarium. VI. 3*), что отражает монгольское *боутаг*. В китайских источниках этот головной убор именуется *гу-гу*.

Г.А. Федоров-Давыдов, говоря о конструктивных особенностях *боктаг*, ссылается на сведения Иоанна де Плано Карпини и китайского посла Сюй Тина (Федоров-Давыдов, 1966. С. 36, 37). Однако рассмотренные автором археологические находки головных уборов не являются боктаг и не соответствуют письменным свидетельствам и материалам изобразительных источников. В частности шапочку из кургана Старое Мусино 1/2 “в виде шлема-шишака” нельзя относить к боктаг, поскольку они имеют разную конструкцию завершения. Половецкие головные уборы с характерным элементом декора – так называемыми “рогами”, к боктаг никакого отношения не имеют. Есть лишь один общий элемент в этих находках, а именно, использованный материал: береста, кора и шелковые ткани, что само по себе не указывает на тождество формы и декора головных уборов. Тем не

менее наличие конструктивных деталей из бересты стало основанием для исследователей рассматривать все женские головные уборы из золотоордынских памятников как боктаг. Такой взгляд на артефакты был справедливо отвергнут В.А. Ларенок (1992. С. 171). Однако несмотря на критику в литературе все еще продолжается игнорирование типологического различия форм золотоордынских головных уборов.

Все находки с берестяным каркасом рассматриваются как монгольский боктаг, что используется в качестве аргумента для обоснования широкого расселения монголов (Нарожный, 2005. С. 176–178). Неправомерность такого подхода очевидна. Во-первых, не все золотоордынские берестяные головные уборы являются монгольскими. Во-вторых, в семантике боктаг превалирует не этническое, а политическое содержание. Наличие боктаг в немонгольских погребальных комплексах должно рассматриваться как знак принадлежности к группе, связанной с управлением Империей. Известно, что в Китае среди благородных монголов *гу-гу* были популярны на севере. Женщины народности хань практически не использовали *гу-гу*, а на юге их не было вообще (Jia Xizeng, 2005. P. 212). В этой ситуации наглядно отражена функция головного убора как политического символа. Его носили те, кто был причастен к управлению Империей, как знак своего отличия от покоренного населения.

Между тем Империя была открытой системой, ориентированной на включение и адаптацию новых этнических групп. “Монголами” были все, кто обрел свое место в новой иерархии власти. К середине XIII в. этноним *монгол* превратился в общеимперский политоним (Кляшторный, 1993. С. 140). Рашид ад-дин отмечает, что в его время, т.е. в XIV в., тюркские племена именуют себя монголами, “хотя в древности они не признавали этого имени” (Рашид ад-Дин, 1952. С. 102). Причина этого стремления – величие и могущество монголов. “Ныне дошло до того, что монголами называют народы Китая и Джурджэ, нангасов, уйгуров, кипчаков, туркмен, карлуков, калачей, всех пленных и таджикские народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами” (Рашид ад-Дин, 1952. С. 103).

Внешним выражением причастности индивида к империи, независимо от его этнической принадлежности, выступал костюм (Васильев, Кляшторный, 1993. С. 33–44). В мужском комплексе основным инвариантным признаком была прическа (Юрченко, 2003. С. 63–67), в женском – головной убор, поскольку публично замужняя женщина не могла появляться с открытыми волосами.

Ярким выражением политического содержания семантики боктаг являются находки этих головных уборов в материалах курганного могильника Телеутский Взвоз-1, в Лесостепном Алтае. Здесь берестяные навершия с расширением были обнаружены в женских захоронениях, погребенные в которых относились к местному тюрко-самодийскому населению, на что указывают особенности погребального обряда и антропологические данные (Тишкин и др., 2002. С. 138). В то же время мужчины, погребенные в этом могильнике, являлись представителями пришлого монгольского населения, мигрировавшего в Лесостепной Алтай из центральных земель Золотой Орды. По мнению исследователей могильника, небольшой военный отряд возглавил объединение местного населения (Тишкин и др., 2002. С. 142), т.е. мужчины находились на имперской службе, а следовательно, их местные жены имели право носить боктаг, как знак принадлежности к монгольскому нобилитету.

КОНСТРУКЦИЯ, ФОРМА И ДЕКОР БОКТАГ (рис. 1; 2)

Происхождение боктаг на сегодняшний день не установлено. Попытки исследователей проследить параллели между боктаг и высокими головными уборами из памятников раннего времени, например, из Пазарьских курганов (Эрдэнэбат, 2006. С. 84–86), являют собой примеры относительного типологического сходства и не устанавливают генетической преемственности. Более перспективно, видимо, искать истоки боктаг в раннесредневековом китайском костюме. Среди изобразительных памятников эпохи Пяти династий (907–960 гг.) сохранилось изображение женщин в зимних головных уборах, которые соответствуют высоким боктаг с расширением навершия (Jia Xizeng, 2005. P. 219. Fig. 14; Эрдэнэбат, 2006. С. 31. Зураг 12а; 13).

Головные уборы императриц династии Юань известны по изобразительным источникам и по археологическим данным. Боктаг знатных дам дома Хулагу изображен только на миниатюрах иранского круга. Портреты жен ханов Золотой Орды выполнены иранскими мастерами, традиционно воспроизводившими ту форму головного убора, которую носили при ильханидском дворе. Реальные золотоордынские головные уборы сохранились исключительно в погребальных памятниках (рис. 1).

Боктаг состоял из шапочки, соединенной с навершием в виде высокого цилиндра, с овальным, прямоугольным или квадратным расширением в верхней части (рис. 2). Шапочки были двух видов: округлой формы на основе жесткого берестяного каркаса и в виде мягких колпаков с небольшим козырьком, фигурно вырезанными наушниками и назатыльником. В зависимости от сезона мягкие колпаки носили с опущенными или поднятыми наушниками. Посол из Южного Китая Сюй Тин побывал при монгольском дворе в 1236 г. В своем отчете он сообщает: “[Я, Сюй] Тин, видел, что у них при изготовлении гу-гу каркас делается из раскрашенного дерева и обертывается красным шелком или золоченой шелковой материей, а к самой макушке прикрепляется ветка ивы или [сделанная] из железа длиной четыре – пять *чи* и обертывается темно-синим войлоком, [причем] у людей из верхов [общества] она украшается цветами из зеленых перьев зимородка или [кусками] разноцветных шелковых тканей из нашего государства, а у людей из низов [общества] – фазаными перьями” (“Краткие сведения о черных татарах”, 1960. С. 140). Из этого сообщения Сюй Тина следует также, что боктаг был принадлежностью костюма не только нобилитес, но и простых монголоков. В “Юн-лэ да-дань”, огромной энциклопедии, составленной в 1403–1408 гг., под рифмой *фу* в рубрике “Монгольские головные уборы и платье” сказано: “Гу-гу покрывают темно-красным узорным шелком. Остов из бамбука. Если остов легок, то [и гу-гу] легкая. [Гу-гу] высшей категории большая, следующей – средняя, а следующей [за ней] – маленькая. Ее переднюю часть украшают крупными жемчужинами, уложенными [в виде] драконов, фениксов, домов, башен и пр. Швы на ней закрывают еще длинными связками жемчужин, а также выбитыми на железе [различными] изображениями и вышитыми шелком квадратами. Еще к [ней] прикрепляют [волнистыми] рядами крошечные цветки; на ней еще [есть] изображения башен, [выложенные] из драгоценных камней, обрамленные золотой проволокой. На самой верхушке [шапки] имеется крест для [установления] бамбуковой трубки, в которую вставляют фазаны перья и гребешки. [Это фазаны-петухи с горы] Утайшань. Ныне жители Чжэньдина разводят дома этих фазанов из-за их хвостов. [Они] очень дороги. Сзади в гу-гу втыкаются пучки перьев. [Они] окрашены в разные цвета и похожи на летящие веера, [когда женщины едут верхом]” (Мэн-да бэй-лу, 1975. С. 81).

Боктаг императриц и знатных дам на средневековых миниатюрах обычно яркого красного цвета. Китайские термины для обозначения шелка красного цвета – *хон сяо* и *хон ло* – указывают на тип шелковой ткани, использовавшейся для головных уборов. *Сяо* и *ло* означают разную структуру шелка: *сяо* – очень легкий шелк, *ло* – сетчатый шелк (Jia Xizeng, 2005. P. 216), вероятно газ.

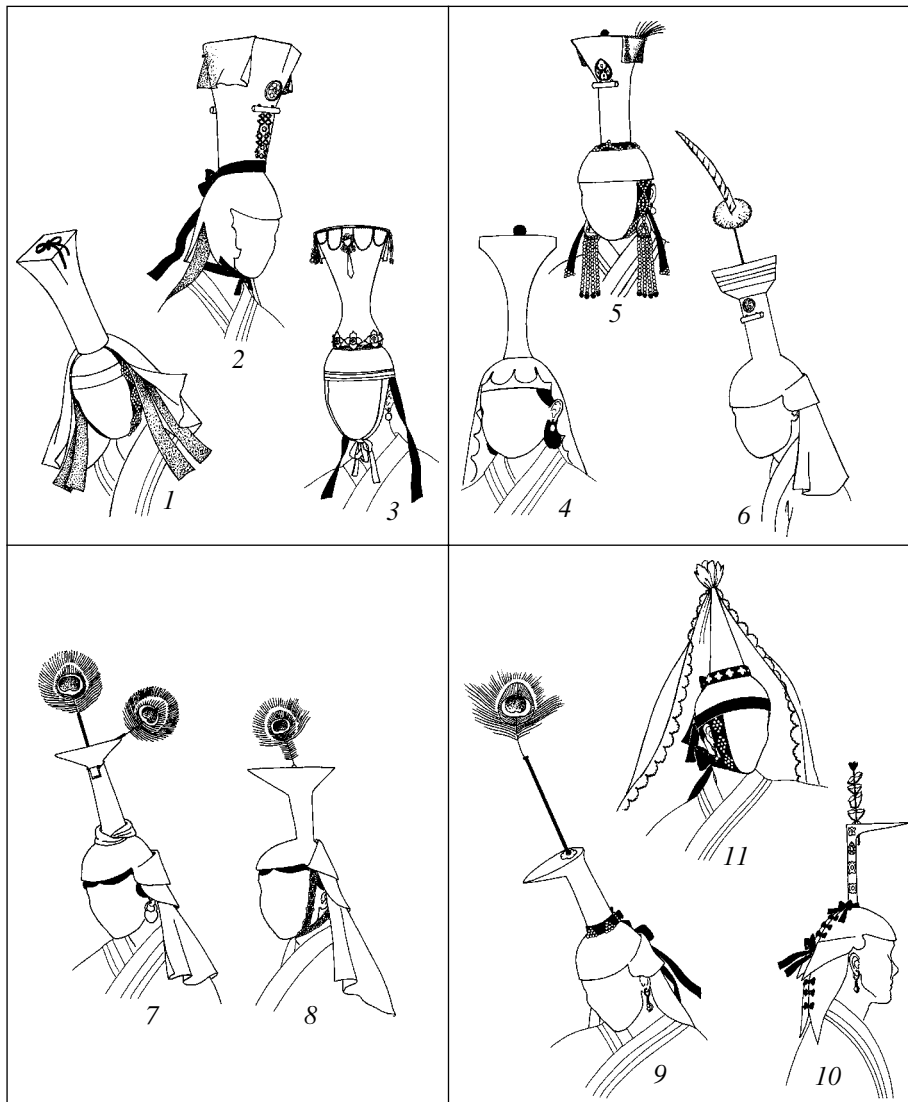

Рис. 1. Типология форм бокки (схема). 1–3; 9–11 – по археологическим артефактам; 4–8 – по изобразительным данным. **Династия Юань:** 1 – бокка с квадратным расширением. Из частной коллекции в Корее (Jia Xizeng, 2005. P. 213. Fig. 5). 2 – бокка с прямоугольным расширением. Из частной коллекции Артура Липера. 3 – бокка с овальным расширением. Из частной коллекции в Китае (Gold/Silk/Blue and White Porcelain, 2005. P. 66. Kat. 35). 4 – стенная роспись в Дуньхуан (Su Rina, 2005. P. 173. Fig. 5). 5 – портреты императрицы и знатных дам; 6 – портрет Соргтани-Беки, супруги младшего сына Чингисхана Тули (Jia Xizeng, 2005. P. 117. Fig. 10). **Царство Ильханов:** 7 – иллюстрации из Diez Albums (Gold/Silk/Blue and White Porcelain, 2005. P. 67); 8 – миниатюры теоризской школы. Портреты жен каана Угедея, Хулагу-хана и Бартан-бахадур (Полякова, Рахимова, 1987. Кат. 6–8). **Золотая Орда:** 9 – бокка с навершием в виде “сапожка”. Могильники Поволжья: Царев, Демочкин (Мыськов, 1995. С. 39, 41. Рис. 4, 5); Маячный бугор (Васильев, 1998. Рис. 4); Олень-Колодезь (Ефимов, 1999. С. 104); 10 – Увек (Кротков, 1915. С. 128); предположительно, могильник Гува (Шнайдштейн, 1978. С. 66); 11 – головной убор с конусовидным навершием. Могильник Новопавловский (Доде, 2001. Им. 30); курганный могильник у хутора Семенкин (Ларенок, 1992. С. 169, 182. Рис. 12, 1); могильник Джангар (Васюткин, 1985. С. 158, 159); курганы кыпчакского времени (XII–XIV вв.) на Южном Урале (Иванов, Кригер, 1988. С. 18).

Помимо формы и качества ткани, эстетические особенности боктаг определялись ее декором. Наибольшее внимание в убранстве головного убора уделялось месту соединения шапочки с навершием и самому навершию. Основной декор монгольского боктаг – жемчуг. В убранстве головных уборов знатных особ использовали драгоценные камни. Стык шапочки и навершия на боктаг мон-

гольских императриц декорирован разными жемчужными композициями, имеющими особые названия, например “десять жемчужин”, которые помещены в треугольники, или “цветы на дереве с опавшими листьями”. Чуть ниже центра верхней части навершия помещали золотую брошь с драгоценными камнями под ней – золотую цилиндрическую подвеску. К верхней части головного убора

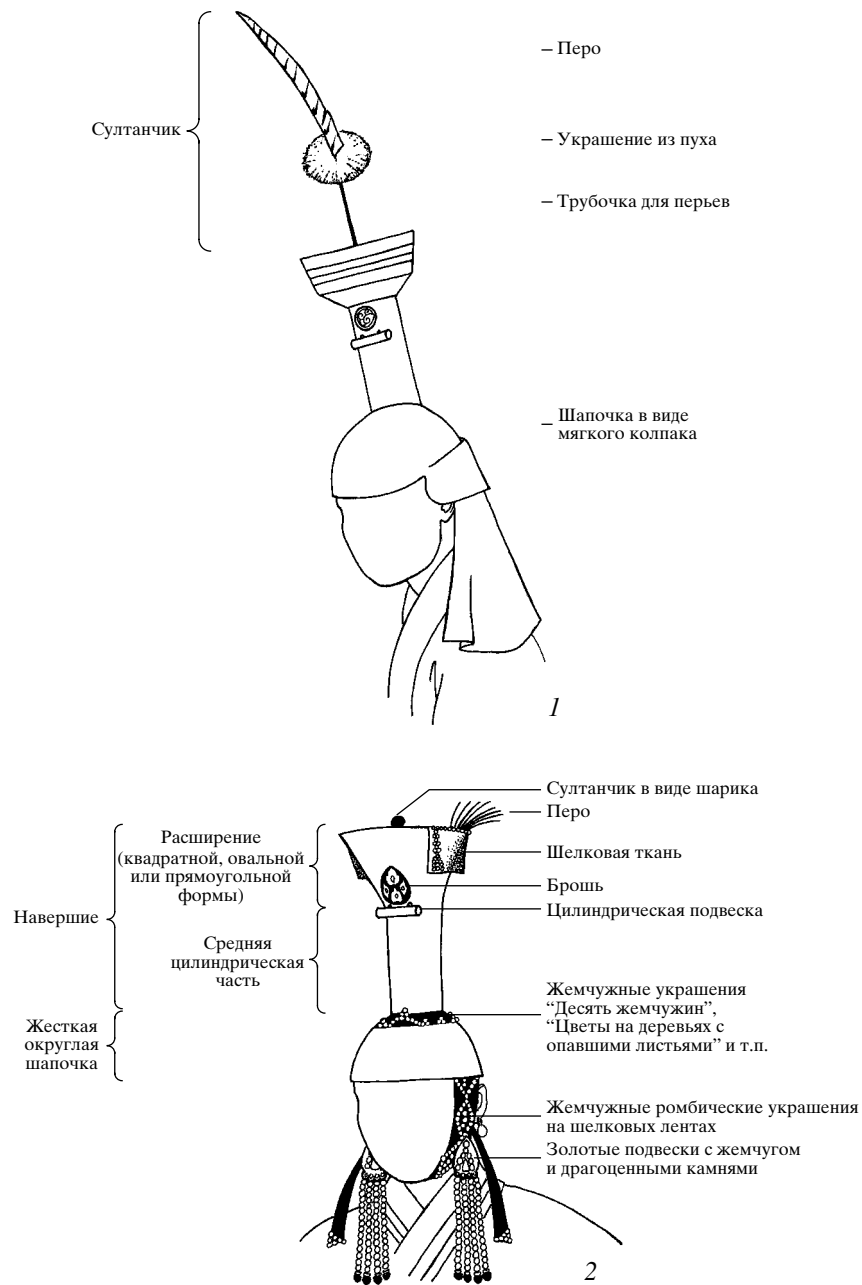

Рис. 2. Конструкция и декор монгольского головного убора боктаг (схема). 1 – на основании изображения Соргтани-Беки, супруги младшего сына Чингизхана Тули (1190–1232 гг.); 2 – на основании портрета императрицы Чаби, супруги Хубилай Хена (1279–1368 гг.).

прикрепляли небольшой прямоугольный кусок шелкового газа, который свободно свешивался по обеим сторонам широкой части навершия и в некоторых случаях был расшит жемчугом. Эта деталь декора прослеживается на изображениях головных уборов императриц династии Юань. Она также засвидетельствована в убранстве боктаг из частной коллекции Артура Липера и головного убора с овальным расширением навершия из ки-

тайской частной коллекции (Gold/Silk/Blue and White Porcelain, 2005. P. 66. Kat. 35)¹ (рис. 1, 3; 3; 4).

Верхнюю часть боктаг, по свидетельству европейских и южносунских дипломатов, венчало перо. Основу этого украшения делали из золота, перьевого стержня (очина), металла или веток дерева.

¹ Приношу искреннюю благодарность Артуру Липеру за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы из его коллекции.

Рис. 3. 1 – фото головного убора из частной коллекции Артура Липера (вид сзади); 2 – фото шапочки с шелковыми лентами, украшенными ромбовидными жемчужными подвесками из частной коллекции Артура Липера (цветная вклейка № 3).

В самой высокой части размещали перо павлина, перья филина (Филиппова, 1980. С. 72–74), украшали ее драгоценными камнями. Этот султанчик был таким высоким, что, заходя в шатер или выходя из него (а также в носилки), женщины вынимали перья. В сборнике стихов с авторскими комментариями, написанных Ян Юнь-фу после падения династии Юань, говорится о такой ситуации, когда с головного убора снимают перья: “Во всех случаях, когда [монголки] в гу-гу [едут] в повозках, [они] выдергивают из него перья [длиной] свыше чи и передают девушкам-служанкам, [которые] сидят

напротив, держа [их] в руках. Если даже едут императорские жены на слонах, все равно бывает так” (Мэн-да бэй-лу, 1975. С. 80).

Именно высота этого султанчика определяла те невероятные размеры бокки, которые бросались в глаза китайским авторам. «[Эта шапка] сплетается из проволоки, по форме похожа на [китайскую] “бамбуковую жену” и высотой свыше трех чи», – свидетельствует Чжао Хун (Мэн-да бэй-лу, 1975. С. 80). Сюй Тин указывает, что “к самой макушке прикрепляется ветка ивы или [сделанная] из железа длиной четыре – пять чи”

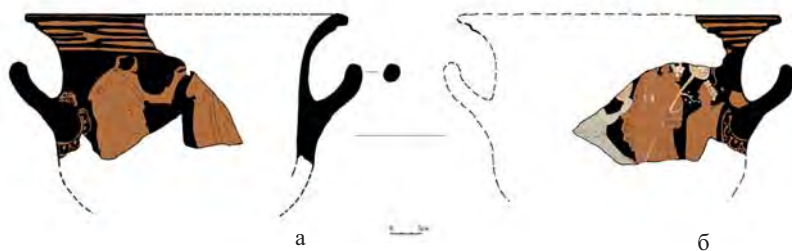

А

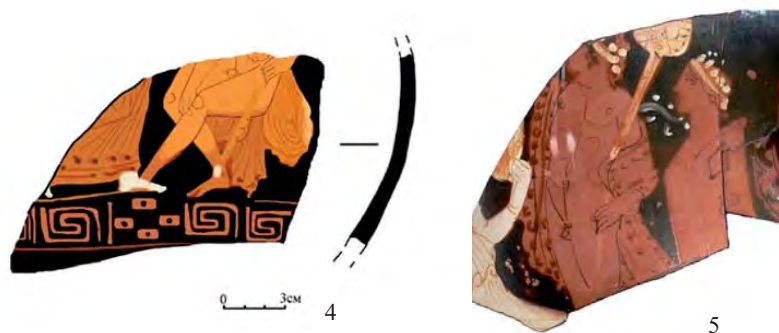

Б

Рис. 3, А; Б (ст. Доде)

3

4

5

6

7

8

Рис. 3, 3-8 (ст. Копылова)

(“Краткие сведения о черных татарах”, 1960. С. 140). Между тем размеры от 30 до 40 см соответствуют реальной высоте головного убора без султанчика. Об этом сообщают европейские авторы – Иоанн де Плано Карпини: “На голове они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из древесной коры, поднимающееся на высоту в один локоть” (Карпини, 1957. С. 195), Вильгельм де Рубрук: “по высоте он составляет один локоть и более” (Рубрук, 1957. С. 99). Высота бокки из частной китайской коллекции – 38 см, размеры овального расширения – 17,5 × 19 см, наименьший диаметр на вершия – 7 см (Gold/Silk/Blue and White Porcelain, 2005. С. 66. Kat. 35). Автор записок о путешествии учителя дао Чань-Чуня сообщает: “В качестве головного убора замужних женщин [у монголов] используется береста высотой свыше двух чи. Часто ее покрывают черным грубым сукном. Богатые [женщины] пользуются [для этой цели] красной тафтой. Верхняя часть этого [головного убора] похожа на гуся или утку. Название [его] гу-гу. [Женщины] очень боятся, чтобы люди не задели [его]. При входе в шатер и выходе [им] приходится нагибаться” (Мэн-да бэй-лу, 1975. С. 80).

Если доверять письменным свидетельствам, монголки в Китае использовали в декоре головного убора высокое украшение пером. На портретах, вытканых на мандале Yamantaka, бокки монгольских императриц Будашири и Бабуши украшены вертикальными султанчиками и боковыми перьями (Watt, Wardwell, 1997. С. 97. Kat. 25. P. 140. Fig. 69), что соответствует описанию Сюй Тина. Однако боктаг на портретах монгольских императриц династии Юань изображен без вертикального султанчика. Вместо султанчика мы видим на вершине головного убора небольшой шарик и боковое перо (рис. 1, 4, 5). Вместе с тем головные уборы на портретах Будашири и Бабуши, вытканые на мандале Ямантака, изображены с двумя украшениями – вертикальным султанчиком и боковым пером. Но, видимо, на определенных церемониях знатные дамы могли появляться в головных уборах без вертикального султанчика, о чем свидетельствуют стенные росписи в Дуньхуане (рис. 1, 4). На некоторых реальных боктаг султанчик заменен шелковой лентой, пришитой к центру наверх и завязанной в бант (рис. 1, 1).

Между тем миниатюры иранского круга всегда воспроизводят высокие султанчики с вертикальными и боковыми перьями как характерный элемент декора боктаг (рис. 1, 7, 8).

На портретах видно, что от нижнего края шапочек спускаются ленты из черного шелка, которые перекрещивали под подбородком и завязывали на шею. Можно было бы предположить, что с их помощью высокий боктаг надежнее держался на голове. Вероятно, что в некоторых случаях эти ленты выполняли утилитарную функцию. Но обшитые жемчугом, они в первую очередь являлись

Рис. 4. 1 – авторская реконструкция общего вида головного убора из частной коллекции Артура Липера; 2 – авторская реконструкция общего вида головного убора из частной китайской коллекции.

своеобразной частью декоративного убранства боктаг. В частной коллекции Артура Липера представлена шапочка, которую надевали под боктаг, с такими лентами (рис. 3, 2). Несомненно декоративная функция этого элемента, в котором доминируют жемчужные ромбовидные украшения, последовательно пришитые на шелковые ленты.

На иранских миниатюрах художественная манера изображения головных уборов более условна, чем на портретах юаньских императриц (рис. 1, 7, 8). Возможно, по этой причине на иранских изображениях боктаг кажутся более изящными по сравнению с юаньскими, однако форма в обоих случаях одинакова, но с отдельными нюансами. Среди иранских изображений не встречаются жесткие шапочки округлой формы с круглым расширением наверх. Во всех случаях это мягкий колпак с поднятыми наушниками и наверхием с квадратным или прямоугольным расширением. Иранские боктаг украшены менее пышно, чем юаньские образцы. Место соединения шапочки с наверхием, которое в боктаг юаньских императриц украшали разнообразные жемчужные композиции, в иранских образцах декорировано скрученной шелковой тканью, напоминающей маленький тюрбан, обернутый вокруг наверхия. Неизменным атрибутом декора иранского боктаг на всех изображениях остается высокий султанчик с павлиньими перьями. На некоторых миниатюрах, возможно из-за условной манеры изображения, перья выглядят как пушистые помпоны. Шелковые ленты с ромбовидными жемчужными украшениями изображены на портрете Туракин-хатун, жены хана Угедея, а также на изображении жены хана Хулагу (Полякова, Рахимова, 1987. Кат. 6, 7). Но это украшение встречается далеко не на всех боктаг, изображенных на иранских миниатюрах,

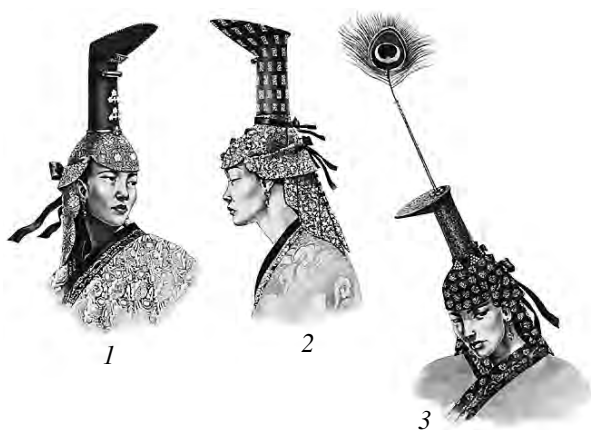

Рис. 5. 1 – авторская реконструкция бокки из могильника “Олень-Колодезь” по материалам Ефимова К.Ю.; 2 – авторская реконструкция формы и декора бокки по материалам Мыськова Е.П. из могильников Царев и Демочкин; 3 – авторская реконструкция формы и декора бокки по материалам Мыськова Е.П. из золотоордынских памятников Поволжья.

что, очевидно, указывает на вариативность его использования.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ УЛУСА ДЖУЧИ

В золотоордынских археологических памятниках встречается два типа женских головных уборов на берестяном каркасе. Это шапочки с навершием в форме “сапожка” и головные уборы с коническим навершием (рис. 1, 9–11).

Среди находок на территории Золотой Орды хрестоматийным стал головной убор из мавзолея Увека, обнаруженный П.Н. Шишкиным и опубликованный А.А. Кротковым. Его реконструированная форма не имеет прямых аналогий в миниатюрах, однако она вполне сопоставима с конструкцией женских головных уборов, позднее выявленных в золотоордынских памятниках Поволжья (могильник Царев, курганный могильник “Олень-Колодезь”, грунтовый могильник “Маячный Бугор”).

Полная конструкция головных уборов восстановлена только по материалам Увека (Кротков, 1915. С. 128) и могильника Царев (Мысков, 1995. С. 41. Рис. 5). На рисунке головного убора, выполненного Д.В. Васильевым по материалам из могильника “Маячный Бугор”, конструкция шапочки непонятна (1998. Рис. 4, 7, 8). От головного убора из могильника “Олень-Колодезь” сохранилось только навершие (Ефимов, 1999. С. 104; 2000. С. 177). На основании опубликованных авторами материалов мы выполнили графическую реконструкцию этих головных уборов (рис. 5, 1–3).

Очевидно, что головные уборы из мавзолея Увека и могильников Царев и Маячный Бугор

имели в основе сходную мягкую “шапку-колпак” с наушниками. Форма таких шапок во всех известных случаях, как отмечает Е.П. Мысков, стандартна (1995. С. 41).

На выполненном А.А. Кротковым рисунке головного убора из Увека наушники производят впечатление отдельных объемных деталей, аналогий которым не встречено ни в археологических материалах, ни в изобразительных источниках. На реконструкции А.А. Кроткова форма этих деталей не отвечает реальности. Конструкция шапочки-колпака из Увека соответствует находкам известных головных уборов на золотоордынских памятниках Поволжья, и форма ее наушников должна быть плоской. Например, как на фреске XIII в. из Турфана, где показана летняя манера ношения женского головного убора с подогнутыми и закрепленными на затылке наушниками. На практике с наушниками специальных манипуляций не проводили. Конструкция менялась элементарно просто. Ленты, которые в холодное время носили завязанными под подбородком, достаточно было завязать на затылке, чтобы форма наушников изменилась, и они приобрели вид птичьего крыла.

В мягких шапочках типа колпака следует предположить наличие специальных внутренних лент, с помощью которых головной убор фиксировали на голове.

В трех новейших находках совпадает форма наверший головных уборов, выполненных в виде “сапожка” (Мысков, 1995. С. 42; Васильев, 1998. С. 105; Ефимов, 1999. С. 104). Эта форма соответствует внешнему виду навершия шапочки из Увека. По словам А.А. Кроткова, выступ навершия плоский сверху и полуовальный снизу, напоминал “своею формой утиный нос” (1915. С. 128). Навершие увекской шапочки было сделано из тростника. В публикации А.А. Кроткова ничего не говорится об использовании в конструкции бересты. Между тем из бересты были выполнены каркасы трех остальных головных уборов – из могильников Царев, “Олень-Колодезь” и “Маячный Бугор”.

Все шапочки были обтянуты шелком. Характер шелковой ткани на головном уборе из могильника “Олень-Колодезь” не установлен. В остальных случаях это был тонкий шелк, однотонный (Кротков, 1915. С. 128) или со штампованным орнаментом (Мысков, 1995. С. 42), а также парча (Кротков, 1915. С. 128). Причем, как правило, шапочку шили из парчовой ткани, а газом обтягивали навершие.

Сходным был декор головных уборов. Шапочку из Увека украшали серебряные ажурные бляшки разнообразных форм, листочки из проволоки, обмотанной зеленым шелком и зерна мелкого просовидного жемчуга, четырехугольная с двумя петельками плоская узорчатая подвеска (Кротков, 1915. С. 118). Подобными украшениями был деко-

рирован головной убор из могильника “Олень-Колодезь”. В верхней части шапочки находились плоская прямоугольная и цилиндрическая подвески, сделанные из тонкой серебряной фольги с позолотой, россыпь стеклянного рубленого бисера голубого и синего цвета, вырезанные из тонкой кожи два “трехлистника” (Ефимов, 1999. С. 104). Цилиндрической подвеской был украшен головной убор из могильника Царев (Мыськов, 1995. С. 42. Рис. 5). Деревянный султанчик с основанием в виде шестилепесткового плоского деревянного цветка, пришитого к матерчатой основе шапочки, составил убранство головного убора из могильника “Маячный Бугор” (Васильев, 1998. С. 105).

Таким образом, головные уборы, обнаруженные в могильниках Поволжья, имели сходную конструкцию, сочетавшую мягкую шапочку сложной формы с высоким берестяным или тростниковым навершием в виде “сапожка”. Головные уборы золотоордынской знати отличались от *боктаг* императриц и принцев династий Юань и Хулагуидов формой навершия.

Фрагменты берестяного цилиндрического каркаса от навершия женского головного убора зафиксированы в курганном могильнике “Гува” в Калмыкии (Шнайдштейн, 1978. С. 66–68). Ширина берестяной трубки имела одинаковый диаметр по всей длине. В таком случае, цилиндрическая трубка должна была иметь определенное завершение, возможно в виде выступа, аналогичного, например, выступу на увекском *боктаг*. Нахождение *боктаг* с выступом на навершии вполне соответствует характеру погребальной конструкции с подбоем, на которую указывает Е.В. Шнайдштейн (1978. С. 66). Как следует из донесения Бенедикта Поляка, в могилах с подбоями монголы хоронили старших офицеров: “Некоторых более важных хоронят так: выкапывают тайно в поле яму, края которой квадратны и достаточно малы, а внутри с обеих сторон [яму] расширяют, а другую [яму], в которой они имитируют похороны [умершего], роют рядом со стойбищем публично и открыто” (“История татар”, 2002. С. 119. § 46). Видимо, такой же обряд полагался и для их жен.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ С КОНУСОВИДНЫМ НАВЕРШИЕМ

Среди находок женских головных уборов на территории Золотой Орды известны их формы с конусовидным навершием без расширения в верхней части. В курганном могильнике Джангар в Калмыкии С.М. Васюткин обнаружил берестяной женский головной убор, имевший вид конуса (1985. С. 158, 159). Головной убор находился в погребении, совершенном по половецкому обряду под курганом, в прямоугольной яме с заплечиками.

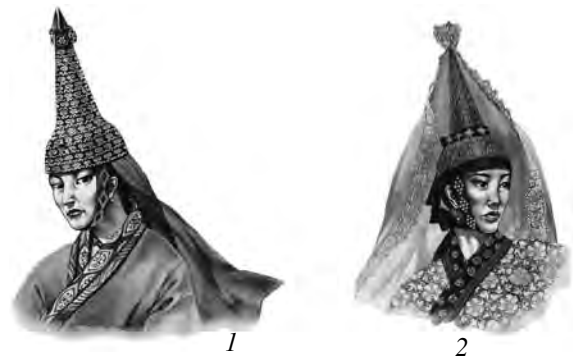

Рис. 6. 1 – авторская реконструкция головного убора из курганного могильника у х. Семенкин по материалам В.А. Ларенок; 2 – авторская реконструкция головного убора из склепового могильника у г. Новопавловск.

В.А. Ларенок отметила наличие конусовидных головных уборов из бересты в женских погребениях могильника второй половины XIII в. у хутора Семенкин Ростовской обл. (1992. С. 169). Предоставленные автором материалы позволили выполнить графическую реконструкцию этого головного убора (рис. 6, 1). Всего в могильнике надежно установлено четыре головных убора (Ларенок, 1992. С. 184. Табл. 1). Автор подчеркивает, что отсутствие выступа в верхней части навершия у шапочек из курганов у хутора Семенкина является их основным отличием от *боктаг*. Все головные уборы, выявленные в этом памятнике, были обнаружены в погребениях, соответствующих половецкому обряду: в прямоугольных ямах с заплечиками, перекрытыми сверху деревянными плахами (Ларенок, 1992. С. 181).

Аналогичный по форме головной убор находился в погребении женщины в золотоордынском мавзолее у г. Новопавловск Ставропольского края² (Доде, 1993. С. 10, 11). Графическая реконструкция выполнена на основании анализа сохранившихся артефактов (рис. 6, 2). От головного убора сохранились фрагменты сужающегося сверху берестяного каркаса, обтянутого шелковым газом красного цвета с орнаментом в виде четырехлепестковых цветов, нанесенного методом набойки золотой краской. Длина сохранившейся части навершия – 16 см. Навершие в нижней части шириной 5,5 см, постепенно сужается кверху до 2,5 см и переходит в вершину конуса, что совершенно отчетливо прослеживается по боковым швам на ткани. В результате анализа артефакта не выявлено следов расширения или деталей, образующих выступ в верхней части навершия, опреде-

² Аварийные работы на памятнике проводил Ставропольский краеведческий музей под руководством Н.А. Охонько. Археологический отчет о раскопках в Новопавловском карьере не составлялся. Я руководствуюсь анализом артефактов, которые хранятся в фондах СГКМ.

ленно имевшего конусообразную форму. Сохранившиеся сегменты берестяных колец шириной 2–2,2 см позволяют предположить наличие жесткого берестяного каркаса, являвшегося основой округлой шапочки. Следы парчовой ткани на сохранившихся фрагментах головного убора не установлены. Возможно, что в этом головном уборе и шапочка и навершие были обтянуты одинаковым шелком с набойкой. В качестве декора были использованы четырехлепестковые серебряные бляшки с позолотой. В гнезда этих бляшек был вставлен мелкий речной жемчуг. Совершенно очевидно, что обнаруженные в склепе золотые ромбические украшения с жемчужными вставками относились к головному убору. Среди текстильных находок из новопавловского комплекса были выявлены фрагменты кружев очень тонкой работы. Эти кружева могли украшать шелковый платок, покрывавший лицо погребенной женщины. При жизни она могла носить такой платок прикрепленным к вершине головного убора.

В Новопавловском комплексе отличия от монгольского костюма прослеживаются не только в форме головного убора, но и в форме плечевой одежды. Халат, в котором была погребена женщина, отличался от монгольских халатов кроем и манерой ношения. Это было распахнутое, отрезное несколько ниже линии талии платье, которое носили с поясом, свернутым из тонкой шелковой ткани зеленого цвета, в отличие от широких монгольских цельнокроеных халатов, которые знатные женщины не подпоясывали (Доде, 2005. С. 29). Прямые рукава отличались от сложных рукавов монгольских халатов, выкроенных в форме “летучей мыши”. Новопавловский халат и головной убор, скорее всего, являются кыпчакскими. Отметим, что погребение было совершено в склепе, в прямоугольной яме с заплечиками.

Головные уборы с коническими навершиями были обнаружены в памятниках кыпчакского времени (XII–XIV вв.) на Южном Урале (Иванов, Кригер, 1988. С. 18). Исследователи отмечают десять находок берестяных уборов. Ни в одном случае не зафиксированы навершия с расширением в верхней части, напротив, отчетливо прослеживается коническая форма берестяного каркаса (Иванов, Кригер, 1988. С. 18. Рис. 4, 13; 11, 11; 14, 38). В качестве декора на головных уборах зафиксированы броши и серебряные нашивные бляшки. Исследователи справедливо связывают находки цилиндрических и конусовидных фрагментов берестяных уборов с кимако-кыпчакской традицией. Однако интерпретация этих головных уборов как элементов костюма менее состоятельных кочевников (Иванов, Кригер, 1988. С. 18) не кажется мне верной.

Среди кыпчакских головных уборов известна высокая коническая шапочка, изготовленная из

двух листов тонкого серебра, орнаментированная тисненными рядами плетенок (Ждановский могильник в Павлоградском Прииртышье) (Степи Евразии, 1981. Рис. 72, 71).

Таким образом, формы наверший женских головных уборов представительниц золотоордынской знати отличались от наверший уборов императриц и знатных дам династии Юань и Хулагуидов. В Золотой Орде были распространены два типа головных уборов. Первый тип с навершием в виде “сапожка”, очевидно, следует рассматривать как монгольский *боктаг*. Второй тип с конусовидным навершием продолжает тюркскую традицию, связанную с кыпчаками, половцами или другими центрально-азиатскими племенами. Независимо от формы, головные уборы имели одинаковый декор. Для изготовления шапочек, как правило, использовали парчовую ткань, навершия обтягивали шелковым газом. Для украшения головных уборов часто использовали жемчуг, броши и цилиндрические подвески, характерные элементы убранства юаньских *боктаг*.

Головной убор из Новопавловского могильника, отличающийся от *боктаг* по форме, был украшен набором серебряных и золотых бляшек с жемчужными вставками, имеющим прямое соответствие в головных уборах императриц династии Юань. Навершия *боктаг*, которые женщины носили во владениях Хулагу и в Золотой Орде, венчали султанчики с перьями и драгоценными украшениями, о чем сообщают средневековые письменные источники. В Китае монгольские женщины не всегда использовали этот элемент декора, о чем свидетельствуют портреты юаньских императриц.

ИМПЕРСКОЕ И ЭТНИЧЕСКОЕ В КОСТЮМЕ УЛУСА ДЖУЧИ

Если бы археологи не все головные уборы на берестяной основе относили к *боктаг*, а пытались проследить характер конструкции и формы навершия, то реальный состав погребений с боккой был бы другим. Корреляция наличия бокки с погребальным обрядом и инвентарем позволила бы выявить тюркские комплексы, погребенные в которых принадлежали к властному эшелону империи. Погребения с другим типом головного убора на берестяном каркасе маркировали индивидов, находящихся на политической периферии Империи, или не встроены в нее вовсе.

Параллельное существование в золотоордынской культуре *боктаг* и конических головных уборов свидетельствует, во-первых, о сохранении тюрками своих этнокультурных стереотипов поведения. Это проявлялось также в сохранении тюркского кроя мужской и женской одежды и в манере ее ношения (Доде, 2001. С. 119, 126; Доде, 2005. С. 30, 31). Во-вторых, тюркский костюм ука-

зывает на существование автономных кочевых групп, чьи лидеры не были включены в жесткую иерархию новой власти, и потому их жены не могли носить *боктаг*. Когда же последние использовали общеимперские символы, то это было подражанием костюму правящей верхушки. Копирование и воспроизведение некоторых элементов декора на тюркских головных уборах свидетельствует о значимости *боктаг* как символа высокого статуса.

“Существует ли взаимосвязь между политической историей империи и этнической историей отдельных регионов, некогда входивших в единое этнополитическое пространство Великого Монгольского государства? – спрашивает профессор М.А. Усманов. – Для улуса Джучи обозначенная проблема сводится к выяснению следующего вопроса: как выглядело взаимодействие доминирующей в политическом плане малочисленной группы монголов с тюрками, составлявшими реальное большинство населения улуса? Можно предположить, что в улусе Джучи, или Золотой Орде, как стали именовать державу Джучидов лишь с XVI столетия, процесс растворения монголов в тюркской среде отличался особой интенсивностью” (Усманов, 2002. С. 101).

Наши материалы позволяют перевести этот вопрос в предметную плоскость. Подражания в декоре документируют существование периферийных тюркских групп, сохранявших культурную автономию. Взаимосвязь между политической историей империи и этнической историей тюрков обозначилась на практике как комбинация внешних и внутренних характеристик. Притягательная сила имперских символов была такова, что на головных уборах с нетипичной для *боктаг* формой появляются нормативные для *боктаг* украшения – серебряные четырехлепестковые цветы и ромбовидные золотые бляшки с жемчугом. Верхнее платье, сшитое по тюркским стандартам, украшают на монгольский манер лунницей и солярным диском, вырезанным из золотой фольги и пришитым к правому и левому рукавам халата (Доде, 2005. С. 33, 34).

В имперском ландшафте форма кыпчакских головных уборов оставалась значимым символом для обозначения этнической и культурной самоидентификации. Среди этнографических тюркских костюмов практически невозможно найти соответствия формам имперского головного убора-*боктаг* с характерным расширением или выступом в виде птичьего клюва. С распадом государства имперские символы перестали быть значимыми, а в Китае после изгнания монголов вообще было запрещено использовать монгольский костюм, как и все “монгольское”. В Дешт-и Кыпчак не было такого политического переворота и соответственно не было и государственной программы по искоре-

Рис. 7. 1 – турецкая миниатюра 1618 г. Woman in indoor dress. Miniature from an album of single-figure studies. Turkey 1618 (British Museum, OA 1974, 6–17013 (46)); 2 – турецкая миниатюра 1618 г. Woman in outdoor dress. Miniature from an album of single-figure studies. Turkey 1618. (British Museum, OA 1974, 6–17013 (44)).

Рис. 8. 1 – свадебный головной убор *саукеле*, по рисунку “Киргизска Большой Орды” в журнале “Воскресный досуг” (1864. № 72. С. 349 (по: Захарова, Ходжаева, 1989. С. 217. Рис. 33 (4)); 2 – ногайка в шапочке *теке-боьрк* (по: Гаджиева, 1976. С. 146 (1)).

нению монгольского костюма. В национальных костюмах у современных тюркских народов сохранились остроконечные головные уборы, вполне сопоставимые с археологическими находками конических шапочек. Они хорошо прослеживаются по турецким миниатюрам начала XVII в., где дамы изображены в головных уборах с высоким коническим навершием, к вершине которого прикреплен шелковый платок (Scarce, 2003. P. 53–56. Pl. 26–31) (рис. 7, 1, 2).

Но, прежде всего, следует назвать *саукеле*, который исследователи связывают с кыпчакским пластом культуры в этногенезе туркмен, узбеков, каракалпаков и казахов, а также у ногайцев (Васильева, 1979. С. 199) (рис. 8, 1, 2).

Исследователи отмечают, что формы *саукеле* были однотипны для разных областей Казахстана (Захарова, Ходжаева, 1989. С. 216). Этот головной убор состоял из двух частей – высокой стеганой

конической шапочки, к которой иногда пришивали налобник и назатыльник, и наверхняя *саукеле* в форме высокого конуса с косо срезанной верхушкой. *Саукеле* украшали галуном, кораллами, бусинами, серебряными бляхами и драгоценными камнями, а также оторачивали мехом. Подобным образом украшали заднюю и боковые лопасти шапочки, а на висках прикрепляли специальные подвески из нитей коралла, бирюзы, серебряных цепочек и пластинок, и шелковых кистей. К верхушке прикрепляли большую накидку (*желек*) из легкой ткани (Захарова, Ходжаева, 1989. С. 216). При более детальном рассмотрении в *саукеле* можно найти и черты соответствия *боктаг*, которые проявляются прежде всего в убранстве головного убора и конструкции шапочки с назатыльником и наушниками.

Сохранение в тюркском костюме этнических маркеров и геральдических имперских символов свидетельствует о динамичном процессе присвоения тюрками значимых символов Великого монгольского государства при этническом доминировании тюрков в Улусе Джучи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев Д.В.* Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград, 1998.
- Васильев Д.Д., Кляшторный С.Г.* Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.
- Васильева Г.П.* Головные и накосные украшения туркменок XIX – первой половины XX в. // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
- Васюткин С.М.* Погребения золотоордынского времени могильника Джангар // Древности Калмыкии. Элиста, 1985.
- Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М., 1976.
- Доде З.В.* Средневековый костюм народов Предкавказья как исторический источник по истории региона в VII–XIV вв. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.
- Доде З.В.* Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Джухта-2 // Матер. по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001.
- Доде З.В.* Символы легитимации принадлежности к Империи в костюме кочевников Золотой Орды // Восток. 2005. № 4.
- Ефимов К.Ю.* Золотоордынские погребения из могильника “Олень-Колодезь” // ДА. 1999. № 3–4 (4–5).
- Ефимов К.Ю.* Золотоордынские погребения из могильника “Олень-Колодезь” // РА. 2000. № 1.
- Захарова И.В., Ходжаева Р.Д.* Головные уборы казахов (Опыт локальной классификации) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989.
- Иванов В.А., Кригер В.А.* Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988.
- “История татар” брата Ц. де Бридия // Христианский мир и Великая Монгольская Империя. Матер. французской миссии 1245 года / Критический текст, пер. с лат. С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко. Экспозиция, исследования и указатели А.Г. Юрченко. СПб., 2002.
- Кляшторный С.Г.* Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Mongolica. К 750-летию “Сокровенного сказания”. М., 1993.
- “Краткие сведения о черных татарах” Пэн Да-я и Сюй-Тина / Публ. и коммент. Линь Кюн-и и Н.Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. № 5. М., 1960.
- Кротков А.А.* Раскопки на Увеке в 1913 году // Тр. Саратовской Ученой Архивной комиссии. Вып. 32. Саратов, 1915.
- Ларенок В.А.* Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у х. Семенкина // Донские древности. Вып. 1. Азов, 1992.
- Мыськов Е.П.* О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // РА. 1995. № 2.
- Мэн-да бэй-лу (“Полное описание монголо-татар”) / Факсимиле ксилографа. Пер. с кит., введ., коммент. и прилож. Н.Ц. Мункуева. М., 1975.
- Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники Северного Кавказа. Армавир, 2005.
- Плано Карпини, Джованни дель.* История монголов*Рубрук, Гильом де. Путешествие в восточные страны. М., 1957.
- Полякова Е.А., Рахимова З.И.* Миниатюра и литература Востока. Ташкент, 1987.
- Рашид ад-Дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. Л.А. Хетагурова. Ред. и примеч. А.А. Семенова. Кн. 1. Т. I. М.; Л., 1952.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А.* Курганный могильник телеутский Взвоз-1 и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул, 2002.
- Усманов М.А.* Об особенностях раннего этапа этнической истории Улуса Джучи // Тюркологический сб. 2001. Золотая Орда и ее наследие. М., 2002.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Филитова Н.И.* Об одном эпитете Юрюнг Айыы Тойона // Мифология народов Якутии. Сб. науч. тр. Якутск, 1980.
- Чжоу Цюй-фэй.* За хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да / Чжоу Цюй-фэй) / Пер. М.Ю. Ульянова. М., 2001.
- Шнайдитейн Е.В.* Раскопки курганов в урочище “Гува” // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста, 1978.
- Юрченко А.Г.* Монгольская мужская прическа XIII в. // Mongolica. VI. СПб., 2003.
- Эрдэнэбат У.* Монгол эхнэрийн богтаг малгай. Уланбаатар, 2006 (на монг. яз.).
- Gold / Silk / Blue and White Porcelain. Fascinating Arts of Marco Polo Era. Hangzhou, 2005.
- Jia Xizeng.* Study on the Shape and Evolution of the “Netlike Bonnets” of the Yuan Dynasty // Silk Road and Mongol-Yuan Art. Hangzhou, 2005.
- Scarce Jennifer.* Women’s Costume of the Near and Middle East. L., 2003.

Sinica Franciscana. V. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M., Quaracchi-Firenze, 1929.

Su Rina. Mongolian Dress in the Yuan Dynasty // Silk Road and Mongol-Yuan Art. Hangzhou, 2005.
Watt James C.Y., Wardwell Ann E. When Silk Was Gold. Central Asian and Chinese Textiles. N.Y., 1997.

Concerning boktag

Z. V. Dode

Summary

The article is devoted to the nomad woman's ceremonial head-dresses from Golden Horde burials. The high cap with stiff birchbark frame, which written sources call "boka" (boktag) is considered to be an ethnical feature of Mongolian woman's costume. On the basis of detailed study of the material from several burials which contained the item in question and on the basis of pictorial sources (Chinese, Iranian, Turkish) the author concludes that it is only the Golden Horde caps with boot-like apex that are of Mongolian origin. The caps with a conical apex may be considered to belong to the Turkic tradition.

К РАДИОКАРБОНОВОЙ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: ЗАПАДНЫЙ РЕГИОН

© 2008 г. А. А. Выборнов*, Н. Н. Ковалюх**, В. В. Скрипкин**

* Самарский государственный педагогический университет

** Институт геохимии окружающей среды НАН Украины, Киев

Интерес специалистов к неолитическим памятникам Среднего Поволжья возрос в последнюю четверть XX в. Анализ новых данных по двум регионам обусловлен тем, что в Заволжье (восточный регион) исследуется одна из древнейших культур Восточной Европы – елшанская и близкие к ней памятники, а в западном регионе культуры в большей степени связаны с Подоньем и Волго-Окским междуречьем (рис.). Однако разработке ряда проблем мешает крайне ограниченное количество радиоуглеродных дат. Так, для комплексов западной части Среднего Поволжья (реки Свияга, Сура, Мокша, участок Волги от устья Суры до устья Ветлуги) в распоряжении ученых до последнего времени было всего четыре определения. Причем два из них, со стоянки Луговое III, укладывались в последнюю четверть III тыс. до н.э. А это входило в явное противоречие с современными представлениями об абсолютной хронологии неолита Европейской части России.

Благодаря усилиям коллектива исследователей (Выборнов и др., 2008) в Киевской радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины было получено 48 дат по единой методике.

Суть новой методики определения радиоуглеродного возраста керамики

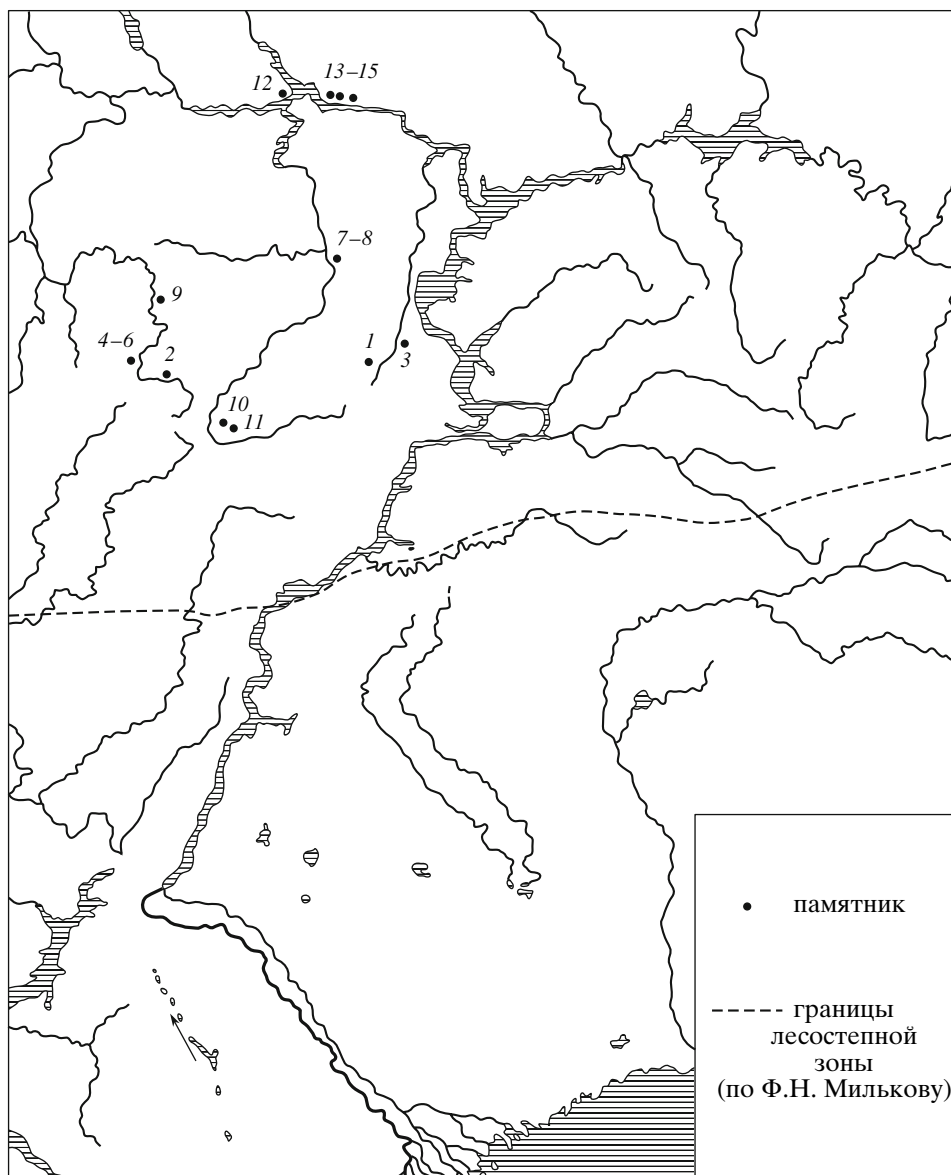
Углерод археологической керамики можно разделить на следующие три основные группы: 1. Углерод, который находился в исходной природной глине в виде карбонатов и органических веществ. 2. Углерод, который был внесен человеком при производстве керамических изделий в виде навоза, измельченной травы и отходов зерна. Иногда в глинистую массу вносились измельченные раковины моллюсков. К датирующей фракции общего углерода следует отнести пригары и нагары на столовой керамике. При готовке пищи на внутренней стороне горшка образовывался прочный слой углеродсодержащего вещества, состоящий из жиров, белков и карамелизованных углеводов. Это вещество частично проникает в пористую структуру сосуда и может в дальнейшем обуглиться. Нагары образуются на внешней поверхности столовой керамики из газообразных продуктов при дефиците кислорода в зоне горения. 3. Углерод почвенной

органики, абсорбированной на керамической матрице. Во время нахождения в почве пористая или трещиноватая структура обломков керамических изделий абсорбирует водорастворимую органику, имеющую отличный от исходной органики возраст. Особенностью миграции водорастворимой органики является факт одновременного соосаждения ее с аморфной окисью кремния.

Учитывая вышеперечисленные факторы, особое внимание необходимо уделять первичной химической обработке исследуемых образцов. На этой стадии решается важная и противоречивая задача: максимально полное удаление привнесенной органики и вредных примесей с одновременным сохранением максимально возможного количества исходного углерода.

На первом этапе с целью оценки степени возможного загрязнения органическим веществом почвы производится механическое снятие верхнего слоя черепков с улавливанием пылевидной фракции на одноразовых фильтрах. Уловленный материал используется для получения бензола из валового углерода, включающего в себя органические загрязнения.

Обработанные таким образом черепки грубо измельчаются и проходят стадию комплексной химической очистки. Очистка включает в себя обработку 0.5 нормальной фтористоводородной кислотой в тefлоновом стакане при комнатной температуре в течение 2–5 ч. Реакционная смесь подвергается многократному воздействию ультразвука. Существенным преимуществом фтористоводородной кислоты является ее способность растворять силикаты и абсорбированные на них липиды, гуминовые кислоты и белковые продукты жизнедеятельности бактерий. В данной лаборатории разработана новая технология перевода углерода образцов археологической керамики в карбид лития и последующего получения бензола. Для этого образец измельчается более мелко, сушится при 150–180°C и смешивается с расчетным количеством двуокиси марганца. Карбид лития получается при помощи технологии "вакуумного пиролиза". Эта технология основана на совмещении двух процессов: термоокисления углерода образца двуокисью марганца и химического поглощения

Карта неолитических памятников западной части Среднего Поволжья: 1 – Усть-Ташелка; 2 – Озименки II; 3 – Луговое III; 4–6 – Имерка Ia, IV, VII; 7–8 – Утюж I, Молебное озеро I; 9 – Ковыляй I; 10 – Подлесное III; 11 – Подлесное IV; 12 – Сутырская V; 13–15 – Дубовская III, VII, Отарское VI.

газообразных продуктов литием. Синтез проводится в реакторе из нержавеющей стали, на дно которого помещается металлический литий, а образец находится в титановом стакане. Стакан с образцом удерживается на оптимальной высоте в трубчатом держателе, который направляет газовый поток на расплавленный литий. Реактор опускается в электропечь на оптимальную глубину и фиксируется в этом положении. При правильно выбранном температурном режиме скорость химического поглощения газообразных продуктов термодеструкции металлическим литием превосходит скорость газообразования. Давление в реакторе устанавливается на уровне 0.1–0.2 атм. При

нагревании выше 550°C двуокись марганца распадается с выделением активного кислорода, причем, равномерно по всему объему смеси. Выделение кислорода протекает спокойно, в широком диапазоне температур (550–940°C). При этом мелкодисперсный уголь окисляется до окиси и двуокиси углерода и в таком виде поглощается расплавленным металлическим литием. Очень важным свойством окислов марганца является их способность связывать фосфор и серу в термоустойчивые соединения. Это позволяет получать карбид лития высокого качества, причем практически из всего углерода образца. Карбид лития подвергается гидролизу, а выделяющийся ацетилен превра-

щается в бензол на ванадиевом катализаторе. Вакуумная система для синтеза бензола изготовлена из материалов, которые совершенно не адсорбируют ацетилен и бензол. Внутренний объем вакуумной линии имеет минимально возможное значение. Приведенные выше конструктивные особенности позволяют достичь 95–97% выхода бензола при полном отсутствии эффекта памяти. Измерение микрообразцов бензола производится в специально разработанных микровиалах при помощи низкофонового в-спектрометра “Quantulus”.

Оценка достоверности получаемых радиоуглеродных дат

Вопрос наличия или отсутствия омолаживающего влияния посторонней почвенной органики решается на основании сравнения возраста пылевидной фракции, полученной в процессе механического удаления верхнего слоя черепков, с возрастом оставшейся внутренней части образца. При этом учитывается как абсолютная разность возрастов, так и количественное соотношение масс углерода между двумя фракциями. Получаемый в результате возраст может быть искажен (в сторону удревнения) за счет влияния трудноудаляемого углерода битуминозного вещества, входящего в состав исходной глины. Содержание этого вещества колеблется для разных сортов глины в пределах 0.01–0.3%. В сортах глины, наиболее часто использовавшихся для производства керамических изделий этот показатель составляет 0.05–0.2%, причем в пределах одного локального месторождения он колеблется в достаточно узких пределах.

Как показал опыт многолетнего датирования керамики, влияние битуминозного вещества проявляется при общем удельном содержании углерода в исследуемых образцах менее 0.2%.

Установить наличие и степень искажения возраста за счет углерода недатирующей фракции можно, применив статистический метод. При датировании нескольких образцов керамики из одного культурного слоя логично предположить, что как удельное содержание, так и радиоуглеродный возраст битуминозного вещества, изначально содержавшегося в используемой глине, должен быть примерно одинаков. В то же время количество вносимой человеком органики при подготовке глинистой массы, режим отжига готовых изделий и их толщина, а также относительная масса пригаров или нагаров неизбежно ведет к варьированию суммарного удельного содержания углерода в исследуемых образцах в широких пределах. Образцы с низким содержанием суммарного углерода должны быть заметно древнее (за счет древнего битуминозного вещества) образцов с высоким содержанием суммарного углерода. Например, если допустить, что в исходной глине содержание битуминозного углерода составляло 0.02% (среднее значение для большинства гончарных глин после

обжига), а суммарное содержание углерода в готовом изделии 0.2%, то примесь составляет 10%. Если же суммарный углерод находится в количестве 1%, то искажение составляет всего 2%. Таким образом, проводя датирование 3–7 керамических образцов из одного культурного слоя и сопоставив полученные результаты с удельным содержанием углерода в каждом из образцов, можно определить наличие искажающего фактора и примерно оценить его величину. Другими словами, если связь между содержанием углерода в образцах и их удревнением относительно среднеарифметической даты отсутствует, то, вероятнее всего, отсутствует и сам искажающий фактор. Полученная статистическая датировка будет намного надежнее и точнее, чем отдельная радиоуглеродная дата. Применение статистического подхода позволяет решить ряд других важных вопросов, таких как степень сохранности культурного слоя исследуемого памятника, особенности его структуры и продолжительности периода существования.

Данная методика апробировалась на неолитических материалах Украины и полученные результаты признаются вполне приемлемыми (Ковалюх, Скрипкин, 2007. С. 120–125).

Наиболее древние определения для керамики елшанского типа со стоянки Усть-Ташёлка (Вискалин, 2003. С. 51. Рис. 1, 6) на р. Свяга: 7810 ± 190 л.н. (Kі-12166) и 7680 ± 190 (Kі-12167) (табл.). Эти даты хорошо согласуются с представлениями о возрасте елшанских древностей в Заволжье. В Примокшанье по керамике, сходной с елшанской, со стоянки Озименки II (Выборнов и др., 2006. С. 114. Рис. 1) получена дата 6950 ± 170 л.н. (Kі-12168). В Посурье на стоянке Вьюново озеро I найдена керамика, по своему облику занимающая промежуточное положение между свияжской и мокшанской.

Таким образом, допустимо предполагать бытование памятников елшанского типа в западной части Среднего Поволжья от второй четверти VI тыс. до н.э. до его финала.

На стоянке Луговое III около г. Ульяновска (р. Свяга) была обнаружена керамика, выделенная в особый тип (Буров, 1980. С. 15, 16; Васильев, Выборнов, 1988. С. 91. Рис. 25). Его признаки: прямостенные, плоскодонные сосуды. Неорнаментированная подлощенная поверхность, под срезом венчика проходит горизонтальный ряд ямочных вдавлений. По керамике данного типа получена дата 6700 ± 100 (Kі-14584). Это приемлемо соотносится с позднеелшанскими и комплексами типа волго-окской культуры (Цетлин, 1996. С. 155–163; 2007. С. 9, 10). Учитывая даты, полученные для аналогичной посуды с памятников Заволжья (будут представлены в другой статье) и Верхнего Подонья данный тип памятников, возможно, будет занимать позицию первой половины V тыс. до н.э.

Радиоуглеродные даты неолитических памятников Среднего Поволжья

Поселение	Лабораторный индекс и номер	Радиоуглеродный возраст (л.н.)	Калиброванные значения	Материал – керамика
Имерка 7	Ki-14466	6130 ± 90	1σ 5210(12.1%) 5160 BC 5150(54.3%) 4930 BC 2σ 5300(94.4%) 4840 BC	Без орнамента
Имерка 7	Ki-14465	5910 ± 80	1σ 4910(6.5%) 4870 BC 4860(61.7%) 4680 BC 2σ 4960(95.4%) 4540 BC	Без орнамента
Имерка 7	Ki-14459	6040 ± 100	1σ 5060(68.2%) 4790 BC 2σ 5300(95.4%) 4700 BC	Накольчатая
Имерка 7	Ki-14460	5850 ± 100	1σ 4810(63.8%) 4580 BC 2σ 4950(95.4%) 4460 BC	Гребенчатая
Ковыляй	Ki-14456	6140 ± 90	1σ 5210(13.2%) 5160 BC 5150(55.0%) 4940 BC 2σ 5300(95.4%) 4840 BC	Зубчатая
Ковыляй	Ki-14457	5830 ± 80	1σ 4780(65.3%) 4580 BC 2σ 4850(95.4%) 4490 BC	Гребенчатая
Ковыляй	Ki-14454	6040 ± 90	1σ 5050(68.2%) 4800 BC 2σ 5250(95.4%) 4700 BC	Накольчатая
Ковыляй	Ki-14453	5880 ± 90	1σ 4850(66.4%) 4610 BC 2σ 4950(95.4%) 4490 BC	»
Ковыляй	Ki-14455	5780 ± 90	1σ 4720(63.5%) 4530 BC 2σ 4810(93.0%) 4450 BC	»
Имерка IV	Ki-14561	5860 ± 80	1σ 4810(65.9%) 4600 BC 2σ 4860(91.3%) 4520 BC	Зубчатая
Имерка IV	Ki-14575	5670 ± 80	1σ 4600(56.5%) 4440 BC 4430(11.7%) 4360 BC 2σ 4700(95.4%) 4350 BC	Гребенчатая
Имерка IV	Ki-14560	5590 ± 80	1σ 4500(68.2%) 4340 BC 2σ 4620(91.6%) 4320 BC	Гребенчатая
Имерка Ia	Ki-14563	5920 ± 80	1σ 4910(9.6%) 4870 BC 4860(58.6%) 4690 BC 2σ 5000–4580 BC	Зубчатая
Имерка Ia	Ki-14562	5820 ± 90	1σ 4780(68.2%) 4550 BC 2σ 4860(94.3%) 4450 BC	Гребенчатая
Озименки II	Ki-12168	6950 ± 170	1σ 5990(64.9%) 5700 BC 2σ 6250(95.4%) 5500 BC	Без орнамента
Озименки II	Ki-14104	5830 ± 90	1σ 4780(63.6%) 4580 BC 2σ 4860(93.2%) 4460 BC	Накольчатая
Озименки II	Ki-14105	5650 ± 80	1σ 4550(68.2%) 4360 BC 2σ 4690(95.4%) 4340 BC	Накольчатая
Озименки II	Ki-14571	5840 ± 90	1σ 4800(65.4%) 4580 BC 2σ 4860(92.2%) 4490 BC	Ямочно-гребенчатая
Озименки II	Ki-14139	5600 ± 90	1σ 4530(68.2%) 4340 BC 2σ 4690(91.5%) 4320 BC	Зубчатая
Озименки II	Ki-14103	5450 ± 90	1σ 4370(54.2%) 4220 BC 4200(7.6%) 4160 BC 2σ 4460(95.4%) 4160 BC	Зубчатая
Озименки II	Ki-14589	5650 ± 80	1σ 4550(68.2%) 4360 BC 2σ 4690(95.4%) 4340 BC	Гребенчатая
Озименки II	Ki-14138	5490 ± 90	1σ 4460(68.2%) 4240 BC 2σ 4500(95.4%) 4040 BC	Гребенчатая

Таблица. Продолжение

Поселение	Лабораторный индекс и номер	Радиоуглеродный возраст (л.н.)	Калиброванные значения	Материал – керамика
Озименки II	Ki-14102	5370 ± 90	1σ 4330(16.6%) 4270 BC 4260(13.1%) 4210 BC 4200(15.5%) 4140 BC 4130(23.0%) 4040 BC 2σ 4360(95.4%) 3980 BC	Гребенчатая
Утюж I	Ki-14448	6330 ± 90	1σ 5470(5.6%) 5440 BC 5420(4.8%) 5400 BC 390(54.6%) 5210 BC 2σ 5480(95.4%) 5060 BC	Без орнамента
Утюж I	Ki-14458	5890 ± 80	1σ 4850(61.8%) 4670 BC 2σ 4950(95.4%) 4540 BC	Накольчатая
Молебное озеро I	Ki-14441	6290 ± 90	1σ 5370(49.4%) 5200 BC 5180(9.5%) 5140 BC 5130(9.3%) 5070 BC 2σ 5260(95.4%) 4780 BC	Без орнамента
Молебное озеро I	Ki-14442	5980 ± 90	1σ 4960(61.0%) 4770 BC 4760(7.2%) 4720 BC 2σ 5250(95.4%) 4600 BC	Гребенчатая
Подлесное III	Ki-14564	6070 ± 90	1σ 5070(61.6%) 4849 BC 2σ 5300(95.4%) 4700 BC	Зубчатая
Подлесное III	Ki-14565	6110 ± 80	1σ 5210(8.9%) 5170 BC 5150(6.7%) 5110 BC 5080(49.2%) 4910 BC 2σ 5280(95.4%) 4800 BC	Гребенчатая
Подлесное III	Ki-14566	5940 ± 80	1σ 4920(15.0%) 4870 BC 4860(53.2%) 4710 BC 2σ 5040(95.4%) 4600 BC	Гребенчатая
Подлесное IV	Ki-145585	930 ± 80	1σ 4910(12.2%) 4870 BC 4860(56.0%) 4710 BC 2σ 5000(95.4%) 4590 BC	Гребенчатая
Подлесное IV	Ki-14459	5890 ± 90	1σ 4860(58.5%) 4670 BC 4640(4.7%) 4610 BC 2σ 4960(95.4%) 4520 BC	Гребенчатая
Усть-Ташелка	Ki-12166	7810 ± 190	1σ 7050(68.2%) 6450 BC 2σ 7300(95.4%) 6200 BC	Без орнамента
Усть-Ташелка	Ki-12167	7680 ± 190	1σ 6800(68.2%) 6250 BC 2σ 7100(95.4%) 6100 BC	Без орнамента
Луговое 3	Ki-14584	6700 ± 100	1σ 5720(68.2%) 5530 BC 2σ 5790(95.4%) 5470 BC	Без орнамента
Дубовская III	Ki-14534	6130 ± 100	1σ 5230(13.4%) 5160 BC 5150(52.4%) 4920 BC 2σ 5310(95.4%) 4800 BC	Накольчатая
Дубовская III	Ki-14533	6095 ± 90	1σ 5210(7.4%) 5170 BC 5080(49.9%) 4900 BC 4890(7.5%) 4850 BC 2σ 5280(95.4%) 4780 BC	Накольчатая
Дубовская III	Ki-14535	5930 ± 80	1σ 4910(12.2%) 4870 BC 4860(56.0%) 4710 BC 2σ 5000(95.4%) 4590 BC	Ямочно-гребенчатая
Дубовская VII	Ki-14532	5950 ± 90	1σ 4940(68.2%) 4710 BC 2σ 5050(95.4%) 4610 BC	Накольчатая
Сутырская V	Ki-14578	5805 ± 90	1σ 4780(6.8%) 4750 BC 4730(61.4%) 4540 BC 2σ 4860(95.4%) 4450 BC	Накольчатая

Таблица. Окончание

Поселение	Лабораторный индекс и номер	Радиоуглеродный возраст (л.н.)	Калиброванные значения	Материал – керамика
Сутырская V	Ki-14541	5710 ± 90	1σ 4690(68.2%) 4450 BC 2σ 4730(93.4%) 4550 BC	Накольчатая
Сутырская V	Ki-14540	5540 ± 90	1σ 4490(61.3%) 4320 BC 4290(6.9%) 4250 BC 2σ 4600(95.4%) 4050 BC	Накольчатая
Старо-Мазиково III	Ki-14422	5635 ± 80	1σ 4550(68.2%) 4360 BC 2σ 4690(95.4%) 4330 BC	Гребенчатая
Нижняя Стрелка V	Ki-14421	5510 ± 90	1σ 4460(52.4%) 4310 BC 4300(15.8%) 4250 BC 2σ 4550(88.0%) 4210 BC	Гребенчатая
Отарская VI	Ki-14424	6020 ± 90	1σ 5040(68.2%) 4790 BC 2σ 5250(95.4%) 4650 BC	Накольчатая
Отарская VI	Ki-14423	5890 ± 80	1σ 4850(61.8%) 4670 BC 2σ 4950(95.4%) 4540 BC	Гребенчатая
Отарская VI	Ki-14425	5810 ± 90	1σ 4780(7.3%) 4740 BC 4730(60.9%) 4540 BC 2σ 4860(95.4%) 4450 BC	Ямочно-гребенчатая
Отарская VI	Ki-14449	5930 ± 80	1σ 4910(12.2%) 4870 BC 4860(56.0%) 4710 BC 2σ 5000(95.4%) 4590 BC	Ямочно-гребенчатая

Примечание. Перевод радиоуглеродной даты BP в календарную дату BC проводился с помощью программы OxCal Version 3.9 2003 г. (Radiocarbon, 43(2A), 355–363. 2003. OxCal Program v3.9, Radiocarbon Accelerator Unit, University of Oxford). В таблице в графе с калиброванными интервалами указаны также вероятности нахождения даты в каждом из интервалов: например (1σ 5210(12.1%) 5160 BC) вероятность нахождения калиброванной даты в интервале 5210–5160 BC соответствует 12.1%.

В этом же регионе по неорнаментированной подлощенной посуде со стоянки Имерка VII (Ставицкий, 1999. С. 37. Рис. 6, 4) получена дата 6130 ± 80 л.н. (Ki-14466). В Среднем Посурье на стоянке Утюж I помимо прочей также была обнаружена группа тонкостенной подлощенной неорнаментированной остродонной посуды. Ее дата 6330 ± 90 л.н. (Ki-14448). В этом же районе на стоянке Молебное озеро I встречена прямостенная, остро и плоскодонная, подлощенная, с рядом ямок под венчиком посуда, получившая определение 6290 ± 90 л.н. (Ki-14441).

Из памятников Примокшанья, относимых исследователями к наиболее ранним среди накольчатых, удалось получить дату по керамике стоянки Ковыляй I (Ставицкий, 1999. С. 41. Рис. 9, 15) – 6040 ± 90 л.н. (Ki-14454), т.е. последняя четверть V тыс. до н.э. Это определение хорошо коррелирует с датами более архаичной посуды. Ковыляйской керамике Примокшанья в Среднем Посурье типологически хорошо соответствует посуда с наколами стоянки Утюж (Березина и др., 2007. Рис. 2, 1) – 5890 ± 80 л.н. (Ki-14458), то есть конец V тыс. до н.э. – начало IV тыс. до н.э.

Накольчато-гребенчатые комплексы Примокшанья допустимо датировать по материалам жилища стоянки Имерка VII, где данная посуда залегала совместно. По накольчатым черепкам (Выборнов,

Третьяков, 1991. С. 49. Рис. 4, 1, 7) получена дата 6040 ± 100 л.н. (Ki-14459), а по гребенчатым (Выборнов, Третьяков, 1991. С. 46. Рис. 3, 3, 4) – 5850 ± 100 л.н. (Ki-14460), что подтверждает предположение об их синхронности. То, что гребенчатая керамика (в ее зубчатом, т.е. коротком варианте) появляется в Примокшанье в более раннее время, т.е. в последней четверти V тыс. до н.э. (как и накольчатая), свидетельствуют даты по фрагментам стоянки Ковыляй I (Ставицкий, 1999. С. 88. Рис. 35, 8) – 6140 ± 90 л.н. (Ki-14456). В какой-то мере можно предполагать хронологическое соотношение зубчатой и гребенчатой керамики в Примокшанье на материалах стоянки Имерка I а. Фрагменты с зубчатым штампом (Выборнов, Третьяков, 1987б. С. 39. Рис. 1, 15) получили дату – 5920 ± 80 л.н. (Ki-14563), а гребенчатая (Выборнов, Третьяков, 1987б. С. 39. Рис. 1, 14, 17) – 5820 ± 80 л.н. (Ki-14562), т.е. разнятся в 100 лет. По стоянке Ковыляй I в этом же регионе зубчатая (Ставицкий, 1999. С. 88. Рис. 35, 8) – 6140 ± 90 л.н., а гребенчатая – (Ставицкий, 1999. С. 90. Рис. 5) – 5830 ± 80 л.н. (Ki-14457), т.е. разница в 300 лет. На стоянке Имерка IV зубчатая керамика (Выборнов, Королев, 1994. С. 113. Рис. 1, 7, 13) продатирована 5860 ± 80 л.н. (Ki-14561). Важно подчеркнуть наличие на данном памятнике фрагментов, на которых сочетается зубчатый и накольчатый способы на-

несения узоров. Видимо, это предполагает их синхронность. По гребенчатой посуде с Имерки IV (Выборнов, Королев, 1994. С. 113. Рис. 1, 9, 11) получены даты 5670 ± 80 л.н. (Ki-14575) и 5590 ± 80 л.н. (Ki-14560), т.е. разница между зубчатой и гребенчатой составляет 250 лет. Что хорошо подтверждает ситуацию на Ковыляе и Имерке Ia. Следует напомнить, что наиболее высокий процент (53) именно гребенчатой, а не зубчатой керамики на Имерке IV, по мнению В.В. Ставицкого, не случаен и здесь присутствует одна из самых поздних в Примокшанье посуда с подобным штампом (2004. С. 235).

Даты по зубчато-гребенчатой посуде Примокшанья достаточно хорошо согласуются с аналогичными материалами в Посурье. Наиболее архаичной среди памятников данного района исследователи определяли стоянку Подлесное III (Выборнов, Третьяков, 1988. С. 35). По зубчатой керамике этого памятника (Выборнов, Третьяков, 1988. С. 52. Рис. 2, 10) получена дата 6070 ± 90 л.н. (Ki-14564), сходная с ковыляйской. По гребенчатой посуде стоянки Подлесное III получено две даты: (Выборнов, Третьяков, 1988. С. 52. Рис. 2, 6) – 6110 ± 80 л.н. (Ki-14565) и (Выборнов, Третьяков, 1988. С. 52. Рис. 2, 9) – 5940 ± 80 л.н. (Ki-14566). Во-первых, можно предполагать на данном памятнике одновременность зубчатой и гребенчатой керамики. Во-вторых, даты гребенчатых фрагментов здесь более древние, чем на большинстве Примокшанских. Примечательно, что на стоянке Подлесное III обнаружено несколько черепков, украшенных наколами. Не исключено их сосуществование с зубчато-гребенчатой.

Наиболее архаичными выглядят гребенчатые черепки со стоянки Молебное озеро I в среднем течении р. Суры, по которым получена дата – 5980 ± 90 л.н. (Ki-14442). Типологически, как более поздние, рассматривались фрагменты с аналогичным штампом со стоянки Подлесное IV в Верхнем Посурье, синхронизируемые с развитым этапом камской культуры типа II Лебединской стоянки (Выборнов, Третьяков, 1984. С. 45. Рис. 4, 15). Их дата – 5890 ± 90 л.н. (Ki-14559), что хорошо согласуется с датами хуторского-лебединского этапа неолита Прикамья (Выборнов и др., 2008). Что же касается более позднего, чем развитой гребенчатого комплекса стоянки Озименки II (Выборнов и др., 2006. С. 118. Рис. 9, 6; 10, 8; 12, 6), то его даты – 5490 ± 80 л.н. (Ki-14138) и 5370 ± 90 л.н. (Ki-14102), т.е. середина IV тыс. до н.э. По ямочно-гребенчатой посуде с этой же стоянки получена дата – 5840 ± 80 л.н. (Ki-14571), т.е. первая четверть IV тыс. до н.э. Иначе говоря, последний комплекс древнее, чем позднегребенчатый. Дата ямочно-гребенчатой керамики вполне приемлемая, поскольку соответствует современным представлениям об ее абсолютном возрасте. Определение по позднегребенчатой посуде необходимо было пере-

проверить. Объясняется это тем, что по настоящим воззрениям о соотношении гребенчатой и ямочно-гребенчатой культур первая либо более ранняя, либо отчасти синхронна со второй. В данном случае часть гребенчатой фазы позднее ямочно-гребенчатой. Некоторым подтверждением этому может служить и первая полученная для ямочно-гребенчатой посуды Примокшанья дата по Имерке III – 5660 ± 100 л.н. (ЛЕ-2313, по углю) (Выборнов, Третьяков, 1987а. С. 61). Повторный анализ по новым образцам керамики гребенчатого типа со стоянки Озименки II показал дату 5650 ± 80 л.н. (Ki-14589). Иначе говоря, она соответствует последней, но все же моложе, чем дата по ямочно-гребенчатой керамике на собственно стоянке Озименки II.

Иная ситуация с поздней керамикой накольчатого типа. На стоянке Ковыляй I она (Ставицкий, 1999. С. 85. Рис. 33, 10) получила две даты – 5880 ± 90 л.н. (Ki-14453) и 5780 ± 90 л.н. (Ki-14455), т.е. первая четверть IV тыс. до н.э. А по керамике стоянки Озименки II (Выборнов и др., 2006. С. 114. Рис. 2, 11, 14, 16) – 5830 ± 90 л.н. (Ki-14104) и (Выборнов и др., 2006. С. 119. Рис. 13) – 5650 ± 80 л.н. (Ki-14105). Во-первых, типологически накольчатая посуда со стоянки Озименки II несколько различается, что и подтверждается полученными датами. Во-вторых, на стоянке Озименки II, как в свое время М.Е. Фосс, так и нами, были обнаружены фрагменты, на которых сочетались наколы и ямки, что свидетельствует об их сосуществовании (Выборнов и др., 2007). Аналогичный фрагмент был найден на поселении Имерка IV (Выборнов, Королев, 1994. С. 118. Рис. 5, 7).

В северной части рассматриваемого региона Сура впадает в Волгу. От этого участка до устья Ветлуги расположены стоянки, материалы которых сходны с вышеописанными. Так, на стоянке Дубовская III накольчатая керамика (Никитин, 1996. С. 84. Рис. 32, 1) имеет даты 6130 ± 100 л.н. (Ki-14534) и 6095 ± 90 (Ki-14533). Фрагменты с наколами датируются: на Дубовской VII – 5950 ± 90 (Ki-14532), Сутырской V (Выборнов и др., 2004. С. 32. Рис. 3, 4, 6, 9) – 5805 ± 90 (Ki-14578) и 5710 ± 90 (Ki-14541), на Отарской VI (Никитин, 1996. С. 84. Рис. 33) – 6020 ± 90 (Ki-14424). Таким образом, развитие этих комплексов проходило в последней четверти V – первой четверти IV тыс. до н.э. что совпадает с соответствующим периодом для более южного региона. На стоянке Отарская VI по гребенчатой посуде (Выборнов, 1992. С. 133. Рис. 48) дата – 5890 ± 80 (Ki-14423). Что же касается ямочно-гребенчатой керамики, то на данном памятнике два образца – 5930 ± 80 (Ki-14449) и 5810 ± 90 (Ki-14425). Ситуация схожа с примокшанской. В свое время В.В. Никитин на стоянке Дубовская III проследил, что гребенчато-ямочная и накольчатая керамика сосуществовали в одном хронологическом диапазоне (1985. С. 77). Под-

тверждением служит дата по ямочно-гребенчатой посуде – 5930 ± 80 л.н. (Кi-14535), которая, с одной стороны, идентична отарской, а вместе с тем, сходна с примокшанской.

Таким образом, памятники с ранней накольчатой керамикой и зубчатой техникой нанесения орнамента в данном регионе появляются с третьей четверти V тыс. до н.э. На рубеже тысячелетий возникает гребенчатая традиция, бытующая до середины IV тыс. до н.э., в первой его четверти она сосуществует с памятниками, на которых обнаружена накольчатая керамика позднего типа. В начале IV тыс. до н.э. на данной территории появляются наиболее ранние стоянки с ямочно-гребенчатой посудой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березина Н.С., Вискалин А.В., Выборнов А.А. и др.* Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре // Краеведческие записки. Вып. XIII. Самара, 2007.
- Буров Г.М.* Каменный век Ульяновского Поволжья. Ульяновск, 1980.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А.* Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1988.
- Вискалин В.А.* Ранненеолитический комплекс стоянки Елшанка 10 (Усть-Ташёлка) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.
- Выборнов А.А.* Неолит Прикамья. Самара, 1992.
- Выборнов А.А., Березина Н.С., Вискалин А.В. и др.* Об абсолютном возрасте неолита Сурско-Мокшанского междуречья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 5. Самара, 2008.
- Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Галимова М.Ш. и др.* Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестн. музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2. Пермь, 2008.
- Выборнов А.А., Королев А.И.* Поселение Имерка IV в Примокшанье // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1994.
- Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В.* Неолитический комплекс Сутырского V поселения // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. Самара, 2004.
- Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В.* Неолитические материалы стоянки Озименки II в Примокшанье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
- Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В.* Неолитическая керамика стоянки Озименки II на р. Мокше // Археология Верхнего Подонья. Вып. 3. Липецк, 2007.
- Выборов А.А., Третьяков В.П.* Поселение Подлесное IV на Верхней Суре // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984.
- Выборнов А.А., Третьяков В.П.* Стоянка Имерка 3 на р. Вад // Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987а.
- Выборнов А.А., Третьяков В.П.* Неолитическая керамика стоянки Имерка Ia на р. Вад // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987б.
- Выборнов А.А., Третьяков В.П.* Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев, 1988.
- Выборнов А.А., Третьяков В.П.* Стоянка Имерка VII в Примокшанье // Древности восточноевропейской лесостепи. Самара, 1991.
- Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.
- Никитин В.В.* Накольчатая керамика на севере Средней Волги // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1985.
- Никитин В.В.* Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1996.
- Ставицкий В.В.* Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999.
- Ставицкий В.В.* Хронология Сурско-Мокшанского неолита // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004.
- Цетлин Ю.Б.* Периодизация истории населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита // ТАС. 1996. Вып. 2.
- Цетлин Ю.Б.* Неолит центра русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур // Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.

On the radiocarbon chronology of the Middle Volga Neolithic: Western region

A. A. Vybornov, N. N. Kovalyukh, V. V. Skripkin

Summary

The article is devoted to the method of identifying the absolute chronology of Neolithic ceramics. The material from settlements in the Western part of the Middle Volga region gave about 50 dates which allow to amend the absolute chronology for the area in question. The most ancient sites existed during the period between 6000 BC and the beginning of the 5th millennium BC. Lugovskoy-type sites existed in the first half of the 5th millennium BC. Settlements with "pit-tooth" ware existed till the second part of the 5th millennium BC. Settlements with "comb" and "late pit" ware existed in the first part of the 4th millennium BC. Material with "pit-comb" ornament existed in the same interval.

СРУБНО-АЛАКУЛЬСКИЙ КУРГАН СЕЛИВАНОВСКОГО II МОГИЛЬНИКА ИЗ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ И ПРОБЛЕМА ПАРНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ

© 2008 г. Я. В. Рафикова

Национальный музей Республики Башкортостан, Уфа

В 2000 г. автором был исследован один из курганов Селивановского II могильника в Башкирском Зауралье. Значительная концентрация под его насыпью парных захоронений, где покойники находились лицом друг к другу, выделяет этот комплекс из всей массы курганов эпохи поздней бронзы Евразии. Целостность погребений и хорошая сохранность костных останков усопших, для которых получены антропологические определения (выполнены А.И. Нечвалодой), дали большой объем информации, позволившей по-новому взглянуть на проблему разнополюх парных захоронений, которая находится в поле зрения уже нескольких поколений исследователей (Артамонов, 1934; Киселев, 1949; 1951; Грязнов, 1957; Итина, 1954; 1961; 1977; Сорокин, 1962; Кузьмина, 1964; Манделъштам, 1968; Максименков, 1974; Массон, 1976; Клейн, 1979; Рычков, 1982; Пьянкова, 1987; Винокурова, 2005 и др.).

Селивановский II могильник находится на северо-восточном берегу оз. Чебаркуль, на северо-западной окраине п. Селивановский Абзелиловского района Республики Башкортостан, в 15 км западнее г. Магнитогорска. Он состоит из 15 курганов, расположенных тремя группами: северной, центральной и южной (рис. 1). Центральная группа, в которой находится исследованный курган I, насчитывает девять насыпей, вытянутых цепочкой по широтной линии.

Размер его насыпи 26×32 м, высота 1.1 м – это самый большой курган в центральной группе и во всем могильнике. Насыпь земляная, хорошо задернована, несколько вытянута в меридиональном направлении. На ее поверхности в северной части фиксировалось много необработанных камней небольших размеров. В центре насыпи – воронка округлой формы, диаметром 4.5 м, оставшаяся после “раскопок” кургана экскаватором местными жителями в 1960-х годах (рис. 2).

Стратиграфические наблюдения позволяют сделать вывод о том, что насыпь кургана создавалась в два приема. Первоначальная насыпь состояла из гумуса, смешанного с материковой глиной. Диаметр ее был приблизительно 20×20 м, высота 0.7 м. Вторая насыпь из чистого чернозема пере-

крывала первую, размер кургана при этом стал приближенным современному. Со второй досыпкой связаны и все камни, встреченные в насыпи. Поскольку основные скопления камней фиксируются преимущественно в районе разрушенного грабительской ямой погребения 11 и локализируются главным образом в верхних слоях насыпи, примерно предположить, что досыпка кургана связана именно с этим погребением. В насыпи кургана встречены фрагменты керамики не менее чем от трех сосудов, верхнюю часть одного из них удалось восстановить. Также были встречены и отдельные кости коровы, лошади (все определения костей животных выполнены канд. биол. наук Р.М. Сатаевым) и человека. Последние скорее всего происходят из могилы 11, разрушенной экскаватором. Все они найдены на небольшой глубине, примерно на одинаковом расстоянии от могилы.

Яма 1, размерами 0.65×0.25 м, ориентирована длинными сторонами по линии С–Ю. В районе северной стенки дно ямы плавно переходит в материк раскопа. Наибольшая глубина в материке 0.04 м. Вероятно, здесь был погребен грудной ребенок, косточки которого истлели (рис. 3А, I). Кроме сосуда (рис. 4, I) в северо-восточном углу в яме ничего не обнаружено.

Яма 2, размерами 1.45×0.9 м, длинными сторонами ориентирована почти точно по линии С–Ю, с небольшим отклонением к З. Дно несколько углубляется к середине. Глубина могилы от 0.04 до 0.14 м. На дне расчищены скелеты двух подростков в скорченном положении, лицом друг к другу, головой ориентированные на С (рис. 3А, II). Умершие были положены вплотную друг к другу. Руки у обоих костяков согнуты в локтях, кисти рук располагались, видимо, перед лицом или под щеками. Костяк 1, лежавший на левом боку, принадлежал подростку 13–14 лет. Его череп находился на левом боку лицом к Ю, теменной частью впритык к лицу второго костяка. Правая нога расположена несколько выше левой. Левая нога находилась между костями ног второго костяка и коленом упиралась в его таз. Костяк 2, принадлежавший подростку 15–16 лет, лежал на правом боку, лицом к З. Над его головой, вплотную к черепу, находил-

ся глиняный неорнаментированный сосуд баночной формы (рис. 4, 2).

Ямы 3 и 4. Пятно неопределенной формы, состоящее из двух соединенных пятен, ориентировано длинными неровными сторонами почти точно по линии З–В. При вскрытии выявились две ямы, соединенные длинными сторонами, между которыми находилась небольшая перемычка (рис. 3А, III, IV). В яме 4 было выявлено “запечатывание” могилы, более ни в одном из погребений не встретившееся.

Яма 3 (западная) размерами 0.97×0.81 м, глубиной в материке от 0.2 до 0.37 м, ориентирована длинными сторонами точно по линии С–Ю (рис. 3А, III). В заполнении встречались ребра, позвонки, кости рук и ног ребенка, принадлежавшие одному из двух погребенных детей, скелет которого находился в западной части могилы и был потревожен грызунами. От костяка ребенка 3–4 лет на дне ямы в первоначальном положении сохранились только череп, лежащий лицом на ЮВ, лопатка, таз, бедренная и две берцовые кости, несколько ребер. Судя по их расположению, ребенок лежал скорченно на левом боку, головой на С. Над его черепом находился небольшой неорнаментированный сосуд баночной формы (рис. 4, 4). Восточный костяк ребенка 6–7 лет располагался также на левом боку, скорченно, головой на С. Руки согнуты, кисти находились под черепом. Перед лицом стоял неорнаментированный сосуд (рис. 4, 4).

Перемычка между ямами имела ширину от 0.12 до 0.2 м, высоту со стороны погребения 3 – 0.2 м, со стороны погребения 4 – 0.3 м, ориентирована строго по линии С–Ю.

Яма 4 (восточная) размерами 1.24×0.74 м, глубиной в материке до 0.44 м, ориентирована почти точно по линии С–Ю, с небольшим отклонением к З. Заполнение ямы в верхней части представляло собой чернозем, смешанный с материковым грунтом. В нем были найдены нижняя челюсть, ребра, позвонки, плечевая кость, ключица, кости лицевой части черепа ребенка. Все они, видимо, принадлежали потревоженному костяку из погребения 3 и были затасаны сюда роющими животными. При вскрытии могилы на глубине от 0.15 до 0.33 м был выявлен глинистый слой, принятый первоначально за дно ямы. По цвету и структуре он почти не отличался от материка, лишь в центральной части был темнее (нора?). При попытке углубиться в этом темном грунте были выявлены кости взрослого человека. Под глинистой прослойкой местами вновь залегал слой чернозема, смешанный с материковым грунтом. Полная расчистка ямы выявила погребение девушки 15–16 лет (рис. 3А, IV). Скелет лежал на правом боку, лицом к З, головой к ССЗ. Руки сильно согнуты в локтях, кисти перед лицом. Кости нижней части тела находились в беспорядке – сдвинуты со своих мест грызунами. Пе-

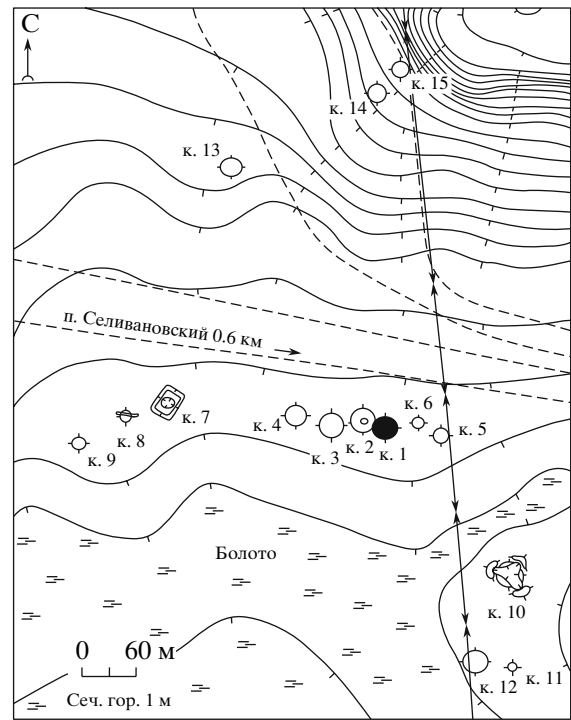

Рис. 1. Селивановский II могильник. План памятника.

ред лицом – небольшой орнаментированный сосуд горшечной формы (рис. 4, 5).

Яма 5 размерами 1.45×0.75 м, глубиной в материк до 0.36 м, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Стенки могилы отвесные, дно ровное. Костяк мужчины 25–30 лет лежал на левом боку, скорченно, лицом к В. Руки сильно согнуты, кисти перед лицом. Таз развернут фронтально (рис. 3А, V). Перед лицом погребенного в северо-восточном углу ямы лежал, завалившись на бок, орнаментированный сосуд горшечной формы (рис. 4, 6).

Яма 6 размерами 1.0×0.6 м, глубиной в материк до 0.41 м, ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. На дне могилы расчищен костяк ребенка 7–8 лет, лежащий скорченно на левом боку, головой к ССЗ. Левая рука согнута в локте, кисть под черепом, правая также согнута в локте, кисть – на уровне середины предплечья левой руки. Между бедрами и голени лежат тазовая кость лошади (рис. 3А, VI). В ногах поставлены два горшка (рис. 4, 11, 12).

Яма 7 размерами 1.23×0.9 м, глубиной в материк до 0.2 м. В могиле расчищено коллективное погребение четырех детей (рис. 3А, VII). Костяки 1 и 2 располагались в западной части ямы, скорченно, лицом друг к другу. Костяк 1, принадлежащий ребенку 3–4 лет, лежал на левом боку, руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Между коленей находятся голени костяка 2. Костяк 2 ребенка 6–7 лет лежит на правом боку. Руки согнуты в локтях, переплетены с руками костяка 1, кисти перед

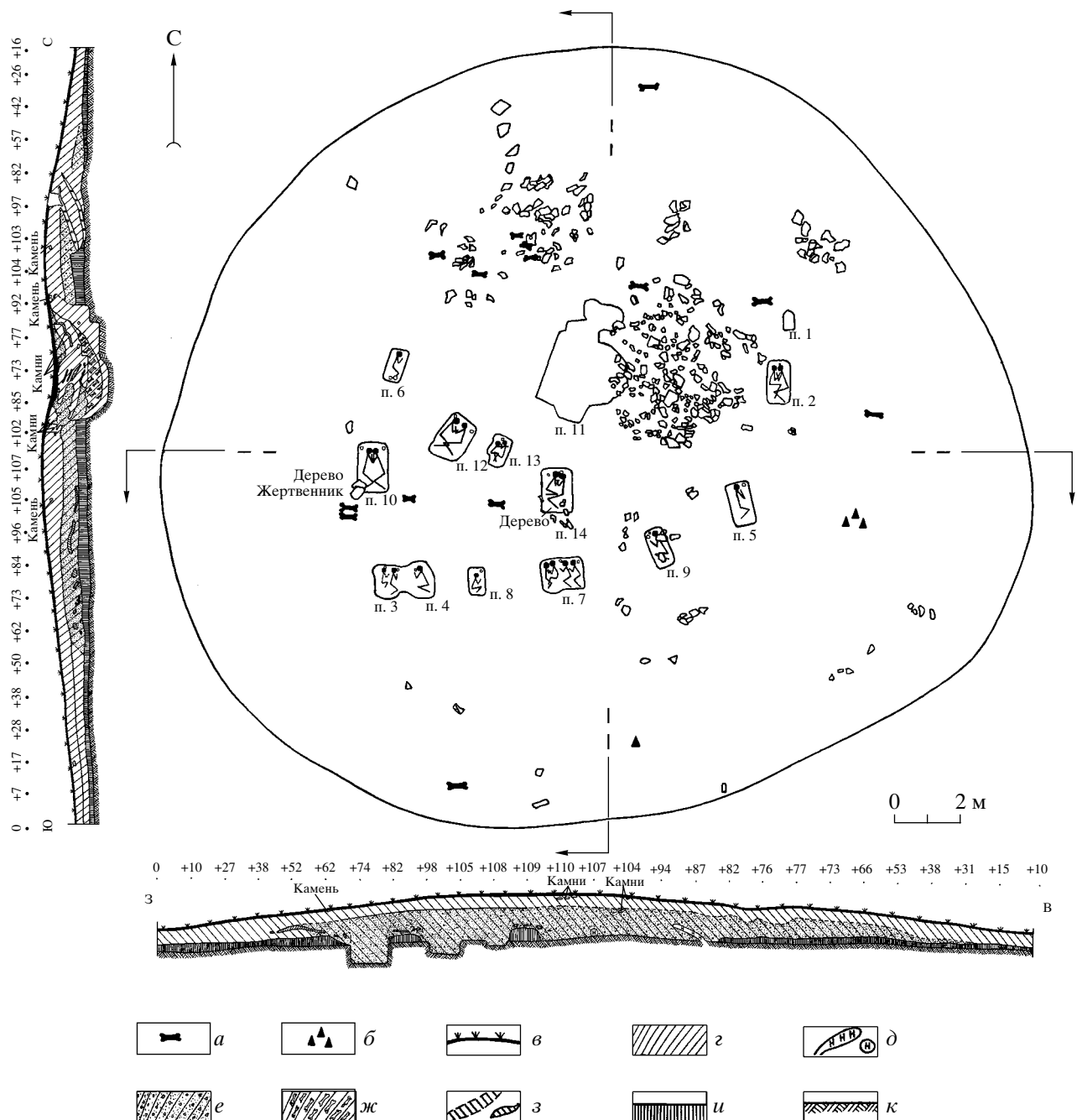

Рис. 2. Курган 1. План и профили разрезов раскопа. Условные обозначения: а – кости животных; б – фрагменты керамики; в – дерн; г – гумус; д – норы животных; е – гумус с глиной; ж – гумус с костями животных; з – прослойки материковой глины; и – погребенная почва; к – материк.

лицом. Костяки 3 и 4, принадлежащие детям 6–7 лет, лежат в восточной части ямы, оба в скорченном положении на правом боку, параллельно друг другу. Руки у обоих согнуты в локтях, кисти перед лицом. Ноги согнуты. У костяка 3 перед лбом стоит небольшой неорнаментированный сосудик горшечной формы со слегка отогнутым венчиком и небольшим уступом (рис. 4, 7). У костяка 4 почти такой же сосудик стоит за затылком (рис. 4, 8). Пе-

ред его лицом, на костях предплечья, лежит костяная трубочка с резным ложновитым орнаментом (рис. 5, 2). Поделка отполирована, длина ее 11.7–12 см.

Яма 8 размерами 0.84 × 0.45 м, глубиной в материк до 0.21 м. Стенки могилы отвесные, дно ровное. На дне расчищен костяк ребенка 6–7 лет, лежащий на левом боку, головой к С. Череп лежал

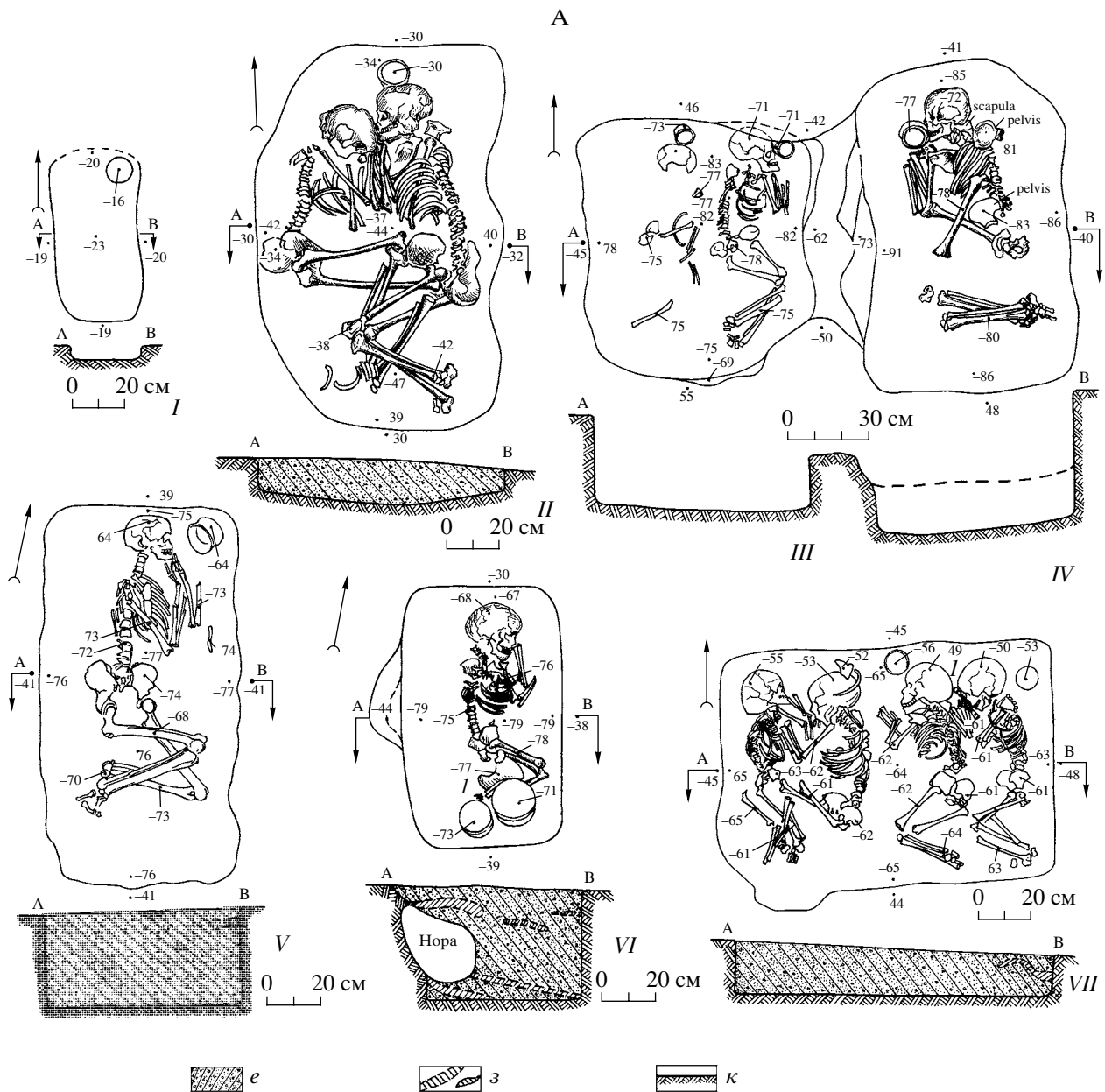

Рис. 3. Курган 1. Планы и профили разрезов погребений. А – п. 1–7 (I–VII). VI – п. 6: 1 – тазовая кость лошади; VII – п. 7: 1 – костяная трубочка. Б. I – п. 8; II – п. 9; III – п. 10: 1 – пастовые бусы, 2 – бронзовый браслет; IV – п. 12: 1 – бронзовые браслеты, 2 – пастовые и бронзовые бусы, 3 – ребра животного; V – п. 14: 1 – раковина *Pectunculus* и три просверленных клыка; VI – п. 13: 1 – бронзовый браслет, 2 – четыре просверленных клыка; 3 – следы бронзы; 4 – пастовые бусы (условные обозначения – см. рис. 2).

на левом боку, лицом к В. Руки согнуты в локтях, кисти слегка не достают до лица. Ноги согнуты сильно (рис. 3Б, I). Над головой, перед лбом, стоит небольшой сосудик (рис. 4, 9).

Яма 9 размерами 1.24 × 0.73 м, глубиной в материк до 0.4 м. На дне могилы расчищен скелет женщины 18–20 лет, лежащей скорченно на правом боку, головой к ССЗ, руки согнуты, кисти перед лицом (рис. 3Б, II). Здесь же поставлены два сосуда (рис. 4, 10, 13).

Яма 10 размерами 1.45 × 1.1 м, глубиной в материк до 0.51 м. У ЮЗ угла ямы на остатках деревянного перекрытия располагался “жертвенник” из черепа и костей ног коровы, принадлежащих очень старому животному. На дне ямы находились два костяка, лежащих скорченно, лицом друг к другу (рис. 3Б, III). Над костяками расчищены остатки рухнувшего перекрытия в виде продольно расположенных бревен или плах. Костяк 1, лежащий на левом боку, принадлежал женщине 20–

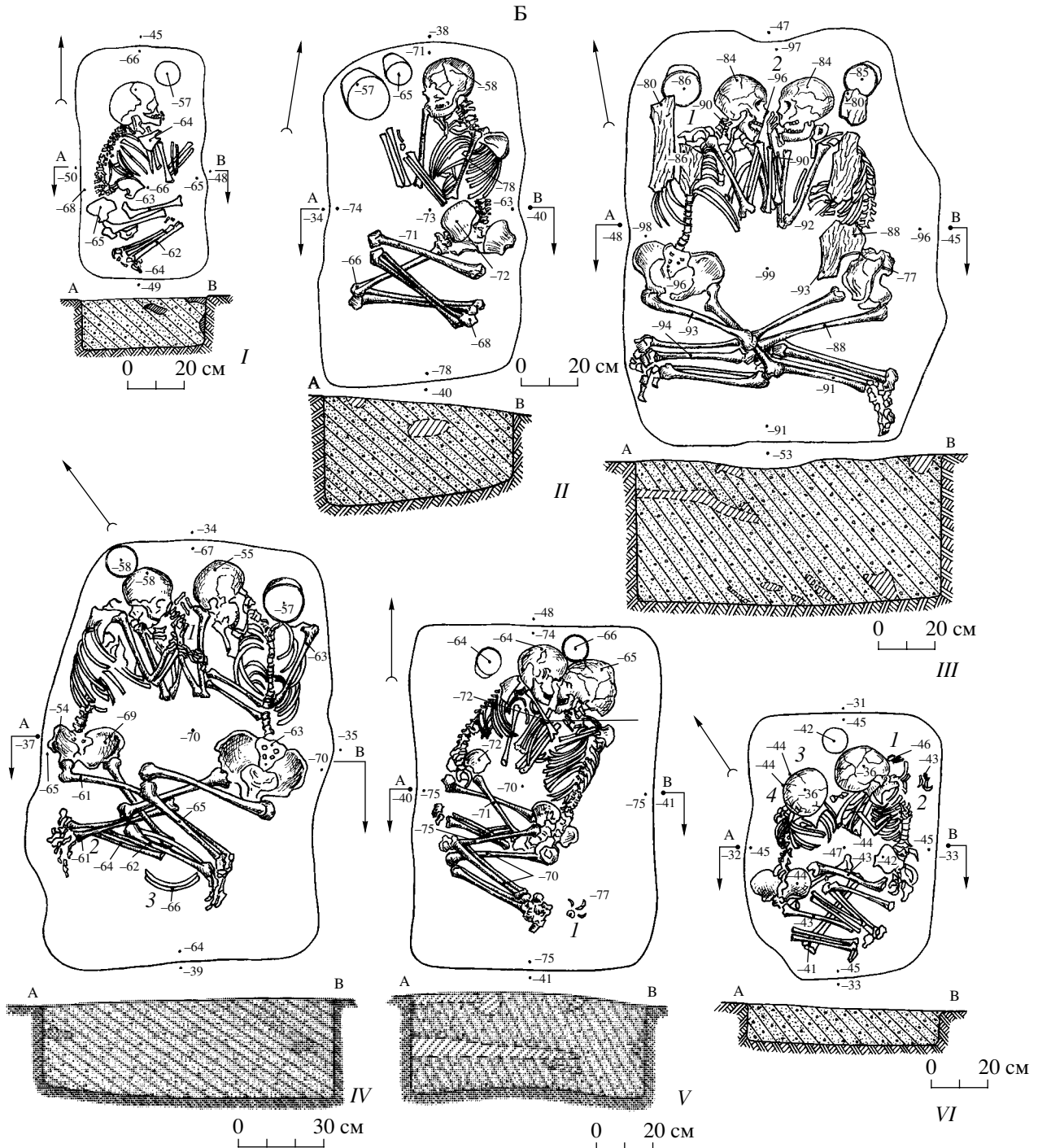

Рис. 3. Окончание.

22 лет (рис. 6). Руки ее были согнуты, кисти перед лицом, предплечья и кисти переплетены с предплечьями и кистями рук костяка 2, принадлежавшего мужчине 25–30 лет. Таз развернут фронтально, ноги согнуты, колени покоятся на коленях мужского костяка. На запястьях обеих рук женщины находились бронзовые желобчатые браслеты (рис. 5, 5). На шейных позвонках и под черепом

найлены пастовые бусины белого и голубого цвета. На щиколотках ног были расчищены такие же бусинки (рис. 5, 3). Мужской костяк лежал на левом боку, руки перед лицом, предплечья и кисти переплетены с предплечьями и кистями рук женского костяка. Ноги согнуты, колени покоятся под коленями женского костяка. За затылком каждого из усопших располагалось по сосуду (рис. 4, 14, 15).

Яма 11, разрушенная экскаватором, сохранила истинные очертания, по-видимому, лишь в северной своей части. Форма могилы восстанавливается как прямоугольная со скругленными углами, ориентирована почти точно по линии С–Ю. Сохранилась на длину до 1 м, ширина 1.1 м, глубина в материк до 0.41 м. У короткой северной стенки выявлена лежащая параллельно ей бедренная кость взрослого человека. Судя по находкам в экскаваторном выбросе костей человеческого эмбриона, возможно, здесь была похоронена беременная женщина. Возможно, что с этой могилой связана каменная выкладка в СВ части кургана и, следовательно, досыпка насыпи. Таким образом, погребение в этой яме было совершено, по-видимому, последним.

Яма 12 размерами 1.55 × 1.05 м, глубиной в материк до 0.35 м, длинными сторонами ориентирована по линии СВ–ЮЗ. На дне расчищены два костяка взрослых людей, лежащих скорченно, лицом друг к другу (рис. 3Б, IV). Костяк 1, лежавший на левом боку, принадлежал женщине 20–25 лет. Руки ее согнуты, кисти перед лицом, между руками находится предплечье и кисть правой руки костяка 2, принадлежавшего мужчине 30–35 лет. Ноги женского костяка согнуты, колени находятся под коленями мужчины. На запястьях обеих рук были расчищены бронзовые желобчатые браслеты очень плохой сохранности (рис. 5, 6). На щиколотках ног – пастовые бусы белого и голубого цвета, очень хрупкие, и бронзовые бусы, напротив, хорошей сохранности (рис. 5, 4). Мужской костяк лежал на правом боку, туловище и таз его развернуты фронтально. Правая рука сильно согнута в локте, предплечье и кисть находились между предплечьями рук женщины. Левая рука согнута в локте, покоится на туловище, кисть – на плечевой кости правой руки. Ноги согнуты, колени покоятся на коленях женского костяка. За черепом каждого находилось по одному глиняному сосуду (рис. 4, 16, 18). Перед стопами мужчины лежали два ребра овцы.

Яма 13 размерами 0.95 × 0.7 м, глубиной в материк до 0.15 м, длинными сторонами ориентирована по линии СВ–ЮЗ. На дне расчищено два детских костяка, лежащих скорченно, лицом друг к другу (рис. 3Б, VI). Костяк 1, принадлежавший ребенку 7–8 лет, лежал на левом боку, головой к СВ. Череп лежал теменем вверх. Левая рука протянута прямо вперед, находится под черепом костяка 2, из-за затылочной части которого торчит в восточном направлении запястье и кисть. Правая рука также протянута вперед, согнута в локте, она обнимает сверху костяк 2. Ноги согнуты, у левой ноги колени подняты вверх, у правой – опущено вниз, голени подняты к бедрам, особенно у правой ноги. Левая нога находится под костями ног скелета 2. На запястьях обеих рук костяка 1 – бронзовые желобчатые браслеты, распавшиеся на кусочки от кор-

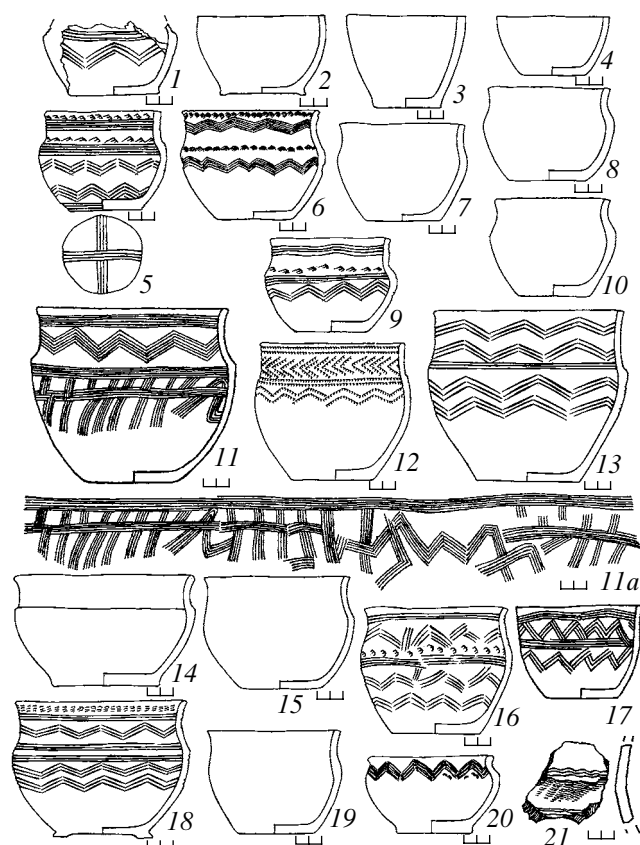

Рис. 4. Керамика из погребений и насыпи кургана. 1 – п. 1; 2 – п. 2; 3, 4 – п. 3; 5 – п. 4; 6 – п. 5; 7, 8 – п. 7; 9 – п. 8; 10, 13 – п. 9; 11, 11а, 12 – п. 6; 14, 15 – п. 10; 16, 18 – п. 12; 17, 19 – п. 14; 20 – п. 13; 21 – насыпь.

розии (рис. 5, 7). Слева от черепа – следы окислов меди. Под ним найдены пастовые бусы белого и голубого цвета (рис. 5, 3). Костяк 2 ребенка 8–9 лет лежал на правом боку. Руки очень сильно согнуты в локтях, кисти под черепом. Ноги согнуты, лежат параллельно друг другу поверх левой ноги костяка 1. За спиной в районе лопаток – четыре просверленных клыка волка (рис. 5, 8). Над его теменем находился сосуд (рис. 4, 20).

Яма 14 размерами 1.25 × 0.85 м, глубиной в материк до 0.35 м, ориентирована длинными сторонами по линии С–Ю. Остатки перекрытия в виде деревянных плах сохранились над южной частью могилы. Прямо над погребением в слое черного гумуса был найден фрагмент сустава таза коровы. На дне ямы расчищены два костяка – ребенка 9–10 лет и подростка 14–15 лет, лежащих скорченно, лицом друг к другу. Костяк ребенка лежал на левом боку, головой к СВ, “глаза в глаза” с черепом костяка подростка. Левая рука согнута, кисть перед лицом. Правая рука слегка согнута, вытянута вперед, кисть на плече костяка подростка. Ребенок правой рукой обнимает подростка. Ноги согнуты, колени упираются в таз подростка. Голени нахо-

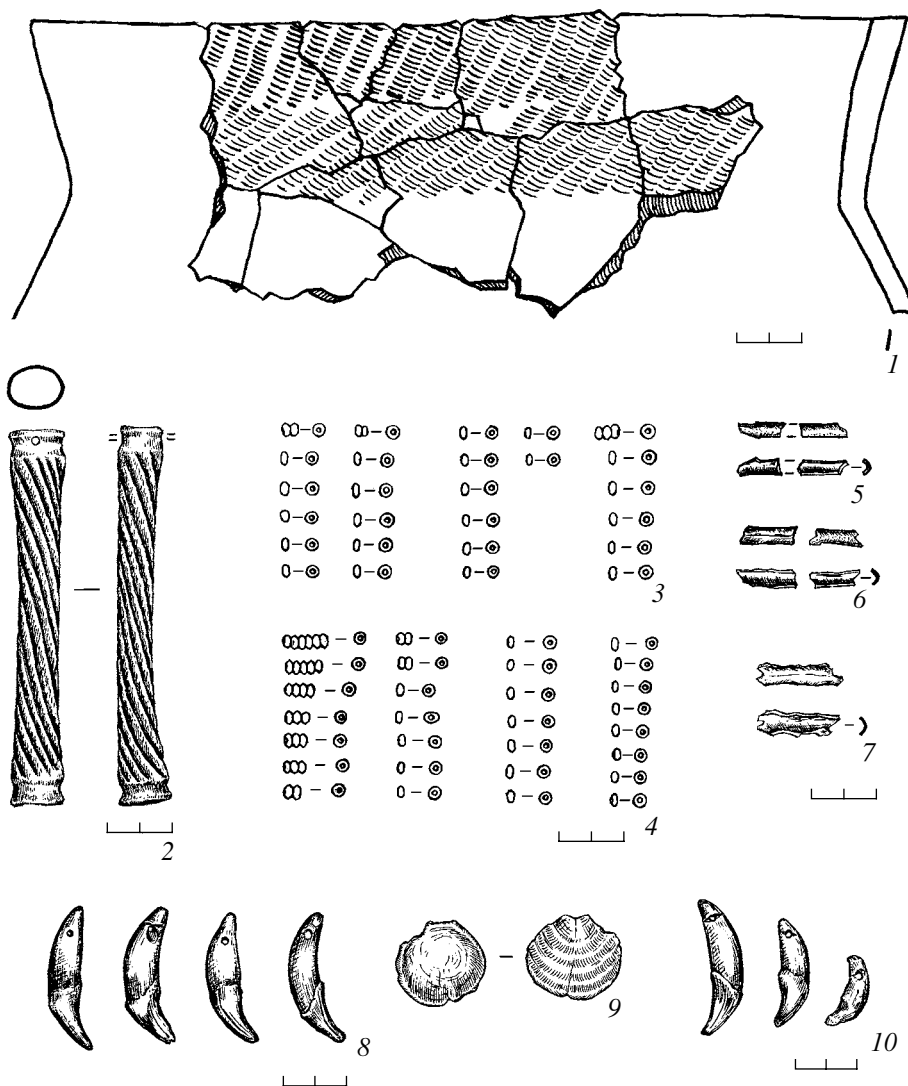

Рис. 5. Керамика из насыпи кургана и погребальный инвентарь. 1 – реконструкция верхней части сосуда, насыпь; 2 – ко-
стяная трубочка, п. 7; 3 – пастовые бусы, п. 10, 12, 13; 4 – бронзовые бусы, п. 12; 5–7 – фрагменты бронзовых браслетов,
п. 10, 12, 13; 8 – просверленные клыки волка, п. 13; 9, 10 – раковина *Pectunculus* и три просверленных зуба волка, п. 14.

дятся под бедрами подростка (рис. 3Б, V). За затылком ребенка поставлен сосуд (рис. 4, 17). Костяк подростка лежал на правом боку головой к СВ. Руки согнуты, кисти перед лицом, частично под черепом. Ноги согнуты, уровень их расположения несколько выше, чем уровень ног ребенка. Правее стоп подростка лежали раковина *Pectunculus* и три просверленных зуба волка – резец и два клыка (рис. 5, 9, 10). Между черепами костяков, над ними, вплотную к ним стоял сосуд (рис. 4, 19).

Таким образом, под насыпью кургана было исследовано 14 погребений. По нашему мнению, центральным на погребальной площадке являлось разрушенное погребения 11, вокруг которого полукольцом с юга располагались погребения 1–10. Внутри этого полукольца к ЮЮЗ от погребения 11 размещались погребения 12–14.

Все захоронения были совершены в земляных ямах подпрямоугольной формы с закругленными углами. Заполнение практически всех ям, за исключением ямы 4, “запечатанной” глиной, однородно – чернозем с небольшой примесью материковой глины. Деревянные перекрытия зафиксированы над двумя могилами, на краю одного из них находился жертвенник из черепа и ног коровы. Длина ям варьировала в пределах от 0.65 до 1.5 м, ширина от 0.3 до 1.2 м. Глубина их от уровня материка варьировала в пределах 0.05–0.45 м. Размеры могильных ям зависели от возраста и количества погребенных, в целом они таковы, чтобы покойные уместились в них “впритык”.

Во всех могилах погребения совершены по способу ингумации. Усопшие находились в скорченном положении, ориентированы головой преимуще-

Рис. 6. Скульптурная реконструкция по черепу женщины из п. 10. Автор – А.И. Нечвалода.

щественно на С, в двух парных захоронениях – взрослом и детском – на СВ. По типу выделяются одиночные, двойные и коллективные захоронения. Одиночные погребения представлены двумя захоронениями детей и тремя взрослых, в которых мужчина и дети находились на левом боку, женщины – на правом. Двойные захоронения представлены двумя типами: в одном оба покойника находились на левом боку, в другом (парные) – усопшие положены лицом друг к другу. Причем по сравнению с одиночными погребениями здесь наблюдается полная перверсия: в парных погребениях женщины лежат на левом боку, мужчины – на правом. В коллективном захоронении одна пара детей положена лицом друг к другу, другая располагалась на правом боку. Таким образом, в кургане 1 Селивановского II могильника выявлено 6 пар погребенных, лежащих лицом друг к другу. Обращает на себя внимание одна характерная особенность положения усопших в некоторых парных захоронениях – женский костяк обнимает мужской. Одновременность совершения парных и коллективных захоронений не вызывает сомнений.

Традиция парных погребений широко представлена в алакульских могильниках Зауралья, Восточного Оренбуржья, Западного Казахстана. Как правило, женщины лежат в них на правом, а мужчины – на левом боку, однако встречаются и

исключения – парные захоронения из могильников Турсумбай (Кузьмина, 1964. С. 47), Урал-Сай (Грязнов, 1927. С. 185, 186. Рис. 18). Имеются также и разновременные захоронения, где подхороненные к мужчинам женщины располагались на левом боку, – в Тасты-Бутаке I (Сорокин, 1962. С. 102, 103. Табл. XXI), Березовке V (Федоров, Рафикова, 1996. С. 49, 52. Рис. 2).

Усопшие сопровождалась одним или двумя сосудами, установленными, как правило, в изголовье, только в одном погребении горшки были поставлены у ног покойника. Коллекция керамики из погребений составляет 20 сосудов (рис. 4). Все они изготовлены из хорошо промешанной глины, в которую добавлены тальк и шамот, в составе теста единичных экземпляров отмечена галька. По форме сосуды подразделяются на баночные (рис. 4, 2–17) и горшечные (рис. 4, 1, 5–16, 18, 20). Все банки, за исключением одной (рис. 4, 2), – открытые. У большинства горшков выражен уступ (рис. 4, 1, 5, 9, 11–14, 18), имеются экземпляры и со сглаженным уступчиком или с плавной профилировкой (рис. 4, 6–8, 10, 15, 16, 19). У одного сосуда – короткий отогнутый венчик, под которым находится выраженное ребро (рис. 4, 20). Два сосуда – горшок и банка – имеют небольшие поддоны (рис. 4, 2, 18).

Сосуды в основном тонкостенные, небольших размеров: высота банок от 4 до 7,2 см, диаметр их устья 8,5–9,5 см; горшки приземисты, высота их не превышает 13,5 см, диаметр устья 8,5–14,8 см. Внешняя поверхность горшков хорошо заглажена, некоторых – залощена. Обработка поверхности банок различна по качеству – она заглажена, но несколько шероховата.

Орнаментированы 11 сосудов: 10 горшков и банка. Орнамент на большинстве из них располагается сплошной зоной, включающей венчик, шейку и верхнюю часть тулова, в одном случае сосуд орнаментирован полностью, вместе с дном. Орнаментальные композиции сходные, выстроенные чередованиями поясов горизонтальных линий, зигзагов, угловых оттисков гребенчатого штампа, только в одном случае отмечается некоторое разнообразие (рис. 4, 12). У одного сосуда орнамент на тулове имеет выраженную нерегулярность (рис. 4, 11, 11а). В технике исполнения орнамента преобладает протаскивание зубчатого штампа или щепы. Альтернативные способы орнаментации – оттиски гладкого и зубчатого штампов зафиксированы на трех горшках, на двух из них гладкий штамп сочетается с техникой “протаскивания” (рис. 4, 13, 18), и только на одном сосуде орнамент целиком оттиснут зубчатым штампом (рис. 4, 12). Керамику в целом можно охарактеризовать как алакульскую. Некоторые срубные признаки можно усмотреть в грубоватости лепки, нерегулярности орнамента и, возможно, в отсутствии или сглаженности уступчика у части горшков и приземистых пропорциях сосудов. Впрочем, плавная профилировка сосудов считается одним из признаков позднеалакульской керамики (Матвеев, 1998. С. 314, 318), отнесение к которой сосудов из рассматриваемой серии не вызывает сомнений. Обнаруженные в насыпи фрагменты сосудов отличались от керамики из погребений. Судя по восстановленной верхней части одного из сосудов, он имел внушительные размеры – диаметр устья 27 см. В тесте – обильная примесь талька. Венчик орнаментирован двумя рядами часто расположенных наклонных линий, отпечатанных зубчатым штампом (рис. 5, 1).

Остальной инвентарь из погребений представлен украшениями, поделками из кости и раковины (рис. 5, 2–10). Украшения – бронзовые узкие желобчатые браслеты, низки бус из мелких бронзовых и пастовых бусин, равно как и подвески-амулеты из просверленных клыков волка и раковины находят многочисленные аналогии как в алакульских, так и в срубных захоронениях. Бусы и браслеты в них, как правило, сопровождают женские костяки, сверленные клыки хищников и раковины *Pectunculus* столь же характерны для мужских захоронений. Отметим еще, что расположение бусин в области щиколоток покойниц, интерпретируемое как оформление верхней кромки обуви (Виноградов, 1998. С. 199; Епимахов, Епимахова,

2004. С. 118), является спецификой декора алакульского женского костюма. В могильниках срубной культуры низки бус на ногах покойниц отмечены в единичных погребениях контактной зоны, причем в сочетании с ярко выраженным алакульским набором украшений – погребение 1 кургана 2 Тавлыкаевского II (Морозов, 1984. С. 125, 128. Рис. 7), погребение 3 кургана 48 Старо-Ябалаклинского (Горбунов, Морозов, 1991. С. 29. Рис. XXIII, 2, 7) могильников. Костяная трубочка из детского коллективного захоронения аналогична поделкам с ложновитым орнаментом из захоронений срубной культуры на Украине и в Поволжье, интерпретируемых В.В. Отрошенко как рукояти плеток (1986. С. 227–229. Рис. 1, 4, 5). Орнаментированные костяные трубочки известны и в алакульских древностях, хотя орнамент на них иной (Матвеев, 1998. Рис. 37, 12).

Наиболее близкие аналогии публикуемым материалам представляет Спасский I могильник, расположенный в 50 км к СВ от Селивановского II, в котором автор раскопок В.С. Стоколос, несмотря на господство северной ориентировки погребенных, склонен был видеть все же “алакульскую основу” (1972. С. 54). В свое время относительно северной ориентировки погребенных в указанных могильниках нами уже было высказано предположение о том, что она не является маркером срубной традиции, а выступает как локальный признак алакульской культуры на данной территории (Рафикова, 2001. С. 333). При исследовании обряда кремации в смешанных погребениях И.П. Алаева также высказала мнение о том, что меридиональная ориентировка могил “не может свидетельствовать о доминанте срубных признаков, скорее подобная ориентировка является локальной особенностью территории Южного Зауралья” (2005. С. 227, 228). Учитывая высокую репрезентативность срубных погребений на рассматриваемой территории, ориентированных как правило в северный сектор, мы пока не склонны настаивать на данном утверждении, которое сегодня может рассматриваться лишь в качестве предположения. Культурную принадлежность кургана можно определить как срубно-алакульскую с алакульской доминантой и датировать в пределах XVI–XV вв. до н.э., временем существования срубно-алакульских смешанных комплексов Южного Урала (Епимахов и др., 2005. С. 100; Епимахов, 2006. С. 26).

Как уже отмечалось, наиболее интересной особенностью рассматриваемого кургана является значительная концентрация парных погребений под одной насыпью. Антропологические определения и характерный сопроводительный инвентарь показывают, что во всех случаях мы имеем дело с разнополыми парами. Возраст погребенных и “поза объятий” свидетельствуют о том, что это брачные пары.

Нужно сказать, что парные одновременные захоронения, распространенные в скотоводческих культурах эпохи палеометалла Евразии, большинством исследователей интерпретировались как захоронения мужчин с ритуально умерщвленной для него несвободной женщиной – рабыней, наложницей (Артамонов, 1934. С. 117–119; Киселев, 1949. С. 33; 1951. С. 52; Мандельштам, 1968. С. 120; Итина, 1961. С. 60; 1977. С. 222; Клейн, 1979. С. 18–20; Пьянкова, 1987. С. 56, 57, 67 и др.). Противоположная точка зрения была высказана В.С. Сорокиным, Е.Е. Кузьминой, считавшими подобные погребения захоронениями равноправных супругов (Сорокин, 1962. С. 118, 119; Кузьмина, 1964. С. 46; Максименков, 1974. С. 13). Не являются исключением в этом плане и парные захоронения детей, в которых исследователи видят погребения “детей-супругов”, “обещанных” друг другу едва ли не с рождения (Хлобыстина, 1975. С. 32). На наш взгляд, рассмотренные выше материалы не свидетельствуют в пользу версии об умерщвлении женщин для их захоронения с умершими мужчинами. Большое количество парных погребений под его насыпью должно в таком случае означать, что это явление имело массовый характер, и при погребении практически каждого мужчины, независимо от возраста, совершалось ритуальное убийство женщины.

Весь комплекс наших знаний о “срубном” и “алакульском” обществах позднебронзового времени вступает в решительное противоречие с предположением о ритуальном убийстве женщин. Погребальный обряд как “срубников”, так и “алакульцев” в эту эпоху предельно минимализован, что всегда удивляет, а порой и удручает исследователей (Черных, 2005. С. 206). Селивановский II могильник весьма показателен в этом отношении, в его погребальном обряде данное явление находит яркое отражение. Захоронения совершены в простых ямах, размеры которых позволяют лишь с трудом втиснуть туда покойников. Погребальный инвентарь крайне скуден, почти полностью отсутствуют изделия из металла, кроме тех, на которые потребно самое малое его количество, – бусы, браслеты. Нами проведена статистическая обработка около 500 погребений контактной срубно-алакульской зоны Южного Зауралья, в которых имеется единственное сколько-нибудь крупное металлическое изделие – нож из могильника Агаповка II (Сальников, 1967. С. 321. Рис. 51, 13, здесь он ошибочно отнесен к материалам из Стариково).

Керамика, представленная в качестве инвентаря практически в каждой могиле, также весьма своеобразна – это очень маленькие сосуды, наименее функциональные, самые простые в изготовлении, часто лишённые орнамента. Значительное сходство их между собой наводит на мысль о некоей стандартизации (специальная заупокойная посуда?). Отметим, что при явном стремлении снабдить

каждого покойного хотя бы одним сосудом, в некоторых случаях поставлено всего по одному сосуду на двоих (рис. 3А, II; 3Б, VI), а в одном погребении пара детей помещена вовсе без сосудов (рис. 3А, VII).

Жертвоприношений животных при проведении погребальных церемоний у “срубников” и “алакульцев” позднебронзового времени почти неизвестно, в Селивановском II для этой цели использована очень старая особь коровы, полезный потенциал которой был полностью исчерпан.

Складывается впечатление, что общество “срубников” и “алакульцев” считало нерациональным затрачивать на погребения своих членов излишние усилия, например устраивать более или менее просторные могильные ямы. Также старались избегать излишних изъятий из жизненного оборота материальных ценностей. При таких условиях массовое устранение из жизни коллектива трудоспособных женщин, находящихся, как правило, в цветущем или юном возрасте, представляется неправдоподобным. Необходимо отметить, что в случае кургана I Селивановского II могильника мы имеем дело с наиболее крупной насыпью довольно значительного по размерам памятника. Минимализация погребальной обрядности, тем не менее, проявляется и здесь в полной мере.

Чем же объяснить в таком случае наличие парных захоронений, причем в заметном количестве? В Древней Греции, судя по эпитафиям, одновременные захоронения нескольких человек, в том числе парные, совершались лишь в случае их одновременной смерти, последовавшей в результате самых разных причин (Каменецкий, 2001. С. 52). В эпоху бронзы, как мы знаем, условия жизни были достаточно суровыми, и одновременная или почти одновременная смерть супружеской пары, например в результате эпидемии, могла быть достаточно частым явлением¹. Предположения о том, что совместные парные погребения мужчин и женщин в эпоху бронзы являются результатом естественной одновременной смерти обоих уже высказывались (Винокурова, 2005. С. 19). Думается, правы и те авторы, которые указывают на возможность временного сохранения тел покойных в зимние месяцы (Зданович, 1997. С. 28; Епимахов, 2002. С. 44; Куприянова, 2004. С. 84). Так могли быть совершены одновременные парные захоронения супругов, смерть которых была разделена сравнительно небольшими временными промежутками от нескольких недель до нескольких месяцев.

¹ Например, результаты изучения костных останков погребенных в синташтинском могильнике Кривое Озеро привели Г.В. Рыкушину к выводу, что “погребенные в курганах люди могли умереть от инфекционного заболевания в результате эпидемии” (2003. С. 359, 360). Среди захоронений этого могильника имеется и погребение семьи (?) из трех человек – мужчины, женщины и ребенка (Виноградов, 2003. С. 149–152. Рис. 66).

На наш взгляд, при объяснении феномена парных одновременных погребений нельзя исключать и самоубийства одного из супругов после смерти его “половины”, но, опять-таки, едва ли речь может идти о возведенном в правило ритуальном самоубийстве (женщин), по типу индийского ритуала “сати”. Ситуативных же самоубийств под воздействием личной привязанности (Сорокин, 1962. С. 119) исключать нельзя, причем не обязательно одних только женщин. Д.В. Шульц описывает ситуативные спонтанные самоубийства мужчин после смерти горячо любимых жен у индейцев-черноногих. В одном случае самоубийство мужа было осложнено болезнью обоих супругов (туберкулез), т.е. мужчина знал, что вскоре он также умрет (Шульц, 1965. С. 169, 299).

Таким образом, появляющиеся время от времени в массовых популярных изданиях интерпретации парных погребений, где разнополюсные покойники обнимают друг друга, как находки “Ромео и Джульетты эпохи неолита”, “Ромео и Джульетты эпохи бронзы” (Яровой, 2005. С. 218; Молчанова, 2007) в отдельных случаях вполне могут иметь реальные основания.

Погребения же, в которых оба покойных лежат на одном боку, подобные селивановским погребениям 3 и 7, принадлежат, очевидно, лицам с иной степенью близости, например сиблингам. По данным антропологии, среди них имеются однополюсные, как мужские (Ткачев, 2005. С. 45. Рис. 12, 1), так и женские (Итина, 1961. С. 31. Рис. 8, 4; 16; Морозов, Чаплыгин, 2006. С. 145. Рис. 3, 5).

В целом же традиция парных погребений для эпохи поздней бронзы, на наш взгляд, свидетельствует лишь о достаточно высокой частоте ситуаций, когда индивидуумы, находящиеся в той или иной степени близости (достаточной для того, чтобы их похоронили вместе в одной могиле), одновременно или почти одновременно уходили из жизни. Причины же их смерти, вероятно, в большинстве случаев были вполне тривиальны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алаева И.П.* Обряд трупосожжения в погребальных памятниках срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 4. Уральск, 2005.
- Артамонов М.И.* Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками // ПИДО. 1934. № 7–8.
- Виноградов Н.Б.* Новые материалы для реконструкции облика одежды алакульских женщин (по результатам изучения могильника Кулевчи VI) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VI. М.; Магнитогорск, 1998.
- Виноградов Н.Б.* Могильник Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Винокурова Е.И.* Проблема парных погребений эпохи бронзы Восточного Казахстана // Матер. Междунауч.-практ. конф. “Аманжоловские чтения-2005”. Ч. II. Усть-Каменогорск, 2005.
- Горбунов В.С., Морозов Ю.А.* Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991.
- Грязнов М.П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Антропологические очерки. Матер. особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. II. Л., 1927.
- Грязнов М.П.* Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. 1957. № XXVI.
- Епимахов А.В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск, 2002.
- Епимахов А.В.* О факторах культурогенеза населения Южного Урала эпохи бронзы // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2006.
- Епимахов А.В., Епимахова М.Г.* Новые материалы по алакульскому костюму // Вестник ЧГПУ. 2004. № 2.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 3.
- Зданович Д.Г.* Синташтинское общество: социальные основы “квазигородской” культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск, 1997.
- Итина М.А.* К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов // СЭ. 1954. № 3.
- Итина М.А.* Могильник бронзового века Кокча 3 // МХЭ. Вып. 5. М., 1961.
- Итина М.А.* История степных племен Южного Приуралья. М., 1977.
- Каменецкий И.С.* Погребальный обряд в греческих эпитафиях // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-н/Д., 2001.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Клейн Л.С.* Смысловая интерпретация совместных погребений в степных курганах бронзового века // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы. Донецк, 1979.
- Кузьмина Е.Е.* Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда) // КСИА. 1964. № 97.
- Куприянова Е.В.* К вопросу о причинах детских коллективных захоронений в некрополях бронзового века Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2004.
- Максименков Г.А.* Погребальные памятники эпохи бронзы Минусинской котловины – источник изучения семейных и общественных отношений // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968.
- Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
- Молчанова О.* Древние Ромео и Джульетта // www.gazeta.ru/science/2007/02/07_a_1340149.shtml
- Морозов Ю.А.* Могильники эпохи бронзы у с. Верхнетавлыкаево // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984.

- Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С.* Новый памятник ранне-сарматской культуры в Южном Приуралье // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006.
- Отрощенко В.В.* Костяные детали плеток из погребенных срубной культуры // СА. 1986. № 3.
- Пьянкова Л.Т.* К вопросу о семейных и общественных отношениях в эпоху поздней бронзы (по материалам могильников вахшской культуры) // Материальная культура Таджикистана. Вып. 4. Душанбе, 1987.
- Рафикова Я.В.* К вопросу о погребальных памятниках эпохи поздней бронзы Магнитогорского района // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
- Рыкушина Г.В.* Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро. Челябинск, 2003.
- Рычков Н.А.* Опыт статистической характеристики коллективных погребений степных племен эпохи бронзы // Методологические и методические вопросы археологии. Сб. науч. тр. Киев, 1982.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Сорокин В.С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. 1962. № 120.
- Стоколос В.С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.
- Ткачев В.В.* Могильник Восточно-Курайли I на Илеке и проблема формирования западноалакульской культурной группы // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Актобе, 2005.
- Федоров В.К., Рафикова Я.В.* Березовский V курганный могильник эпохи бронзы в южном Зауралье // Башкирский край. Вып. 6. Уфа, 1996.
- Хлобыстина М.Д.* Вопросы изучения структуры андроновских общин "алакульского типа" // СА. 1975. № 4.
- Черных Е.Н.* Вместо заключения: могилы и профессия погребенных // Каргалы. Т. IV (Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: палеоантропологические исследования). М., 2005.
- Шульц Д.В.* Моя жизнь среди индейцев. М., 1965.
- Яровой Е.В.* Мистика древних курганов. М., 2005.

The Srubno-Alakulsky kurgan at Selivanovskij II cemetery in the South Trans-Urals and the issue of Bronze Age double burials

Ya. V. Rafikova

Summary

The article publishes the materials from a Late Bronze Age kurgan in the South Trans-Urals. As compared with the majority of Eurasian Late Bronze kurgans, the kurgan in question is distinguished by a high concentration of double burials with the corpses facing each other. The article gives a cultural and chronological characteristic of the site and analyses the custom of double different-gender burials encountered in the cultures of Eurasian cattle-breeders of the paleo-metal era. The existence of such customs in Srubno-Alakulskaya culture can be explained by the frequent occurrence of simultaneous or near-simultaneous natural death of married couples.

КУРГАН 5 У С. БЕРЕСТНЯГИ – ПАМЯТНИК СРЕДНЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ПОРОСЬЕ

© 2008 г. А. Д. Могилов, С. В. Диденко

*Институт археологии НАН Украины, Киев
Национальный музей истории Украины, Киев*

Значительную часть источников по изучению материальной культуры населения Днепровской Правобережной Лесостепи скифского времени составляют материалы дореволюционных исследований. К сожалению, при их публикации не всегда дана исчерпывающе ясная информация, часто отсутствуют (или недостаточно репрезентативны) рисунки вещей. Это затрудняет работу специалистов с источником и ставит задачу полного издания предметов старых коллекций, которое бы отвечало современным научным требованиям.

Настоящая статья посвящена новой публикации материалов кургана 5 возле Берестняг – известного памятника среднескифского времени.

Курган относится к памятникам Поросья, раскопанным в конце XIX в. Евгением Александровичем Зноско-Боровским. После смерти исследователя материалы раскопок были переданы в Музей изящных искусств в Киеве. Ныне они хранятся в Национальном музее истории Украины (НМИУ). В 1897 г. к коллекции древностей Е.А. Зноско-Боровского был издан указатель предметов, куда вошел и перечень вещей из кургана 5 (Указатель, 1897. С. 3, 4). В 1900 г. некоторые предметы были изданы в III томе «Древностей Приднепровья» с указанием принадлежности к коллекции Е.А. Зноско-Боровского, но без точных мест находок (1900. Табл. LVI, LXI). В 1901 г. А.А. Бобринской опубликовал результаты исследований Е.А. Зноско-Боровского, выборочно приведя иллюстрации художника Овсянникова (С. 92–144). Позже многие предметы из коллекции были представлены в работе В.Г. Петренко (1967. Табл. 16, 5; 17, 2; 25, 4; 26, 9; 27, 18, 49, 51; 29, 17; 30, 6, 7, 16; 31, 2, 4, 20).

Курган 5 Берестнягского могильника входил в курганную группу на полях Берестняговской экономии, расположенную на высоком «кряже» (при описании памятника мы будем придерживаться текста публикации А.А. Бобринского (1901. С. 93, 94, 97–100). Вместе с еще двумя курганами он находился к западу от основной группы, насчитывавшей до 100 насыпей. Распаханный курган имел высоту 1.4 м при длине окружности 43 м (и, следовательно, диаметре около 13.4 м). Памятник исследован траншеей шириной 7 м с севера на юг.

В насыпи на глубине 1 м стали попадаться угли, а ниже – обгорелые деревья, преимущественно дубы и березы (вероятно, от перекрытия) в значительном количестве, «так что удалось увезти 8 фурунгов угля, не считая мелочи и обгорелого дерева». На глубине 3 м, на фоне беловатой глины, стало видно могильное пятно длиной (запад–восток) 3, шириной 2.5, глубиной 2 м. С запада к могиле примыкал пологий дромос шириной 1 м, с дном и стенами, обложенными досками. Стены могилы, особенно восточная и северо-восточный угол, обгорели до красного цвета (вероятно, при сгорании облицовки стен). Скелет погребенного лежал вытянуто у северной стены головой на запад (Е.А. Зноско-Боровский оставил кости на месте раскопок). У северной стены располагался хорошо сохранившийся скелет лошади. Вещей при них не было. По дну могилы, у стен, обнаружена канавка шириной и глубиной 15 см (очевидно, от облицовки стен). Между погребенным и обгорелым деревом – небольшой слой земли. Вероятно, было осуществлено сожжение деревянного склепа. Не совсем понятным остается слой земли между обугленным деревом и скелетом. Вещи и кости также не несут следов огня. В данном случае можно предположить, что либо горящий склеп был присыпан землей и как следствие прогорел лишь в некоторых местах и впоследствии обрушился, либо (что менее вероятно) – склеп до поджигания был частично засыпан землей, предохранившей вещи.

Большинство инвентаря выявлено в центре могилы между скелетами человека и лошади. Тут были два бронзовых ножа в деревянных ножнах, шесть блях в виде голов оленей (по три односторонние), 60 бронзовых наконечников стрел в «деревянном колчане» и золотая бляха между ними, 16 бронзовых ведерок-подвесок, лежащих так, что если в петли продеть ремень, то получится «выпуклое наборное украшение узды» (в НМИУ сохранились 11, еще одна находится в коллекции с утраченными паспортами, не исключено, что и она происходит из кургана), бронзовые бляха-лунница, два налобника, нахрапник с головой оленя, бляха в виде уха животного, две пары псалиев (в НМИУ сохранилось три предмета), бляха-голова оленя и

обломок другой такой же (не сохранился), распавшийся железный нож, который автор раскопок не зарисовал, бронзовые бляхи в виде головы грифона, с “разветвлением” (вероятно, в виде пальца хищной птицы), а также две поломанные рукоподобные (не сохранились) и две розетки. В головах погребенного стояла сероглиняная амфора, в ногах – “большой пузатый сосуд”. Курган, будучи одним из немногих неразграбленных, содержал интересный инвентарь.

В копии музейной дореволюционной инвентарной книги (с. 86) в числе предметов из погребения, хранящихся в музее, не указаны фрагментированная бляха в виде головы оленя, распавшийся железный нож и две поломанные бляхи-руки. Зато тут к кургану приписана группа предметов, которые не упоминаются в публикации. В их числе железные удила, две бронзовые прямоугольные бляхи с рифленным щитком, бляха в виде задних ног кошачьего хищника. Указанные вещи фигурируют и в “Указателе”. Кроме того, к инвентарю кургана отнесен обычный банковидный, а не “большой пузатый” сосуд. Горшок с выпуклыми боками в той же книге записан к кургану 6, с более поздним примечанием о принадлежности к инвентарю кургана 5 со ссылкой на публикацию А.А. Бобринского и каталог Е.А. Зноско-Боровского. Однако высота сосуда (39 см) не совпадает с высотой, указанной в публикации (47 см). Сегодня трудно установить, закралась ли ошибка в публикацию или виной является путаница в фондах музея.

Перейдем к характеристике вещей из погребения. Многочисленными являются уздечные предметы. *Железные удила* не указаны в публикации, однако упоминаются в инвентарной книге музея. Они не сохранились. В V в. до н.э., к которому относится курган, использовались железные петельчатые удила.

Бронзовые S-образные псалии. Из четырех предметов сохранилось три. Два псалия имеют расплюснутые концы (рис. 1А, 1, 2), у третьего (рис. 1А, 3) концы имеют ромбическое сечение. S-образные псалии с расплюснутыми концами не являются редкостью в скифских памятниках: курганы 188 на Тенетинке (Бобринской, 1894. Табл. IV, 12), 400 возле Журовки (Петренко, 1967. Табл. 26, 14), 8 (1886 г.) около Волковцев (Ильинская, 1968. Табл. XXXV, 11), 24 и 32 (1876 г.) некрополя Нимфея (Силантьева, 1959. Рис. 37, 2; 48, 6), однако псалии из Берестняга выделяются среди них резким изломом концов.

Бронзовая бляха в виде головы грифона с открытой пастью (рис. 1А, 4). Похожие предметы встречены в погребении 7 возле Грищенцев (Петренко, 1962а. Рис. 2, 4; 1962б. Рис. 19; 1967. Табл. 31, 10), в курганах “Г” у Журовки (Бобринской, 1905. Рис. 66), Золотом кургане (Колтухов, 1999. Рис. 4, 13).

Бляха-лунница с петлей на обороте (рис. 1А, 5). Похожие предметы были найдены в кургане 14 возле Райгорода (Древности, 1900. Табл. XX, 325) и Хошеутово (Дворниченко, 2000. Рис. 1, 1). Кроме того, лунница, украшенная фигуркой хищника семейства кошачьих, известна из курганов “Г” под Журовкой (Бобринской, 1905. Рис. 63).

Уховидная бляха (рис. 1А, 6) может датироваться по аналогиям, относящимся к V – первой половине IV в. до н.э.: курганы 14 возле Райгорода (Древности, 1899. Табл. XXV, 326), 459 у Турии (Бобринской, 1906. Рис. 2; 3), 2 (1897–1898 гг.) близ Волковцев (Древности, 1899. Табл. XVI, 316), 66 около Бобрицы (Бобринской, 1901. Рис. 69), I Завадская Могила (Мозолевский, 1980. Рис. 36, 5, 6; 37, 7), 24 (1876 г.) и 6 (1878 г.) некрополя Нимфея (Силантьева, 1959. Рис. 37, 7; 49, 2). Помимо этого в кургане 3 возле Старого Мерчика найдена уховидная бляха, украшенная фигурой хищной птицы (Бандуровский, Буйнов, 2000. Рис. 9, 3). А.Ю. Алексеев правильно интерпретировал бляхи как ухоподобные в отличие от крыловидных, как считалось раньше (1987. С. 185; 1991. С. 54; 2003. С. 205).

Бляха в виде пальца хищной птицы (рис. 1А, 7) имеет аналогии в курганах 401 возле Журовки (Бобринской, 1905. Рис. 42), 1 около Червоного Яра (Гудкова, 1978. Рис. 5, 3, 4), 6 у Нового Запорожья (Плешивенко, 1991. Рис. 3, 4).

Петельчатая бляха в виде задних ног кошачьего хищника (рис. 1А, 8) не упоминается в публикации и связывается с комплексом благодаря данным инвентарной книги НМИУ. Вещи с подобной композицией встречены в курганах 22 Перещепинского могильника (Мурзин и др., 2002. Рис. 49, 8), возле Софиевки (Іллінська, 1968а. Рис. 10, 8), 66 у Бобрицы (Бобринской, 1901. Фиг. 68), в окрестностях Керчи, некрополе на Тузле (Scythian Art, 1999. Pl. 278). Более стилизованной является бляха из кургана 6 у Нового Запорожья (Плешивенко, 1991. Рис. 3, 3).

Налобники ромбической формы со срезанными верхом и низом (рис. 1А, 9, 10) являются типичными для среднескифского времени и находят многочисленные параллели: вещи из курганов 8 (1995 г.), 15, 22 Перещепинского могильника (Мурзин и др., 1999. Рис. 19, 1, 2; 2002. Рис. 49, 2), 3 возле Протопоповки (Бандуровский, Буйнов, 2000. Рис. 55, 1), 188 на Тенетинке (Бобринской, 1894. Табл. IV, 3, 6), 1 у Червоного Яра (Гудкова, 1978. Рис. 5, 7), 17, 24, 32 (1876 г.) некрополя Нимфея (Силантьева, 1959. Рис. 37, 6; 40, 2; 48, 5), из группы Частых курганов (Либеров, 1965. Табл. 24, 10), античного поселения Надежда (Гаврилов, 2004. Рис. 55, 1а) и др.

Бронзовые прямоугольные бляхи с желобчатым щитком (рис. 1А, 11, 12) похожи на предметы из кургана 52 могильника Клады (Габуев, Эрлих, 2001. Рис. 3, 11).

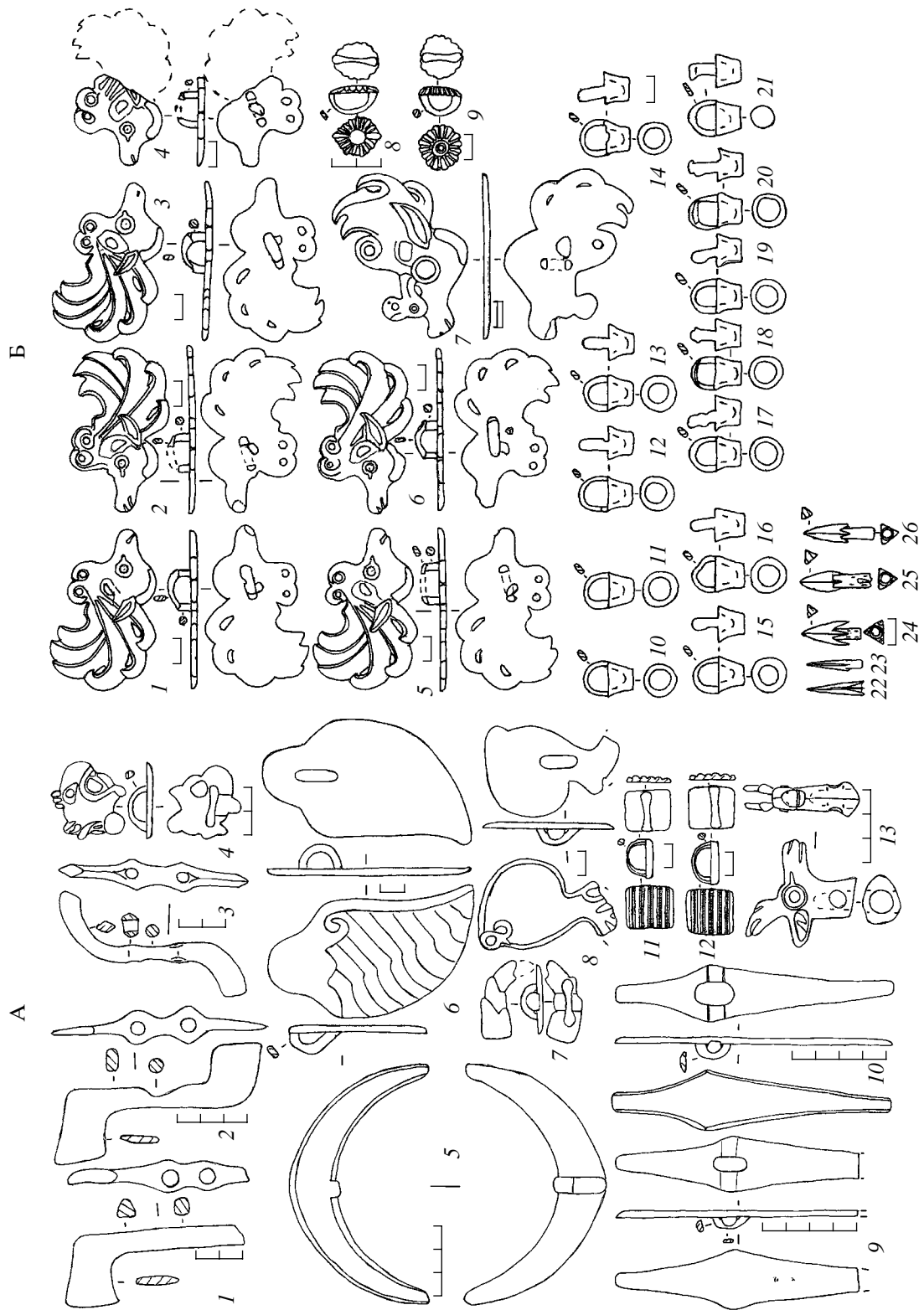

Рис. 1. Бронзовые детали конского снаряжения (А, Б, 1-21) и наконечники стрел (Б, 22-26) из кургана 5 у с. Берестяги.

Уникальным является *бронзовый нахрапник* без щитка, украшенный головой оленя (рис. 1А, 13), хотя сам образ головы оленя на нахрапнике со щитком не является редким: предметы из курганов 400 возле Журовки (Петренко, 1967. Табл. 29, 28); 2 (1897–1898 гг.) у Волковцев (Древности, 1899. Табл. XVI, 316), 2 в урочище Стайкин Верх (Ильинская, 1968. Табл. V, 18), около Омельинка (Бокий, 1971. Рис. 1, 1) и др.

Бронзовые бляхи в виде головы оленя. Сохранилось шесть парных блях (рис. 1Б, 1–6) и одна с передним отростком рогов, оформленным в виде головы хищной птицы (рис. 1Б, 7); вторая подобная бляха утрачена. Вещи с таким мотивом происходят из бывшего Звенигородского уезда Киевской губернии (Петренко, 1967. Табл. 31, 7), Бельского городища (Шрамко, 1987. Рис. 58, 8), погребений возле Стълы (Привалова, 1993. Рис. 83, 68), курганов 188 на Тенетинке (Бобринской, 1894. Табл. IV, 1, 3), 21 Перещепинского могильника (Мурзин и др., 2002. Рис. 46, 11) и датируются V в. до н.э.

Две *бляхи-розетки* с кругами в центре и лепестками, расходящимися от них (рис. 1Б, 8, 9), тоже характерны для среднескифского времени: курганы 11 возле Олефирщины (Кулатова и др., 1993. Рис. 9, 6), 9 могильника Скоробор (Шрамко, 1994. Рис. 6, 49), 8–10, 14, 18 (погребение 1), 23 Перещепинского могильника (Мурзин и др., 1997. Рис. 3, 2; 1999. Рис. 16, 5; 2000. Рис. 34, 1–7; Ролле и др., 2003. Рис. 3, 7, 11), 2 (1883–1885 гг.) у Аксютинцев (Бобринской, 1894. Табл. XXIII, 3, 8, 10, 12, 19, 20), 502 возле Броварок (Галанина, 1977. Табл. 28, 9, 10), 3 около Протопоповки (Бандуровский, Буйнов, 2000. Рис. 35, 10), 398, 400, 413, “В” у Журовки (Бобринской, 1905. С. 6, 7, 37. Рис. 26; Петренко, 1967. Табл. 27, 46–48) и др.

К сожалению, не сохранились две *бляхи “в виде рук”*. Предметы подобных типов (иногда на них отсутствует изображение большого пальца, так что они могут быть интерпретированы и как лапоподобные) происходят из курганов 1, 8 (погребение 1), 15, 18 (гробница 1), 21 Перещепинского могильника (Шрамко, 1994а. Рис. 4, 6; Мурзин и др., 1999. С. 20; 2000. Рис. 34, 10; 2002. Рис. 46, 12), 2 в урочище Стайкин Верх (Ильинская, 1968. Табл. V, 19), возле Крячковки (Сидоренко, 1964. Рис. 6), 3 около Протопоповки (Бандуровский, Буйнов, 2000. Рис. 55, 9), 398 и 400 вблизи Журовки, 4 у Берестняг (Бобринской, 1901. Фиг. 49; 1905. С. 13. Рис. 7), 26 вблизи Новоселки (Majewski, 1905. Рис. 67, 68), 1 группы Частых II (Максименко и др., 2001. Рис. 3, 6), 7 (погребение 1) у Нового Запорожья (Плешивенко, 1991. Рис. 3, 5) и др.

Бронзовые ведеркоподобные привески (рис. 1Б, 10–20). Из 17 предметов в НМИУ сохранилось 11, еще один предмет (рис. 1Б, 21) находится среди вещей с утраченными паспортами. Не исключено,

что он принадлежит к рассматриваемому кургану. Похожие изделия найдены в погребении 1 кургана 15 Перещепинского могильника (Мурзин и др., 1999. Рис. 17, 4).

В целом набор конского снаряжения является типичным для среднескифского времени, что подтверждают и приведенные аналогии.

Шестьдесят *бронзовых наконечников стрел*. Судя по ссылкам в работе А.А. Бобринского, они относились к типам трехлопастных с опущенными концами лопастей и скрытой втулкой; с выступающей втулкой и треугольной головкой (рис. 1Б, 22, 23). В НМИУ они не сохранились. Вместо них к кургану приписаны (очевидно, ошибочно) трехгранные наконечники келермесских типов, относящиеся к разновидностям с листовидной головкой и треугольной головкой и опущенными гранями лопастей (рис. 1Б, 24–26).

Два *бронзовых ножа* (рис. 2, 1, 2). Лезвие острое лишь с одной стороны, на нем сильные следы сработанности. Находки парных бронзовых длинных ножей в Европейской Скифии известны еще с раннескифского времени: курганы Репьеховатая Могила (Ильинская и др., 1980. Рис. 23), Старшая Могила (Ильинская, 1975. Табл. XX, 1, 2), возле Мошен (Ильинская, 1975. Табл. XX, 1, 2). Встречаются они и в среднескифское время: курган 8 группы Частых (Замятин, 1946. Рис. 22). Такие предметы обычно интерпретируются как культовые (Петренко, 1967. С. 27; Ковпаненко и др., 1989. С. 87), однако сильная сточенность лезвий некоторых из них (следовательно, интенсивное употребление) не может исключать и использование в хозяйственных целях. Нет известий о распавшемся железном ноже, упоминавшемся выше.

Лесбосская сероглиняная амфора имеет “пухлое” горло (рис. 2, 3). Высота – 73.5 см, наибольшая ширина тулова – 33.2, глубина – 65, высота горла – 17.4, внешний диаметр венчика – 10.5 см. Объем – 20 л, объем до уровня горла – 19.17 л (замер производился песком). Указанные в публикации “выведенные по венцу красной краской овалы” не фиксируются. Амфора близка сосудам классического типа III, варианта III-A (по С.Ю. Монахову), которые относятся ко второй половине V в. до н.э. По профилю венчика она более похожа на амфору из Никонийского склада 3 (1961 г.), датирующегося 40-ми годами V в. до н.э. (Clinkenbeard, 1982. P. 265, 266. Pl. 76, 7; 71, 7; Монахов, 1999. Табл. 43, 4; 48, 1–3; 2003. С. 47. Табл. 29, 1–4).

Глиняный горшок с выпуклыми боками и отогнутым венчиком (рис. 3, 1), как уже говорилось, имеет меньшую высоту, чем указано в публикации (соответственно 39 и 47 см).

Бочковидный горшок (рис. 3, 2), согласно инвентарным книгам НМИУ, происходит из рассматриваемого погребения, однако он вряд ли подходит

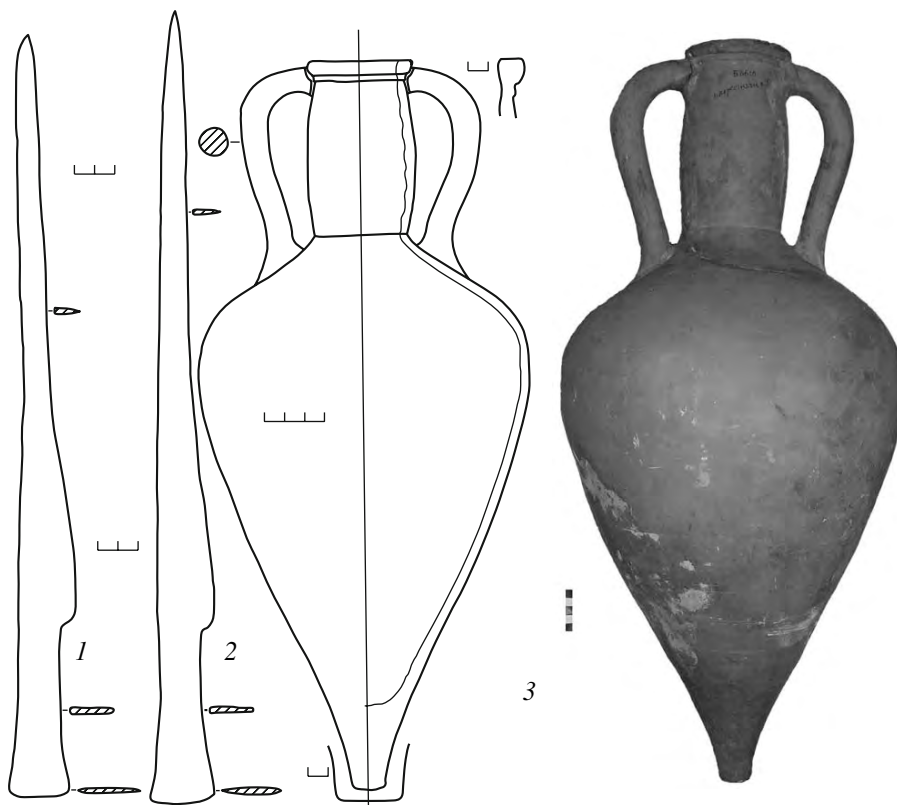

Рис. 2. Бронзовые ножи (1, 2), сероглиняная амфора (3 – прорисовка: на внутренней поверхности корпуса выпуклости не указаны из-за трудности точной фиксации, фото) из кургана.

под описание “большого пузатого сосуда”, как это отмечено в публикации.

Запутанной оказалась ситуация с золотой бляхой со стилизованной головой хищной птицы, вероятно использовавшейся в качестве обшивки деревянного сосуда. Такие бляхи зафиксированы в 4 и 5 Берестнягских курганах. Причем в работе А.А. Бобринского (1901. Табл. XVIII, 11) ссылки по обеим вещам сделаны на один и тот же рисунок (рис. 4, 1). В подписях к рисункам сказано, что бляха происходит из кургана 5. Позже В.Г. Петренко опубликовала этот предмет как происходящий из кургана 4 (1967. Табл. 16, 5). Действительно, как удалось установить по инвентарным книгам, бляха, опубликованная в работе А.А. Бобринского, происходит из кургана 4. Бляха из кургана 5, хранящаяся в Музее исторических драгоценностей Украины, имеет несколько меньшие размеры. Изготовленный из золота 500 пробы предмет весит 4,88 г (рис. 4, 2). Размеры 74 × 43 мм. Ранее он был опубликован в “Древностях Приднепровья” без указания точного места находки (1900. Табл. LX, x). Пластина крепилась к деревянной основе чаши с помощью золотых гвоздиков. При этом ее верхний край загибался. На предмете изображена голова хищной птицы с рифленным надклювьем. Глаз и изгиб клюва обозначены розетками. Снизу нахо-

дится стилизованное изображение головы утки, так что если перевернуть бляху, то получается утиная фигурка. Предметы с похожими изображениями происходят из группы среднескифских памятников: курганов 4 возле Берестняг (Бобринской, 1901. Табл. XVIII, 11), 2 около Яблоновки (Самоковасов, 1908. С. 119; Альбом. С. 157), I Завадской Могилы (Мозолевский, 1980. Рис. 47). Кроме того, еще две вещи приписаны к Каневскому уезду (Древности, 1899. Табл. XXIX, 427).

В целом по характеру погребального обряда курган 5 у с. Берестняги близок группе среднескифских погребений Днепровской Правобережной Лесостепи. Среди них прежде всего следует отметить курганы 4 у Берестняг (Бобринской, 1901. С. 94–97), 400 и 401 возле Журовки (Бобринской, 1905. С. 8–19), с которыми наш комплекс сближается характером погребального сооружения (яма с дромосом и деревянными конструкциями, типы которых варьируют), наличием конских погребений и относительно богатого инвентаря. При этом сам тип погребальной камеры рассматриваемого кургана (склеп в яме с дромосом) для синхронных памятников Правобережной Лесостепи редок (Ковпаненко и др., 1989. С. 38).

Для датирования кургана наиболее важна амфора второй половины V в. до н.э., которая и ука-

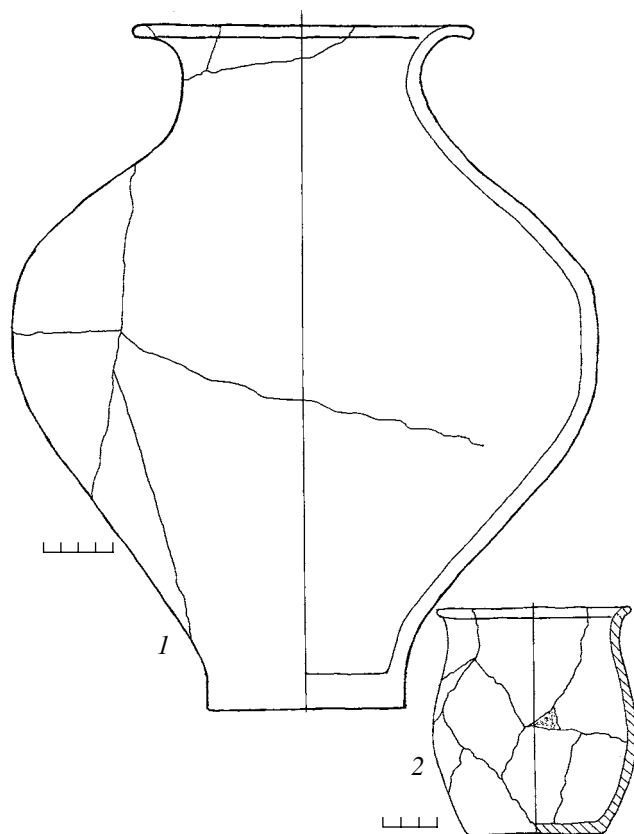

Рис. 3. Керамическая посуда из кургана.

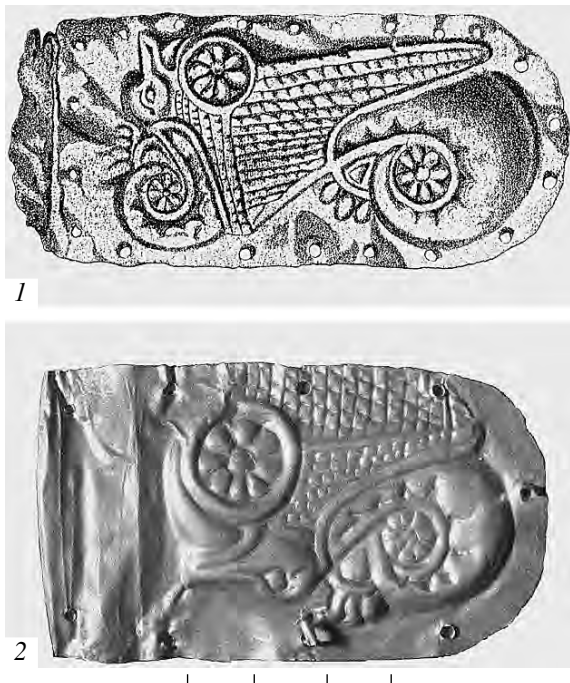

Рис. 4. Золотые бляхи из курганов 4 (1) и 5 (2) у с. Берестяги (1 – по: Бобринской, 1901).

зывает на время совершения погребения. Не противоречит такой дате и остальной инвентарь. Наличие сопровождающего конского захоронения, предметов узды, деревянной чаши с оббивкой свидельствует о погребении в кургане представителя всаднической верхушки.

Благодарим Л.В. Строкову, Л.С. Ключко, Е.П. Подвысоцкую, Н.Н. Пустовит за содействие в работе с материалами фондов музея.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю. Значение некоторых украшений конского оголовья в Европейской Скифии V–IV вв. до н.э. // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1987.
- Алексеев А.Ю. Хронография и хронология Причерноморской Скифии V в. до н.э. // АСГЭ. 1991. Вып. 31.
- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
- Альбом фотографий планшетов коллекций Д.Я. Самоквасова, хранящийся в кабинете археологии Московского университета. № 1858.
- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). Киев, 2000.
- Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. II. СПб., 1894.
- Бобринской А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. III. СПб., 1901.
- Бобринской А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Черкасском уезде Киевской губернии // ИАК. 1905. № 14.
- Бобринской А.А. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1905 году // ИАК. 1906. № 20.
- Бокий Н.М. Археологические работы на Кировоградщине в 1968 году // АИУ-1968. 1971. Вып. 3.
- Габуев Т.А., Эрлих В.Р. Два погребения V в. до н.э. из Предкавказья (Из материалов Государственного музея Востока) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001.
- Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.
- Галанина Л.К. Скифские древности Приднепровья // САИ. 1977. Вып. Д1-33.
- Гудкова А.В. Раскопки курганов у с. Червоный Яр на Нижнем Подунавье // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978.
- Дворниченко В.В. Новые поступления в составе Хошеутовского комплекса узденных принадлежностей // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000.
- Древности Приднепровья. Вып. 2. Киев, 1899.
- Древности Приднепровья. Вып. 3. Киев, 1900.
- Замятин С.Н. Скифский могильник «Часть курганы» под Воронежем (раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. 1946. № VIII.
- Іллінська В.А. Курган Старша Могила – пам'ятка архайчної Скіфії // Археологія. 1951. Т. V.
- Ільинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968.
- Іллінська В.А. Из ненадрукованих матеріалів скіфського часу в Лівобережному Лісостепу // Археологія. 1968а. Т. XXI.

- Ильинская В.А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А.И.* Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989.
- Колтухов С.Г.* “Золотой” Симферопольский курган // Херсонесский сб. 1999. Вып. X.
- Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б.* Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. Полтава; М., 1993.
- Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Вып. Д1-31.
- Максименко В.Е., Ключников В.В., Гуркин С.В.* Исследование могильника “Частые курганы II” на Нижнем Дону в 2000 году (предварительная публикация) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Тр. Потуданской археол. экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. М., 2001.
- Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н.э. Саратов, 1999.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С.В.* Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции 1996 г. Киев, 1997.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С.В. и др.* Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1998 г. Киев, 1999.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Скорый С.А. и др.* Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1999 г. Киев, 2000.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Скорый С.А. и др.* Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2001 г. Киев, 2002.
- Петренко В.Г.* Бронзовая бляха с головой грифона // КСИА. 1962а. Вып. 89.
- Петренко В.Г.* Могильник скифского времени у с. Грищенцы // МИА. 1962б. № 13.
- Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. 1967. Вып. Д1-4.
- Плешивенко А.Г.* Исследование скифских курганов в Днепровском Надпорожье // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1991.
- Привалова О.Я.* Скифское погребение у Стылы // Археологический альманах. 1993. Вып. 2.
- Ролле Р., Херц В., Махортых С.В., Белозор В.П.* Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2002 г. Киев, 2003.
- Самоквасов Д.Я.* Могилы Русской земли. М., 1908.
- Сидоренко Г.О.* Скифский курган на р. Удай // Археология. 1964. Т. XVI.
- Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69.
- Указатель к коллекции древностей из раскопок и случайных приобретений Е.А. Зноско-Боровского. Канев, 1897.
- Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.
- Шрамко Б.А.* Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // Древности. Харьков, 1994.
- Шрамко Б.А.* Раскопки курганов VII–IV ст. до н.э. поблизу Більська // Археология. 1994а. № 4.
- Clinkenbeard B.G.* Lesbian Wine and Storage Amphoras: A Progress Report on Identification // Hesperia. 1982. № 3.
- Majewski E.* O charakterze starzych kurhanow // Swiatowit. 1905. Т. VI.
- Scythian Art. Leningrad, 1999.

Kurgan 5 near Berestnyagi Middle Scythian site in the Porosye

A. D. Mogilov, S. V. Didenko

Summary

The article publishes the materials from kurgan 5 near Berestnyagi, a well-known Middle Scythian site in the Porosye which was investigated by E.A. Znosko-Borovsky at the close of the 19th c. The kurgan burial comprised a wooden crypt with dromos and contained a horse burial and rich inventory: weapons, harness, pottery, including Greek amphora, gold plating of bowl and knives. Analysis of the inventory allows to date the complex to the second half of the 5th c. BC. The horse burial, the harness and the plated wooden bowl indicate that the person buried in the kurgan belonged to the ruling circles.

НАКЛАДКА СО СЦЕНОЙ АМАЗОНОМАХИИ ИЗ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2008 г. В. П. Копылов

*Научно-методический центр археологии педагогического института
Южного федерального университета, Ростов-на-Дону*

В январе 2005 г. к нам обратился ростовский коллекционер А.С. Чумак с просьбой определить хронологию бронзовой накладки с изображением сцены битвы амазонок с греками и оказать содействие в проведении ее реставрации в Государственном Эрмитаже. По словам А.С. Чумака, хранящаяся в его коллекции накладка была им “случайно найдена на поверхности”, в районе курганной группы Пять Братьев Елизаветовского могильника в дельте Дона в декабре 2004 г. По информации находчика, вместе с накладкой были обнаружены семь бронзовых круглых блях с отверстиями по краю для крепления. При выезде на место находки А.С. Чумак указал место, где были найдены все эти предметы, однако тщательный осмотр нами данного участка не выявил следов пребывания там бронзовых изделий. Указанный коллекционером участок находится у западной подошвы последнего большого кургана (№ 9) могильника Пять Братьев, на котором располагается кладбище, где производятся захоронения и в настоящее время. У нас имеются сомнения в достоверности указанного А.С. Чумаком конкретного места находки, поскольку впоследствии подтвердились факты незаконных грабительских поисков предметов старины с помощью металлодетектора, проводимых А.С. Чумаком на территории Елизаветовского могильника и одноименного городища. Тем не менее происхождение накладки со сценой амазономохии и бронзовых блях с территории Пятибратней курганной группы Елизаветовского могильника не вызывает у нас сомнений.

Первоначально А.С. Чумак категорически отказывался передавать находки на хранение в государственный музей, о чем заявлял публично. Однако позже, очевидно осознав значимость и уникальность накладки, он передал указанные находки в Ростовский областной музей краеведения. Мы считаем, что немаловажным обстоятельством, способствующим передаче коллекционером предметов в государственную собственность, послужила также невозможность проведения профессиональных реставрационных работ по их сохранению на законных основаниях, о чем нами было указано коллекционеру после переговоров с сотрудниками Эрмитажа. Переданные в музей на-

кладка (РОМК. КП № 25362) и бронзовые бляхи (РОМК. КП № 25363/1–7) (рис. 1) были срочно отправлены на реставрацию в Эрмитаж, поскольку существовала реальная угроза их сохранности. В июле 2006 г. после завершения реставрационных работ эти предметы были возвращены в Ростовский областной музей краеведения.

Накладка представляет собой бронзовую прямоугольную пластину размером 11,8 × 9 см, по краям которой сохранились отверстия для ее крепления к основе (рис. 2, 1). Тщательное изучение накладки до реставрации позволило нам установить, что она крепилась с помощью бронзовых заклепок, очевидно, к кожаной основе. Асимметричность пластины, неровность ее краев и небрежность расположения пробитых по краю пластины отверстий для крепления позволяют предположить, что она была вырезана из рельефной бронзовой пластины более крупных размеров с многофигурной композицией из цикла греческих мифов об амазонках и вторично использована в виде накладки. Об этом может свидетельствовать также и тот факт, что отдельные детали изображений выходят за края накладки. Так, часть головы левой амазонки, кисть правой руки правой амазонки и оружие в правой руке обнаженного воина не вписываются в границы пластины. Изображения на пластине выполнены в технике чеканных высоких рельефов с последующей проработкой деталей.

Плохо сохранилась нижняя часть накладки, где имеются значительные утраты изображений, отдельные утраты имеются и в верхней ее части. Изображения на накладке представляют собой популярный в мифологии эллинов сюжет битвы греков с амазонками. В левой части накладки изображена сцена сражения обнаженного молодого греческого воина с уже поверженной амазонкой (рис. 2, 2). Правая рука воина занесена для завершающего удара, очевидно, мечом, а в левой руке он держит круглый щит с двумя ручками на внутренней стороне. Голова молодого воина защищена шлемом, тип которого определить невозможно из-за утрат в этой части изображения. Мастером тщательно выполнены лицо и тело воина с ярко выраженной мускулатурой. На предплечье левой руки изображен плащ с ниспадающими складками. Ли-

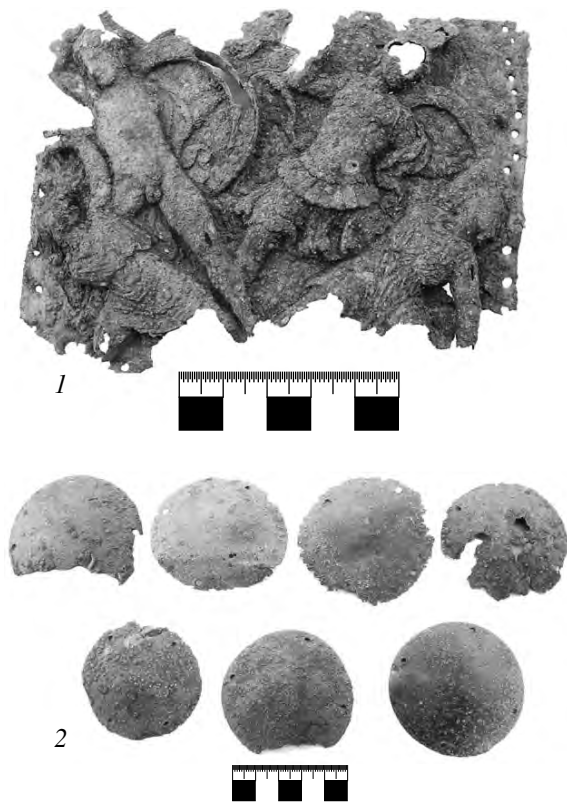

Рис. 1. Детали конского набора из района курганный группы “Пять Братьев” Елизаветовского могильника до реставрации. 1 – накладка со сценой амазономахии; 2 – бляхи. Бронза.

цо воина обращено к поверженной противнице. Она опирается на правое колено и локоть правой руки, в которой сжимает двулезвийный меч с прямым клинком (рис. 2, 3). Сохранившиеся характерные детали изображенного меча позволяют отнести его к типу греческих мечей – ксифосам.левой рукой амазонка пытается нанести удар нападающему воину каким-то оружием, определить вид которого не позволяют утраты изображения. Амазонка одета в легкий, подпоясанный в талии короткий хитон, достигающий середины бедра. Искусно выполненная мастером драпировка подчеркивает стройность фигуры воительницы и рельефно выделяет ее грудь (рис. 2, 3).

В правой части накладки изображена сцена битвы амазонки с греческим воином, облаченным в металлический панцирь, тип которого в литературе получил наименование “мускульной кирасы”, а греки такой вид панциря называли “торакс” (рис. 2, 5). Панцирь имеет юбочку из лепестков, которая защищает низ живота воина. Торакс надет поверх короткого хитона, а на предплечье левой руки, в которой воин держит большой круглый щит с двумя ручками, изображен плащ, складки которого видны и под правой рукой воина. Голова воина защищена коринфским шлемом. Правая ру-

Рис. 2. Накладка из Елизаветовского могильника и ее детали и рельеф саркофага из Венского музея. 1 – накладка после реставрации; 2 – левая сторона накладки; 3 – деталь накладки, сцена в левом нижнем углу; 4 – правая сторона накладки; 5 – деталь накладки, сцена в правом верхнем углу; 6 – рельеф саркофага со сценой амазономахии.

ка сохранилась частично, но нет сомнений, что она занесена для нанесения удара. Лицо воина сохранилось плохо, но отчетливо видно, что оно обращено к поверженной противнице. Фигура амазонки, расположенной в правом нижнем углу накладки, сохранилась частично. Она одета в легкий, подпоясанный в талии короткий хитон, драпировка которого подчеркивает женственность и стройность ее фигуры (рис. 2, 4). Правая рука, в которой амазонка держит меч, занесена для удара. К сожалению, о наступательном вооружении воинов мы ничего определенного сказать не можем, так как в этих местах накладки имеются утраты. Высокохудожественное изображение батальной сцены на бронзовой пластине выдает руку хорошего мастера, прекрасно знающего тонкости военного снаряжения. Стиль и характер батальной сцены позволяют отнести время изготовления пластины ко второй половине IV в. до н.э. Изображения предметов вооружения и отдельных фигур сражающихся на накладке очень близки изображениям на мраморном рельефе саркофага с многофигурной сценой амазономахии (рис. 2, 6). Он был найден на северо-во-

сточном побережье Кипра, ныне хранится в Венском музее. Куртом Гшвантлером рельеф датируется 320 г. до н.э. (Meisterwerke der Antikensammlung, 2005. 15. S. 56, 57. Inv. Nr. I 169). Еще один рельеф на стенке саркофага со сценами сражений греков с амазонками, происходящий из Этрурии, хранится в Музее изящного искусства в Бостоне и датируется 330–300 гг. до н.э. (Vermeule, 1963. 183a. P. 200). Сцена сражения, изображенная в правой части рассматриваемой накладки, композиционно близка сцене битвы грека с амазонкой на каменном рельефе из Национального музея в Таранто (Der neue Pauly, 1996. Amasozones. S. 424. Pl. 493). Единственное известное нам изображение сцен амазономахии, выполненное на бронзовых пластинах, хранится в Британском музее. Н.В. Walters составил их описание и датировал второй половиной IV в. до н.э. Он атрибутировал их как детали украшения панциря и указал, что они были куплены у торговца в Неаполе, утверждавшего их происхождение из Сириса (Siris) на юге Италии (Catalogue, 1899. 285. Pl. VIII. P. 39, 40). Обращает на себя внимание тот факт, что большинство наиболее близких аналогий композиции и изображенным предметам на нашей накладке происходят из памятников с территории Великой Греции. Это может служить подтверждением вывода о более значительных, чем представлялось раньше, связях центров Западного Средиземноморья с населением устьевой области реки Танаис в IV в. до н.э. (Копылов, 2006а. С. 70, сл.).

Поскольку накладка со сценой амазономахии была обнаружена совместно с бронзовыми круглыми бляхами (рис. 1, 2), являющимися деталями украшения конского снаряжения, можно с достаточной степенью уверенности предположить, что и накладка могла служить деталью парадного убранства коня, погребенного в одном из курганов “царского” могильника Пять Братьев. Не исключено, что она могла служить накладкой нагрудного ремня коня. Использование бронзовой накладки со сценой амазономахии в качестве украшения парадного убранства коня, который должен был сопровождать своего хозяина в потусторонний мир, тем более вероятно, поскольку конь и андрогинизм амазонок являлись в представлении древних олицетворением связи с загробным миром (Шауб, 1989. С. 51).

Обнаруженные вместе с накладкой бронзовые круглые, выпуклые бляхи находят близкие аналогии бляхам из захоронений в курганах скифской знати. Подобные бляхи были обнаружены в Мелитопольском кургане, в ограбленной гробнице 1, где была погребена знатная скифянка (Тереножкин, Мозолевский, 1988. С. 100. Рис. 108). Б.Н. Мозолевский предлагает такие бляшки относить к деталям украшений погребальных кортежей, сопровождавших захоронения знатных скифских женщин, и полагает, что они наряду с другими

предметами могли входить в набор культового снаряжения передвижных храмов женского божества (Тереножкин, Мозолевский, 1988. С. 166). Время сооружения Мелитопольского кургана отнесено Б.Н. Мозолевским к 340–330 гг. до н.э. (Тереножкин, Мозолевский, 1988. С. 148). Анализ мендеевских амфор из этого кургана позволил С.Ю. Монахову уточнить дату и ограничить ее 30-ми годами IV в. до н.э. (2003. С. 93). Следует отметить, что и “царский” курган 8 группы Пять Братьев Елизаветовского могильника по наиболее поздним амфорам датируется серединой 30-х годов IV в. до н.э.

Важным является вопрос о месте производства предметов торевтики, открытых в Елизаветовских курганах, и, в частности, нашей накладки. Рассматривая произведения греческой торевтики, обнаруженные на юге России, М.И. Ростовцев отмечал, что большинство этих предметов были изготовлены “специально, согласно вкусу, верованиям и потребности” скифов и полагал, что центром их производства являлся, безусловно, Боспор (2003. С. 46). Изучая развитие бронзолитейного ремесла VI–V вв. до н.э. в греческих центрах Боспора Киммерийского, М.Ю. Трейстер отмечал, что уже в это время продукция боспорских бронзолитейных мастерских была рассчитана не только на внутренний рынок, но и на сбыт варварскому окружению (1988. С. 60). Детальный анализ представительной серии матриц, обнаруженных при раскопках Пантикапея, позволил ему говорить о существовании в этом центре мастерской, принадлежавшей боспорским правителям, которая в IV в. до н.э. изготавливала и поставляла скифам, “возможно в качестве даров Спартокидов, высокохудожественные изделия” боспорских торевтов (Трейстер, 1989. С. 50, 51).

Расцвет боспорской школы торевтики в IV в. до н.э., где работали, очевидно, и приглашенные из других греческих центров мастера, признается большинством исследователей. Это подтверждается и большим количеством прекрасных произведений искусства, выполненных с учетом вкусов греко-варварской аристократии. Большинство высокохудожественных предметов торевтики происходит из курганов скифской знати, и мы полагаем, что правы те исследователи, которые относят эти предметы к разряду политических даров (Виноградов, 2006. С. 268). Подобные “подарки” служат ярким свидетельством динамики скифо-боспорских отношений, о существовании которых свидетельствуют письменные источники. Мы допускаем, что к числу таких подарков могли относиться и высокохудожественные расписные греческие сосуды, такие как панафинейская чернофигурная амфора 430–425 гг. до н.э. (рис. 3, 1) (Брашинский, 1976. С. 102), открытая А.А. Миллером в 1911 г. в ограбленном кургане Елизаветовского могильника (Миллер, 1914. С. 223, 224), где была погребена знатная скифянка; краснофигурная пелика со сце-

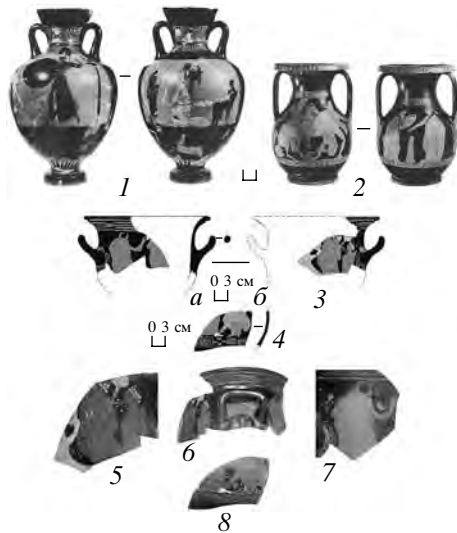

Рис. 3. Расписная керамика из материалов Елизаветовского могильника и городища: 1 – панафинейская амфора; 2 – краснофигурная пелика; 3–8 – краснофигурный кратер (см. цветную вклейку № 3).

ной борьбы конной амазонки с греком (рис. 3, 2) (Шилов, 1959. С. 23. Рис. 11, а, б). К категории таких политических даров может относиться также фрагментированный краснофигурный кратер южноиталийского производства, обнаруженный нами в 2006 г., в скифском слое середины IV в. до н.э. Елизаветовского городища (рис. 3, 1–8). Все эти сосуды могли служить политическими дарами боспорских правителей представителям властных структур скифской аристократии, контролировавших устьевую область реки Танаис. Особо отметим, что на обоих сосудах, происходящих из погребений скифской знати Елизаветовского могильника, изображены вооруженные женщины.

Учитывая какой популярностью у скифов пользовались изделия, украшенные сюжетами их сражений с греками (золотые обкладки мечей из Пятибратнего, Чертомлыкского курганов, обкладка меча из скифского кургана, хранящаяся в Метрополитен-музее, гребень из кургана Солоха), можно говорить, что сцены сражения амазонок с греками вполне соответствовали вкусам скифов. Это тем более вероятно, поскольку амазонки в представлении греков связывались с племенами ираноязычных киммерийцев и скифов, совершавших в VII в. до н.э. походы в Малую Азию (Мирошина, 1989. С. 83, 84). Возникновение мифов в их привязке к местностям Северного Причерноморья также следует отнести к этому времени, а именно к началу колонизации территории греками (Русяева, 1989. С. 30).

Персонажи мифов, воплощенные в произведениях изобразительного искусства, несут информацию о месте и времени первоначального приурочивания мифа к определенной области. В нашем

случае несомненный интерес представляют легенды об амазонках, которые привязаны к устьевой области реки Танаис (Геродот, IV. 110). Мы полагаем, что особенности демографической и военнополитической ситуации в этом регионе стали хорошо известны грекам только после основания здесь милетянами в третьей четверти VII в. до н.э. Таганрогского поселения, которое мы считаем возможным идентифицировать с гаванью Кремны (Копылов, 2006б. С. 80, сл.). Геродот (IV. 20) указывает, что эта гавань находилась на подвластной царским скифам территории. Расположение Таганрогского поселения на пересечении водных и основной сухопутной транспортной коммуникации, соединявшей Предкавказье, Поволжье и Южный Урал со степной и лесостепной Скифией (Копылов, 1994. С. 89–91), позволило греческим колонистам близко познакомиться с бытом, обычаями и военной организацией кочевых скифов. И, конечно, они не могли не заметить в составе воинских отрядов скифов присутствия вооруженных женщин, что и могло послужить основой для создания местного мифа об амазонках. Однако насколько данные мифов об амазонках подтверждаются археологическими реалиями?

Упоминание женщин-воительниц – амазонок в греческой мифологии может свидетельствовать о популярности этой легенды уже в глубокой древности. Широкое отражение преданий об амазонках мы находим в античной литературе, изобразительном искусстве и вазописи. О пристальном внимании к проблеме амазонок в отечественной историографии говорит тот факт, что практически все видные специалисты в той или иной степени касались этой темы (Граков, 1947. С. 107, сл.; Косвен, 1947; Смирнов, 1964. С. 202; Хазанов, 1975. С. 83, сл.; Тереножкин, Ильинская, 1983. С. 165, сл. и др.). Отметим, что погребения женщин-воительниц хорошо представлены как в степной, так и в лесостепной Скифии (Ганіна, 1958. С. 175, сл.; Гуляев, 2000. С. 47). Мы подробно остановимся на археологических подтверждениях захоронений амазонок в районе устьевой области реки Танаис. Самым ранним на островной части дельты Дона погребением “амазонки” (антропологическое определение проведено к.б.н. Е.Ф. Батиевой в археологической лаборатории РГУ) является комплекс, открытый в 2005 г. к северу от хутора Обуховка (Копылов, Коваленко, 2006. С. 182, 183). Погребение было впущено в культурный слой поселения эпохи поздней бронзы Малахов Ерик II и содержало помимо напутственной пищи и лощеного лепного сосуда, украшенного орнаментом, выполненным темной краской, колчаный набор. Инвентарь погребения позволяет датировать комплекс временем не позднее начала VI в. до н.э. Примечательно, что он является первым погребением скифской архаики на территории островной части дельты Дона, где с конца первой четверти

V в. до н.э. начинает функционировать Елизаветовский курганный могильник. Первое достоверное погребение амазонки было выделено в Елизаветовских курганах И.Б. Брашинским, и им было отмечено, что это погребение (курган 30, погребение 2) не являлось единственным в этом могильнике (Брашинский, 1973. С. 60, 61).

На сегодняшний день в Елизаветовском могильнике исследовано 300 курганов, где открыто 415 погребений скифского времени, 266 из которых надежно документированы. Крайне важно, что 154 погребальных комплекса имеют узкую датировку благодаря находкам в них греческой импортной керамики. В подавляющем большинстве погребений инвентарь мужских и женских захоронений строго дифференцирован. Если в погребениях мужчин преобладают предметы военного снаряжения, то в женских могилах помимо украшений и предметов женского туалета мы встречаем орудия прядения и шитья, которые являются исключительно предметами женского погребального инвентаря. По составу погребального инвентаря и на основании антропологических определений, среди одиночных захоронений Елизаветовского могильника нами выделено 89 женских (44,9%) могил. Помимо одиночных, в могильнике имеется 8 парных одновременных погребений, где представлены совместные захоронения женщины с ребенком и мужчины с женщиной. Крайне плохая сохранность костных остатков погребенных в Елизаветовских курганах чрезвычайно затрудняет их антропологическое определение. Тем не менее мы располагаем серией из 29 захоронений, где антропологический анализ, проведенный в разные годы, позволил определить половозрастной состав погребенных. Детальное изучение этих погребальных комплексов позволило нам вычленил те предметы похоронного инвентаря, которые встречаются исключительно в женских захоронениях Елизаветовского могильника (Копылов, 2000. С. 91, сл. Табл. 9). К таким предметам относятся: пряслице, веретено, иглолка или проколка, сосудики для благовоний, зеркало, серьги или височные подвески, ожерелья из бус, пращевые камни, а также раковины каури. Руководствуясь этими критериями, нами выделено 28 женских погребений с предметами вооружения, что составляет 31,5% от общего числа женских одиночных захоронений Елизаветовского могильника. Благодаря находкам в 16 из этих комплексов греческой импортной керамики они получили четкую датировку. Важно подчеркнуть, что три женских погребальных комплекса, два из которых имеют антропологическое определение, содержали полный набор наступательного вооружения – стрелы, копье, меч, и все они датируются в пределах V в. до н.э. (Копылов, Янгулов, 2004. С. 53, сл.).

Сопоставление данных, полученных при анализе погребальных сооружений женских захороне-

ний Елизаветовского могильника, с размерами и конструктивными особенностями насыпей, а где возможно с количеством и качеством погребального инвентаря позволило установить социальный статус “амазонок”. В соответствии с разработанной нами типологией грунтовых ям – основного вида погребальных сооружений Елизаветовского могильника (Копылов, 2002. С. 46, 47) – было установлено, что женские захоронения с оружием совершались не только в грунтовых ямах II и III типов, характерных для рядовых общинников, но и в грунтовых ямах V и VI типов, в которых хоронили представителей знати. Это может свидетельствовать о достаточно высоком положении отдельных женщин-воительниц в обществе, оставившем Елизаветовский могильник. В связи с этим необходимо отметить, что привлечение в качестве доказательства савроматской принадлежности Елизаветовских курганов наличия в них погребений амазонок (Максименко, 1983. С.122) является некорректным, поскольку по подсчетам специалистов таких погребений в Скифии больше, чем на савроматской территории (Бунатян, 1978. С. 60). Чрезвычайно важную информацию о положении скифских женщин в обществе дают совместные одновременные погребения мужчины и женщины, совершенные в одной могильной яме (Ганина, 1960. С. 96, сл.). Присутствие в материалах Елизаветовского могильника парных захоронений мужчины и женщины, в одном из которых (курган 51, погребение 2, 1976 г.) похоронный инвентарь как мужчины, так и женщины содержал полный набор наступательного оружия, свидетельствует о равноправном и независимом положении той категории женщин, которые принимали активное участие в военной организации скифов. Материалы Елизаветовских курганов, как нам представляется, являются хорошим подтверждением вывода А.М. Хазанова, согласно которому женщины-воительницы составляли в скифском обществе особую социальную группу (Хазанов, 1975. С. 85).

Присутствие в наборе погребального инвентаря “царской” гробницы 8-го Пятибратнего кургана, в которой было открыто захоронение двух равноправных людей, серии предметов, характерных исключительно для женских погребений (пряслице, пращевой камень, ожерелье из бус и подвесок, бронзовая булава, а также детали женского головного убора, аналогичные чертомлыкским), позволило нам предположить, что наряду с мужчиной в склепе была похоронена женщина с полным набором вооружения (Копылов, 2004. С. 54). В связи с этим возникает необходимость проведения повторного, тщательного изучения антропологических материалов из этого комплекса, поскольку иначе нам придется признать, что один из погребенных был поражен “женским недугом” и являлся энареом, о которых упоминает Геродот (I, 105; IV, 67).

Приведенные данные позволяют, как нам представляется, говорить о популярности сюжета амазономании у населения, оставившего Елизаветовские курганы. А бронзовую накладку со сценой битвы амазонок с греками и круглые бляхи с отверстиями по краю отнести к деталям конского убранства, которые, очевидно, происходят из конского захоронения, сопровождавшего погребение знатной особы в одном из курганов группы Пять братьев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брашинский И.Б.* Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // КСИА. 1973. Вып. 133.
- Брашинский И.Б.* Аттическая расписная и чернолаковая керамика V в. до н.э. из Елизаветовского могильника // ТГЭ. XVII. Л., 1976.
- Бунатян Е.П.* Некоторые результаты социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг. Ужгород, 1978.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2006.
- Граков Б.Н.* ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у савроматов) // ВДИ. 1947. № 3.
- Ганіна О.Д.* До питання про жіночі поховання зі зброєю скифського часу // Праці київського державного історичного музею. 1958. Вип. 1.
- Ганина О.Д.* О женских захоронениях в парных погребениях скифского времени // ЗОАО. 1960. Т. I (34).
- Гуляев В.И.* Там, где жили амазонки // ДА. 2000. № 3, 4.
- Копылов В.П.* О транспортных сухопутных коммуникациях, проходящих через дельту Дона в скифское время // ПССАСП. Тез. докл. междунар. конф., посв. 95-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова. Запорожье, 1994.
- Копылов В.П.* Население Северо-Восточного Приазовья в конце VII–IV в. до н.э. // Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
- Копылов В.П.* Погребальные сооружения Елизаветовского городища на Дону // Из истории народов Северного Кавказа. Сб. науч. статей. Ставрополь, 2002.
- Копылов В.П.* Скифский царский курган Елизаветовского могильника // Сокровища Донских степей. Ростов-н/Д., 2004.
- Копылов В.П.* Греко-варварские взаимоотношения в области р. Танаис в VII–VI вв. до н.э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.). СПб., 2006а.
- Копылов В.П.* О проникновении пунийских товаров на Нижний Дон в IV в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время. Ростов-н/Д., 2006б.
- Копылов В.П., Янгулов С.Ю.* Погребения “амазонок” в курганах Елизаветовского могильника // II Междунар. конф. “Скифы и сарматы VIII–III вв. до н.э.”, посв. памяти Б.Н. Гракова. Азов; Ростов-н/Д., 2004.
- Копылов В.П., Коваленко А.Н.* Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 году. Азов, 2006.
- Косвен М.О.* Амазонки. История легенды // СЭ. 1947. № 2, 3.
- Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-н/Д., 1983.
- Миллер А.А.* Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 году // ИАК. 1914. Вып. 56.
- Мирошина Т.В.* Историческая подоснова мифов об амазонках // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров – экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.
- Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России. М., 2003.
- Русяева А.С.* Понтийские легенды как исторический источник // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964.
- Тереножкин А.И., Ильинская В.А.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.* Мелитопольский курган. Киев, 1988.
- Трейстер М.Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора VI–V вв. до н.э. // Eirene XXV. Studia Graeca et Latina. Serapatum. Praga, 1988.
- Трейстер М.Ю.* Матрица из Пантикапея (к вопросу о боспорской торевтике) // Кочевники евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1989.
- Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М., 1975.
- Шауб И.Ю.* Амазонки на Боспоре // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989.
- Шилов В.П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах // ИРОМК № 1(3). Ростов-н/Д., 1959.
- Cornelius Vermeule.* Greek, Etruscan and Roman Art – the Classical Collection of the Museum Fine Arts. Boston, 1963.
- Catalogue of the Bronzes, Greek, Roman and Etruscan British Museum. L., 1899.
- Der neue Pauly. Enzyklopädie der Altertum. Bd. I Stuttgart; Weimar, 1996.
- Meisterwerke der Antikensammlung. Kunsthistorisches Museum. Wien, 2005.

Mount with amazonomachy scene from the Yelizavetovskij cemetery

V. P. Kopylov

Summary

The article is devoted to the unique bronze mount with amazonomachy scheme, which was discovered among equine ornaments in the “Five brothers” kurgan group of the Yelizavetovskij cemetery. The author determines the chronology of the mount, its closest analogies and function, and suggests that the item in question comes into the category of political gifts from the Bosphoran rulers to the Scythians, who controlled the estuary areas of the Tanais in the 6th–4th cc. BC. Women’s burials with weapons in the kurgans of Yelizavetovskij cemetery are analyzed, the categories of funeral inventory peculiar to woman’s burials are identified, and testify to the equality and independence of the women who took active part in the Scythian military organization.

САРМАТСКОЕ “КНЯЖЕСКОЕ” ПОГРЕБЕНИЕ В КУРГАНЕ У г. ЛИПЕЦКА

© 2008 г. А. П. Медведев, И. Е. Сафонов, Ю. П. Матвеев

Воронежский государственный университет

При проведении охранных работ в 2005 г. экспедицией Воронежского университета под руководством И.Е. Сафонова открыто сарматское погребение высокого социального ранга. Оно было впущено в насыпь кургана у с. Ленино Липецкого района Липецкой области (южная окраина г. Липецка). Курган находился на водоразделе рек Дона и Воронежа. Его насыпь была сильно повреждена в ходе строительства дороги и самовольными выемками грунта. Как показали раскопки, начало сооружения кургана относится еще к эпохе средней бронзы, когда были совершены катакомбное и абашевское захоронения. Уже в то время его высота была не менее 3 м. После совершения сарматского погребения в юго-западной поле кургана его насыпь была еще раз досыпана. К началу раскопок она составляла около 3.5 м при диаметре 40–45 м. В западной поле насыпи хорошо фиксировался мощный могильный выкид из публикуемого сарматского погребения.

Погребение 2 совершено в большой грунтовой яме размерами 3.5 × 5.5 м с сильно скругленными углами (рис. 1; 2,а). Ее пол залегал на 1.47 м ниже уровня материка (–6.15 от вершины насыпи). Могила ориентирована продольной осью по линии ЮВ–СЗ и скорее всего была перекрыта сверху накатом, поверх которого уложен материковый выкид. Следы дерева не сохранились, но характерное заполнение ямы с затеками суглинка ближе к ее краям указывает на то, что какое-то время до обрушения перекрытия она представляла полую камеру. Уже при зачистке могильного пятна стали попадаться обрывки золотой и серебряной фольги, а также фрагменты краснолакового кувшина и тарелки. Захоронение оказалось почти начисто ограбленным, причем как минимум дважды: еще в древности, скорее всего через несколько лет после его совершения, и в XVIII–XIX вв. Древние грабители нанесли погребению непоправимый урон. Они, вероятно, вытащили останки погребенной вместе с одеждой и дорогими украшениями наружу, поэтому на дне могилы никаких следов ее скелета не обнаружено. С последним ограблением связана грабительская мина, обнаруженная в восточном углу могилы. Но и то небольшое, что осталось в могиле после грабителей, вполне достаточно, чтобы оценить культурную принадлежность и

социальный ранг захоронения. Уцелевшая часть погребального инвентаря весьма информативна и необычна не только для Верхнего Подонья, но и сарматской культуры в целом. В погребении сохранились следующие находки.

Литое бронзовое кольцо с фигуркой горного козла (рис. 1, 1; 3, 1; цветная вклейка, № 4 А). Найдено в заполнении южной части могилы на уровне ее дна. Диаметр кольца около 6 см, толщина 0.7, длина фигурки козла 6.5, ее высота 5. Вторая фигурка, симметрично располагавшаяся на другой половине кольца, была отломана в древности. Сохранились лишь небольшие выступы, где крепились ноги животного. Этой находке известен ряд аналогий, самая близкая – пара колец из погребения кургана 2 Никольского могильника на Нижней Волге (Засецкая, 1979. С. 97, 110, 111. Рис. 14). Только на них козлы выглядят более схематично. Липецкая фигурка отличается большей реалистичностью в изображении животного, в частности его головы. Более отдаленные аналогии – пара колец из кургана 50 Усть-Лабинского некрополя между станицами Казанской и Тифлисской в Прикубанье (Гущина, Засецкая, 1994. Табл. 16, 153). По мнению И.П. Засецкой, такие кольца всегда встречались парами и, вероятно, служили на вершинами. Но возможно и иное их назначение – в качестве деталей и украшения оголовья конской сбруи (ремень мог продеваться между ног и животом козла). Сама же манера изображения животных довольно близка фигуркам козлов, украшавшим сарматские бронзовые котлы (Сергацков, 2000. С. 196, 197).

Сероглиняный круговой кувшин (рис. 1, 2). Его развал найден ближе к северо-западному углу могилы в нижней части заполнения на 6–10 см выше пола могилы. Сосуд удалось практически полностью реставрировать (рис. 4А, Б, 1). Его поверхность светло-серого цвета с очень мелкими вкраплениями слюды. Тулово кувшина округлобкое, плавно сужается ко дну. Дно имеет невысокий плоский поддон. Горло сосуда довольно высокое, заметно расширяется кверху. Венчик имеет выраженный носик-слив. Горло от тулова отделяют два рельефных круговых валика, такой же валик есть и под венчиком. На горле у носика сохранились следы ремонта в виде двух рядов отверстий, распо-

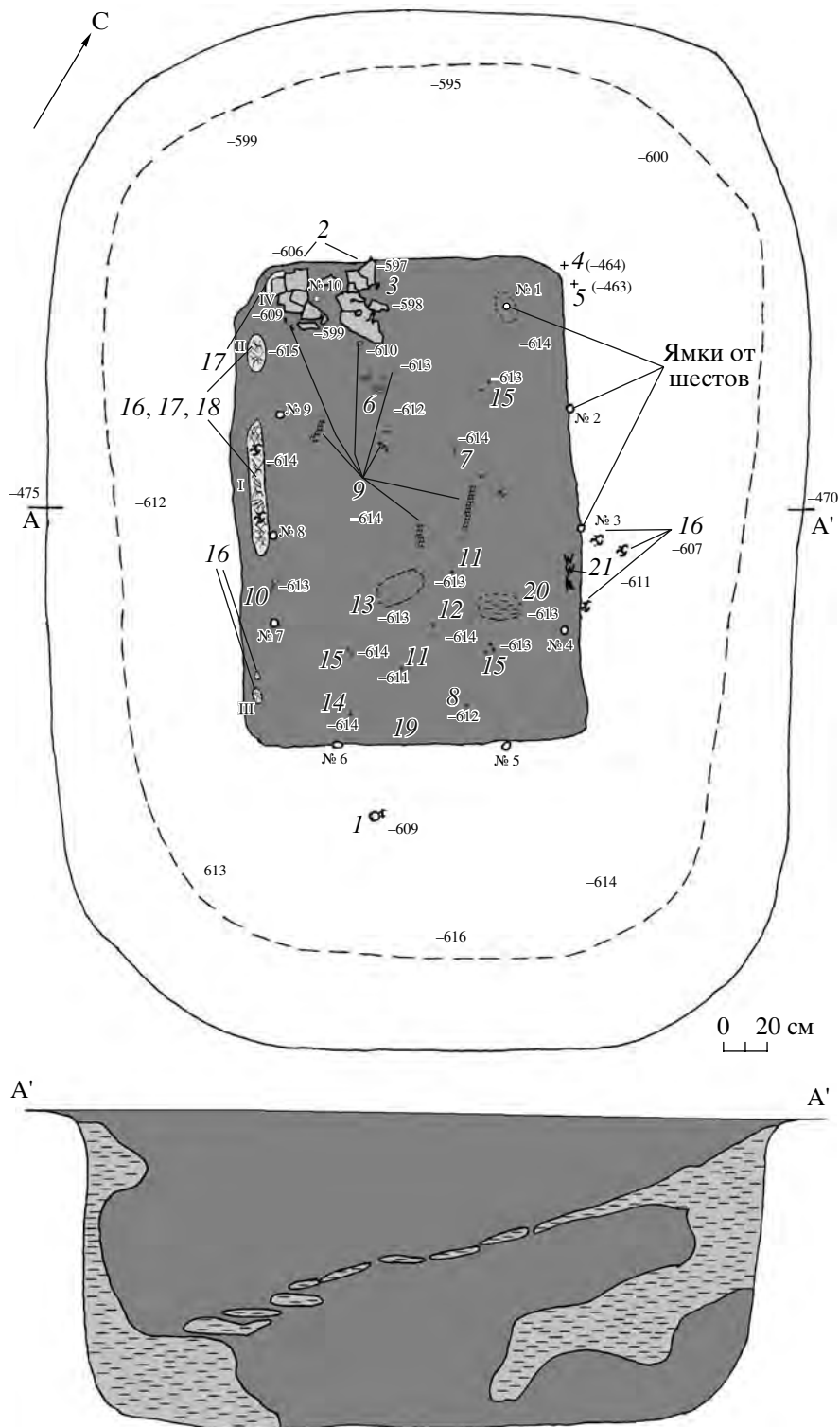

Рис. 1. План и разрез погребения 2 Липецкого кургана. 1 – бронзовое кольцо с фигуркой козла; 2 – развал сероглиняного кувшина; 3 – бронзовые фибулы; 4 – фрагменты краснолакового кувшина; 5 – фрагменты краснолаковой миски; 6 – фрагменты тарелки красного стекла; 7 – фрагмент тарелки синего стекла; 8 – золотые оковки венчика деревянного сосуда; 9 – золотые нашивные бляшки; 10 – украшение из золотых четырехлистных; 11 – румяна; 12 – фрагментированный серебряный сосуд; 13 – остатки парчи; 14 – бусы; 15 – мелкие золотые бочковидные пронизки; 16 – золотые аппликации козлов; 17 – золотые аппликации оленей; 18 – золотой орел; 19 – настил из коры; 20 – береста.

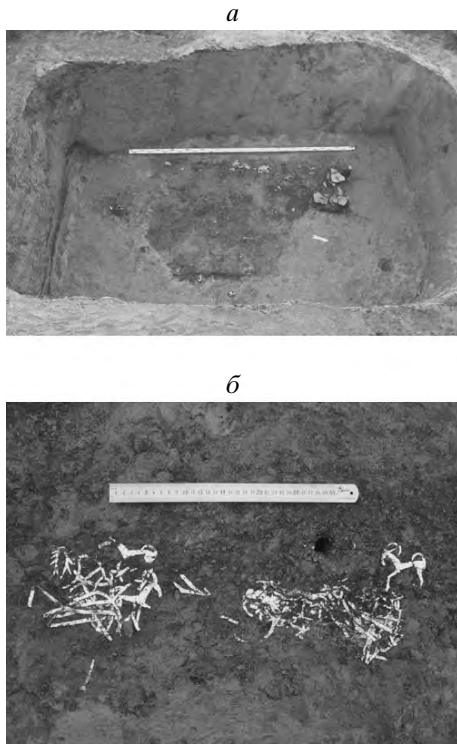

Рис. 2. Погребение 2: а – после выборки заполнения; б – скопления золотой фольги у западной стенки ямы.

ложенных по обе стороны от трещины. Кувшин имеет три ручки. Большая ручка крепилась к верхней части горла и тулову. Она сложносоставная: ее сердцевина выполнена из глины в виде плетенки из двух жгутов толщиной 0.8–1 см, по бокам эту плетенку зажимали две плоские пластины. Сверху к ручке прикреплен налеп, имитирующий шарнир. Снизу к ручке примыкает налипной орнамент в виде “усов” (рис. 4А, 1а). При этом каждый “ус” является как бы продолжением вертикальных налипных пластин, внутри которых зажата плетенка ручки. Еще две небольшие петлевидные ручки прикреплены к плечикам кувшина в верхней части тулова. Каждая из них украшена двумя вертикальными каннелюрами. Вокруг петлевидных ручек снизу и сверху имеются жгутовые налепы, составляющие тщательно изготовленный рельефный знак в виде буквы X (рис. 4Б, 1а). Возможно, это – сарматская тамга.

Две бронзовые фибулы (рис. 1, 3). Найдены под развалом сероглиняного кувшина, их сохранность очень плохая. Фибулы небольших размеров – высота их спинки не более 3 см. У одной, лучше сохранившейся, длина пружины 1.7, длина иглы 2.2 см. У обеих фибул тетива верхняя, на конце приемника имеется крупная кнопка. В процессе расчистки в поле было установлено, что по основным признакам застежка принадлежит группе сильно профилированных фибул причерноморских типов (тип 1, вариант 1). А.К. Амброс датировал такие фибулы первой половиной I – второй половиной

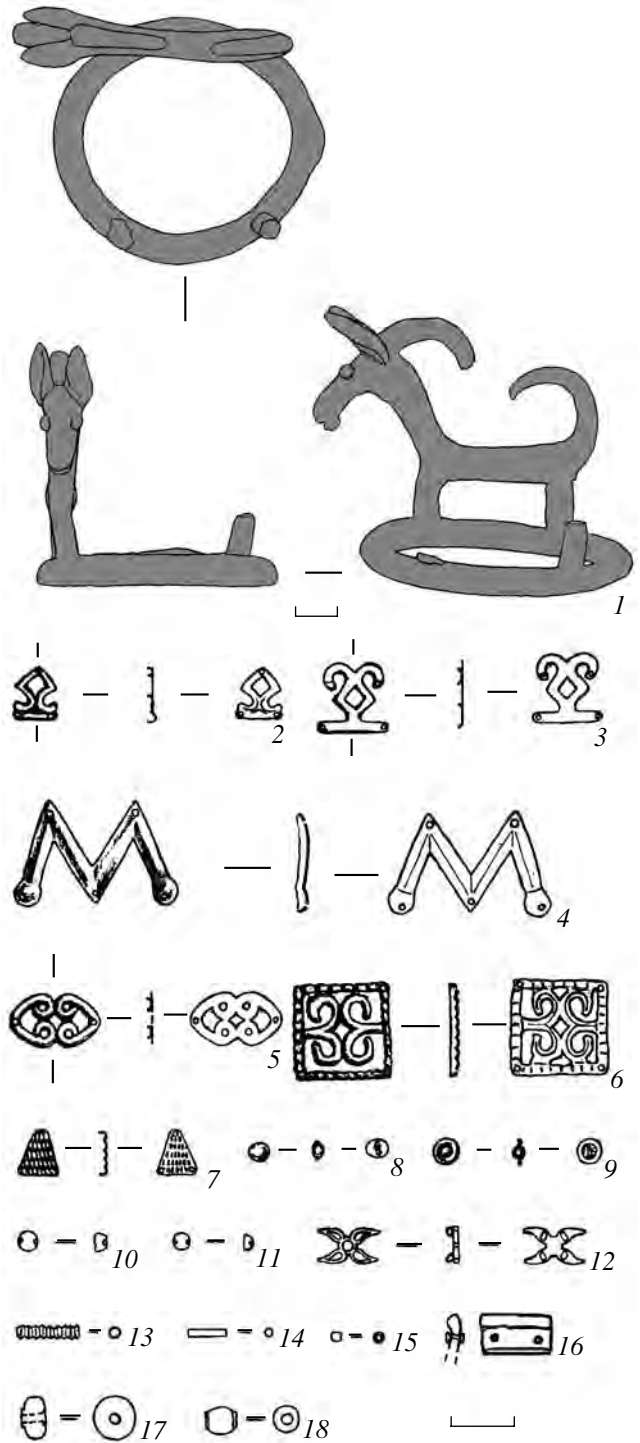

Рис. 3. Находки из погребения 2. 1 – бронзовое кольцо с фигуркой горного козла, 2–11 – золотые нашивные бляшки, 12–14 – детали золотого украшения, 15 – золотые мелкие бочковидные пронизки, 16 – золотая оковка деревянного сосуда, 17, 18 – стеклянные бусы.

II в. н.э. (1966. С. 40). На материалах Кобыякова городища В.М. Косяненко сочла возможным датировать их даже еще более ранним временем – второй третью I в. (1987. С. 47). Однако последние исследования позволили уточнить время их ис-

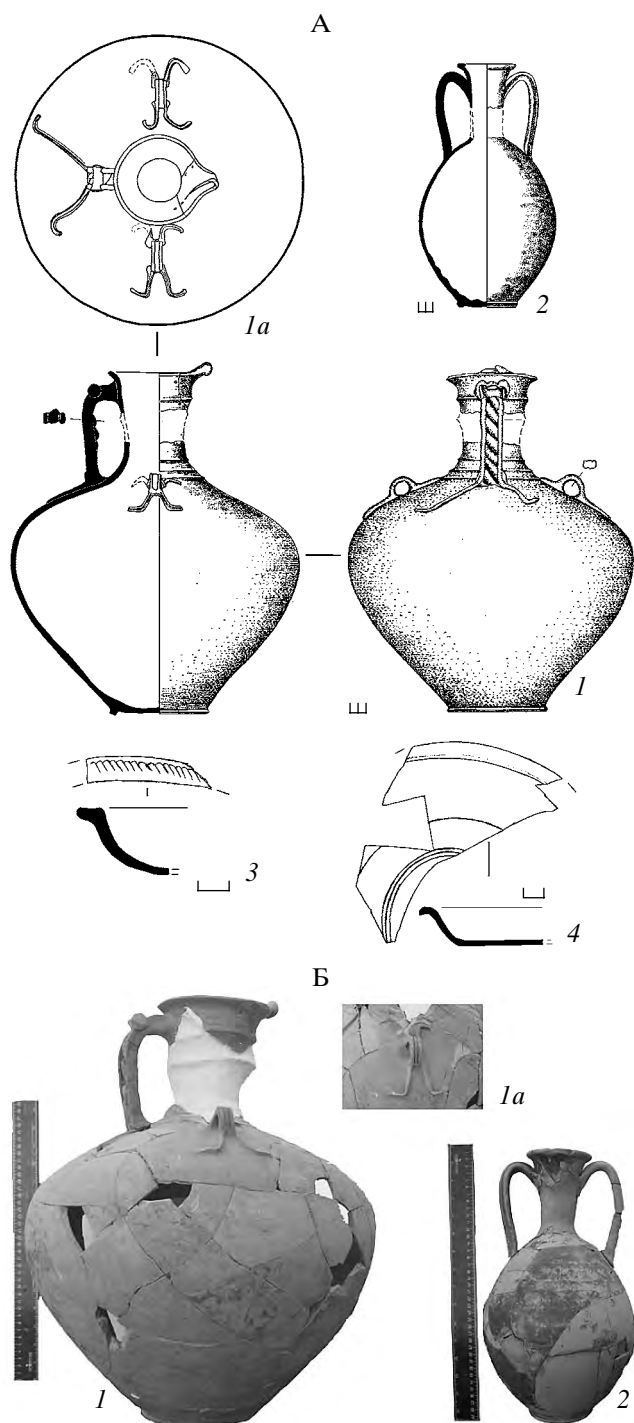

Рис. 4. Керамика и стекло из погребения 2. А: 1, 1а – сероглиняный кувшин; 2 – краснолаковый кувшин; 3 – фрагмент краснолаковой тарелки; 4 – фрагмент стеклянной тарелки. Б: 1, 1а – сероглиняный кувшин, 2 – краснолаковый кувшин (фото).

пользования в пределах от начала до середины II в. н.э. (Кривошеев, 2004. С. 117). Подобные небольшие фибулы встречались лишь в наиболее поздних среднесарматских памятниках Волго-Донских степей (Сергацков, 2004. С. 109).

Краснолаковый кувшин (рис. 1, 4). Его фрагменты встречались в заполнении могилы, начиная с уровня зачистки могильного пятна, а также на дне. Сосуд удалось реставрировать (рис. 4А, Б, 2). Он имеет вытянутое тулово яйцевидной формы и узкое вертикальное горло. Кувшин двуручный. Его венчик отогнут и плоско срезан, дно на невысоком кольцевом поддоне. Лак местами оранжево-красный, но большая часть поверхности сосуда покрыта лаком буро-коричневого цвета.

Фрагменты краснолаковой миски (рис. 1, 5). Также встречались в заполнении могилы. Три из них удалось склеить (рис. 3А, 3). Миска тонкостенная, округлобоякая изготовлена из светло-желтой глины. По плоскому срезу ее венчика нанесен штампованный орнамент. Местами на внешней поверхности сохранился лак буроватого цвета.

Фрагменты стеклянной тарелки (рис. 1, 6). Найдены на дне могилы, в ее северной части. Тарелка изготовлена из стекла густого красного цвета. Край венчика сильно отогнут наружу (рис. 4А, 4). Изнутри на дне нанесены тонкие концентрические окружности.

Фрагмент тарелки синего стекла (рис. 1, 6). Обнаружен там же на дне могилы. Форма сосуда не восстанавливается.

Две золотые обоймочки-оковки от деревянного сосуда (рис. 1, 8). Лежали на полу могилы в южной ее части. Обе изготовлены из тонкой прямоугольной пластинки размерами 0.7×1.2 см, согнутой вдвое (рис. 3, 16). В оковке сохранился золотой стерженек, расклепанный по краям, при помощи которого она крепилась к венчику сосуда. Небольшие деревянные сосуды-кубки с золотыми оковками по венчику неоднократно встречались в богатых среднесарматских погребениях (Ковпаненко, 1986. С. 66. Рис. 69; Прохорова, Гугуев, 1992. С. 152. Рис. 8, 35, 36; Ефимов, 1998. С. 21. Рис. 4, 5).

На дне могилы расчищен настил из тонкой коры или луба, местами бересты, окрашенной в красный цвет (рис. 1, 20). Он имел прямоугольную форму размерами 1.4×2 м. На настиле сохранились остатки ткани с золотым узорчатым шитьем типа парчи (рис. 1, 13; 5, а). Судя по лучше сохранившемуся фрагменту, она была расшита растительным орнаментом. Здесь же собраны тысячи разрозненных золотых нитей и золотые бляшки.

Золотые нашивные бляшки. От украшений погребальной одежды знатной сарматки остались золотые нашивные бляшки – 242 экз. (рис. 1, 9). Все они изготовлены из тонкого золотого листа путем штамповки (цветная вклейка, № 4, Б). Сохранилось не менее 10 типов бляшек: ромб на подставке – 27 экз. и еще один фрагмент (рис. 3, 2); ромб с рогами на подставке – 3 экз. (рис. 3, 3); в виде буквы М – 39 экз. (рис. 3, 4); в центральной части могилы расчищены два ряда таких бляшек; овальные с перекладиной посередине в виде волют, закрученных в разные стороны, – 2 экз. (рис. 3, 5); прямо-

угольная ажурная бляшка, внутри две соединенных вершинами волути – 1 экз. (рис. 3, 6); треугольные, покрытые мелкими выпуклыми вдавлениями – 2 экз. (рис. 3, 7); мелкие округло-ромбические – 44 экз. (рис. 3, 8), скорее всего они от обшивки верхнего края одежды, из них 26 лежали *in situ* вместе с бляшками в виде ромба на подставке (рис. 5, б); мелкие розетки с выступом в центре – 2 экз. (рис. 3, 9); мелкие округлые в виде пистона – 13 экз. (рис. 3, 10); очень мелкие полу-сферические – 109 экз. (рис. 3, 11).

Большинство типов золотых нашивных бляшек имеют аналогии среди находок из сарматских погребений I – начала II в. (Засецкая, 1986. С. 128–134).

Украшение (рис. 1, 10). От него уцелела лишь часть ожерелья или обшивки верхней части ворота. Оно состояло из ряда золотых четырехлистников, а также рубчатых и гладких пронизок. Золотые пронизи-четырёхлистники – 7 экз. (рис. 3, 12). С лицевой стороны на каждой из них имелось углубленное гнездо, повторяющее форму четырехлистника, а в центре – круглое углубление. Они были заполнены коричневатой пастой, которая сохранилась частично и не во всех пронизях. С обратной стороны к четырехлистникам были припаяны четыре ушка для продевания нитей. Золотые рубчатые пронизки – 15 экз. (рис. 3, 13). Гладкие трубочки-пронизки – 11 экз. (рис. 3, 14). Очень мелкие бочковидные пронизки – (рис. 3, 15).

Судя по находке части украшения *in situ*, сквозь ушки четырехлистников продевались две нити. Вместе с ними на сдвоенные нити продевались рубчатые пронизки. Составлявшие основу этого украшения золотые пронизи-четырёхлистники известны по находкам в богатейших сарматских погребениях, в частности курганах Хохлач на Нижнем Дону и Соколова могила на Южном Буге (Толстов, Кондаков, 1890. Рис. 165; Ковпаненко, 1986. С. 40. Рис. 39, 9; 122). В Хохлаче они сочетались с такими же рубчатыми пронизками, сгруппированными по две. По мнению Г.Т. Ковпаненко, в Соколовой могиле такие нашитые в ряд пронизи-четырёхлистники украшали верхнюю часть платья.

Бусы. Из них в южной части настила уцелели лишь три стеклянные с металлической прокладкой серебристого цвета (рис. 1, 14). Одна из них – более крупная поперечно сжатая (рис. 3, 17), две другие мелкие бочковидные с закраинками вокруг отверстий (рис. 3, 18). Бусы принадлежат типу 1б классификации Е.М. Алексеевой (1978. С. 29, 30. Табл. 26, 4, 7). Они характерны для погребений первых веков н.э. Помимо бус в разных частях могилы найден мелкий бисер, рубленый из пасты белого, зеленоватого и грязно-серого цвета, – 18 экз.

Фрагментированный серебряный сосуд (рис. 1, 12). Обнаружен в южной части настила ближе к юго-восточному углу. От сосуда сохранилось множество мелких обломков толщиной около 1 мм, не

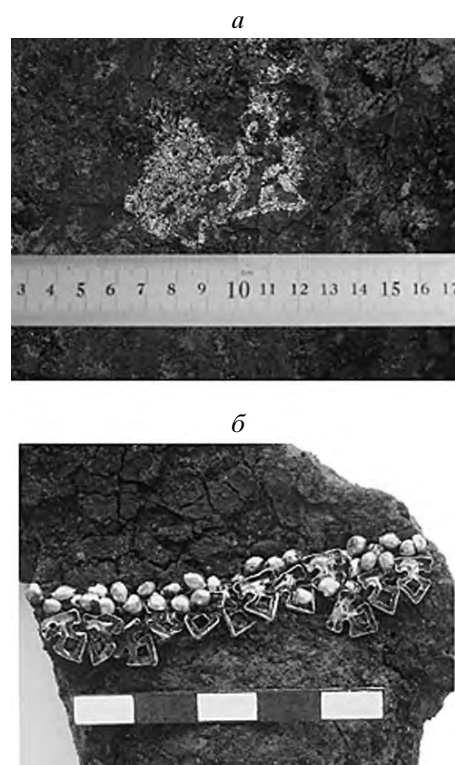

Рис. 5. Остатки золотой парчи (а) и нашивные золотые бляшки (б).

позволяющих надежно восстановить его форму. Судя по небольшим размерам, это был сосуд типа кубка.

Куски румян двух цветов – пунцового и розового (рис. 1, 11). Встречались как в заполнении могилы, так и на органическом настиле. Судя по находкам кусков румян и украшений, в могиле была погребена знатная женщина. Однако все же нельзя полностью исключать, что здесь могло быть парное захоронение мужчины и женщины. Косвенно об этом могут свидетельствовать очень большие размеры могильной ямы, бронзовое кольцо, украшенное фигуркой горных козлов, а также аналогии Липецкому погребению. Так, вышеупомянутый курган 2 Никольского могильника содержал остатки двух костяков с характерным женским и мужским инвентарем.

Помимо перечисленных находок и в заполнении, и на дне могилы в большом количестве встречались фрагменты серебряной и золотой фольги. После того как могила была расчищена, стало ясно ее назначение. Над погребенной был возведен балдахин из дорогой пурпурной ткани сине-фиолетового цвета (ее отпечатки зафиксированы на органическом настиле). Он держался на десяти шестах, обернутых серебряной фольгой как спиралью. Шесты толщиной 3–4 см были вбиты в дно могилы на глубину 20–22 см, от них сохранились небольшие ямки с остатками серебряной фольги по краям. Отметим, что к моменту раскопок боль-

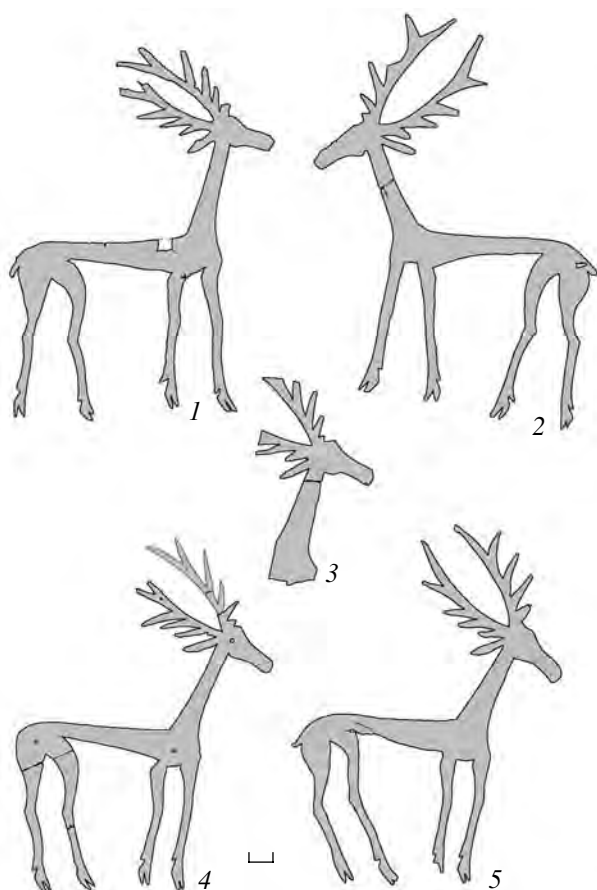

Рис. 6. Золотые аппликации в виде оленей (см. цветную вклейку № 4).

шинство ямок оставались полыми, в них встречались следы коричневатого древесного тлена и обрывки золотой фольги. Находки остатков сарматских балдахинов, видимо, встречались и ранее. В частности, в погребении 1 Косики обнаружены деревянные предметы с серебряными набалдашниками длиной не менее 50 см, а также мелкие обрывки золотой фольги и золотых нитей. Высказано мнение, что это остатки сооружения вроде балдахина (Мордвинцева, 2003. С. 66).

Ткань липецкого балдахина была украшена золотыми зооморфными аппликациями, скорее всего крепившимися на ее внутренней стороне так, что они находились перед взором погребенной. Грабители сбросили этот покров в сторону, несколько фигурок зверей оторвались и упали на пол у восточной стороны могилы. Большая же часть покрывала вместе со смятыми золотыми аппликациями была сложена грабителями несколько раз и скомкана – ее остатки обнаружены вдоль западной и отчасти северной стенок могилы (рис. 2, б). Фигурки были наклеены на ткань, о чем свидетельствуют остатки коричневатой массы на их внутренней стороне, и лишь некоторые имели мелкие отверстия для прикрепления (рис. 6, 4). Аппликации представляли три вида животных, выполнен-

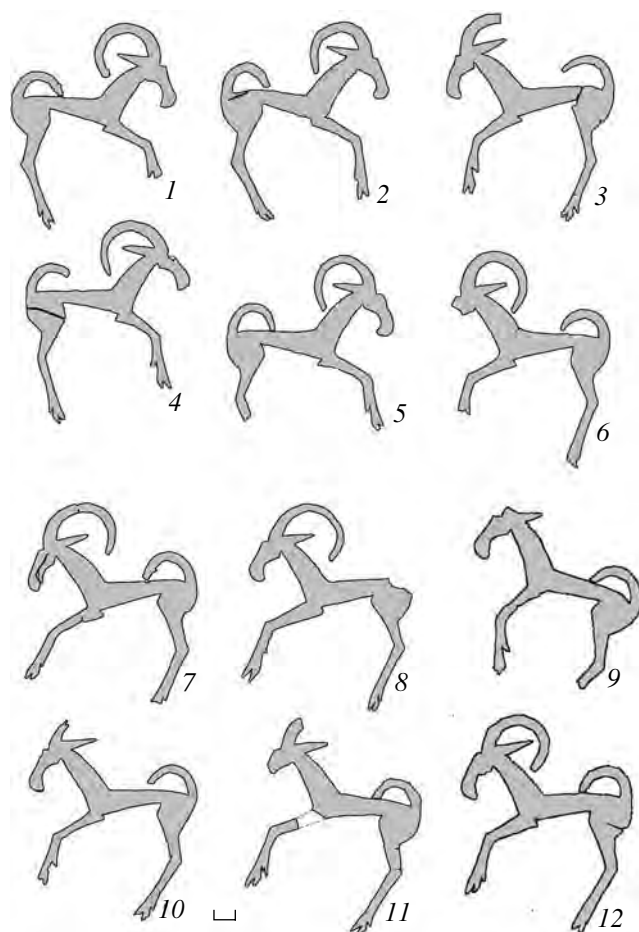

Рис. 7. Золотые аппликации в виде горных козлов (см. цветную вклейку № 4).

ных весьма реалистично в одном и том же художественном стиле (Медведев, Сафонов, 2006. С. 80–88).

Горные козлы – не менее 12 целых экземпляров плюс фрагменты (рис. 1, 16; цветная вклейка № 4, В). Представляют практически идентичные профильные фигурки, вырезанные по одному шаблону из тонкого листового золота, но зеркально: одни стоят головой вправо – 4 экз., другие – головой влево – 8 экз. (рис. 7). Длина фигурок козлов около 7 см, высота от концов рогов до копыт 7.5 см, вес 0.78–0.80 г. Следует отметить, что их силуэты практически повторяют фигуру животного на литом бронзовом кольце. Аппликации передают спокойное движение животных – ноги козлов слегка согнуты в коленях, хвост и рога дугообразно загнуты, их концы почти касаются спины. Морды животных вытянуты и отличаются подчеркнутой «горбоносостью», что придает им вид сайгаков (но у последних рога более прямые). Подобный стилизационный прием характерен для сарматского звериного стиля, не стремившегося абсолютно точно передать вид животного (Мордвинцева, 2003. С. 35).

Хорошо известно, что горные козлы – один из излюбленных образов скифо-сибирского звериного стиля, особенно в культурах Южной Сибири и

Центральной Азии (Артамонов, 1973. Рис. 127–129). Однако в собственно сарматском искусстве стиль изображения козлов, подобный липецкому, встречается весьма редко, прямых аналогий мы не знаем. Можно назвать лишь весьма отдаленную аналогию – схематичные изображения козлов на фигурных, обтянутых золотой фольгой пластинах от головного убора из кургана 46 станицы Усть-Лабинской (Засецкая, 2006. Рис. 8).

Олени – 4 целых и по фрагментам рогов еще не менее 5 экз. (рис. 1, 17; цветная вклейка, № 4, Г). Представлены фигурками животных, вырезанных, как и козлы, зеркально, но по двум разным шаблонам: олень в спокойном движении, его передние и задние ноги расставлены, словно в шаге – 2 экз. (рис. 6, 1, 2); стоящий как будто на цыпочках олень – 2 экз. (рис. 6, 4, 5).

С учетом фрагментированных четыре фигурки оленей повернуты головой вправо и пять влево. У всех животных тонкие длинные шеи, высоко поднятая голова, увенчанная парой симметричных ветвистых рогов, развернутых почти фронтально, удлиненное заостренное ухо опущено к шее. Туловище непропорционально “худое”, поджарое, хвост короткий, опущен книзу, копыта подчеркнута острые. Длина фигурок оленей 11.5 см, высота от кончиков рогов до копыт 14.5 см, вес 1.40–1.43 г.

В сарматском искусстве изображения оленей встречаются не так часто, как в скифском. Олени стоят перед “древом жизни” на знаменитой диадеме из кургана Хохлач под Новочеркасском, но там стиль их изображений совсем иной. Ближе всего липецкие аппликации к вырезанным из золотой фольги фигуркам оленей из погребения кургана 10 Кобяково (Прохорова, Гугуев, 1992. С. 142, 143, 146. Рис. 4). По мнению исследователей, они украшали головной убор (диадему) погребенной там знатной сарматки или аланки. Но кобьяковские олени явно уступают по качеству исполнения липецким. Последние выглядят более реалистично и грациозно, нежели нижнедонские. Здесь нет той геометризации, которая присутствует в манере изображения зверей на усть-лабинской и кобьяковской диадемах. Заметно различаются аппликации и по стилю изображения животных. Если на кобьяковской диадеме олень показан в позе “внезапной остановки” (Гугуев, 1992. С. 117, 118. Рис. 2, 1), то липецкие аппликации представляют спокойно стоящего или идущего оленя.

Орел. Балдахин украшала фигура могучего золотого орла. Его фрагменты в виде двух скопленных были обнаружены ближе к западной стенке могилы в сильно поврежденном виде, рядом с аппликациями козлов и оленей (рис. 1, 18; 2, б). Тонкое ажурное полотно, как уже было сказано, оказалось сложенным грабителями в несколько слоев. В результате большинство деталей аппликации

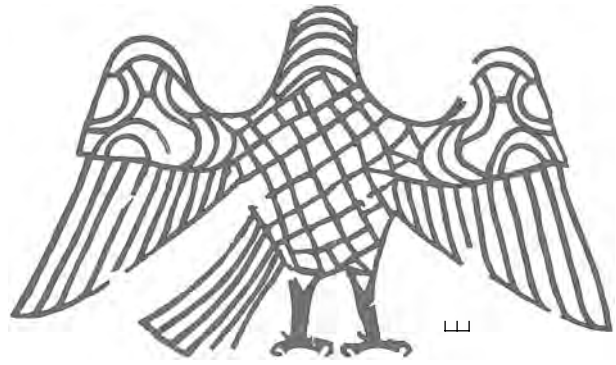
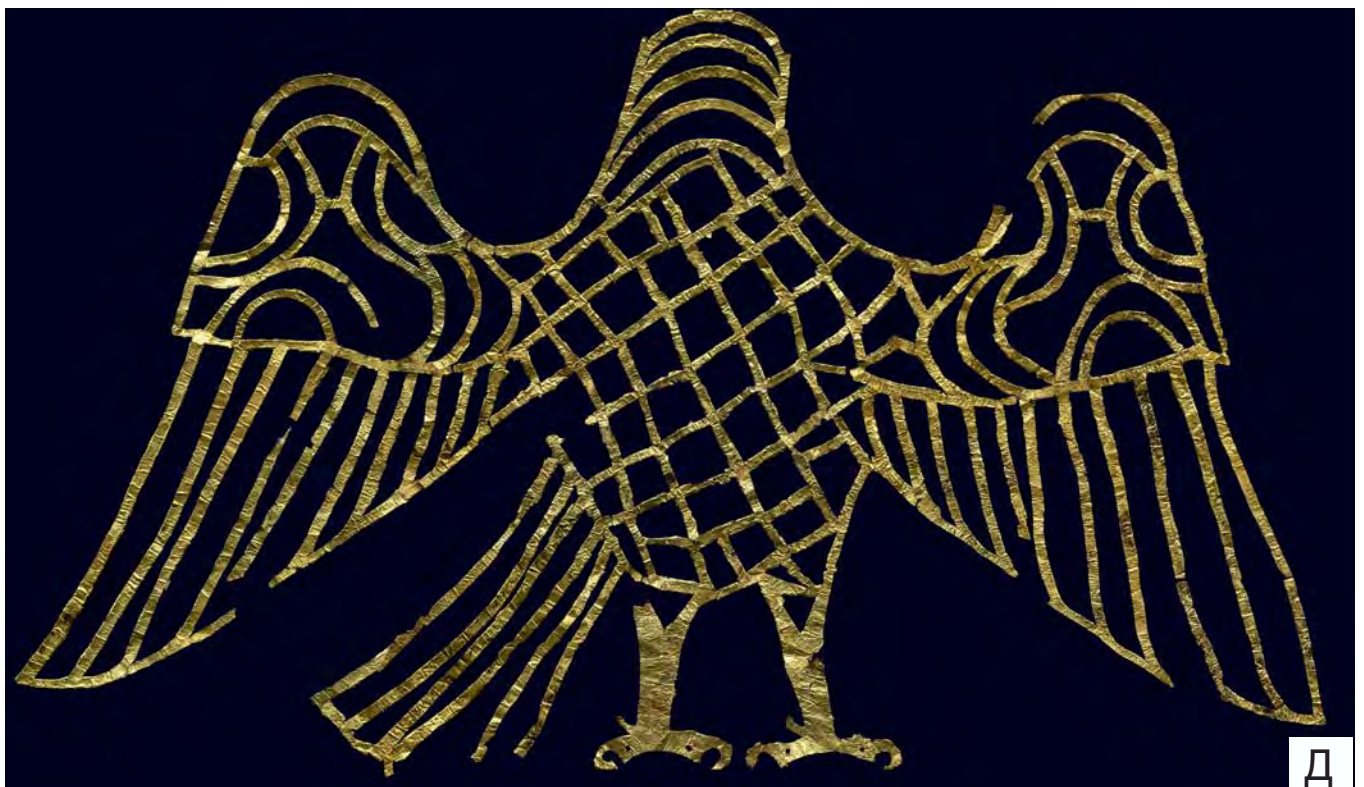

Рис. 8. Золотая аппликация в виде орла (см. цветную вклейку № 4).

найжены смятыми, перекрученными, оторванными и смещенными относительно их первоначального положения. Однако Л.Ю. Гончаровой удалось из фрагментов собрать практически всю птицу (рис. 8; цветная вклейка, № 4, Д). Она была изготовлена из пяти листов золотой фольги шириной около 9–10 см. При этом крупные части изначально соединялись или чуть внахлест (три основные части туловища), или с помощью промежуточных элементов, своего рода “переходников” (так крылья прикреплялись к туловищу). При реставрации также обнаружилось, что мелкие детали подходили друг к другу “стык в стык”. Само изображение орла имеет четко выраженные лицевую и обратную стороны. На это указывают два признака. Фольга с лицевой стороны заметно более светлая и блестящая, а с обратной – более тусклая, с сохранившимися кое-где остатками клея и материала, к которому крепилась аппликация. Но главное, почти все края золотых полос чуть загнуты на обратную сторону (в среднем на 0.5–1 мм). Очевидно, рисунок был изначально прочерчен на листах фольги, а потом уже вырезан по контуру (Гончарова, 2006. С. 231–233).

Орел изображен стоящим анфас с широко распростертыми крыльями, может быть в момент приземления и схватывания добычи. Размах его крыльев достигает 57 см, высота от когтей до верха шеи 32 см, вес 25.5 г, проба золота 900. Фигура орла выполнена в ажурной технике, его туловище фактически представляет собой сетку из золотых полос и полых ячеек между ними со сторонами в 2–3 см. Крылья также ажурные, верхняя их часть состоит из двойных дуг, соединенных в центре небольшой перемычкой, что вместе образует Х-образные фигуры. Верхнюю часть крыла от нижней отделяет прямая горизонтальная полоска, нижнюю часть составляют параллельно спускающиеся вниз полоски, изображающие перья. Хвост выполнен из таких же полосок, он веерообразной формы длиной 7.5 см, повернут вправо. Лапы птицы мощные с загнутыми вниз когтями, сзади заметны шпоры. На лапах сохрани-

лось по паре отверстий для прикрепления к ткани балдахина. Шея орла передана параллельно расположенными полосками-дугами. Голова, к сожалению, не сохранилась, но, судя по расположению хвоста и небольшому наклону дуг на шее, она была повернута влево.

Образ золотого орла из Липецкого погребения не имеет абсолютно точных аналогий ни в сарматской, ни в других древних культурах. Первые изображения орлов с распростертыми крыльями появляются еще в неолите (Wagner, 2006. Abb.152, 5). Очень рано хищная птица вошла в царскую эмблему Ближнего Востока (Сарианиди, 2006. С. 160. Рис. 9). Не имея здесь возможности подробно рассмотреть истоки и эволюцию этого образа, напомним, что он широко представлен в иранской и парфянской иконографии (Adler, 1986. S. 231). Со II в. до н.э. на парфянских рельефах орел становится почти неизменным атрибутом и символом власти победоносных Аршакидов (Vanden Berghe, 1963. P. 169). Крупными терракотовыми фигурами орлов с распростертыми крыльями украшены стены ападаны храма бога Шамаша в Хатре – священной резиденции Парфянской державы. В античном мире взмывающий к небесам орел считался проводником душ в загробный мир, вестником обновления, олицетворяющим освобождение человека от земного сознания и возвращение его к богам. Хорошо известно, что орел был одним из главных символов Римской Республики, а затем и Империи. Однако это все же аналогии довольно отдаленные.

Орлы неоднократно встречались на произведениях сарматского искусства, но, как правило, не в геральдической позе, подобной липецкой птице (Мордвинцева, 2003. С. 45. Рис. 64, 7–14; 65). По иконографии ей более определенно просматривается круг восточных аналогий, где чаще, чем в Скифии, встречались фронтальные изображения хищных птиц с распростертыми крыльями (Королькова, 1994). Это деревянные, покрытые листовым золотом накладки на седельные луки 2-го Башадарского кургана (Руденко, 1960. С. 285–290. Рис. 145), деревянные украшения конской упряжи из “ледяных” погребений плато Укок (Полосьмак, 2001. С. 50. Рис. 26а; 27; 60а; 64б; 82б), золотая фигурка орла, держащего в когтях козла, из Сибирской коллекции Петра I, золотые серьги из Тулхарского могильника в Южной Туркмении и др. Но особенно близок нашей птице орел, изображенный на серебряном бактрийском блюде (Фрай, 1972. Рис. 119). По существу на нем представлен весьма близкий иконографический тип, но выраженный иными средствами и в другом материале. Разница между этими изображениями лишь в том, что на блюде орел стоит в три четверти оборота, а на липецком – практически анфас, но на обоих хвост повернут вправо. Такая традиция изображения “царя птиц” сохраняется в Иране и в сасанид-

ское время, например на серебряном с позолотой кувшине из Эрмитажа (Луконин, 1977. С. 209). Эти иранские аналогии еще раз косвенно подтверждают, что и у липецкого орла голова скорее всего так же была повернута влево. Из причерноморских древностей, близких по времени Липецкому погребению, напомним лишь некоторые монеты Фарзоя, на которых чеканилось изображение взлетающего орла с распростертыми крыльями, держащего в лапах царскую тамгу (Сальников, 1960. С. 90. Табл. II, 4, 5). По мнению большинства современных исследователей, Фарзой был царем сарматского племени, скорее всего аорсов. Но не исключено, что на монетах Фарзоя орел – знак вассальной зависимости этого царя от Рима, так как на ряде его монет он держит в руках не тамгу, а молнию – символ власти римского Юпитера.

Любое изображение, выполненное в древней художественной традиции, содержит некий смысл, в полной мере понятный только его создателям или заказчикам-потребителям (Мордвинцева, 2003. С. 41). Но весьма характерный набор зверей и стиль их изображения делают возможным интерпретацию зооморфных образов Липецкого кургана в рамках степной иранской традиции. Нет сомнений, что они были наполнены для их носителей – элиты сарматского общества I – первой половины II в. н.э. – глубоким религиозно-мифологическим и магическим содержанием.

Ключевой фигурой на сарматском балдахине был золотой орел. Перед нами явно царская птица, своего рода древний геральдический знак. Сарматы были древними иранцами по языку и этносу. Поэтому золотой орел скорее всего мог быть воплощением священного сияющего *Хварно* (др. иран. **hvarnah*). Сарматы называли его *Фарн*. Давно установлено, что в мировоззрении северных иранских племен присутствовало это важнейшее древнеиранское понятие (Грантовский, 1970. С. 158). Хорошо известно широкое использование основы “*фарн*” именно в сарматской ономастике, в частности в именах сарматских царей и божеств – Арифарн, Сайтафарн, Уатафарн и др. (Zgusta, 1955. S. 236–239; Абаев, 1979. С. 287, 288). По древнейшим мифологическим представлениям иранцев, Фарн являлся символом и материальным воплощением власти, залогом удачи, славы, богатства, а также гарантом процветания народа и стабильности государства (Литвинский, 1968; Adler, 1986. S. 231, 232). Для царей Хварно-Фарн – знак богоизбранности, царственной принадлежности, для героев – залог их славы и победоносности (Авеста, 1997. С. 467). Человек, завладевший Хварно, становился царем, обладателем необычайной силы и могущества.

Для нашей темы важно то, что уже в Авесте царское Хварно имело облик хищной птицы Ва-

рагн – “ширококрылой и могучей”¹. Варагн воспевался в одном из авестийских гимнов как “быстрейший из всех птиц, скорейший из пернатых”. Если правитель переставал быть царем, то говорили: “фарн покинул его”. Хорошо известна авестийская история утраты первоцарем Йимой сакральной харизмы правителя (Замйяд-яшт: V, 35).

Итак, перед нами скорее всего царский сарматский Фарн, воплощенный в образе хищного орла, подобного авестийской птице Варагн. Так его вполне могли представлять ираноязычные сарматы. Эта необычная находка, несмотря на почти полное разграбление остального, несомненно, очень богатого инвентаря, заставляет поднять ранг Липецкого погребения до уровня княжеского, а может быть и царского. Все обнаруженные в нем золотые аппликации балдахина носят явно сакральный характер. Это знаки очень высокого социального положения погребенной. Уже при самом беглом взгляде на роскошный балдахин, на величественного золотого орла в центре, в окружении горных козлов и оленей – тоже весьма престижных символов древнего степного искусства, связанных с солнечным культом, наконец, на необычно большие размеры могильной ямы почти не остается сомнений в принадлежности погребенной здесь дамы к правящему роду, который совсем недавно овладел этой частью Сарматии.

Реконструкция композиции на покрывале балдахина из Липецкого кургана, составленной из золотых фигурок зверей, – дело будущих исследований. Но уже сейчас обращает на себя внимание почти полное их тождество набору зооморфных персонажей на известных сарматских диадемах. И тем и другим присуща одна и та же черта – зеркальность изображений, свидетельствующая, что составленные из них композиции были горизонтально-симметричными. В то же время существенно большее число аппликаций козлов и оленей, происходящих из Липецкого кургана, а также их размеры скорее всего указывают на иное их назначение, нежели в кобьяковском и усть-лабинском погребениях, где они служили украшениями сарматских диадем с органической основой (Яценко, 1986. С. 16. Рис. 1, б). На последних есть и птицы, правда не одна, а несколько. Но они не идут ни в какое сравнение с величественной фигурой липецкого орла, сильно отличающегося от изображений остальных животных даже своими размерами. Он явно играл доминирующую роль в

художественной композиции на балдахине из Липецкого кургана. С другой стороны, среди аппликаций и их многочисленных частей из этого погребения не найдено ни одного фрагмента, который хоть как-то походил на изображение “мирового дерева”, присутствующего на всех сарматских диадемах этого типа (Гугуев, 1992. С. 117–119). По-видимому, сюжет, составленный из золотых аппликаций из Липецкого кургана, развивался не у “мирового дерева”, как на диадемах, а вокруг “царя птиц”.

Видовой состав бестиария из Липецкого погребения показывает, что здесь представлены животные, неизвестные в местной лесостепной фауне, в частности горные козлы. Их иконография оставляет впечатление вполне устоявшихся образов, сформировавшихся вне донской лесостепи и принесенных сюда уже в готовом виде. В стилистике изображений липецких оленей и особенно козлов явственно ощущается далекая восточная струя. А в фигуре орла можно усмотреть не только проявление прочной духовной привязанности наших номадов к своим далеким восточным корням, но и свидетельство идеологической ориентации их аристократии на моду могущественных древних империй.

Этой традиции не была чужда племенная группировка, к которой принадлежала знатная сарматка, обретшая последнее пристанище в исследованном кургане. Величественная, “царская” фигура золотого орла в окружении горных козлов и оленей заставляет максимально поднять ее социальный ранг. Вполне правомерно отнести это погребение к группе женских захоронений высшей сарматской знати типа Соколовой могилы в Северо-Западном Причерноморье, Кобьяково 10 и Дачи на Нижнем Дону. Вероятна его принадлежность не просто сарматам, а аланам, которые с середины I в. стали господствующим этносом (или воинским сословием) в степях Подонья и Причерноморья. Если это так, то под Липецком открыто первое аланское погребение на Верхнем Дону.

До сего времени сарматские курганы изучались лишь южнее, в окрестностях г. Воронежа (Чертовицкие могильники). Там они были оставлены одной из племенных групп сарматов, скорее всего, известных античному географу Клавдию Птолемею под названием “сарматы-конееды” (Медведев, 2000). Позже, к середине II в., в верховьях Дона появляются курганные Новоникольский и Вязовский могильники, очень близкие позднесарматским, но в то же время имеющие ряд выраженных локальных особенностей. Для понимания этнокультурного процесса на Верхнем Дону до сих пор не хватало важного “недостающего звена” – собственно сарматских погребений начала н.э. И вот теперь одно из них появилось. Но надо признать, что это открытие не прояснило, а скорее усложнило наши представления об эт-

¹ Культ Фарна позднее персонифицировался у многих ираноязычных народов в образе горного барана (Авеста, 1997. С. 467). Отсюда исключительная популярность этого животного в искусстве и керамике, в том числе у сарматов и алан (зооморфные ручки сосудов, античные сосуды-бараны). Баран стал символом Фарна далеко не случайно. Не последнюю роль сыграло созвучие слов: старого авестийского имени птицы “Варагн” и среднеперсидского *warrag* – “баран”.

нополитической ситуации в верховьях Танаиса-Дона в сарматскую эпоху.

Открытие Липецкого погребения потребует переосмысления ряда вопросов истории и культуры сарматов. Со временем его исследование в контексте других “княжеских” сарматских погребений не только изменит наши представления о сарматской эпохе на Верхнем Дону, но и о масштабах Сарматии в целом. Уже сам факт его местонахождения под Липецком весьма примечателен. Если бы его нашли где-нибудь на Северном Кавказе или Нижнем Дону, это тоже было бы интересное научное открытие. Но здесь – Верхний Дон, который до сего дня рассматривался учеными как далекая северная периферия сарматского мира. Даже та ничтожная часть инвентаря погребенной в Липецком кургане аристократки, которая дошла до нас, демонстрирует высочайший уровень жизни сарматской элиты за тысячи километров от центров, где производились эти предметы сарматской роскоши.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-56104а/ц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
- Авеста.* Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1997.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978.
- Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР (2 в. до н.э. – 4 в. н.э.) // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
- Артамонов М.И.* Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М., 1973.
- Гончарова Л.Ю.* Первичная реставрация золотых аппликаций из Липецкого кургана // Археологическое изучение Центральной России. Тез. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк, 2006.
- Грантовский Э.А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Гугуев В.К.* Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. до н.э. – II в. н.э.) // ВДИ. 1992. № 3.
- Гущина И.И., Засецкая И.П.* “Золотое кладбище” римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
- Ефимов К.Ю.* Сарматские курганы в могильнике Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1998.
- Засецкая И.П.* Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье // ТГЭ. 1979. Вып. XX.
- Засецкая И.П.* Зооморфные мотивы в сарматских бляшках // Античная торевтика. Л., 1986.
- Засецкая И.П.* О новом исследовании по проблемам полихромного звериного стиля // ВДИ. 2006. №2.
- Ковпаненко Г.Т.* Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев, 1986.
- Королюкова Е.Ф.* Фигурки хищных птиц с распростертыми крыльями в искусстве кочевников Алтая и Северного Китая // Тез. докл. науч. конф. аспирантов и соискателей “Новые атрибуции, открытия, находки”. СПб., 1994.
- Косяненко В.М.* Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. 1987. № 2.
- Кривошеев М.В.* Хронология позднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004.
- Литвинский Б.А.* Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968.
- Луконин В.Г.* Искусство Древнего Ирана. М., 1977.
- Медведев А.П.* Сарматы-гишпофаги // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000.
- Медведев А.П., Сафонов И.Е.* Золотой bestiary Липецкого кургана // Liber archaeologicae. Сб. статей, посв. 60-летию Б.А. Раева. Краснодар; Ростов-н/Д., 2006.
- Мордвинцева В.И.* Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003.
- Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
- Прохорова Т.А., Гугуев В.К.* Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // РА. 1992. № 1.
- Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Сальников А.Г.* Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии // ЗОАО. 1960. Т. 1 (34).
- Сарианиди В.И.* Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. № 2.
- Сергацков И.В.* Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.
- Сергацков И.В.* К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004.
- Толстов И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Т. 3. СПб., 1890.
- Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972.
- Яценко С.А.* Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // КСИА. 1986. № 186.
- Adler // Gotter und Mythen der kaukasischen und iranischen Völker // Wörterbuch der Mythologie. Bd. 4. Stuttgart, 1986.*
- Vanden Berghe L.* Iranica Antiqua. V. 3. Leiden; Brill, 1963.
- Wagner M.* Neolithikum und Frühe Bronzezeit in Nordchina. Mainz, 2006.
- Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nordlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

Sarmatian “prince’s” burial in a kurgan near Lipetsk**A. P. Medvedev, I. E. Safonov, Yu. P. Matveyev**

S u m m a r y

In 2005, the Voronezh state university expedition discovered a Middle Sarmatian secondary burial in a kurgan near Lipetsk. The burial was in a rectangular pit 5.2 by 3.5 m and had been almost completely robbed in ancient times. The remains of funeral attire which belonged to a noble Sarmatian woman are represented by several hundred gold sewn-on plates. The buried woman was covered by a canopy of blue-purple cloth. The canopy was supported by ten poles covered with silver foil. It was decorated with zoomorphic gold-foil appliqué depicting mountain goats and stags. The central element of the composition was a golden eagle with a wing span of 57 cm. The burial can be attributed to the group of highest Sarmatian (Alanic) nobility burials. It is dated by two highly profiled fibulae of Black Sea type (second half of the 1st – early 2nd cc. AD).

ПАМЯТНИК ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ р. ЧЕРНАЯ КАЛИТВА НА СРЕДНЕМ ДОНУ

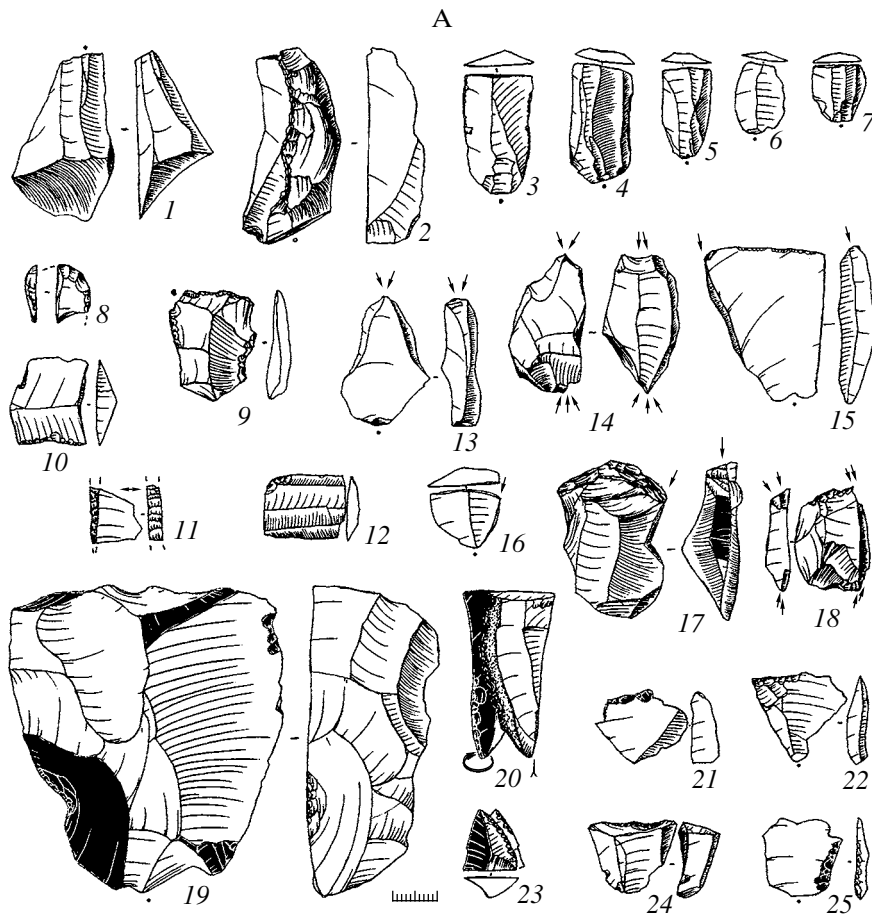
© 2008 г. И. В. Федюнин

Воронежский государственный педагогический университет

В июне 2006 г. мезолитическим отрядом археологической экспедиции ВГПУ под руководством автора были проведены раскопки стоянки Назаровка (Федюнин, 2007). Памятник расположен на оконечности первой террасы правого берега р. Черная Калитва, первого притока р. Дон (высота над поймой 4 м), резко вдающейся в пойму, в Ольховатском районе Воронежской области. Подъемный материал памятника публиковался ранее, тогда же было высказано предположение о его хронологической неоднородности (Федюнин и др., 2006). Раскопом 2006 г. (3 × 30 м) был разрезан

северный выступ террасы в самой широкой его части.

Стратиграфия отложений: дерн (0–0.1–0.25 м с запада на восток) – отдельные находки позднего палеолита и мезолита; 0.1–0.25–0.45–0.55 м – черный луговой чернозем с отдельными мелкими меловыми включениями и скоплениями раковины *Unio*, находки мезолита и позднего палеолита, фаунистические остатки; 0.55–0.65–0.7 м – желто-коричневый покровный лессовидный суглинок с обильными меловыми включениями – “журавчиками” и скоплениями раковины *Unio*, находки

Позднепалеолитический инвентарь стоянки Назаровка. А – сборы; Б – культурный слой (кремнь, инвертированным цветом показаны поздние сколы).

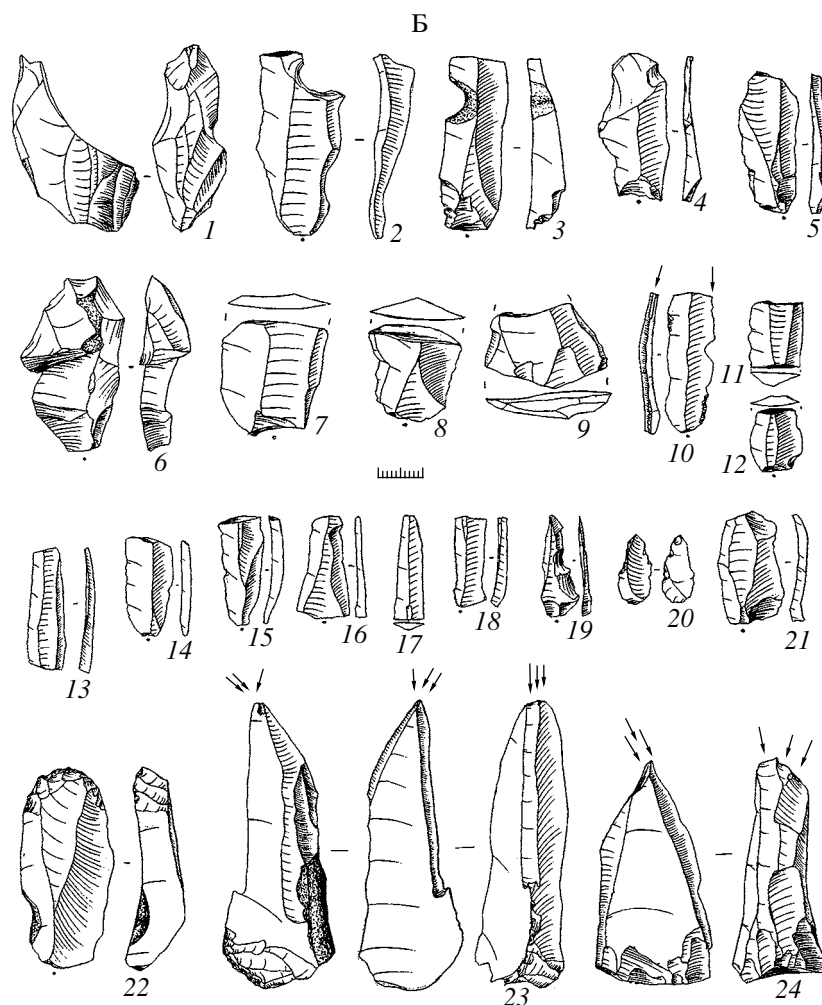

Рисунок. Окончание.

позднего палеолита, фаунистические остатки; с 0.65-0.70 м – материк (светло-желтый лессовидный суглинок), находок нет.

После стационарного исследования памятника весь его материал по наличию или отсутствию патины был разделен на две коллекции, относящиеся к позднему палеолиту и позднему мезолиту.

Материалы переотложены стратиграфически, о чем свидетельствует преимущественно хаотическое расположение кремней без патины и изделий, покрытых глубокой белой и бело-голубой патиной и карбонатной коркой. В плане, напротив, позднепалеолитические находки образуют скопление, тяготеющее к западной части террасы.

Патинизированные изделия изготовлены из мелового “донецкого” кремня, выходы которого распространены в бассейне Северского Донца (правый приток р. Дон). Они могут быть объединены в отдельную технико-типологическую группу (рисунок; таблица).

Как видно из таблицы, в коллекции отсутствуют целые ядрища; встречены ребристые сколы (рисунок, А, 2), в том числе с “ныряющим” окончанием (рисунок, Б, 1) и сколы подправки ударной площадки. Техника расщепления направлена на получение длинных сколов шириной около 10 мм (рисунок, А, 3–6; Б, 2–6), среди которых выделяются правильные пластины с параллельной гранкой спинки (рисунок, Б, 13–18). Прием их преднамеренного сегментирования использовался населением стоянки лишь для оформления площадки резца (рисунок, А, 16; Б, 10), обломки принадлежали пластинам разных размеров (рисунок, А, 3–7, 10, 11; Б, 7–9, 11, 12).

Наиболее многочисленную группу среди морфологически выраженных орудий составляют резцы. Встречены двугранные симметричные (рисунок, А, 13; Б, 24) и асимметричные, комбинированные с концевым скребком (рисунок, Б, 23) или выемчато-ретушным резцом орудия (рисунок, А, 14), орудия на сломе заготовки (рисунок, А, 16; Б,

Каменный инвентарь позднего палеолита стоянки Назаровка

Находки	Сборы	Раскоп	Всего	% от коллекции	% от категории
<i>Заготовки и отходы, средства производства</i>					
Продольные сколы	2	1	3	1	2
“Таблетки”	1		1	0	1
Отщепы	34	58	92	45	55
Чешуйки	2	21	23	11	14
Резцовые сколы	7	1	8	4	5
Пластины	3	21	24	12	14
Проксимальные фрагменты	4	4	8	4	5
Медиальные фрагменты	2	4	6	3	4
Дистальные фрагменты		1	1	0	1
Ребристые сколы	2		2	1	1
Всего	57	111	168	82	100
<i>Орудия</i>					
Отщепы с ретушью	13	4	17	8	45
Скребки концевые		1	1	0	3
Скребки боковые	1		1	0	3
Скобели		1	1	0	3
Резцы на сломе заготовки	2		2	1	5
Резцы двугранные симметричные	1		1	0	3
Резцы пряморетушные	1		1	0	3
Резцы косоретушные	1	2	3	1	8
Резцы полиэдрические	1		1	0	3
Пластины с ретушью	4		4	2	11
Пластины с притупленным ретушью краем	1		1	0	3
Сегменты пластин с ретушированным углом		1	1	0	3
Острия	1		1	0	3
Треугольники		1	1	0	3
Лезвия скребков	1		1	0	3
Перфораторы	1		1	0	3
Всего	28	10	38	18	100
Итого	85	121	206	100	100
% сырья	41	59	100	100	100

10) и боковые, с перпендикулярным (рисунок, А, 15, 17) и скошенным (рисунок, А, 18) относительно резцовой кромки расположением площадок. Заготовками для крупных двугранных резцов служили ребристый скол (рисунок, Б, 23) и, видимо, торцовый нуклеус (рисунок, Б, 24).

В материалах памятника присутствуют также двойной концевой скребок на широкой пластине (рисунок, Б, 22), перфоратор на резцовом сколе (рисунок, А, 20), обломок пластины с притупленным встречной ретушью краем (рисунок, А, 11) и симметричное острие с подработкой края со спинки отвесной ретушью (рисунок, Б, 20). Из фауни-

стических остатков в слое определен зуб лошади. Другие орудия, среди которых доминируют отщепы и пластины с нерегулярной ретушью и скобели, типологически не выдержаны.

Выявленный верхнепалеолитический комплекс немногочислен, в нем отсутствуют диагностические орудия. Слабая насыщенность слоя находками характерна скорее всего и для площади памятника, не подвергавшейся раскопкам: на большей его части, распаханной до материка, частота обнаружения подъемного материала, собиравшегося в течение более чем двух лет, невысока.

Однозначное определение характера памятника затруднительно, так как, судя по сборам с близлежащих распаханых участков первой террасы, насыщенность их культурных слоев аналогична описанной выше на протяжении почти километрового расстояния на запад: во всяком случае говорить о существовании стоянки с полным поселенческим набором орудий не приходится.

Вопрос о времени функционирования памятника также пока не может быть решен однозначно: имеющиеся материалы заставляют колебаться между поздним верхним и финальным палеолитом.

Ближайшие аналогии описанному выше каменному инвентарю можно найти в материалах стоянки Самотоевка, расположенной в 10 км от Назаровки в аналогичных топографических и стратиграфических условиях (Березуцкая, 1997). Опираясь на известные данные по памятникам ка-

менного века в бассейнах рек Черная Калитва и Ольховатка, можно предположить существование целого микрорайона памятников позднего плейстоцена на южной границе современной лесостепной зоны Придонья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березуцкая Т.Ю.* Отчет к Открытому листу № 85 о проведении археологических исследований в Новохарьковском микрорайоне (Ольховатский район Воронежской области) в 1995 году // Архив ИА РАН. 1997.
- Федюнин И.В.* Отчет о раскопках стоянки Назаровка в нижнем течении р. Черная Калитва в 2006 г. // Архив ИА РАН. 2007.
- Федюнин И.В., Михнов А.С., Хурчак А.П.* Новый мезолитический памятник на южной границе лесостепной зоны Среднего Подонья // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2006.

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА ТОПОРА ДРЕВНЕЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2008 г. Н. Б. Виноградов*, А. Д. Дегтярева**, С. В. Кузьминых***

* Челябинский государственный педагогический университет

** Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

*** Институт археологии РАН, Москва

В конце 1960-х годов в урочище Чилижник, что в 2,5 км юго-западнее села Княженское Брединского района Челябинской области, на правом берегу р. Камысты-Аят местными механизаторами был найден медный топор. Несколько десятилетий орудие хранилось в школьном музее и только весной 2006 г. было передано Н.Б. Виноградову учителем истории Княженской средней школы М.К. Нурмановым. По словам педагога, там же, на распаханном поле, вместе с топором было обнаружено около десятка бронзовых наконечников стрел и гарпунов. По всей видимости, находки происходят из распаханного погребения (возможно, под курганом) или клада. Большая часть вещей безвозвратно разошлась по находчикам, а топор попал в музей школы (рис. 1). Фото орудия помещено в недавно вышедшей книге Е.Н. Черных (2007. Рис. 3.11), а результаты типолого-морфологического и технологического исследования изложены в настоящей заметке.

Лезвийная часть топора обломана. Длина топора от обуха до лезвия – 12,5 см, максимальная высота клина приближена к втулке и составляет 5 см, высота обуха – 5 см, вес – 830 г. Клинообразная часть орудия в его середине имеет трапециевидную, а в месте слома – подпрямоугольную в сечении форму и сужается к брюшке. У него выгнутая спинка и дугообразное (вогнутое) брюшко. По направлению от втулки к окончанию рабочей части наблюдается сужение

клина, в районе слома высота клина равна 4,5 см. Соотношение длины лезвия к передней стенке втулки на топоре равно 1,1 : 1. Проух имеет асимметричную округлую форму и слегка расширяется от брюшка к спинке от 3,7 до 4 см. В отличие от орудий утевского типа (Кузнецов, Кузьминых, 2006), у которых заливка металла производилась со стороны брюшка, у этого экземпляра металл заливался со стороны спинки. В то время как на брюшке топора фиксируются остатки литейного шва, на спинке обнаружены остатки выпуклого горбатого литника, усадочная раковина отсутствует. На орудии отмечены значительные площади со сколами поверхностной зоны, обогащенной кислородом.

Княженское орудие по своим основным типолого-морфологическим признакам относится к утевскому типу топоров, являющихся продукцией волго-уральских металлургов ямно-полтавкинского очага раннего и среднего бронзового веков. Основные типобразующие признаки данной категории изделий сводятся к двум выраженным конструктивным особенностям: сужению клина к лезвию и скошенности лезвия по отношению к обуху (Кузнецов, Кузьминых, 2006. С. 228). Кроме княженского известно семь аналогичных орудий этого типа в Поволжье и Приуралье (Утевка I, к. 1, п. 1; Тамар-Уткуль VII, к. 8, п. 4; Тамар-Уткуль VIII, к. 4, п. 1; д. Курмашево, Татарстан; урочище Тру-

Рис. 1. Топор из с. Княженское; стрелками показаны зоны поверхностной подполировки на обухе и лезвии.

евская Маза Вольского района и с. Краснополье Саратовской области; г. Актюбинск), одно – на Алтае (д. Плотниково, Алтайский край), а также литейная форма из погребения литейщика из могильника у с. Першин (к. 1, п. 4) в Оренбургской области (Кузнецов, Кузьминых, 2006. Рис. 3–5, 7; Черных, 2007. Рис. 3.10: 1, 2, 5–7; 3.11). Княженский топор наряду с курмашевским – наиболее тяжелые в этой степной группе орудий, подражающих более ранним майкопским. Для них предложено название – топоры “утевского типа” (Кореневский, 2004. С. 95). В то же время продолжает использоваться и ранее существовавший термин – “топоры колтубанского типа” (Кияшко, 2002; Богданов, 2004), некогда предложенный В.П. Шиловым при публикации находок из разрушенного погребения близ с. Колтубанка (1975. С. 101–105).

П.Ф. Кузнецовым и С.В. Кузьминых уже отмечалось (2006. С. 233), что А.В. Кияшко объединяет в “колтубанский тип” все указанные выше аналогии утевскому топору, а также орудия, ранее опубликованные В.П. Шиловым. С подобной трактовкой можно согласиться лишь в том случае, если рассматривать данный тип как некую группу изделий, которые имели распространение в Волго-Урале до начала позднего бронзового века. В этой морфологически весьма аморфной группе намечается выделение более узких типологических и хронологических групп втульчатых топоров, имеющих свои отличительные особенности, – в частности утевская. Известный топор из Колтубанки (Гольмстен, 1928. Рис. 35) и подобные ему орудия отличаются от утевских двумя существенными

признаками: заметным расширением клина к лезвию и расположением точки перегиба спинки клина в его средней части. В этой связи рассматривать топор из Колтубанки как типобразующий экземпляр для утевской группы орудий неправомерно (Кореневский, 1974. С. 24; Кузнецов, Кузьминых, 2006. С. 233).

Химический состав металла княженского топора определен в лаборатории Института неорганической химии СО РАН канд. хим. наук О.В. Шуваловой. Орудие отлито из “чистой” окисленной меди (Cu – основа; Sn – 0.005; Pb – 0.007; Zn – 0.03; Bi – 0.002; Ag – 0.004; Sb – 0.029; As – 0.03; Fe – 0.27; Ni – 0.002; Co – < 0.002; Au – 0.001%), по всей видимости, происходившей из Каргалинского горно-металлургического центра (Черных, 2007. С. 51).

Орудие исследовано методом микроструктурного анализа, при этом шлиф 1 изготовлен поверхностной подполировкой нижней части обуха, а шлиф 2 – на поперечном срезе лезвийной части в районе слома орудия. До травления на обоих шлифах выявлены практически идентичные структуры: обнаружены включения эвтектики Cu–Cu₂O, неравномерно распределенные по сечению металла. Ближе к поверхности металла они занимают практически всю площадь (содержание O₂ 0.39%), в середине среза залегают в виде тонкой оторочки, фиксируя границы первоначальных литых зерен (содержание кислорода 0.05%) (рис. 2, 1, 2).

Травление выявило на шлифе 1 литую полиэдрическую структуру, не измененную деформирующим воздействием (рис. 2, 1). Видны незначительные участки рекристаллизованной зоны, в которых размеры зерен весьма различаются диаметром – от 0.12 до 0.2 и более мм. На шлифе 2 обнаружена отожженная полиэдрическая структура с кристаллами в поперечнике, достигающими 0.2 и более мм, с оплавленными границами (рис. 2, 4, 5). Местами видны рекристаллизованные участки с зернами диаметром 0.09–0.12 мм. Ближе к краю среза изделия, особенно в зоне с чисто эвтектическим строением, обнаружены полосы деформации. У края шлифа в районе спинки обнаружена волокнистая текстура (рис. 2, 6).

Судя по скоплению литейных пор в структуре изделия на спинке топора, отсутствию здесь следов шва, топор отливался в двусторонней (скорее глиняной) литейной форме, открытой со стороны спинки изделия. При заливке жидкая медь не была предохранена от избыточного окисления, в результате чего вблизи поверхности металла содержание кислорода достигало 0.39%. После отливки топор был подвергнут отжигу при предельных температурах 900–1000°C, что привело к росту отожженных зерен диаметром, превышающим 0.2 мм, с оплавленными границами и с явными признаками пережога меди. В процессе начавшейся горячей доработки или же в процессе его рабочего

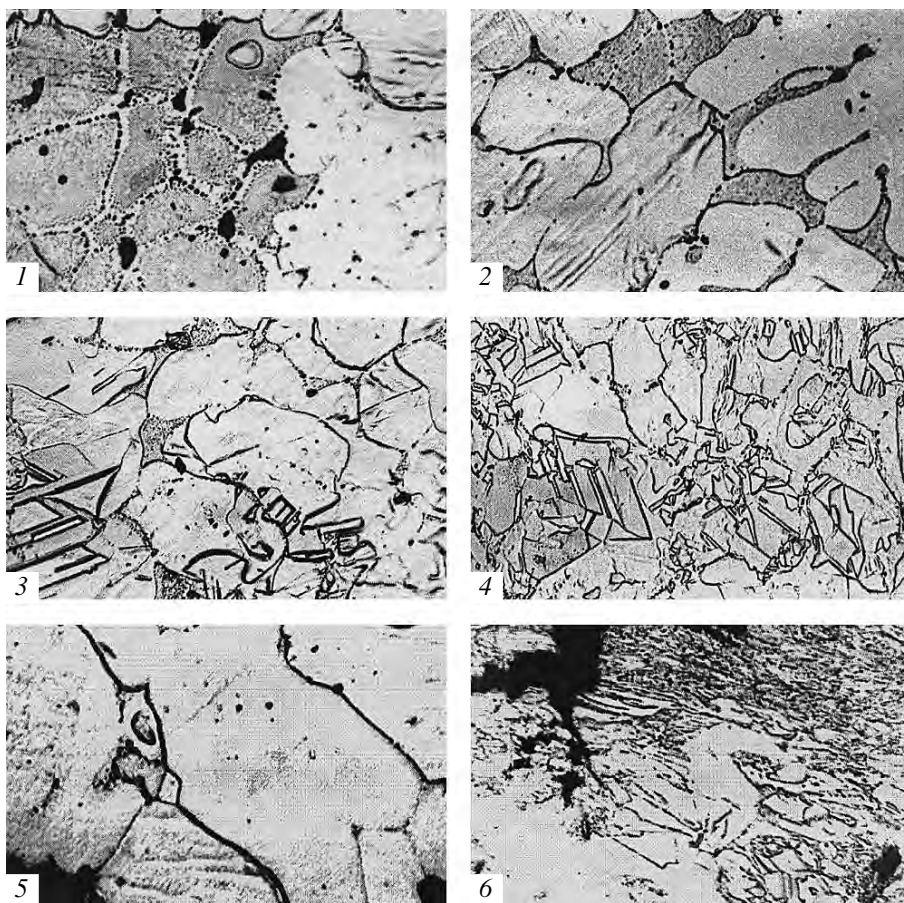

Рис. 2. Фотографии микроструктур (увел. 120): 1–3 – сечение обуха топора; 4–6 – сечение лезвия.

использования клин топора – вследствие хрупкости металла – был сломан.

Технология изготовления княженского экземпляра вполне сопоставима со схемами получения топоров из могильников Тамар-Уткуль VII и VIII из Оренбуржья (Дегтярева, 2003. С. 364, 365), хотя последние были отлиты в открытых со стороны брюшка глиняных литейных формах. После литья оренбургские орудия были подвергнуты доработочным операциям, которые сводились к удалению пороков литья в виде швов и заусенцев, растяжке и заострению рабочей части. Ковка протекала при средних степенях обжатия металла порядка 50–60%, лишь на самом окончании лезвия деформирующее воздействие достигло более высоких степеней деформации – 70–80%. Кузнечные операции производились при предплавильных температурах 900–1000°C, что документируется наличием в микроструктурах изделий крупных зерен, достигающих в диаметре 0.15–0.2 мм, а также скоагулированных включений эвтектики Cu–Cu₂O. При плавке и ковке поверхность металла тщательно предохранялась от избыточного окисления. В обоих случаях содержание кислорода в

меди не превышало 0.1%. Таким образом, очевидно, что княженский топорик был изготовлен по стандартам приуральских мастеров (в первую очередь по использованию температурных режимов), но при этом наличие литейных и кузнечных пороков свидетельствует о недостаточной квалификации литейщика и об отсутствии необходимых навыков работы с “чистой” окисленной медью.

Находки, связанные с древнеямной культурой, за Уралом отнюдь не единичны. За пределами приуральского ареала этой культуры известны отдельные погребения в Зауралье – могильники Александровский 4, Верхняя Алабуга, Убаган 1 (Потемкина, 1982. С. 159–172; 1985. С. 148–154, 200–203; Зданович и др., 2006. С. 41–47), а также в Центральном Казахстане – могильник Карагаш (Евдокимов, Ломан, 1989. С. 34–46). В то же время уникальность княженского топора состоит в том, что это самая северо-восточная находка тяжелых орудий ямно-полтавкинского очага, обнаруженная в азиатском порубежье Циркумпонтийской металлургической провинции.

Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 06-01-85108а/У, РФФИ № 08-06-00136а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов С.В.* Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург, 2004.
- Гольмстен В.В.* Археологические памятники Самарской губернии // ТСА РАНИОН. 1928. Т. IV.
- Дегтярева А.Д.* Металлические изделия ямной культуры Южного Приуралья // Шумаевские курганы. Оренбург, 2003.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г.* Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989.
- Зданович Г.Б., Гаврилюк А.Г., Малютина Т.С.* Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.
- Кияшко А.В.* Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
- Корневский С.Н.* О металлических топорах майкопской культуры // СА. 1974. № 3.
- Корневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М., 2004.
- Кузнецов П.Ф., Кузьминых С.В.* Топор из Большого Утевского кургана: историографический этюд // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
- Потемкина Т.М.* Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Черных Е.Н.* Каргалы: феномен и парадоксы развития: (Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов) // Каргалы. Т. V. М., 2007.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

© 2008 г. В. Д. Березуцкий*, П. М. Золотарев**

* Воронежский государственный педагогический университет

** Москва

В настоящей статье публикуются случайные находки предскифского и скифского времени, обнаруженные в последние годы на территории лесостепного Подонья и представляющие для специалистов значительный научный интерес.

Большая часть предметов происходит из с. Мاستюгино Острогожского района Воронежской области (Правобережье Среднего Дона), которые собраны местными жителями с приусадебных участков (огородов). Здесь, на южной окраине села находится поселение эпохи бронзы и скифского времени, занятое в настоящее время строениями и приусадебными участками. Приблизительные его размеры – 300 × 700 м. Культурный слой насыщен слабо, хотя мощность составляет от 0.45 до 0.6 м (Золотарев, 2004. С. 135). Вполне вероятно происхождение какой-то части предметов из культурного слоя поселения. Другие находки (узденные бляхи, удила предскифского времени), хотя и найдены на территории поселения, явно тяготеют к подкурганам погребениям. Не исключено, что находки их на территории села – результат кладоискательских работ местных жителей на рядом расположенном известном Мاستюгинском могильнике, о чем имеются сведения начала XX столетия. Другие случайные находки обнаружены в различных районах области и не привязаны к каким-то археологическим памятникам. Ниже приводится характеристика обнаруженных находок по их категориям.

Предметы вооружения. Представлены мечами, копьями и стрелами. Железный меч с Мاستюгинского поселения (рис. 1, 1) имеет оригинальное когтевидное навершие: оно является продолжением рукояти, а не отдельной ее деталью. Просматривается характерная для скифских зооморфных наверший схема орлиной лапы. Волюты как таковые отсутствуют, а на навершии пробиты три отверстия. Перекрестье не сохранилось. Судя по следам кузнечной сварки, оно было либо бабочковидным, либо ложнотреугольным. Длина меча – 34.2 см, длина клинка – 22.9, наибольшая ширина его у основания – 4.7. На клинке можно проследить отпечатки деревянных ножен.

Меч по типологии А.И. Мелюковой принадлежит II отделу 2-му подотделу и либо к 1-му типу, либо 2-му типу (1964. С. 55–58). Учитывая форму навершия, в большей степени характерную для мечей с ложнотреугольным перекрестьем, меч вероятнее всего относится ко 2-му типу. В пользу этого свидетельствует и форма клинка в виде сильно вытянутого треугольника, что тоже больше характерно для 2-го типа, нежели для типа 1 (Мелюкова, 1964. С. 58). Таким образом, меч можно датировать концом V–IV в. до н.э.

Второй меч с Мاستюгинского поселения, с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем, относится ко 2-му типу I отдела (рис. 1, 1б). Навершие оформлено в виде двух железных пластин, сваренных между собой и наваренных на

стержень рукояти. Перекрестье имеет вид раскрытых крыльев бабочки и также состоит из двух железных пластин, приваренных к стержню рукояти. Рукоять прямая, в сечении – прямоугольной формы. Клинок с параллельными лезвиями сужается в последней его трети, в сечении – линзовидной формы. Длина меча составляет 36.8 см, длина клинка – 25.8, ширина его у основания – 3, ширина перекрестья – 5.

По типологической классификации А.И. Мелюковой подобные мечи в Скифии появляются в начале VI в. до н.э. и получают широкое распространение в VI – первой половине V в. до н.э. (1964. С. 50). Заметим, что у более архаичных экземпляров этого типа наверху имело отверстие, в которое вставлялся стержень рукояти.

У меча с поселения скифского времени у хут. Бузенки Острогского района обломано лезвие (рис. 1, 15). Отметим, что на этом же поселении было обнаружено грунтовое погребение скифского времени (Березуцкий, Золотарев, 2001. С. 18, 19). Меч имеет характерное для скифских мечей антенное навершие, трактованное в зверином стиле: “пара когтей хищной птицы” выкована отдельно и насажена на стержень рукояти через пробитое в нем отверстие. Перекрестье массивное, бабочковидной формы, состоит из двух пластин, наваренных на рукоять. Клинок двулезвийный, лезвия параллельны по всей длине сохранившейся части клинка. На плоской рукояти – три продольных желобка, которые имеют продолжение и на линзовидном в сечении клинке. Длина меча – 32.5 см, длина сохранившегося клинка 18.2, максимальная ширина клинка у основания – 4.6. Весь клинок, часть перекрестья покрыты древесным тленом, вероятно, остатками деревянных ножен.

Меч по классификации А.И. Мелюковой принадлежит II отделу 2-му подотделу 1-му типу мечей, применявшихся с конца VI до начала IV в. до н.э. (1964. С. 56). Поскольку широкое бабочковидное перекрестье не характерно для мечей, употреблявшихся позднее V в. до н.э., меч представляется возможным датировать V в. до н.э.

Копья. Два наконечника найдены на Мастогином поселении. Первый экземпляр (рис. 1, 2) имеет правильной формы дуги пера, а наибольшая его ширина приходится на середину. Посредине вдоль пера проходит узкое ребро, не переходящее во втулку. Длина наконечника – 21.6 см, длина втулки – 7. Отношение ширины пера к его длине равно 1:6. Подобные наконечники принадлежат варианту “в” 2-го типа I отдела (Мелюкова, 1964. С. 37). В настоящее время на Среднем Дону известно пять экземпляров этого типа (Ворошилов, 2004. С. 202). Датируются они в пределах V–III вв. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 38). Учитывая установленный факт прекращения жизнедеятельности на средне-

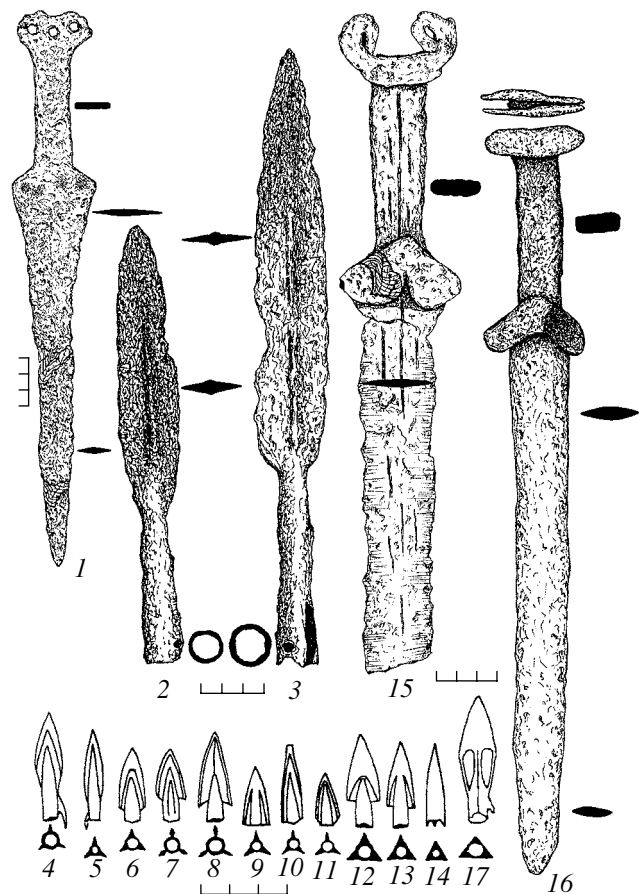

Рис. 1. Случайные находки предметов вооружения. 1, 15, 16 – мечи; 2, 3 – копья; 4–14, 17 – наконечники стрел. 1–3, 15, 16 – железо; 4–14, 17 – бронза.

донских городищах и неукрепленных поселениях к началу III в. до н.э., наиболее приемлемой датой бытования наконечника можно считать V–IV вв. до н.э.

Второй экземпляр имеет остролиственную форму (рис. 1, 3), перо с прямыми, сходящимися к острию гранями. Наибольшая его ширина находится в последней трети от острия, ближе к втулке перо плавно сужается. Длина наконечника – 30.5 см, отношение длины втулки к длине пера равно 1 : 3.2, что не характерно для большинства наконечников Среднего Дона (Ворошилов, 2004. С. 207). Ширина пера составляет 3.5 см. Наконечник принадлежит ко II отделу 1-му типу 1-му варианту классификации А.И. Мелюковой (1964. С. 40), подобные ранее не встречались на Среднем Дону. Датируется наконечник IV в. до н.э.

Наконечники стрел. С Мастогиномского поселения происходят 11 бронзовых наконечников стрел (рис. 1, 4–14). Большая их часть по классификации А.И. Мелюковой относится к различным типам II отдела. Трехлопастный наконечник с остролистной головкой и длинной втулкой с шипом принадлежит 2-му типу 1-му варианту (рис. 1, 4) (Мелюко-

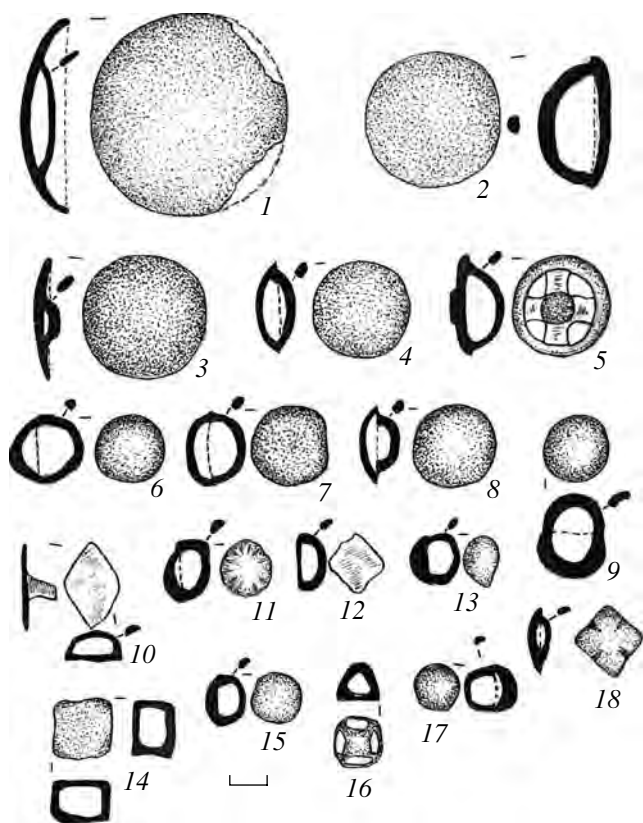

Рис. 2. Случайные находки бронзовых уздечных блях.

ва, 1964. С. 19). Подобные наконечники преобладают в комплексах конца VII – начала VI в. до н.э. 2-му типу 7-му варианту принадлежит трехлопастный наконечник, который отличается от предыдущего экземпляра меньшей шириной и большей длиной головки (рис. 1, 5). Наиболее часто такие наконечники стрел встречаются в комплексах второй половины VI – первой половины V в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 21).

К 3-му типу 2-му варианту относится массивный трехлопастный наконечник со сводчатой головкой и выступающей втулкой, довольно широкой у основания (рис. 1, 6). Они появляются в начале VI в. до н.э. и получают распространение в VI–V вв. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 19, 21). 3-му типу 4-му варианту принадлежит трехлопастный наконечник со сводчатой головкой, достаточно длинной втулкой и широким основанием головки (рис. 1, 7). Бытовали такие наконечники стрел в VI–V вв. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 21). К 3-му типу 7-му варианту относится массивный трехлопастный наконечник стрелы с треугольной головкой, довольно широкой в основании, косо срезанными концами лопастей (рис. 1, 8). Подобные наконечники стрел широко представлены в VI–V вв. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 21).

К 5-му типу 4-му варианту относится базисный трехлопастный наконечник со срезанными вровень с основанием лопастями со скрытой втулкой (рис. 1, 9), головкой со слегка дуговидными лопастями, имеющими выраженные углубления. Преобладают в колчаных наборах второй половины VI – первой половины V в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 21). К 5-му типу 9-му варианту принадлежит базисный трехлопастный наконечник легких пропорций, небольшой ширины основания головки и большой ее длины (рис. 1, 10). Встречаются главным образом во второй половине V в. до н.э. вплоть до второй половины IV в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 23). К 5-му типу 10-му варианту относится трехлопастный наконечник с относительно широким основанием, имеющий чуть дуговидные лопасти с выраженными углублениями, подчеркивающими внутреннюю втулку (рис. 1, 11). Концы граней срезаны под тупым углом ко втулке. Редкие наконечники, датируются VI–V вв. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 21).

Три наконечника принадлежат III отделу, его различным типам. 2 тип 5 вариант – трехгранные наконечники с треугольной в плане головкой и длинной выступающей втулкой (рис. 1, 12, 13). На головке – углубления на гранях, оконтуривающие край верхушки втулки. Появляются в конце VII в. до н.э., но более обычны для периода второй половины VI – первой половины V в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 22). К 8-му типу 4-му варианту относится трехгранный наконечник изящных пропорций правильной пирамидальной формы со скрытой втулкой. Концы его граней спускаются вниз, образуя шипы (рис. 1, 14). Появляются в середине V в. до н.э., а широко распространены со второй половины IV по III в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 24, 25).

Бронзовый наконечник стрелы (рис. 1, 17) происходит с южной окраины г. Богучара (Правобережье Среднего Дона). Он трехгранный, втульчатый с выемками на гранях и обломанным в древности шипом, головка ромбовидная. Подобные наконечники (но чаще не трехгранные, а трехлопастные) были в употреблении в Скифии, у савроматов в VII–VI вв. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 19; Смирнов, 1964. Рис. 11Б, 1).

Уздечные принадлежности. Серия бронзовых блях (рис. 2) и фрагменты удила (рис. 3, 2–4) происходят с Мастогинского поселения. Установить однозначно принадлежность большинства блях предскифскому или скифскому времени трудно ввиду большой схожести подобных изделий. Это касается в особенности больших и малых полусферических блях, обычных для предскифских и скифских уздечных наборов (рис. 2, 1–4). Круглые по форме бляхи с сильно выпуклыми щитками и петлями (рис. 2, 6–9, 13, 15, 17) в предскифских памятниках отсутствуют, но нередки в памятниках скифского времени, в том числе и на Среднем До-

ну (Пузикова, 2001. Рис. 11, 5; 27, 20–22 и др.), у савроматов (Смирнов, 1964. Рис. 13, 6e). Неизвестны в предскифских памятниках бляхи ромбовидной формы (рис. 2, 10, 12, 18), круглой формы с отходящими лучами (рис. 2, 11). Бляшки ромбовидной формы встречаются в памятниках скифского времени, в том числе и в погребениях скифского времени Среднего Дона (Пузикова, 2001. Рис. 9, 3). Подквадратные пронизи-распределители с четырьмя подквадратными отверстиями для ремней (рис. 2, 14) встречаются в уздечных наборах предскифского времени (могильник Сержень-Юрт в Чечне, Пшиш в Адыгее). Пирамидальные пронизи-распределители (рис. 2, 16) редко, но встречаются в предскифских памятниках (Яровой и др., 2002). Культурно-хронологическое распространение подобных распределителей, однако, неясно. В памятниках скифского времени они пока не обнаружены, но отмечены в савроматских погребениях V в. до н.э. (Смирнов, 1964. Рис. 19, 1u; 28, 23). Типичный же образец предскифских уздечных блях – круглая прорезная бляха с “мальтийским крестом” (рис. 2, 5). Подобных блях нет в памятниках скифского времени, но множество аналогий им – на юге Восточной Европы (Иессен, 1953).

Псалий цимбального типа (рис. 3, 1) найден на пахотном поле на границе Бобровского и Бутурлиновского районов у с. Красное (Левобережье Среднего Дона). Это один из вариантов бронзовых псалиев, выделенных А.А. Иессеном в III тип его классификации, черноговорской группы памятников (Иессен, 1953. С. 79; Тереножкин, 1976. Рис. 88). Он имеет прямой стержень (впрочем, эта форма не первоначальная, так как псалий плугом был сильно согнут, а впоследствии выправлен механизатором) со шляпками на концах, на котором расположены три муфтообразные выступа с овальными отверстиями.

С Мастюгинского поселения происходят два звена бронзовых двуколычатых удил с нанесенным на них орнаментом в виде насечек, похожих на “прямоугольники” (рис. 3, 2), относимых исследователями к новочеркасской ступени предскифских памятников (Тереножкин, 1976. С. 153–155). Возможно, они принадлежат одним удилам. В лесостепном Подонье подобные удила (без насечек) случайно были найдены у с. Ездоцкое в Острогожском районе (Медведев, 1985. Рис. 108, 14). К предскифскому времени относятся и фрагменты бронзовых удил с этого поселения (рис. 3, 3, 4). Удила (рис. 3, 3) были отлиты вместе с псалиями, но оказались обломанными. Псалий имеет вид стержня со шляпкой, изогнутой плоской лопастью и дополнительным звеном для повода. От другого псалия сохранилась только лопасть (рис. 3, 4). Эти удила относятся к уздечным комплексам типа “Константиновка 376 – Енджа” и являются “классикой” памятников новочеркасского типа (Вальчак, 1997. Рис. 6).

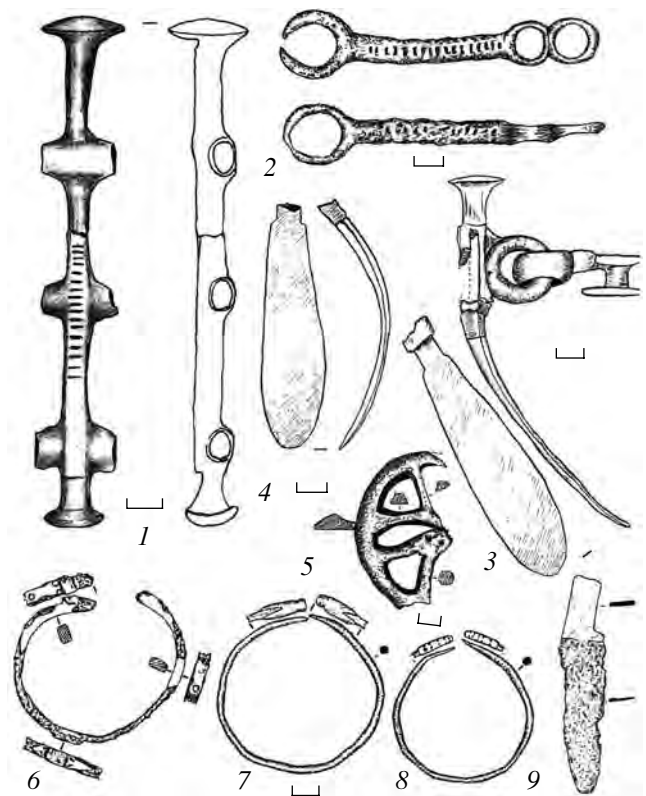

Рис. 3. Случайные находки бронзовых уздечных принадлежностей, украшений, предметов быта: 1–4 – удила и псалии; 5 – уздечная бляха; 6–8 – браслеты; 9 – нож.

С.Б. Вальчак датирует подобные находки временем не ранее конца VIII в. до н.э. (1997. С. 53). По последним подсчетам исследователя, до находки с Мастюгинского поселения было известно 11 подобных удил различной сохранности с территории Северного Кавказа (6 экз.), Украины (4 экз.) и Болгарии (1 экз.). До сих пор спорными являются вопросы происхождения этого типа удил, их хронологии. Но определенно ясно, что они датируют памятники эпохи перехода от предскифской культуры к раннескифской (Иванчик, 2001. С. 202).

Бронзовая литая круглая выпуклая бляха (рис. 3, 5) обнаружена на юге Воронежской области на границе Богучарского и Петропавловского районов у с. Новый Лиман (Левобережье Среднего Дона) (точное место находки не известно), представлена фрагментарно. Бляха имеет следы обожжения и закопченности поверхности, края оплавлены. Аналогии найденному изделию редки, известны в древностях восточных территорий – Центральной Азии (Членова, 1997. Рис. 37, 22). Бляха из Нового Лимана отличается от бляхи, приведенной Н.Л. Членовой, лишь большими размерами. Вместе с бляхой в погребении тагарской культуры в могильнике Барсучиха V на Среднем Енисее были найдены нож с “кольцом в ручке” и железный меч, “испытывавший влияние бабочковид-

ного перекрестья скифского акинака". Это дало возможность Н.Л. Членовой определить время бытования подобных блях VII–VI вв. до н.э. (1997. С. 21).

Украшения. У с. Новый Лиман найден также и бронзовый браслет (рис. 3, б). Он сделан из прямоугольного в сечении прута с закругленными углами. Толщина прута – до 5 мм, диаметр – до 6.5 см. На одном из окончаний браслета изображена головка змеи. В центральной части также имеются изображения, похожие на две змеиные головы. Браслет сохранился плохо, поэтому определить, какие на нем были еще изображения, сложно. Но на отдельных сохранившихся участках отмечены округлости, насечки в виде глаз змеи. Два браслета со змеевидными головками обнаружены и на Мастюгинском поселении (рис. 3, 7, 8). Сделаны они в отличие от ново-лиманского браслета из проволоки круглого сечения.

Браслеты с изображением змеиных голов с заостренными и несомкнутыми окончаниями были распространены в Скифии в VI–III вв. до н.э. (Петренко, 1978. С. 52, 54; Скорый, 2003. Рис. 16, 14); с тупыми несомкнутыми окончаниями – у саков низовьев Сыр-Дарьи VII–V вв. до н.э. (Вишневская, 1973. С. 133. Табл. I, 10, 17), а также в Скифии VI–III вв. до н.э. (Петренко, 1978. С. 54). Известны провололочные браслеты с изображением змеиных голов у ранних кочевников Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. (Лылова, 2001. С. 127. Табл. 1–3), савроматов (Смирнов, 1964. Рис. 44, 2з). Известны браслеты со змеевидными головками и в лесостепном Подонье в памятниках скифского времени V–IV вв. до н.э. Здесь есть и провололочные браслеты с заостренными несомкнутыми и сомкнутыми окончаниями (Пузикова, 2001. Рис. 15, 3; 43, 5), а также с выраженными змеевидными головками (Пряхин, Разуваев, 1994).

Браслет из Нового Лимана принадлежит, вероятнее всего, кругу древностей скифо-савроматского мира и может быть датирован в широком диапазоне – от VI до III в. до н.э. Учитывая место находок двух других браслетов (на Мастюгинском поселении со слоем скифского времени), можно предположить их принадлежность среднедонской культуре скифского времени.

Орудия труда. Медный нож найден на западной окраине с. Дубрава Богучарского района (Правобережье Среднего Дона) на распаханном кургане (рис. 3, 9). Он относится к кругу памятников предскифского времени. Клинок имеет плавно изогнутую спинку и прямое лезвие. Длина ножа составляет 9.8 см, ширина лезвия – 1.8–2. Длина выделенного плоского черешка прямоугольной формы – 2.3 см. На переходе от черешка к лезвию четко выделена граница рукояти, обозначенная неглубокой выемкой.

Нож оригинален и не имеет точных аналогий. По типологической классификации С.В. Махортых, осуществленной им на материалах бронзовых ножей Северного Кавказа, нож в общих чертах близок, но не идентичен типу 3 (1997. С. 9). По его мнению, этот тип ножей связан своим происхождением с Северным Причерноморьем и более западными районами – Карпато-Подунавьем и восточно-альпийским ареалом, где в эпоху бронзы располагались основные центры их производства. Нож имеет некоторое сходство и с так называемым камышевахским типом ножей, но отличается от него нешироким лезвием и наличием выраженного упора при переходе черенка в лезвие, признаками, видимо, более поздними. Бронзовые ножи в предскифский период были универсальными орудиями и употреблялись для различных работ (Махортых, 1997. С. 11).

Случайные находки связаны своим происхождением с разрушенными комплексами, что значительно сокращает их информативные возможности. Вместе с тем количество подобных находок возрастает в связи с расширением как хозяйственной деятельности, так и кладоискательской активности “черных археологов”. Своевременная их фиксация, введение в научный оборот столь же необходимы, как и представление полных комплексов. В связи с этим отметим, что находки предметов предскифского времени, накопленные с территории лесостепного Подонья к настоящему моменту, их характер не свидетельствуют о периферийной культурной отсталости племен, кочевавших в Донской лесостепи.

Авторы признательны С.Б. Вальчаку за помощь в интерпретации ряда находок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березуцкий В.Д., Золотарев П.М.* Новые материалы скифо-сарматского времени на Девиче и Потудани // Верхнедонской археол. сб. Липецк, 2001.
- Вальчак С.Б.* Предскифские колесницы и “новочеркасские клады” и некоторые дополнения к проблеме // Памятники предскифского и скифского времени на Юге Восточной Европы. М., 1997.
- Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М., 1973.
- Ворошилов А.Н.* Копья населения среднедонской культуры скифского времени // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004.
- Золотарев П.М.* Новые материалы скифо-сарматского времени в районе с. Мастюгино // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М., 2004.
- Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. М., 2001.
- Иессен А.А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. // СА. 1953. № XVIII.
- Лылова Е.В.* Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V. Оренбург, 2001.

- Махортых С.В.* Происхождение и хронология бронзовых ножей Северного Кавказа X–VIII вв. до н.э. // Памятники предскифского и скифского времени на Юге Восточной Европы. М., 1997.
- Медведев А.П.* Погребения предскифского времени в лесостепном Подонье // Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж, 1985.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
- Петренко В.Г.* Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. 1978. Вып. Д4-5.
- Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д.* Клад скифского времени с Семилукского городища на р. Дон // РА. 1994. № 4.
- Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М., 2001.
- Скорый С.А.* Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи. Киев, 2003.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Членова Н.Л.* Центральная Азия и скифы. М., 1997.
- Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В.* Киммерийский курган у пгт. Слободзея // Северное Причерноморье от энеолита до античности. Тирасполь, 2002.

ГОРОДИЩА ЩЕРБИНСКОЕ И КУЗНЕЧИКИ: К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ПОСТРОЕК

© 2008 г. Н. А. Сыроватко

Институт археологии РАН, Москва

Исследования конца 1980 – начала 2000-х годов широкими площадями памятников юго-восточного ареала дьяковской культуры дали новый и интересный материал об основных формах хозяйства, характере быта и культуры населения Подмосквья в эпоху раннего железного века (Энговатова, 2004; Кренке, 1987; Энговатова, Сапрыкина, 2005; Сидоров, 2004–2006). При этом появилась возможность по-новому взглянуть на материалы раскопок, проведенных в предыдущие годы (Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С., 2006).

Щербинское городище является одним из эталонных памятников дьяковской культуры. Материалы раскопок этого поселения, так же как и Дьякова, Троицкого городищ, всегда привлекали внимание исследователей. Применительно к интересующей нас теме – жилым постройкам – подробный анализ стал возможным после производственного разбора фотоархива экспедиции, хранящегося в архиве ИА РАН. Фотографии, сделанные в ходе раскопок на городище экспедицией под руководством А.Ф. Дубынина и не вошедшие в итоговую публикацию и полевой отчет, могли прояснить некоторые конструктивные детали построек на этом памятнике (Дубынин, 1974).

Особенностью памятника, как указывали авторы отчетов, была крайне плохая сохранность построек, не позволяющая судить о них со всей полнотой (Дубынин, 1974. С. 216). В ходе исследований на Щербинском городище их было выделено всего три, из них две – в юго-восточной и северо-восточной частях городища – имели вид канавок со столбовыми ямками внутри, а постройка 3, возникшая на месте постройки 1, реконструирована как каркасно-столбовая, по сохранившимся столбовым ямкам (Дубынин, 1974. С. 216–218). В целом же вся центральная часть площадки городища показана в публикации без жилых объектов (Дубы-

нин, 1974. Рис. 3). Кроме того А.Ф. Дубынин упоминает также следы от срубов, сохранившихся "... в виде темных, незначительно углубленных полос полуовальной в сечении формы" (Дубынин, 1974. С. 217). Отметим два обстоятельства. Во-первых, постройка 3 реконструирована по той же схеме, что и на Троицком городище (Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С., 2006. С. 43). Группировка разрозненных столбовых ям в единую конструкцию далеко не бесспорна и в лучшем случае может носить характер осторожного предположения, хотя А.Ф. Дубыниным для этой постройки даже выделен вещевой комплекс (1974. С. 217). Во-вторых, заслуживает внимания указание на "следы от срубов" – именно так чаще всего реконструируются постройки с конструкцией стен "канавки + столбовые ямки".

Из материалов отчетов следует, что следы построек были значительно более многочисленными. К ним относятся, например, остатки очагов в виде скоплений горелых камней с угольками между ними. Только на раскопах 6 и 7 в северной и северо-западной частях городища можно насчитать не менее 13 таких объектов. Также авторы отчета (о раскопах в центральной части памятника отчеты составляли К.А. Смирнов – раскоп 6 и И.Г. Розенфельдт – раскоп 7) упоминают объекты в виде канавок со столбовыми ямками внутри, и большая их часть относится к центральным участкам площадки. Данные конструкции были обнаружены в квадратах 11–12з, 12ж, 10и–к, 13и–к, 10с–т, 11т, 8–9к, причем И.Г. Розенфельдт в отчете за 1963 г. писала о принадлежности этих объектов жилым сооружениям (Дубынин, 1963. С. 121, 122).

Нельзя не упомянуть обстоятельства, осложнившие работу коллектива на памятнике и помешавшие распознать постройки. Методика раскопок, принятая в то время, – вскрытие памятника

пластами по 20 см. При мощности культурного слоя на площадке в среднем не более 40 см, представлявшем собой супесь черного (при высыхании серого) цвета с разными оттенками, распознать объекты во всех деталях (которые не превышали 5–10 см) с применением такой методики и в подобном слое сложно, и то, что они были в итоге замечены и зафиксированы, следует считать удачей. Тяжелые погодные условия (засуха, сменявшаяся ливневыми дождями) уничтожили и без того хрупкую картину памятника.

Сыграли свою роль и те представления о дьяковских постройках, которые господствовали тогда в науке, – жилища представлялись либо в виде землянок, подобных выявленным на Старшем Каширском и Огубском городищах, либо в виде столбовых конструкций, подобных Тушемле. Сказался и собственный опыт исследовательского коллектива, работавшего на Троицком городище (Дубынин, Розенфельдт, 1970; Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С., 2006. С. 43). На фоне Тушемлинского и Троицкого городищ конструкция “канавки + столбовые ямки” была совершенно новой и неожиданной.

Возлагались надежды на фотоархив экспедиции (архив ИА РАН, фонд 124), однако нас ждало разочарование: во-первых, несмотря на большое количество фотографий (около 200), на них в основном был представлен раскоп 1 (из 12), остальные даны фрагментарно, особенно те, что находились на площадке городища. При этом, поскольку А.Ф. Дубынин сдавал в архив не оригиналы чертежей, а их фотографии, до архива не дошли некоторые из них (например чертеж материка раскопа 3). Во-вторых, на фотографиях в основном отсутствовали обозначения квадратов и масштаб, что весьма снизило информативность обширного материала.

На рис. 1 приведена фотография следов от стен построек, не вошедшая в отчет. Судя по подписям на обороте, это детали так называемого длинного дома, или постройки 1. На этих фото отчетливо видно, что постройка имела конструкцию, встречаемую на многих дьяковских памятниках – Дьяково, Настасьино (рис. 2), Ростиславль, Мутенки и других. Все эти постройки оставляют следы в виде канавок со столбовыми ямками внутри. Они интерпретировались исследователями в разное время как отпечатки “бревен срубов с сучками” (Смирнов, 1965. С. 22, 24), просто срубов (Смирнов, 1989. С. 108), “горизонтальных бревен, вставленных в пазы вертикальных столбов” (Дубынин, 1974. С. 216), как плетневые конструкции (Кренке, 1987. С. 140). К сожалению, нами не обнаружены фотографии подобных конструкций с центральных и северных участков.

Отчасти прояснить ситуацию можно по планам раскопов из отчетов. Общий план, соединенный из отдельных чертежей, воспроизведен на рис. 3. В

целом он совпадает с рисунком из публикации (Дубынин, 1974. Рис. 3), но есть и некоторые детали – следы канавок в публикации приведены частично. Кроме того, на нашем рисунке нанесены (со знаком “?”) еще и те канавки, которые упомянуты в тексте, но на чертежах отсутствуют. Интересно, что следы канавок от стен наиболее многочисленны в северной и северо-западной частях площадки, там же, где сосредоточены скопления камней от очагов. Любопытна и ориентация сохранившихся следов, которые образуют почти прямой угол по отношению к “длинному дому” у юго-восточного края площадки. Сходная картина была выявлена и в Настасьино, где все постройки имели только две ориентировки и также образовывали угол около 90°.

Анализ отчетных материалов и фотографий позволяет сделать следующие выводы.

1. Сохранность культурного слоя в центральной части площадки Щербинского городища не была нарушена так, как это казалось, – на памятнике сохранились остатки построек в виде следов стен и очагов.

2. Построек на памятнике, особенно в центральной части, было значительно больше, чем удалось достоверно зафиксировать. В итоговой публикации даже то, что было зафиксировано, опущено и остались лишь упоминания “следов от срубов”.

3. Эти постройки по конструкции стен, оставляющих следы в виде канавок со столбовыми ямками, однотипны с постройками других дьяковских городищ – Дьяково, Настасьино, Круглица и многих других.

Остаются необъяснимыми некоторые обстоятельства. Очевидно, что в ходе полевых работ руководители отдельных участков (в частности, К.А. Смирнов и И.Г. Розенфельдт) увидели и зафиксировали больше, чем было отражено в итоговой публикации А.Ф. Дубыниным. Возможно, что именно это он имел в виду, упоминая “следы от срубов квадратной формы”, хотя на самой площадке были обнаружены именно канавки со столбовыми ямками. Важно и то, что столкнувшись с непонятными объектами, исследователи тем не менее зафиксировали их, оставив возможность для последующей интерпретации.

Опыт и приемы работы на дьяковских городищах, в том числе и по выявлению и распознаванию построек совершенствовались. Следующим после Щербинского стало исследованное К.А. Смирновым городище Кузнечики (1964; 1965; Дубынин, 1970). На этом памятнике результаты исследования жилищ отличаются разительно – выявленные контуры небольших жилищ, стены которых оставляют следы канавок со столбовыми ямками; следы “длинного дома” сходной конструкции. Пожалуй, Кузнечики являлись на тот момент одним

Рис. 1. Щербинское городище. Участок “канавки” с пятнами столбовых ям.

из немногих памятников, на котором остатки построек удалось восстановить с такой полнотой.

Отчетливо видны следы конструкций, абсолютно аналогичных настасьинским (рис. 4) – канавки с редкими и нерегулярными столбовыми ямками, разного диаметра, часто приходящимися на склон канавки, а не на центр. Культурный слой памятника образовывали легкие супеси, просле-

дить конструкции в таком слое не просто, и тем не менее это было сделано. Вне всякого сомнения, при раскопках Кузнечиков опыт раскопок Щербинского городища был учтен в полной мере. У нас только сложилось ощущение, что результаты раскопок Кузнечиков в чем-то перечеркивали выводы, сделанные по Щербинскому и, в особенности, по Троицкому городищам, – выявленные

Рис. 2. Городище Настасьино. Участок “канавки” с ямками.

на этом памятнике конструкции совершенно не совпадали с теми, что были выделены на двух предыдущих памятниках. Поэтому не случайно, видимо, и то обстоятельство, что А.Ф. Дубынин не привлекал материалы Кузнечиков в качестве аналогий при публикации Щербинского городища, за исключением “длинных домов”, сходство которых для обоих памятников было очевидным.

Помимо этого, при публикации материалов данного памятника была повторена операция по выявлению жилищ по отдельным столбовым ямам, примененная ранее на Троицком и Щербинском городищах. Результатом стал еще один “длинный дом”, постройка 3 (Дубынин, 1970. Рис. 2), подобный “длинному дому” 3 Щербинского городища (Дубынин, 1974. Рис. 15), а также так называемые

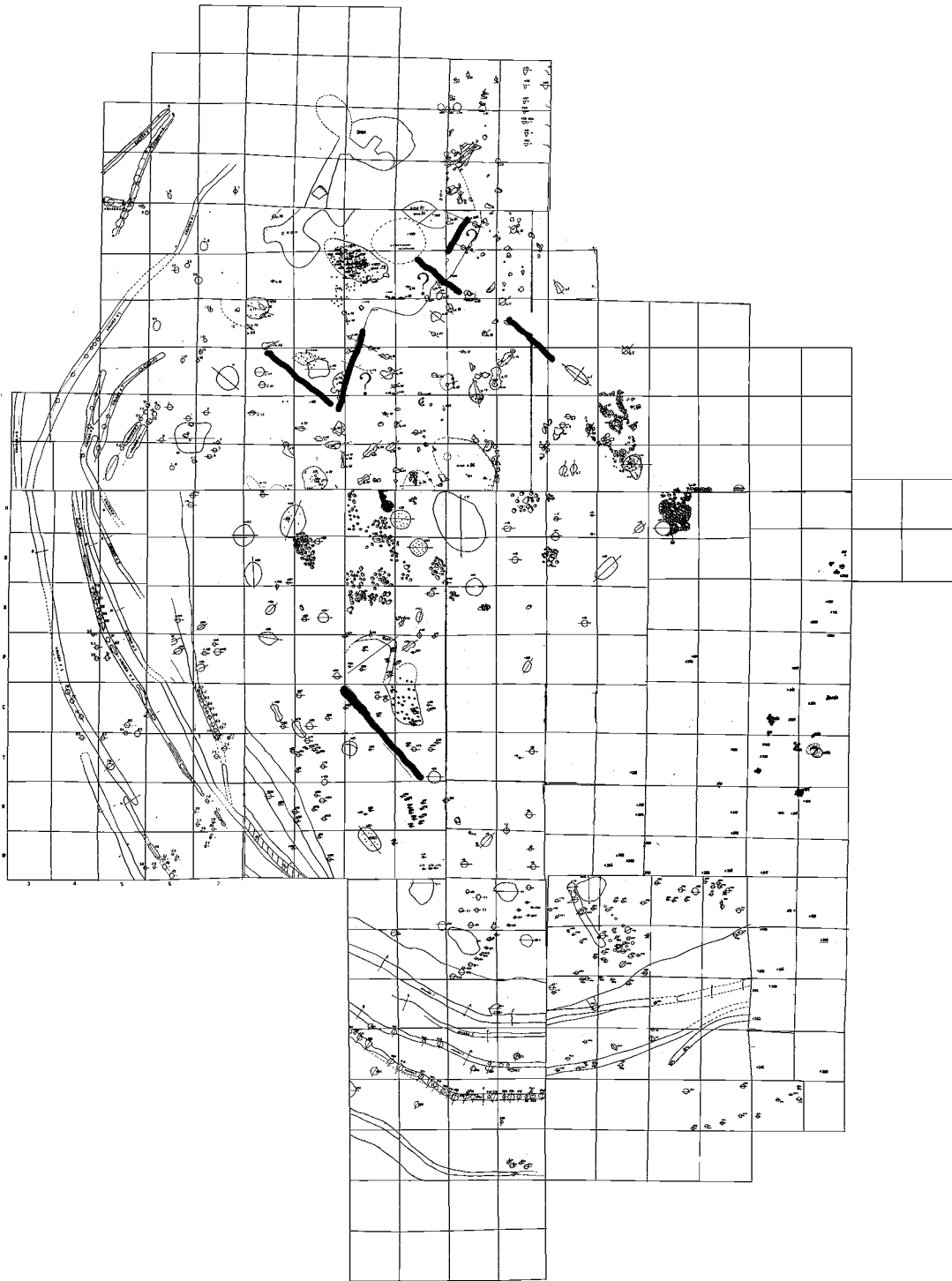

Рис. 3. Сводный план раскопов на Щербинском городище (по отчетам). Черным цветом выделены “канавки”, указанные на чертежах, знаком “?” – отмеченные только в текстах отчетов с указанием квадратов.

круглые постройки 4, 5. Все эти постройки, как и большинство построек Троицкого городища, не имели следов, позволяющих их определить непосредственно “в поле”, они, вероятно, выделялись А.Ф. Дубыниным “задним числом”. Исключе-

ние составляет круглая постройка 4 в Кузнечиках, поскольку она соответствовала материковому углублению и интерпретировалась как землянка (Смирнов, 1965. С. 18, 19; Дубынин, 1970. С. 156).

Рис. 4. Городище Кузнечики. Участок “канавки” с пятнами столбовых ям. Раскоп 8, кв. 8Е–9Д.

Становится очевидно, что постройки, открытые на городищах Кузнечики и Щербинском, а также на Дьяковом, Настасьино, Ростиславль и многих других, чрезвычайно схожи как по конструкции стен, так и по планировке.

Автор выражает глубокую признательность заведующей архивом ИА РАН И.М. Умаровой за возможность ознакомиться с материалами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дубынин А.Ф. Отчет о работе Подольского отряда Московской экспедиции // Архив ИА РАН. 1963. Р-1. № 2735.
- Дубынин А.Ф. Городище Кузнечики в Подмосковье // СА. 1970. № 1.
- Дубынин А.Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974.
- Дубынин А.Ф., Розенфельдт И.Г. Постройки Троицкого городища // МИА. 1970. № 156.
- Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье // Архив ИА РАН. 1987. Р-2. № 2392.
- Сидоров В.В. Мутенковское городище // Археология Подмосковья. Вып. 1. М., 2004.

- Сидоров В.В. Корыстовское городище // Археология Подмосковья. Вып. 2. М., 2005.
- Сидоров В.В. Каширская культура // Каширский край. Вып. 2. Археология. Кашира, 2006.
- Смирнов К.А. Отчет о раскопках на городище у пионерлагеря “Кузнечики” близ г. Подольска Московской области. 1964 г. // Архив ИА РАН. 1964. Р-1. № 2846.
- Смирнов К.А. Городище Кузнечики 1965 г. // Дубынин А.Ф. Отчет Московской экспедиции за 1965 г. Архив ИА РАН. 1965. Р-1. № 3139.
- Смирнов К.А. Жилища у населения Волго-Окского междуречья в I тыс. до н.э. // Матер. VI Междунар. конгресса финно-угроведов. Т. 1. М., 1989.
- Сыроватко Н.А., Сыроватко А.С. Некоторые источниковедческие проблемы в изучении жилищ дьяковской культуры // Археологическое изучение Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2006.
- Энговатова А.В. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. М., 2004.
- Энговатова А.В., Сапрыкина И.А. Хронология раннего периода Москворецкой группы памятников дьяковской культуры по данным радиоуглеродного анализа // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005.

К ИСТОРИИ КОПЬЯ ИЗ КОВЕЛЯ

© 2008 г. П. М. Леус

Freie Universität, Berlin

К одной из редчайших находок старшерунического письма на территории Восточной Европы относится знаменитый наконечник копья из Ковеля (Западная Украина). Обе стороны изготовленного из железа наконечника содержат нанесенные в технике серебряной инкрустации буквенные и символические знаки (рисунок). Литература, посвященная этому памятнику, весьма обширна и составляет в настоящее время около 100 специальных работ. Большинство исследователей относят надпись к одному из восточногерманских языков, возможно готскому. Датировка памятника лежит в пределах первой половины – середины III в.

История обнаружения ковельского наконечника и его дальнейшая судьба достаточно подробно отражены в российской историографии в работе Е.А. Мельниковой (2001). Уместно будет привести некоторые общие факты истории находки, основываясь в основном на данных из этой книги. Наконечник копья был выпаян в 1858 г. на окраине с. Сушично в 30 км от г. Ковеля (Волынь, Украина¹). Попав сразу же в коллекцию польского собирателя древностей Александра Шумовского (Alexander Szumowsky), жившего тогда в Чернигове, оно достаточно быстро стало достоянием научной общественности. В 1875 г. часть знаков была прочитана и датирована известным датским исследователем рун Людвигом Виммером. Находка неоднократно демонстрировалась и фотографировалась. С оригинала были сделаны в 1880 г. гипсовая копия в Берлине и в 1884 г. слепок в Варшаве. После этого в истории наконечника копья из Ковеля наступает продолжительный хронологический пробел (55 лет), когда памятник считался исчезнувшим, что было связано, видимо, со смертью его владельца. Далее, как пишет Е.А. Мельникова, копье вновь появилось в Варшаве осенью 1939 г. “Началась Вторая мировая война, и наконечник попал в Берлин-Далем, т.е. очевидно, в Германский археологический институт. Здесь супруги Краузе в 1940 и 1941 гг. подробно исследовали надпись и изготовили серию ее фотографических снимков, равно как и установили подлинность самой вещи². В конце войны наконечник был вывезен в Верхнюю Франконию и там вновь пропал” (Мельникова, 2001. С. 88, 89).

Здесь мне хотелось бы немного дополнить историю ковельской находки в этот период. описы-

вая события тех лет, Е.А. Мельникова дважды ссылается на статью, опубликованную в 1941 г. германским специалистом-рунологом В. Краузе, при этом не указывая номера цитируемых страниц. Отсутствуют они и в приводимом здесь же списке литературы (Мельникова, 2001. С. 88, 89). Таким образом, возникает предположение, что автор не имела возможности лично ознакомиться с цитируемой работой³. Обратившись же непосредственно к упомянутому тексту Вольфганга Краузе, который так и называется: “Ковельское копье, вновь обретенный рунический памятник”⁴, можно немного уточнить историю появления наконечника в 1939 г. в Варшаве, его дальнейшее пребывание в Берлине и очередное исчезновение в конце войны.

Исходя из раритетного характера издания, представляется уместным привести здесь перевод интересующей нас выдержки из статьи В. Краузе с некоторыми комментариями к ней.

«К наиболее значимым событиям последних десятилетий в области рунологии, бесспорно, принадлежит совершенно неожиданная находка рунического копья из Ковеля (Волынь), последние 55 лет считавшегося утраченным. В то же время этот случай показывает, что война не только уничтожает, но и, изредка, вновь возвращает нам давно утерянное культурное достояние.

Об обстоятельствах находки ковельского копья мне было сообщено со стороны исследовательского общества “Ahnenerbe”⁵ следующее: “Благодаря начатой рейхсфюрером СС еще во время боев в Польше акции по сохранению культурного достояния, был обнаружен считавшийся несколько десятилетий пропавшим наконечник копья из Ковеля. Тем самым наука вновь обрела единственную в

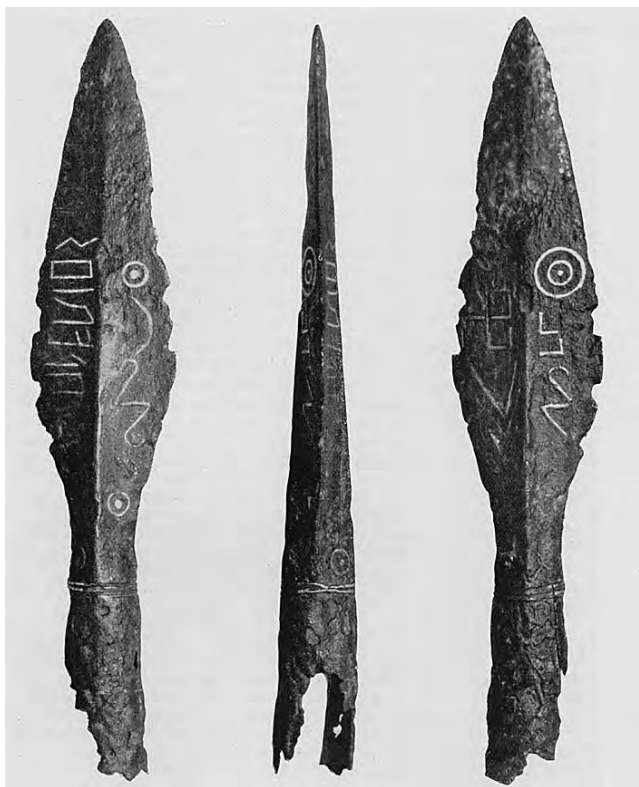
³ Работа В. Краузе была опубликована в довольно раритетном сейчас издании (“Germanien”), обнаружить которое можно далеко не в каждой научной библиотеке Германии.

⁴ Все переводы с немецкого языка выполнены автором.

⁵ “Ahnenerbe” (“Наследие предков”) – исследовательское общество (позднее институт), основанное в 1935 г. рейхсфюрером СС Г. Гиммлером. Целью организации было изучение “индогерманства”, его достижений и влияния на окружающие народы. Научная деятельность следовала здесь указаниям партии и велась в самых разных направлениях, от германистики и археологии до знаменитой тибетской экспедиции Э. Шеффера (1938 г.). “Ahnenerbe” состоял из множества специальных институтов, объединений, издательств, библиотек и пр. не только в Германии, но и за ее пределами. Его сотрудники были задействованы в акциях по вывозу культурных и исторических ценностей на всех оккупированных Третьим Рейхом территориях, в том числе и бывшего СССР. Часть руководителей института была после войны осуждена союзниками и казнена. Наиболее подробно деятельность организации освещена в монографии М. Катера (Kater, 2006).

¹ Е.А. Мельникова обращает в своей работе внимание на то, что Густав Коссина (Gustaf Kossinna, 1858–1931) “ошибочно относит” копье из Ковеля к территории Польши (2001. С. 88. Сн. 3). Такой упрек германскому ученому кажется не вполне справедливым: в то время Ковель, как и вся Западная Украина, считался регионом, принадлежащим Польше.

² В тексте Е.А. Мельниковой приводится ссылка: Krause, 1941.

Наконечник копья из Ковеля. Фото сделано сотрудниками института СС "Ahnenerbe" (по: Krause, 1941. Abb. 2).

своем роде находку. Наконечник находился в варшавском военном музее, где тем не менее не сохранилось никаких данных о том, как он туда попал. Генерал-губернатор⁶ доктор Франк преподнес его рейхсфюреру СС, который поручил научное изучение копья исследовательскому обществу "Ahnenerbe".

По приглашению "Ahnenerbe" я и моя жена получили возможность 29 ноября 1940 и 23 августа 1941 г. тщательно обследовать вновь обретенное сокровище в помещениях "Ahnenerbe" в Далеме⁷, Берлин» (Krause, 1941. S. 450).

Процитированный текст показывает, что ковельский наконечник находился, во всяком случае в 1939 г., в варшавском военном музее, где был обнаружен одной из немецких спецкоманд, занимавшихся изъятием культурного достояния на оккупированных территориях. Скорее всего речь идет или о группе доктора К. Мюльманна, спецпредставителя Г. Геринга по "учету и охране сокровищ культуры и искусства", или о спецкоманде "Ahnenerbe" под руководством археолога П. Паульсена. Обе команды действовали одновременно⁸ и яв-

⁶ Руководитель оккупационной администрации генерал-губернаторства, т.е. Польши.

⁷ Далем (Dahlem) – один из районов Берлина.

⁸ Как писал в 1968 г. П. Паульсен, целью работ было "обезопасить до наступления зимы наиболее важные и ценные части культурного достояния, находящиеся под угрозой в разрушенных музеях" (Kater, 2006. S. 148, 397. Anm. 29).

лялись в некотором роде конкурентами, пока в конце ноября 1939 г. не вышел закон, запрещающий вывозить какие-либо ценные предметы (в том числе музейные экспонаты) из Польши в Рейх без надлежащего разрешения генерал-губернатора (Kater, 2006. S. 148). Это объясняет, вероятно, личную передачу находки Гиммлеру генерал-губернатором Г. Франком.

Получив ковельский наконечник, Гиммлер передает его в свое научное детище – институт "Ahnenerbe", вероятно, в отдел рунологии и изучения символов, существовавший во всяком случае в 1943–1944 гг. (Kater, 2006. Taf. II). Можно предположить, что такой уникальный рунический памятник, как копьё из Ковеля, мог рассматриваться руководством СС в качестве одного из важных для идеологии Третьего Рейха артефактов. В частности, для наглядного подтверждения тезиса об исторической принадлежности территории обнаружения копья (т.е. Западной Украины и вообще Восточной Европы) к "германоязычному пространству". Для осуществления подобных проектов на практике и был, собственно, создан институт "Ahnenerbe". Таким образом, наконечник оказывается вовсе не в Германском археологическом институте⁹, как пишет Е.А. Мельникова, т.е. не в академическом учреждении, а в институте СС. Здесь Вольфганг Краузе и его супруга имеют возможность дважды изучить находку, в том числе подтвердив ее подлинность. К такому же выводу приходит и приглашенный ими профессор берлинского Государственного музея этнографии Ф. Гельпке. Составляется подробное описание наконечника, фотографии "Ahnenerbe" предоставляются для публикации свои фотографии¹⁰ (Krause, 1941. S. 452). То, что предмет из Ковеля находился в ведении института СС, объясняет и факт публикации статьи В. Краузе в журнале "Germanien", являвшемся одним из печатных органов "Ahnenerbe" (Kater, 2006. S. 104–107). Председателем попечительского совета журнала был, собственно, сам Гиммлер.

После этого о судьбе наконечника практически ничего не известно. Как пишет Е.А. Мельникова, основываясь, видимо, на информации из более поздней штудии В. Краузе (Krause, 1966. S. 78), он попал в конце войны в Верхнюю Франконию, где его следы окончательно затерялись (Мельникова, 2001. С. 89). Из контекста истории существования "Ahnenerbe" очевидно, что ковельское копьё было доставлено в запасное убежище института в Вайшенфельде (Weischenfeld), Верхняя Франкония¹¹, куда уже с 1943 г. перевозились принадлежащие

⁹ Он также расположен в районе Далем.

¹⁰ Соответственно фотографии сделаны не супругами Краузе, как написано Е.А. Мельниковой.

¹¹ Сейчас входит в федеральную землю Бавария.

“Ahnenerbe” научные коллекции¹², материалы, архивы и пр. Туда же переселились и многие сотрудники института, к которым позже прибавились ученые-коллаборационисты из других стран (Kater, 2006. S. 187, 194, 255, 306). Часть архивов “Ahnenerbe” была обнаружена после войны американцами в одной из пещер, где согласно приказу Гимmlера должна была быть взорвана, что, однако, не произошло (Kater, 2006. S. 354). Таким образом, судьба ковельского наконечника могла сложиться по нескольким сценариям: копье могло быть уничтожено в числе других материалов института, могло попасть в качестве трофея в руки

американских военнослужащих, может до сих пор храниться в какой-нибудь пещере или другом тайнике. Возможны и иные варианты. В этой связи имело бы смысл изучить описи сохранившихся материалов и архивов “Ahnenerbe”, которые, возможно, смогут пролить свет на второе исчезновение копья из Ковеля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

¹² Институт обладал в числе прочего значительными археологическими коллекциями, частично полученными в ходе так называемых акций по сохранению культурного достояния на оккупированных территориях, а частично благодаря собственным раскопкам. Начало непосредственной археологической деятельности СС относится к 1934 г., а к моменту начала войны раскопки велись уже во многих точках Германии и за ее пределами. Работы проводились под руководством археологов, состоявших в СС. В качестве рабочей силы нередко использовались специально сформированные для этого группы эсэсовцев (Langsdorff, Schleif, 1936. S. 392). Объектами исследования часто становились восходящие к раннегерманскому времени городища (Kossak, 1999. S. 59). Сюда же можно отнести и ряд “новостроечных” раскопок. Так, например, специалисты СС вели предшествовавшие строительству школы им. А. Гитлера раскопки крепости Немецкого ордена в Тильзите, в Восточной Пруссии (Höhne, 1938. S. 226, 230). Даже во время войны планировались “спасательные” раскопки на подконтрольном СС участке строительства дороги между Николаевом и Таганрогом, проходившей через ряд готских могильников (Heuss, 2002. S. 547). Но наиболее важными были проекты, имевшие значение для идеологии Третьего Рейха. Сюда можно отнести поиск в соборе г. Кведлинбург захоронения Генриха I (876–936 гг.) – знаковой фигуры германской истории. Обнаруженные в ходе раскопок останки были торжественно перезахоронены в церковной крипте в рамках специальной церемонии, в присутствии высшего руководства СС (Geschichtliche Weihestunde..., 1937. S. 251). После войны останки вернули к месту первоначального захоронения (Halle, 2005. S. 20). Серьезное значение придавалось поиску в Тевтобургском лесу древнего святилища саксов “Ирминсул”, разрушенного Карлом Великим (Halle, 2002). Впрочем, здесь результаты раскопок не принесли желаемого результата (Halle, 2001. S. 50, 51). Во время войны раскопки велись и на оккупированных территориях. Даже весной 1944 г. Гимmlер санкционировал продолжение раскопок в Белграде, вывезенные в Рейх материалы которых считаются утерянными (Leube, 1998. S. 405, 406).

- Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001.
- Geschichtliche Weihestunde in Quedlinburg. Die feierliche Wiederbeisetzung der Gebeine des ersten deutschen Königs // Germanien. H. 8. Leipzig, 1937.*
- Halle U.* “Der Reichsführer SS wird sich für positive Ergebnisse an den Externsteinen stark interessieren”. Die Mittelalterarchäologie im Spannungsfeld nationalsozialistischer Forschung und Propaganda // *Mitteilungen der Arbeitsgemeinschaft für Archäologie des Mittelalters und der Neuzeit. Bd. 12. Lübeck, 2001.*
- Halle U.* “Die Externsteine sind bis auf weiteres germanisch!”. *Prähistorische Archäologie im Dritten Reich. Bielefeld, 2002.*
- Halle U.* 936 Begräbnis Heinrichs I. 1936 die archäologische Suche nach den Gebeinen in Quedlinburg und die NS-Propaganda // *Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie des Mittelalters und der Neuzeit. № 16. Lübeck, 2005.*
- Heuss A.* Prähistorische “Raubgrabungen” in der Ukraine // *Prähistorie und Nationalsozialismus. Die mittel- und osteuropäische Ur- und Frühgeschichte in den Jahren 1933–1945 / Studien zur Wissenschafts- und Universitätsgeschichte. Bd. 2. Heidelberg, 2002.*
- Höhne R.* Die Ausgrabungen der Schutzstaffeln // *Germanien. Leipzig, 1938.*
- Kater M.* Das “Ahnenerbe” der SS 1935–1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. München, 2006.
- Kossak G.* Prähistorische Archäologie in Deutschland im Wandel der geistigen und politischen Situation. München, 1999.
- Krause W.* Der Speer von Kowel, ein wiedergefundenes Runendenkmal // *Germanien. H. 12. Berlin, 1941.*
- Krause W.* Die Runeninschriften im älteren Futhark. I. Text // *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, philologisch-historische Klasse. Dritte Folge. Nr. 65. Göttingen, 1966.*
- Langsdorff A., Schleif H.* Die Ausgrabungen der Schutzstaffeln // *Germania. H. 12. Leipzig, 1936.*
- Leube A.* Zur Ur- und Frühgeschichte in Berlin nach dem Tode Gustaf Kossinnas bis 1945 // *Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. H. 3. Berlin, 1998.*

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СЕВЕРНОЙ КАРЕЛИИ

© 2008 г. С. И. Кочкуркина

Институт языка, литературы истории КарНЦ РАН, Петрозаводск

Памятники эпохи Средневековья концентрируются в основном в южной и юго-западной частях Карелии. Северо-западное Приладожье (Лахденпохский район Республики Карелия) было заселено древнекарельскими племенами, для которых в русских летописях употреблен этноним *корела*. Археологические памятники представлены городищами, неукрепленными поселениями, могильниками, кладами, случайными находками (Кочкуркина, 1981; 1982). В юго-восточном Приладожье (Ленинградская область) и южной Карелии проживал прибалтийско-финский народ, названный в письменных источниках *весью*, хотя древнерусские летописи об этом прямо не упоминают. Такая точка зрения возникла главным образом на лингвистических и топонимических материалах. Подтверждается она и тем, что потомки веси – современные вепсы – до сих пор проживают в этом регионе. Но поскольку археологические памятники Белозерья и Приладожья не идентичны, некоторые исследователи предположили, что они были заселены различными группами прибалтийско-финского населения: *весью* и *чудью* (Кирпичников, 1987. С. 101–111).

Древности эпохи X–XIII вв. однородны, за исключением поселения на р. Сясь и селищ, кладов монет, и представлены курганами. В южной Карелии, помимо курганов у сел Кокорино и Челмужи, по берегам Онежского озера известно около 30 поселений с лепной посудой, характерной для приладожских курганов, а также несколько грунтовых погребений. Датируются они в основном X–XI вв. Это небольшие по площади поселения со следами очагов, иногда горнов, с остатками построек. Металлические изделия немногочисленны, но разнообразны: орудия труда, предметы украшений, стеклянные и пастовые бусины. Определить их этническую принадлежность пока не представляется возможным. Но косвенные свидетельства – наличие керамики приладожского типа, концентрация поселений в древневепском ареале – дают возможность предположить, что эти памятники оставлены выходцами из Приладожья. Редкие находки выявлены на поселениях без керамики на берегу оз. Тунгудское в Беломорском районе Карелии.

На протяжении десятков лет сложилось убеждение, что средневековые памятники в северных районах Республики Карелия либо единичны, либо отсутствуют вообще.

Весной 2006 г. Наталья Васильевна Бородкина (зав. Домом культуры в пос. Софпорог, Лоухский

район Республики Карелия) привезла в Петрозаводск фотографии средневековых вещей, найденных в поселке, и рассказала историю их обнаружения. Весной 2001 г. уровень воды в протоке Софьянга, соединяющей озера Пяозеро и Топозеро (Кумское водохранилище), резко упал. Среди обнажившихся валунов, в прошлом порогов (при создании водохранилища они были взорваны), местная детвора заметила непонятные ей предметы, которые с удовольствием пошвыряла в воду. Местная жительница Наталья Павловна Пяттоева не только собрала некоторые вещи, но и сохранила их. Выражая глубокую благодарность собирательнице – без ее помощи археологи так бы и не узнали о существовании на месте современного Софпорога населения в XII–XIII вв. По словам Натальи Павловны, человеческих костей на месте находок не обнаружено, но заметно было большое пепельное пятно. Видимо, находки остались от небольшого кратковременного поселения, игравшего роль пропускного пункта на важном промысловом по добыче пушнины озерно-речном пути на север и северо-запад – по оз. Пяозеро, р. Оланга и далее к северным берегам Ботнического залива, в северную Лапландию (Кочкуркина, 1982. С. 165, 166). Не исключен путь на юг и юго-запад Карелии. В зимнее время торговцы пользовались материковыми путями. Кроме того, средневековые жители Софпорога в свободное время занимались рыболовством. И поныне эти водоемы славятся богатством и разнообразием видов рыб.

Сейчас уровень воды в протоке поднялся до 8 м, по этой причине остатки средневекового поселения для исследования недоступны.

Сохранилось 10 бронзовых предметов и их фрагментов. Плоская шумящая птицевидная подвеска – группа I тип V (Рябинин, 1981. Рис. 3) с двумя петлями в нижней части и одной, обломанной, в верхней. С обеих сторон подвеска украшена тремя треугольниками из трех рельефных жгутов; рельефные жгуты проходят по всему периметру изделия, ими же подчеркнуты шея птицы, головное оперение показано расплывчатыми шариками. Сохранились две привески: одна с бубенчиком, другая с лапкой, возможно, от разных подвесок (рисунок, 1). Этот тип украшений, датирующийся XII–XIII вв., имеет северо-восточное происхождение. Центром их изготовления, по всей вероятности, было Костромское Поволжье и Прикамье, откуда они распространились на северо-западные территории (Рябинин, 1981. С. 19).

Средневековые бронзовые изделия из Софпорога: 1 – плоская шумящая птицевидная подвеска; 2 – подковообразная фибула; 3 – фрагмент ажурной накладки; 4 – коническая шумящая подвеска; 5 – три звена цепи; 6 – навершие плети.

К этому же времени относится подковообразная плоская в сечении фибула с маленькими, разными по величине деформированными головками (рисунок, 2). Такие фибулы довольно часты в так называемых лапландских памятниках на севере Швеции (Graträsk) (Serning, 1956. Tabl. 37, 6–11).

Коническая шумящая подвеска с тремя привесками-бубенчиками хорошо сохранилась (рисунок, 4). Расплющенные звенья цепи украшены глубоко прочерченными штрихами. Эти изделия характерны для памятников северных финно-угорских территорий XII–XIII вв., известны они и в Приладожских курганах (Кочкуркина, 1973. С. 40;

1989. С. 277, 278). Но наибольшее их число найдено в Костромском Поволжье, где, как выяснилось в процессе раскопок, они использовались в качестве женских поясных украшений, прикреплявшихся к поясу с помощью шнушков (47 экз. из 37 женских погребений) (Рябинин, 1986. С. 78).

Три звена цепи с петлями на обоих концах и насечками на стержнях (рисунок, 5) – костыльки – встречены также в приладожском женском погребении, датирующемся XI–XII вв., два изделия – в уже упомянутом памятнике северной Швеции (Graträsk) (Serning, 1956. Tabl. 40, 12, 13); на древнекарельских городищах Паасо, Тиверск и в могильниках (Кочкуркина, 1981. Табл. 9, 22; 24, 5; 1982. С. 114).

Фрагмент бронзовой ажурной накладки орнаментирован вдавленными мелкими кружочками (рисунок, 3). Возможно, она украшала какое-то кожаное изделие (сумка, кошелек, деталь одежды?).

К числу редких находок относится оригинальное бронзовое навершие плети (рисунок, 6): длинная орнаментированная втулка с хорошо сохранившимся в нижней части отверстием венчалась птицевидной головой. Спиральным орнаментом подчеркнуты глаз и клюв птицы. Изделие хорошо сохранилось, хотя нахождение в воде среди валунов не прошло бесследно. Его можно отнести к типу IV, датирующемуся XII–XIII вв. (Кирпичников, 1973. С. 74, 75), но идентичных находке из Софпорога наверший плетей пока неизвестно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л., 1973.

Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Тр. Пятого Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1987.

Кочкуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.

Кочкуркина С.И. Археологические памятники корелы (V–XV вв.). Л., 1981.

Кочкуркина С.И. Древняя корела. Л., 1982.

Кочкуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е1-60. Л., 1981.

Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986.

Serning I. Lapskaofferplatsfynd från järnålder och medeltid I de svenska Lappmarkerna // Acta Lapponica. № 11. Uppsala, 1956.

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА-КОЧЕВНИКА ИЗ ПРИКУБАНЬЯ

© 2008 г. Л. Э. Голубев*, А. А. Сазонов**

*Управление по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей Краснодарского края,

**ОАО «Наследие Кубани»

На территории Краснодарского края – в Прикубанье и Закубанье на сегодняшний день исследовано около сотни погребений половецкого времени. Особый интерес представляет район станицы Темижбекской – отсюда еще в дореволюционный период в областной музей поступали предметы и каменные изваяния кочевнического происхождения (Зеленский, Цокур, 2003. С. 210). На сегодня в этом районе на небольшой территории исследовано одно женское погребение – могильник Радуга (Зеленский, Цокур, 2003) и два мужских – воинских, одно из которых – комплекс из курганного могильника Кавказский 2 – уже введено в научный оборот (Козюменко и др., 2001). Этой публикацией мы представляем второй воинский комплекс.

В сентябре–октябре 2004 г. отрядом археологической экспедиции ГУП «Наследие Кубани» в 4 км к северу от станицы Темижбекской (Кавказский район Краснодарского края) был полностью исследован могильник Восток 1, состоящий из двух курганов эпохи бронзы. Курганные насыпи располагались вплотную друг к другу – в результате многолетней распашки они деформировались и частично расплылись. Западная пола кургана 2 слилась с восточной полкой кургана 1. Восточная пола кургана 1 срезана до 1/4 при благоустройстве пахотного поля. Высоты курганных насыпей от контрольного репера, установленного у подножия кургана 1 в 30 м к западу от его вершины (R 0), составляют соответственно 1.15 и 0.60 м. Фактический диаметр насыпей – 55 и 35 м.

Интересующее нас впускное погребение находилось в кургане 1, в 0.6 м к востоку от R 0, и зафиксировано под № 6 (рисунок, 1). Форма могильной ямы по изменению состава и цвета грунта не прослежена. Дно ямы – от -1.72 до -1.80 м (от R 0). Захоронение принадлежало взрослому мужчине. Сохранность костяка хорошая. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Череп с ярко выраженными монголоидными чертами покоился на затылке. Руки вытянуты вдоль туловища, правая рука немного была согнута в локте. По всей длине костяка на уровне дна погребения фрагментарно прослежен тлен дерева, отдельные дощечки лежали поперек могилы под ним. Дощечки находились под поясницей рядом с правой кистью, между бедренными костями ближе к коленному суставу и берцовыми костями рядом со щиколотками погребенного, расстояние между ними составляли 40 и 38 см. С левой стороны от костей таза вдоль левого бедра находилась доска. Возможно, поперечные дощечки и продольная доска некогда составляли

единую конструкцию. Вдоль костяка с правой стороны на уровне черепа, перекрывая кисть и локтевые кости, лежала сабля – режущей стороной наружу, острием к ногам, рукоятку к черепу. Клинок находился в несохранившихся деревянных ножнах с железными деталями. На левом плече обнаружена железная скоба от колчана. В области левого предплечья, на лучевых костях лежали фрагменты полуистлевшей бересты – вероятно, остатки колчана. Вдоль левой кисти, остриями к ногам лежали плотной группой шесть железных наконечников стрел и один костяной. За черепом, в 0.37 м к СЗ от него, находился железный нож длиной около 12 см (полностью коррозирован, распался). Другой инвентарь в погребении не обнаружен.

Инвентарь. Сабля находилась в ножнах с железными деталями (рисунок, 2). Металл сильно коррозирован, расслаивается. Клинок почти прямой, с незначительным изгибом. Коллющая часть обоюдоострая, длиной около 1/4 от общей длины клинка. Перекрестие прямое, торцовые выступы незначительно опущены к клинку, боковины перекрестия – ромбовидные. Рукоятка слегка отогнута в сторону лезвия сабли, на котором имеются три штифта для крепления рукояти. Навершие рукояти цилиндрическое, овальное в сечении, с плоским донцем. На боковых сторонах навершия, в местах крепления к рукояти имеются треугольные выступы и штифт с петлей для темляка. По всей длине клинка прослеживаются отпечатки дерева от ножен. В средней части клинка и в районе устья ножен обнаружены железные пластинчатые фрагменты деталей оклада ножен. Кроме того, в ходе первичной консервации сабли на черенке рукояти, в отверстии перекрестия и внутри навершия обнаружены скопления мелких роговых чечевицеобразных образований диаметром по 2–3 мм, расположенных наподобие пчелиных сот. По заключению специалиста-биолога, данные образования представляют собой следы обтяжки рукояти сабли из кожи морского ската¹. Известны два случая использования кожи и зубов морской рыбы для обтяжки рукояти сабли (Евглевский, Потемкина, 2000. С. 155). Длина сабли без навершия – 109 см, длина черенка – 10 см, ширина клинка у основания – 4.5, ширина перекрестия – 10.

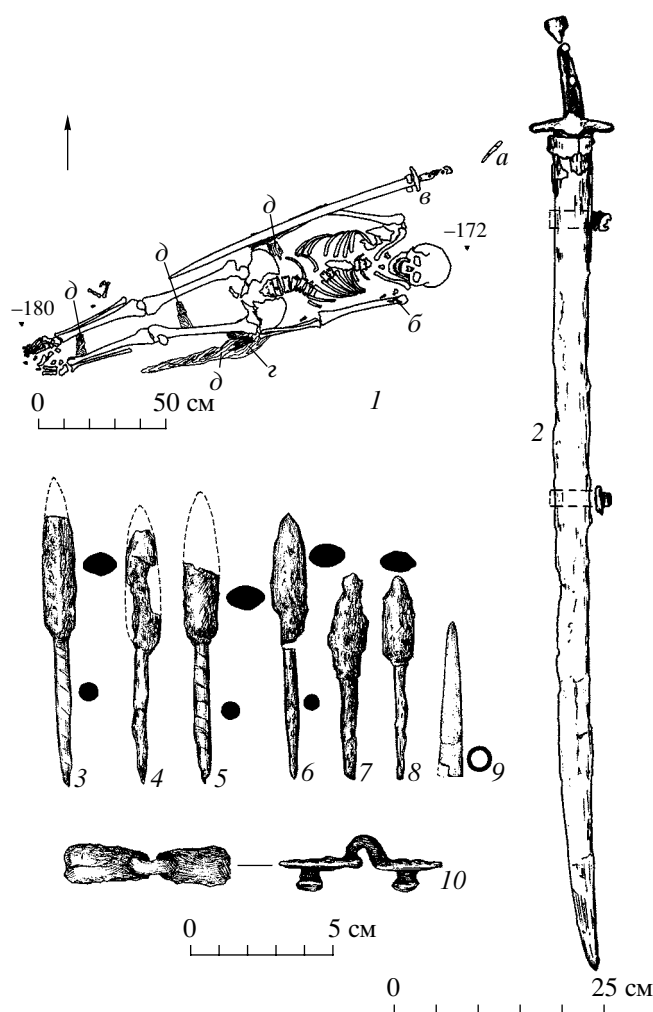
¹ Авторы глубоко признательны за проведенную экспертизу биологу А.Э. Чушкину, сотруднику Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына.

Сабля в эпоху Средневековья являлась исключительно всадническим видом оружия (Кирпичников, 1966. С. 67) и к моменту монгольских завоеваний широко использовалась в Восточной Европе. Клинок сабли имеет малую кривизну, что характерно для раннего периода их распространения (Кирпичников, 1966. С. 67; Плетнева, 1981. С. 215). Однако наша сабля значительно длиннее и шире салтовских и постсалтовских клинков. Слабо изогнутый клинок позволял ее владельцу эффективно наносить не только рубящие удары, но и колющие. Перекрестие сабли по классификации А.Н. Кирпичникова находится между типами II и ПА, ближе к последнему, который автор датирует первой половиной XIII в. (1966. С. 63, 70. Рис. 13. Табл. XXXIV, 3, 4). Близкий клинок из Хакасии М.В. Горелик относит к монгольским палашам XIII–XIV вв. (2002. С. 64. Рис. 9). По мнению А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, сабли со слабой кривизной клинка не могут, в отличие от сильно изогнутых полос, быть хронологическим показателем; оружие подобного облика продолжает, хотя и в меньшем количестве, бытовать и в XII–XIV вв. (Евглевский, Потемкина, 2000. С. 155). Указанные авторы датируют близкие нашей сабле клинки второй половиной XII–XIII в. (2000. С. 123. Рис. 2, 9; С. 145. Табл. 8).

Навершие уплощенно-цилиндрической формы овального сечения с двумя боковыми выступами близко по типу навершию из кочевнического погребения могильника Зимовники IX (в комплексе присутствовала решетчатая конструкция) (Парусимов, 1998. Рис. 45, 1). Полной аналогии навершию сабли нам не удалось найти.

Ножны были деревянными, обтянутыми кожей, без наконечника. Обоймы (5,3 × 1,5 см) в верхней части снабжены подтреугольными выступами (1,9 × 1,9 см), к которым посредством боковых штифтов прикреплены подвижные петли (диаметр 1,5 см). При помощи петель ножны подвешивались к поясу или плечевой перевязи. Одна обойма находилась на расстоянии 10 см от устья ножен, вторая в 32 см от первой. Портупейные петли крепились к обоймам с одного из торцов, так что клинок в подвешенном состоянии находился режущей стороной вниз. Вся гарнитура ножен сильно коррозирована и расслаивается. Вероятно, конструкция обойм с крепежными петлями близка конструкции, опубликованной А.Н. Кирпичниковым (1966. С. 177. Табл. XXXV, 6). Ножи – обычные находки в погребениях средневековых кочевников. Они на протяжении многих веков сохраняли одинаковые формы и назначение. Поэтому даже если ножи хорошо сохраняются в погребениях, они не являются надежным датировочным материалом.

Наконечники стрел железные ромбовидные (рисунок, 3–8), 6 экз. Сильно коррозированы и

Погребение и находки. 1 – план погребения: а – нож, б – колчанная скоба, в – сабля, г – наконечники стрел, д – детали деревянной конструкции; 2 – сабля железная; 3–8 – наконечники стрел железные; 9 – наконечник стрелы костяной; 10 – колчанная скоба железная.

фрагментированы. Все экземпляры при некоторой вариативности относятся к одному типу, для которого характерны остролистные перья ромбовидного сечения, с небольшой закраиной и упором у черенка. На черенках – следы органических обмоток. Длина сохранившейся части – от 5,2 до 10 см, ширина – от 1,2 до 1,4. Первоначальная же их длина была около 10 см. Такие наконечники начинают широко бытовать после монгольского завоевания на всей территории Золотой Орды в XIII–XIV вв. Особенно большое их количество найдено в Поволжье и на Кубани. На Украине одно из кочевнических погребений с подобными стрелами сопровождалось монетой хана Узбека (Медведев, 1966. С. 87, 156. Табл. 22, 1).

Втульчатый костяной наконечник стрелы (рисунок, 9) – форма коническая, в сечении круглый. Длина – 5,4 см, ширина в устье – 0,9. Подобные

костяные наконечники стрел бытуют с I тыс. до н.э. вплоть до XVI в. (Медведев, 1966. С. 85, 161. Табл. 25, 17) и, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, не могут служить временным “маркером” (1966. С. 29). В.А. Ларенок же, вопреки устоявшемуся мнению, считает, что наличие костяного наконечника стрелы в мужских погребениях кочевников как раз и является инновационным показателем золотоордынского времени (1998а. С. 128).

Деталь колчана – железная скоба (рисунок, 10) изготовлена в виде незамкнутой петли с концами, раскованными в две трапециевидные пластины, расположенные в одной плоскости, со штифтами крепления. Сильно коррозирована. Длина – 6, ширина – до 1.4 см. Аналогичные детали колчанов нередкие находки в погребениях степняков в золотоордынское время (Нарожный, 2005. С. 104, 115. Рис. 50). Две такие же петли были найдены в расположенном рядом с рассматриваемым памятником могильнике Дмитриевский – курган 4, впускное погребение 1 (Блохин и др., 2003. С. 187. Рис. 5, 13; Кочкаров, 2004. С. 102. Рис. 5, 1). Судя по следам на лучевых костях погребенного, колчан был изготовлен из бересты и был традиционной цилиндрической формы. Такие колчаны, расширяющиеся книзу, имели ближе к устью перехват, с тыльной стороны которого крепилась петля для подвешивания к поясу или плечевой перевязи. Кверху от перехвата колчан также расширялся и иногда сверху снабжался крышкой (Медведев, 1966. С. 19, 20. Табл. 1). Колчан, вероятно, имел длину 70–80 см. Приблизительно такой же длины были и древки стрел, уложенные внутри острием вниз. В письменных источниках и в археологической литературе отмечалось, что колчаны татар и черкесов вмещали до 30 стрел (Медведев, 1966. С. 21). В нашем случае в нем оказалось лишь семь.

В обряде захоронения прослеживаются некоторые золотоордынские традиции. В частности, северо-восточная ориентировка костяка (Зеленский, 2002. С. 55) и следы деревянной конструкции под ним, вероятно остатки так называемого решетчатого гроба. Такие погребальные конструкции Г.А. Федоров-Давыдов относил к II типу IV периода, т.е. ко второй половине XIII–XIV в. (1966. С. 130). Такого же мнения придерживается и В.А. Ларенок (1998а. С. 128). Северо-восточная ориентировка и, возможно, наличие такой же деревянной конструкции отмечены и в женском впускном погребении могильника Радуга (Зеленский, Цокур, 2003. С. 210), во впускном погребении курганного могильника Кавказский 2 (Козюменко и др., 2001. С. 248. Табл. 46, 1) и в упомянутом могильнике Дмитриевский (Блохин и др., 2003. С. 187. Рис. 5; Кочкаров, 2004. С. 102. Рис. 4). Причем в двух последних погребениях присутствие “решетчатого гроба” не вызывает сомнений. Необходимо также отметить, что в обоих мужских погребениях чуть выше костяков с правой сторо-

ны были выявлены передние части конских скелетов, направленные мордами на юго-восток. В могильнике Восток 1 кости животного могли не сохраниться из-за сильной распушки и частичного разрушения кургана.

“Решетчатые гробы”, на наш взгляд, могли быть частью кузова деревянной повозки, которую во время похорон использовали в качестве носилок (Шалобудов, Яремака, 1985. С. 143–149. Рис. 2, 3; Яворская, 2004. С. 231). Возможно, использование части кузова носило культовый характер. От Поднепровья до Нижнего Поволжья зафиксирован целый ряд погребений, в которых находили целые или отдельные детали повозки (Шалобудов, Яремака, 1985. С. 138–154; Мамонтов, Ситников, 1993. С. 184, 187. Рис. 1, 3; Рассамакин, 2003. С. 207–229; Яворская, 2004. С. 320–323). Решетчатые конструкции известны на Нижнем Дону (Парусимов, 1998. С. 32, 36, 40. Рис. 40, 44; Ларенок, 1998. С. 68, 203. Табл. LIX; 1998б. С. 77. Рис. 1, 5). Особая близость с кубанскими погребальными комплексами прослеживается на Северо-Восточном Кавказе (Нарожный, 2005. С. 55–67. Рис. 24, 27, 29). В Восточном Казахстане встречаются подобные погребения и датируются X–XI вв. (Яворская, 2004. С. 323). Г.А. Федоров-Давыдов писал об известных ему погребениях с деталями повозки, являвшихся перекрытием могил, и относил их к IV периоду (1966. С. 130, 131). Л.В. Яворская относительно Поволжья отмечала, что захоронения с повозками нужно связывать с новым золотоордынским кочевым населением (2004. С. 234).

Основываясь на анализе исследуемого вещественного материала и погребального обряда, мы предполагаем, что погребение 4 кургана 1 могильника Восток 1 было совершено в пределах второй половины XIII–XIV в. представителями некоего племени, пришедшими вместе с монгольскими завоевателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Сорокин А.С. Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3. Краснодар, 2003.
- Горелик М.В. Армии монголо-татар XIII–XIV вв. М., 2002.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1. Донецк, 2000.
- Зеленский Ю.В. Особенности погребального обряда у половцев степного Прикубанья и восточного Закубанья // XXII “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2002.
- Зеленский Ю.В., Цокур И.В. Погребение половчанки из Прикубанья // МИАК. Вып. 3. Краснодар, 2003.
- Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие (мечи и сабли IX–XIII) // САИ. 1966. Вып. Е1-36.

- Козюменко Е.В., Беспальный Е.И., Беспальный Г.Е., Раев Б.А.* Раскопки курганного могильника “Кавказский 2” // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар, 2001.
- Кочкаров У.Ю.* Позднеполовецкие погребения всадников в Краснодарском крае // КСИА. 2004. Вып. 217.
- Ларенок П.А.* Курганный могильник “Таврия” I–III // Матер. и исслед. Таганрогской археол. экспедиции. Каталог курганов Северо-Восточного Приазовья. Вып. III. Ростов-н/Д., 1998.
- Ларенок В.А.* Археологические памятники Нижнего Дона золотоордынского времени // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов-н/Д., 1998а.
- Ларенок В.А.* Средневековые комплексы из раскопок братьев Миллеров в начале XX в. // ДА. № 1. Ростов-н/Д., 1998б.
- Мамонтов В.И., Ситников А.В.* Средневековые погребения Царевского курганного могильника // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград, 1993.
- Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. 1966. Вып. Е1-36.
- Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники Северного Кавказа (некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир, 2005.
- Парусимов И.Н.* Раскопки могильников в Зимовниковском районе // Тр. Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 3. Новочеркасск, 1998.
- Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Рассамакин Ю.Я.* Погребение знатного кочевника на реке Молочной: опыт реконструкции вещевого комплекса // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк, 2003.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Шалобудов В.Н., Яремака В.Н.* Кочевнические захоронения X–XII вв. на р. Волчьей // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1985.
- Яворская Л.В.* Повозки в погребениях кочевников золотоордынского времени Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.

НАГРОБНИЦА XVII в. ИЗ ЦЕРКВИ В КОРОВНИКАХ (г. ЯРОСЛАВЛЬ)

© 2008 г. С. И. Баранова

Московский государственный объединенный музей-заповедник

Надгробным памятникам позднесредневековой Руси посвящена обширная литература (Беляев, 1996; Русское средневековое надгробие, 2006). В них упоминается о надгробницах – кирпичных или каменных кожухах над местами захоронений внутри церквей. Однако их введено в научный оборот пока явно недостаточно, во всяком случае гораздо меньше, чем собственно надгробий. Некрополи, на которых стояли надгробницы, представляют особый интерес для истории русской культуры – обычно это погребения ктиторов храмов или высокопоставленных особ княжеских и царских семей. Как известно, их много в Архангельском соборе Московского Кремля, включая Иоаннопротеченский придел (Панова, 1989).

Интересный образец такого оформления – некрополь посадских людей в церкви Иоанна Златоуста в Коровниках в Ярославле (построена в 1649–1654 гг.), включающий семью Неждановских, ктиторов храма. Он неоднократно упомянут в литературе (Миславский, 1874. С. 82; Серебrenиков, 1850. С. 465; Путеводитель..., 1859. С. 197; Добровольская, 1968. С. 85; Горшкова и др., 2003. С. 129), но не описан и не опубликован. Некрополь в его нынешнем виде содержит две конструктивно и художественно идентичные кирпичные надгробницы (рис. 1) с двумя каменными досками (таблицами) и две настенные доски (одна сохранилась фрагмен-

тарно). Первая надгробница и две доски находятся в южной галерее, перед алтарем придела княгини Ольги; вторая стоит в северной галерее перед алтарем придела Зачатия Иоанна Предтечи. Осмотр позволяет охарактеризовать южную надгробницу, другие части некрополя будут опубликованы позднее.

Надгробница в южном приделе (рис. 2–4) образована кирпичным кожухом; он имеет невысокий кирпичный цоколь, а сверху перекрыт свободно лежащей белокаменной плитой. По центру северной стенки в кожух вмонтирована белокаменная надгробная таблица (59 × 55,5 × 12 см) с обронной надписью в профилированной многообломной рамке, которую фланкируют боковые полосы вертикально поставленных кирпичей.

Надпись вязью в 7 строк читается полностью: “Во имя отца и сына и святого духа // В лето 7164 (1655) года октября .28. дня представися раб // Божий ярославец посадский человек. Федор Федоров сын Неждановской тезоименный был // святому великомученику Федору Страти//лату. Что июня в 8 день а житие ево от // века .32. лета и 4 месяца и 16 дни”.

Эпиграфика надписи соответствует скорее концу XVII – началу XVIII в., чем середине столетия. Текст обнаруживает еще более существенные отступления от древнерусской традиции: во-первых,

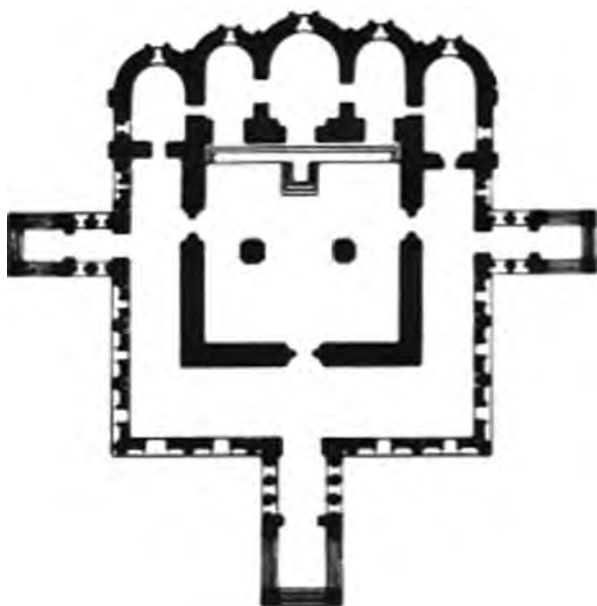

Рис. 1. План церкви Иоанна Златоуста с обозначением размещения надгробия.

добавлено очень редкое в надгробной эпиграфике начальное благословение. Единственная известная мне сравнительно ранняя аналогия – на плите Д.М. Башмакова, 1705 г. (см.: Левина, 2006. С. 115. № 43). Во-вторых, отмечена не память святого или праздник, приходящийся на день смерти, а день тезоименитства; в-третьих, употреблено слово “тезоименитство”, распространенное на надгробиях не ранее начала XVIII в. Наконец, подсчитано количество прожитых лет (примеры указания на тезоименитство и число прожитых лет см.: Левина, 2006. С. 82–123). Все это заставляет поместить момент изготовления надгробия не в 1650-е годы, а в самый конец XVII – начало XVIII в. Причиной поздней нарезки доски могло быть перенесение останков на новое место (например после постройки придела) или просто переоформление галерей. Такие “вторичные” доски хорошо известны именно для конца XVII – начала XVIII в. (см.: Беляев, 1996. С. 246–265 и др.; Гераськин, Нагорнов, 2008. С. 88). В пользу поздней даты свидетельствует также вмурованная в стену южной галереи аналогичная плита с надписью об умершей в 1700 г. жене Федора, Матроне, и плита 1701 г. с надписью на надгробнице северного придела (Павел Иванов сын Черницын). Дата этого последнего погребения и определяет нижнюю хронологическую границу установки надгробия.

Особенно необычны изразцовые украшения надгробия. Белокаменную таблицу Ф.Ф. Неджановского фланкируют два квадратных изразца, вставленных в кирпичную стенку надгробия. Они получили вид ромбов, поскольку повернуты

Рис. 2. Надгробия в южном приделе церкви Иоанна Златоуста в Коровниках. Вид с северо-запада. Фото 2008 г.

углом. Третий такой изразец вмонтирован в восточную торцевую стенку надгробия.

Все три красноглиняных изразца рельефные, многоцветные (зеленая, синяя, белая, желтая эмали и коричневая глазурь) с изображением восьмиугольной рамки (звезды) с геометрическо-растительным орнаментом, приобретающим благодаря повороту вид крестообразного. Размеры изразца западнее надписи: $27 \times 26,5$ см; восточнее – 26×26 ; в торце – 26×26 . Самые ранние аналоги – полихромные и муравленые изразцы с территории Хутынского монастыря под Новгородом, изготовленные в мастерской Иверского Валдайского монастыря. Вариант (размер 32×32 см) таких же изразцов находим на столбе Голгофского придела Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря, что объяснимо переводом туда иверских мастеров; изразцы относятся к первому строительному периоду, 1658–1666 гг. (Баранова, 2002. С. 225–227).

Компоновка четырех изразцов с рамкой в виде восьмиконечной звезды создавала рисунок в виде равноконечного креста с заостренными завершениями, а при увеличении четного числа изразцов восьмиконечные звезды и кресты просматривались еще отчетливее, что хорошо видно в изразцовом украшении столба в Голгофском приделе. Интересна разница в трактовке исходного геометрического мотива звезды с крестом в архитектурной керамике Азербайджана и Армении, где он приобретает разную смысловую нагрузку. В Армении мотив креста подчеркнут выступающим рельефом на звездчатом фоне, в Азербайджане главным композиционным элементом становится звезда, а крест, теряя смысловое значение, сливается с фоном (Кондратьева, Паничева, 1986).

В 1669 г. красноглиняные квадратные изразцы ($20 \times 21,5$ см) с изображением рамки в виде восьми-

Рис. 3. Торцевая стенка нагробницы в южном приделе церкви Иоанна Златоуста в Коровниках. Вид с запада. Фото 2008 г.

конечной звезды и рисунком внутри нее стали основными в создании орнаментальной темы изразцового декора церкви Николая в Столпах в Москве (разобрана в 1935 г.). Позже этот орнаментальный мотив в декоре московских памятников не встречается; не получил он распространения и в Ярославле, где такие изразцы использовали лишь как “штучные” вставки (например в декоре церкви Иоанна Предтечи в Толчке 1671–1687 гг.). Нагробница в северном приделе украшена аналогичными изразцами и дополнительным изразцом того же набора (с изображением половинок восьмиугольной рамки; этот тип известен во всех названных выше памятниках Новгорода, Москвы и Ярославля).

Богатейший изразцовый декор церкви Иоанна Златоуста (изразцовый наличник окна центральной апсиды, оформление галерей и крылец, колонки по углам основного объема) создан в конце 1680–1690-х годов, т.е. на несколько десятилетий позже постройки церкви (более позднее введение изразца в структуру декора характерно для ряда ярославских памятников). Скорее всего изразцы для церкви были изготовлены в Коровницкой слободе, известной своим изразцовым производством. Об этом свидетельствуют следы первоначального керамического декора в виде красных изразцов середины XVII в., сохранившихся на крайних восточных постаментах столбов галерей храма (возможно, также из керамической мастерской Коровницкой слободы). Тожественные им изразцы во

Рис. 4. Плита нагробницы в южном приделе церкви Иоанна Златоуста в Коровниках.

множестве находили еще в 1896 г. на территории гончарного завода в Коровницкой слободе, что позволило считать их продукцией местных мастерских (Иванов, 1957. С. 120).

Документальные сведения о производстве изразцов в Коровницкой слободе восходят лишь к 1670-м годам; тогда там работали три “гончарных завода”, производя около 100 тыс. изразцов в год. Здесь же находились кирпичные и горшечные заводы (Иванов, 1957. С. 119). Однако в переписных книгах по Ярославлю постоянно встречаются и списки живущих в 1668 г. в Коровницкой слободе “беломестных кирпичиков” (Иванов, 1957. С. 102). Известно, что материал и технология изразцов, кирпича, черепицы близки, их изготовляли часто одни и те же мастера, в том числе и в Ярославле (Баранова, 2001. С. 101, 102). Здесь же могли быть сделаны изразцы, украсившие нагробницы церкви Иоанна Златоуста.

Ктиторство Неждановских прослеживается в течение всего XVII в. Впервые Златоустовский деревянный храм упомянут в 1622 г., когда для него отлили колокол, вклад Третьяка Неждановского с братьями. Надпись на нем сообщала, что “В дом Пречистой иконы Владимирской, чесного ее Сретения и великого святителя Иоанна Златоустого и иже во святых отца нашего Николая Чудотворца положи с колокол Третья Оксифев сын Неждановский с братьями по своим родителям во веки, лета 7130 августа 7. Вес 8 пуд” (Рутман, 2005. С. 405). Каменный храм, согласно архивным документам, был возведен по заказу посадских людей Ивана Фадеева и Федора Федорова Неждановских. Эта

семья продолжала заботиться о храме и в XVIII в.: в 1732–1733 гг. на средства Ивана Иванова Неждановского артель ярославских иконописцев во главе с уроженцем Коровницкой слободы Алексеем Сопляковым расписала стены храма (Шемякин, 2000. С. 26–35).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранова С.И.* Москва и Ярославль. К вопросу об аналогиях в изразцовом декоре // V Науч. чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой. Ярославль, 2001.
- Баранова С.И.* “Разсадник изразцового дела в России” (к вопросу о новоиерусалимских аналогиях в изразцовом декоре Москвы 2-й половины XVII века) // Никоновские чтения в музее “Новый Иерусалим”. М., 2002.
- Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. М., 1996.
- Гераськин Ю.В., Нагорнов В.П.* Памятная плита Ивана Мирославовича (мурзы Хоросмира) в Рязанском Солотчинском монастыре // РА. 2008. № 2.
- Горшкова В.В., Добрякова О.И., Полознев Д.Ф.* “Золотой век” Ярославля. Опыт культурографии русского города XVII – первой трети XVIII века. Ярославль, 2003.
- Добровольская Э.Д.* Ярославль. М., 1968.
- Иванов Н.А.* К истории производства изразцов в Ярославском крае // Из тезисов 12 науч. конф. Ярославского педагог. ин-та. Ярославль, 1957.
- Кондратьева Е.В., Паничева Л.Г.* Русские изразцы с ковровым орнаментом // Памятники культуры. М., 1986.
- Левина Т.В.* Белокаменное надгробие XV–XVII века. Собрание музея-заповедника “Коломенское” // Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Матер. к своду / Вып. 1. М., 2006.
- Миславский С.* Церкви города Ярославля в 1781 г.: Записка Ростовского архиепископа Самуила Миславского, представленная наместнику Мельгунову. Ярославль, 1874.
- Панова Т.Д.* Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // СА. 1989. № 1.
- Путеводитель по Ярославской губернии. Ярославль, 1859.
- Русское средневековое надгробие XIII–XVII вв. Матер. к своду / Вып. 1. М., 2006.
- Рутман Т.А.* Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005.
- Серебренников С.* Церковь св. Иоанна Златоуста в Коровницкой слободе в Ярославле // Ярославские губернские ведомости. № 47. Ярославль, 1850.
- Шемякин А.И.* Некоторые сведения об иконописцах династии Сопляковых // IV Науч. чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой. Ярославль, 2000.

КО II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКОМУ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ
СЪЕЗДУ

**ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА
А.П. ОКЛАДНИКОВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

(к 100-летию со дня рождения)

© 2008 г. А. П. Деревянко, В. И. Молодин, Ю. С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

В октябре 2008 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося отечественного археолога и историка, педагога и организатора науки в Сибири и на Дальнем Востоке академика Алексея Павловича Окладникова. Прошло уже четверть века с того времени, как Алексея Павловича нет с нами. В канун юбилея уместно напомнить о его наиболее значимых деяниях и заслугах перед отечественной археологией, чтобы еще раз по достоинству оценить все то, что было создано им за долгие и нелегкие годы многолетней научной деятельности, дабы отчетливо показать, насколько значимой была и остается сегодня его роль в развитии науки, образования и культуры на востоке нашей страны.

Научное наследие этого ученого необычайно велико и многообразно. А.П. Окладников внес свой вклад в самые различные направления археологической и исторической науки, образования и культуры. К оценке его деяний в научной, педагогической и организационной деятельности уже неоднократно обращались археологи и историки на-

уки, его ученики и коллеги, хорошо знавшие А.П. Окладникова по многолетней совместной работе (Ларичев, 1958; 1968; 1970; Васильевский, 1974; 1981; Деревянко, 1980; Деревянко, Курилов, 2003; Молодин, 1998; Конопацкий, 2001).

Научная биография А.П. Окладникова стала неотъемлемой частью истории отечественной археологической науки XX в. Он родился 3 октября 1908 г. в Восточной Сибири на Верхней Лене, в д. Константиновщина Иркутской губернии, в простой деревенской семье. Его отец был учителем сельской школы, мать – крестьянкой. В детстве он рано остался без отца, с юных лет познал нелегкий крестьянский труд. Еще в школьные годы, под влиянием своего учителя И.Т. Житова, создавшего при школе в с. Анга краеведческий кружок, А.П. Окладников увлекся историей родного края. В 1925 г., после окончания школы, он поступил в педагогический техникум, затем стал студентом пединститута в г. Иркутске. Определяющее значение при выборе им археологии в качестве главного дела всей своей жизни имело для А.П. Окладнико-

ва знакомство и последующее сотрудничество с известным российским ученым, археологом и этнографом, в прошлом проф. Петербургского университета, Бернгардом Эдуардовичем Петри, который в годы гражданской войны переехал из Петрограда в Иркутск. В период работы в Иркутском университете Б.Э. Петри создал этнографический кружок, в состав которого входили преподаватели и студенты, его ученики и единомышленники. Эти в основном еще совсем молодые люди стремились активно заниматься научной работой, изучать прошлое Сибири. Помимо А.П. Окладникова, среди них были М.М. Герасимов, Г.Ф. Дебец, П.П. Хороших и другие, ставшие впоследствии известными археологами, антропологами, специалистами в области этнической истории Северной Азии.

В 1928 г. А.П. Окладников стал работать в Иркутском краеведческом музее, возглавив его этнографический отдел (Ларичев, 1968. С. 3). Он изучал архивные материалы по истории присоединения Прибайкалья к России и первых контактов русских землепроходцев с коренными жителями этого края. Его первое монографическое исследование было посвящено этой, весьма актуальной для нашей многонациональной страны, проблеме (Окладников, 1937). Под влиянием своего учителя Б.Э. Петри и в условиях необходимости постоянной работы с этнографическим материалом у молодого ученого уже в эти годы формируется весьма широкий круг интересов в изучении исторического прошлого, обитателей Сибири – от каменного века до этнографического времени. В 1920-е годы в отечественной исторической науке преобладало стремление вернуть из исторического небытия коренные бесписьменные народы Сибири, восстановить историю этих народов по памятникам материальной культуры, которые принадлежали их далеким предкам. Среди тех, кто приложил к этому благородному делу свои силы, был и А.П. Окладников, изучавший архивные материалы по истории освоения Прибайкалья русскими и их контактов с бурятами и эвенками. В это же время он совершил ряд поисковых маршрутов в верховья Лены и нижнее течение Селенги, где открыл памятники каменного века и эпохи палеометалла, в том числе ставший впоследствии широко известным Фифановский некрополь, а также обследовал наскальные рисунки на Шишкинских писаницах, открытых еще в XVIII в., когда они были впервые обнаружены и срисованы художником Великой Северной экспедиции И.В. Люрсениусом по поручению академика Г.Ф. Миллера (Ларичев, 1970. С. 11). К изучению этих рисунков А.П. Окладников неоднократно возвращался в последующие годы (Окладников, 1959).

В качестве музейного работника он должен был заниматься популяризацией научных знаний по истории родного края. К этой работе он подо-

шел с большим желанием, с увлечением рассказывая посетителям об историческом прошлом Сибири, демонстрируя при этом интерес и увлеченность древностью. Этот талант яркого популяризатора науки Алексей Павлович в дальнейшем пронес через всю свою жизнь. Он мог и любил вдохновенно рассказывать о жизни и культуре древних сибиряков, выступая перед самой различной по составу аудиторией: перед учеными и студентами, партийными работниками и деятелями культуры, учителями и школьниками, рабочими и колхозниками, штатскими и военными, на специально организованных встречах и лекциях или экспромтом на раскопе. Более того, популяризация научных знаний в области археологии, древней истории и происхождения искусства стала в дальнейшем одним из важных направлений в его повседневной научной деятельности. Перу А.П. Окладникова принадлежит большая серия научно-популярных книг и статей, посвященных “открытию” древней истории и культуры Сибири археологами (Окладников, 1964; 1968).

Уже в молодые годы он зарекомендовал себя талантливым организатором, что особенно проявилось в проведении экспедиций. В 1932–1934 гг. А.П. Окладников возглавил работы по поиску и изучению археологических памятников в Верхнем Приангарье, организованные Иркутским краеведческим музеем и Восточно-Сибирским отделом географического общества и поддержанные ведущим в тот период археологическим институтом страны ГАИМК. В ходе этих работ им были открыты и обследованы многие археологические памятники, поселения и могильники эпохи неолита и палеометалла. В дальнейшем материалы, собранные во время работы Ангарской экспедиции, были использованы ученым для разработки периодизации культур эпохи неолита и раннего металла обширных территорий Прибайкалья. Эти работы составили основу его будущей кандидатской диссертации, а позднее вошли в фундаментальный, ставший классическим труд “Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологические исследования”, опубликованный в двух книгах (Окладников, 1950; 1955). К этой теме он неоднократно возвращался в течение всей своей последующей научной деятельности. Уже в начале 1970-х годов он подготовил трехтомное издание, куда вошли материалы по исследованным им на Ангаре погребальным комплексам эпохи неолита и раннего металла (Окладников, 1974; 1975; 1976).

В 1934 г. хорошо зарекомендовавший себя молодой, перспективный ученый был приглашен для обучения в аспирантуре в ГАИМК г. Ленинград. Среди его наставников того периода был выдающийся ученый, палеолитовед профессор П.П. Ефименко (Ларичев, 1970. С. 12).

В 1935 г., при содействии известного этнографа В.Г. Богораза, А.П. Окладников впервые совершил экспедиционную поездку на Дальний Восток, обследовав берега р. Амур от г. Хабаровска до устья этой реки. В ходе экспедиции были обнаружены разнообразные археологические памятники, поселения, городища и рисунки на скалах, относящиеся к разным археологическим культурам и периодам, от эпохи неолита до этнографической современности. С этого времени культуры Дальнего Востока, Приамурья и Приморья, а в дальнейшем и древности северо-востока Азии прочно вошли в круг научных интересов ученого. В последующие годы Алексей Павлович продолжил поиски археологических памятников в Приангарье, обследовав нижнее течение р. Ангары вплоть до ее устья. В это время им были обнаружены поселения каменного, бронзового и железного веков, неолитические могильники и наскальные рисунки. Тогда же А.П. Окладников провел раскопки на палеолитическом поселении Буреть, где обнаружил выдающиеся по своей научной значимости предметы-скульптурные антропоморфные изображения – женские статуэтки в меховых одеждах, изготовленные из бивней мамонта (1940).

В 1938 г., по приглашению ведущего специалиста по археологии Средней Азии М.Е. Массона, А.П. Окладников впервые провел полевые исследования в этом регионе. В долине р. Турган-Дарьи им были обнаружены и обследованы палеолитические памятники, в том числе пещерные Амир-Темир и Тешик-Таш. При раскопках в пещере Тешик-Таш А.П. Окладников обнаружил первое в Средней Азии погребение неандертальца. Это открытие стало выдающимся событием и крупнейшей научной сенсацией своего времени (Окладников, 1939). Позднее, за монографию, посвященную исследованию Тешик-Таша, А.П. Окладников в числе других ученых был удостоен Сталинской премии (Васильевский, 1981. С. 12).

В том же 1938 г. он защитил кандидатскую диссертацию, в которой обобщил материалы из раскопок неолитических памятников Приангарья, и стал работать старшим научным сотрудником в Институте истории материальной культуры в Ленинграде.

В течение последующих шести лет А.П. Окладников работал в Якутии, где возглавлял Ленскую историко-археологическую экспедицию. Ученый обследовал долину р. Лена и ее основных притоков, побережье Северного Ледовитого океана. За этот период он обнаружил многочисленные поселения каменного, бронзового и железного веков, памятники наскального искусства.

По результатам этих многолетних работ в 1947 г. он защитил докторскую диссертацию и подготовил фундаментальную монографию по древней истории Якутии (Окладников, 1949). Среди

многочисленных археологических памятников, открытых и исследованных А.П. Окладниковым в это время, были стоянки русских мореходов на о. Фаддея и в заливе Симса на п-ве Таймыр, которые свидетельствовали об их плаваниях по Северному морскому пути в начале XVII в. (Окладников, 1945). В это же время он провел полевые исследования на северо-востоке Азии, на Чукотке и побережье Охотского моря, раскопал памятники каменного века, древних неолитических культур, носителями которых были предки эскимосов и коряков. Важно подчеркнуть, что по существу столь масштабные археологические исследования впервые проводились в этих суровых и труднодоступных районах Советского Союза. Впервые разрабатывались и вводились в научный оборот историко-культурные схемы, строились семантические и этнические реконструкции. В полной мере все вышесказанное применимо к оценке исследований, проведенных А.П. Окладниковым и в Приангарье, и на Дальнем Востоке.

Во второй половине 1940-х годов А.П. Окладников вернулся в Ленинград и продолжил работу в Институте истории материальной культуры. В течение нескольких лет, с конца 1940-х и до начала 1950-х годов, А.П. Окладников возглавлял работу Бурят-Монгольской экспедиции в Прибайкалье и Забайкалье. В результате сотрудники этой экспедиции обнаружили и исследовали памятники эпохи палеолита, неолита и раннего металла, стоянки, поселения, городища, могильники, наскальные рисунки. В те же годы А.П. Окладников вел поиски памятников каменного века в Средней Азии, в Туркмении и Таджикистане. Позднее он продолжил экспедиционные работы в Узбекистане и провел поиски памятников каменного века и на территории Кыргызстана.

В 1949 г. ученый возглавил работу ведущего в тот период академического научного учреждения страны археологического профиля, Института истории материальной культуры, преобразованного затем в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. В этом же году он работал в составе Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции в Монголии, обнаружив палеолитические стоянки в долинах Орхона и Толы, неолитические памятники в Хэнтэе и Южной Гоби, наскальные рисунки в разных районах этой страны.

Начало 1950-х годов выдалось нелегким для отечественной археологии. На многих ученых обрушился шквал необоснованной критики в связи с “борьбой против марризма”. Не избежал этой участи и А.П. Окладников. Однако судьба уберегла ученого. Он был только понижен в должности и назначен руководителем сектора палеолита в ЛО ИИМК, благодаря чему смог продолжить свою активную научную деятельность. В эти же годы

А.П. Окладников вновь возглавил крупные новостроечные археологические экспедиции, работавшие в долине Ангары, в зонах строительства Иркутской и Братской гидроэлектростанций. Сотрудниками этих экспедиций были исследованы многочисленные памятники эпохи палеолита, неолита, бронзового и железного веков, периода средневековья. В дальнейшем, в течение нескольких десятилетий эти материалы использовались археологами для реконструкции древней и средневековой истории данного региона.

В 1953 г. А.П. Окладников возглавил работу Дальневосточной экспедиции. В это время в круг его научных интересов вошли проблемы первоначального заселения человеком Дальневосточного региона и Американского континента, развития хозяйства, культуры и искусства неолитических племен и государственности средневекового населения юга Дальнего Востока, этногенеза и культурогенеза палеоазиатских и тунгусо-маньчжурских народов. Им были обследованы многие памятники эпохи каменного века, палеометалла и средневековья в Приамурье и Приморье. В эти же годы он продолжил свои работы в Средней Азии, где занимался поисками памятников каменного века в Притяньшанье, в долине Сырдарьи. Материалы, полученные в результате этих экспедиций, легли в основу реконструкции древнейших периодов истории Средней Азии.

В 1961 г. судьба ученого вновь круто изменилась. Основатель Сибирского отделения АН СССР академик М.А. Лаврентьев пригласил А.П. Окладникова, самого авторитетного на тот период ученого-археолога, исследователя археологических культур Северной Азии, имеющего опыт организации науки, возглавить работу по созданию гуманитарного направления в Сибирском отделении АН СССР. Это решение оказалось судьбоносным не только для самого ученого, но и для поступательного развития археологической науки во всем Сибирском регионе. Именно Алексей Павлович способствовал возникновению археологических структур в университетах и музеях Сибири. С именем А.П. Окладникова связана подготовка кадров археологов фактически для всей азиатской части страны, включая Среднюю Азию. После переезда в новосибирский Академгородок А.П. Окладников возглавил работу Отдела гуманитарных исследований при Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР и стал заведующим кафедры истории, а затем всеобщей истории Новосибирского государственного университета. В 1964 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1966 г. стал директором преобразованного из отдела гуманитарных исследований самостоятельного Института истории, филологии и философии СО АН СССР. В 1968 г. А.П. Окладников был избран действительным членом – академиком Ака-

демии наук СССР. К этому времени он был, несомненно, одним из ведущих ученых-гуманитариев, археологов и историков в нашей стране. Именно в это время ученый привлекался в качестве автора фундаментальных трудов по истории, издававшихся Академией наук. Он был автором разделов по древнейшим периодам истории в многотомных изданиях “Всемирная история”, “История СССР”, историй среднеазиатских республик, “История Сибири”, редактором многих авторитетных научных изданий, редактором или членом редакционных коллегий ведущих научных журналов исторического профиля. За свою большую работу по созданию пятитомной “Истории Сибири” он был удостоен Государственной премии СССР. В качестве ведущего ученого гуманитарного профиля ему приходилось быть редактором не только археологических, но и многих исторических работ, затрагивающих самые различные научные проблемы, вплоть до современности.

Проявив себя неутомимым полевым исследователем с самого начала своего пути в науке, А.П. Окладников продолжил интенсивно работать в поле и после того, как стал руководителем научного института в Новосибирском научном центре. Со времени своих первых поездок в 1920-х годах и до последних лет своей жизни он каждый полевой сезон выезжал в археологические экспедиции в самые разные уголки азиатской России, а также и за рубеж. В 1960–1980-е годы основными районами его работ стали Горный Алтай, Монголия, Забайкалье и Приамурье. В этот период все большее внимание А.П. Окладникова стали привлекать памятники древнего искусства. Этой теме посвящена большая серия его книг и статей о петроглифах Прибайкалья, Забайкалья, Приамурья, Горного Алтая, Монголии (Окладников, 1959; 1966; 1969–1972; 1981; Окладников, Запорожская, 1969; 1970). В этих научных трудах определены сюжетные и стилистические особенности наскальных рисунков, обоснована их хронология и культурная принадлежность, реконструирована семантика изображений, прослежена связь с культовой практикой таежных охотничьих и степных скотоводческих народов. Ученый посвятил ряд своих трудов актуальным вопросам происхождения искусства и формирования изобразительной деятельности у древних людей, а также вопросам семантики (Окладников, 1964; 1967).

Важное место в научном наследии А.П. Окладникова занимают результаты его полевых исследований. За годы своей многолетней работы в поле он обследовал, обнаружил и провел раскопки на многих сотнях памятников в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии, в Монголии, организовывал международные экспедиции на Аляску и Кубу. Его полевые работы отличались прежде всего очень высокой результативностью. Необычайная широта научных интересов позволяла ему обнару-

жить и исследовать археологические памятники, относящиеся к самым разным культурам и историческим эпохам, значительно различающимся между собой условиями местонахождения, назначения и сохранности.

В числе выдающихся достижений ученого памятники раннего палеолита в Горном Алтае, Средней Азии, Монголии, на Дальнем Востоке, открытие которых позволило по-новому взглянуть на проблему первоначального заселения Азиатского континента предками современного человека. Среди изученных А.П. Окладниковым комплексов периода среднего палеолита наиболее важное значение для науки имело уже упомянутое открытие неандертальского погребения в пещере Тешик-Таш, которое позволило антропологу М.М. Герасимову реконструировать внешний облик неандертальца. В числе исследованных А.П. Окладниковым памятников верхнего палеолита представлены многочисленные стоянки в самых разных районах Северной и Центральной Азии. Особый интерес среди них представляют жилищные комплексы на памятнике Буреть в Прибайкалье, где обнаружены и скульптурные антропоморфные изображения, сооружения на памятнике Санний мыс в Забайкалье, многослойная стоянка Мойлыгын Ам в Монголии и многие другие местонахождения. Среди научных проблем, в которые он внес свой значительный вклад, была и проблема заселения Американского континента по сухопутному пути из Азии.

Во время экспедиционных работ в Сибири, Монголии и Средней Азии А.П. Окладниковым были открыты и памятники эпохи мезолита. По результатам многолетних исследований, сибирские комплексы раннего голоцена были отнесены к эпохе эпипалеолита, поскольку в них не были представлены микролиты.

На протяжении всей своей научной деятельности А.П. Окладников уделял особое внимание анализу памятников неолитической эпохи. Им были детально исследованы неолитические могильники Прибайкалья. Материалы его раскопок позволили проследить развитие материальной и духовной культуры, искусства неолитических племен Прибайкалья, Забайкалья, Якутии, Приамурья и Приморья. Именно экспедиция, руководимая Алексеем Павловичем на Дальнем Востоке, открыла древнейшую в континентальной Евразии глиняную посуду (Окладников, Медведев, 1983).

Определенный вклад в расширение источниковой базы внесли работы А.П. Окладникова на поселениях, могильниках, памятниках изобразительного и монументального искусства культур бронзового, раннего железного веков и эпохи средневековья в Байкальском регионе и на юге Дальнего Востока.

Для развития археологии нашей страны важное значение имело стремление А.П. Окладникова оперативно вводить в научный оборот результаты своих полевых изысканий. Информация о результатах археологических исследований в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии, в Монголии публиковалась в специальных и многопрофильных научных изданиях. О своих наиболее ярких научных открытиях и находках Алексей Павлович стремился рассказать и в научно-популярной форме в журналах и газетах, делая их тем самым достоянием не только ученых, но широкой общественности, краеведов, преподавателей, студентов и школьников, интересующихся историческим прошлым своего родного края.

Для развития знаний об историческом прошлом Северной и Центральной Азии большое значение имели аналитические работы А.П. Окладникова, обладавшего огромным опытом полевых наблюдений и широкой эрудицией. Именно его суждения о времени и путях первоначального заселения этих регионов, об эволюции культуры насельников Прибайкалья, Забайкалья, Якутии, Дальнего Востока в неолитическое время, о развитии у древних людей эстетических представлений и искусства, о развитии государственности у средневековых сибирских и дальневосточных этносов, об исторических корнях и формировании тунгусо-маньчжурских и монгольских народов Сибири и Дальнего Востока в течение многих лет определяли направления научного поиска в области этнокультурной истории этих регионов.

А.П. Окладников отдавал должное поискам новых, естественнонаучных методов анализа археологических и исторических источников. Он стремился привлечь к изучению культурных напластований специалистов в области четвертичной геологии, способствовал внедрению методов математической статистики при анализе массового археологического материала, содействовал развитию оружейведения и других научных направлений.

Немало работ А.П. Окладникова посвящено истории археологической науки в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке, оценке трудов предшественников и коллег, информации о значимых научных событиях и мероприятиях, деятельности участником которых он был.

Конечно, за годы, прошедшие со времени кончины А.П. Окладникова, археологическая наука не стояла на месте, а весьма активно развивалась. Расширились научные контакты сибирских ученых, активнее и результативнее стали привлекаться методы естественных наук для анализа археологических источников, поэтому решение некоторых научных проблем в настоящее время видится по-иному. Однако очень многие результаты научных исследований А.П. Окладникова не устарели

до настоящего времени и продолжают активно использоваться современными исследователями. Мы уже не говорим об огромной источниковой базе, полученной экспедициями, руководимыми учеными, – они активно востребованы нашими современниками и будут востребованы новыми поколениями ученых.

Велика роль А.П. Окладникова в качестве создателя сибирской археологической школы. Он сам был прекрасным лектором, ярко и увлеченно, со знанием дела и привлечением наглядного иллюстративного материала читал лекции по археологии и истории первобытного искусства студентам Гуманитарного факультета НГУ, в котором возглавлял в течение многих лет Кафедру и вел подготовку специалистов-археологов. Алексей Павлович был требовательным, но в то же время заинтересованным в успехе своих учеников научным руководителем. Будучи сам человеком увлеченным наукой, он смог привить любовь к познанию прошлого своим молодым коллегам. Среди его учеников-археологов есть несколько академиков и членов-корреспондентов Российской, Монгольской, Таджикской и Узбекской академий наук, немало профессоров, докторов и кандидатов наук, которые с чувством гордости и благодарности вспоминают своего учителя (Молодин, 1998. С. 5, 6). Весьма значительной была роль Алексея Павловича в широкой популяризации научных знаний. Он прекрасно понимал: чем больше людей будет знать и гордиться прошлым своего родного края, тем важнее для человека будут звучать такие ценности, как любовь к родине, чувство патриотизма. Помимо написания многих научно-популярных книг и статей в журналах и газетах, он активно содействовал созданию научно-популярных кино- и телефильмов. А.П. Окладников внес свой вклад и в дело сохранения памятников истории и культуры, в развитие и поддержку музеев в Сибири и на Дальнем Востоке. Два музея были созданы в Академгородке при руководимом институте. Огромная роль принадлежит А.П. Окладникову в установлении и развитии научных связей с учеными других стран. Были установлены творческие контакты и совместные исследования с учеными Монголии, Венгрии, Италии, США, Японии, Кубы, которые крепнут и развиваются в настоящее время.

Заслуги Алексея Павловича Окладникова были высоко оценены в нашей стране и признаны международным научным сообществом. Он удостоен многих государственных наград Советского Союза, Венгрии, Монголии. Дважды за свои фундаментальные научные труды А.П. Окладников становился лауреатом Государственных премий, ему было присвоено звание Героя Социалистического труда, ученый был награжден советскими, венгерским и монгольским орденами и медалями. Он был избран почетным иностранным членом

Британской королевской, Венгерской и Монгольской академий наук, был заслуженным деятелем науки РСФСР, Якутской и Бурятской АССР, почетным профессором Познаньского университета.

Память об А.П. Окладникове не ушла вместе с ним. В течение ряда лет в Институте археологии и этнографии СО РАН работало научное подразделение, которое готовило к изданию его не опубликованные при жизни научные труды и сделало их достоянием современных исследователей.

После его кончины, в честь последующих юбилеев ученого, А.П. Окладникову были посвящены археологические, исторические научные конференции, проводившиеся в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XX – начале XXI в. Его памяти был посвящен проведенный в 1998 г. в Новосибирске крупный международный симпозиум “Сибирь в панораме тысячелетий”, в работе которого приняли участие ученые из всех ведущих академических научных институтов и университетов России и ряда стран ближнего и дальнего зарубежья (Молодин, 1998. С. 6). В 2003 г. во Владивостоке была проведена международная научная конференция “Из века в век”, посвященная 95-летию со дня рождения А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции (Деревянко, Курилов, 2003. С. 4). Отрадны, что среди этих научных форумов были Региональные археолого-этнографические конференции молодых ученых и студентов (Проблемы археологии Северной Азии, 1988; Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока, 1998). Несомненно, что все это должно послужить сохранению памяти о замечательном ученом и человеке и способствовать росту неослабевающего интереса у новых поколений сибирских и дальневосточных археологов к его незаурядной, творческой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Тез. докл. XXXVIII Регион. археол.-этнограф. студенч. конф., посв. 90-летию академика Алексея Павловича Окладникова. Улан-Удэ, 1998.
- Васильевский Р.С. Предисловие // Аннотированная библиография научных трудов академика А.П. Окладникова (1968–1973 гг.). Улан-Удэ, 1974.
- Васильевский Р.С. Краткий очерк научной, педагогической и научно-организационной деятельности // Алексей Павлович Окладников. Матер. к библиографии ученых СССР. М., 1981.
- Деревянко А.П. В поисках оленя Золотые рога. М., 1980.
- Деревянко А.П., Курилов В.И. Предисловие // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Матер. Междунар. конф. “Из века в век”, посв. 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН. Новосибирск, 2003.

- Конопацкий А.П.* Прошлое великий следопыт: Академик А.П. Окладников. Страницы биографии. Новосибирск, 2001.
- Ларичев В.Е.* А.П. Окладников – исследователь древних культур Азии (К 50-летию со дня рождения). Иркутск, 1958.
- Ларичев В.Е.* Библиография научных трудов члена-корреспондента АН СССР А.П. Окладникова. Новосибирск, 1968.
- Ларичев В.Е.* Сорок лет среди сибирских древностей. Матер. к биографии академика А.П. Окладникова. Аннотированная библиография. Новосибирск, 1970.
- Молодин В.И.* Предисловие // Сибирь в панораме тысячелетий (Матер. Междунар. симпоз.). Т. 1. Новосибирск, 1998.
- Окладников А.П.* Очерки истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937.
- Окладников А.П.* Мустьерская стоянка в гроте Тешик-Таш в Узбекистане // КСИИМК. 1939. Вып. 2.
- Окладников А.П.* Буреть – новая палеолитическая “стоянка” на Ангаре // СА. 1940. Т. V.
- Окладников А.П.* Археологические находки на северном острове Фаддея // Проблемы Арктики. 1945. № 5, 6.
- Окладников А.П.* История Якутии. Т. 1. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск, 1949.
- Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование Ч. 1, 2 // МИА. 1950. № 18.
- Окладников А.П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3 // МИА. 1955. № 43.
- Окладников А.П.* Шишкинские писаницы. Памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск, 1959.
- Окладников А.П.* Олень Золотые Рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Л.; М., 1964.
- Окладников А.П.* Петроглифы Ангары. М.; Л., 1966.
- Окладников А.П.* Утро искусства. М.; Л., 1967.
- Окладников А.П.* Лики древнего Амура. Петроглифы Скачи-Аляна. Новосибирск, 1968.
- Окладников А.П.* Центральноеазиатский очаг первобытного искусства (пещерные росписи Хойт-Цэнкер агуй (Сэнгри-агуй), Западная Монголия). Новосибирск, 1972.
- Окладников А.П.* Неолитические памятники Ангары: от Шукино до Бурети. Новосибирск, 1974.
- Окладников А.П.* Неолитические памятники Средней Ангары: от устья Белой до Усть-Уды. Новосибирск, 1975.
- Окладников А.П.* Неолитические памятники Нижней Ангары: от Серово до Братска. Новосибирск, 1976.
- Окладников А.П.* Петроглифы Монголии. Л., 1981.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы Забайкалья. Ч. I. Л., 1969.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.* Петроглифы Забайкалья. Ч. II. Л., 1970.
- Окладников А.П., Медведев В.Е.* Исследования многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // Изв. Сибирского Отделения АН СССР. Сер. обществ. наук. 1983. № 1.
- Проблемы археологии Северной Азии (К 80-летию академика А.П. Окладникова). Тез. докл. XXVIII Регион. археол. студенч. конф. Чита, 1988.

КО II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКОМУ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ
СЪЕЗДУ

**К СТОЛЕТИЮ АЛЕКСЕЯ ПАВЛОВИЧА ОКЛАДНИКОВА.
ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ**

© 2008 г. М. А. Дэвлет

Институт археологии РАН, Москва

3 октября 2008 г. исполнилось 100 лет со дня рождения одного из крупнейших археологов XX в. Алексея Павловича Окладникова.

Алексей Павлович оставил своим последователям около 60 монографий, не менее 1000 статей, заметок, рецензий. Счастливая судьба большого ученого: и после ухода из жизни он продолжает жить в своих книгах, в трудах своих учеников. Грядущие поколения исследователей будут вновь и вновь обращаться к его научному наследию, черпать в его трудах вдохновение и жизненный пример. Трудно представить, как даже за несколько человеческих жизней можно было бы свершить столько, сколько сделал он. Наш современник пишет о наследии А.П. Окладникова: “По существу, это бесценное сокровище, интеллектуальное богатство России и всего Человечества” (Молодин, 1998. С. 5).

Алексей Павлович Окладников родился в д. Константиновщина Знаменской волости Иркутской губернии в семье сельского учителя. По окончании средней школы в с. Анга он поступил в Иркутский педагогический техникум, откуда перешел в Педагогический институт. В институте он увлекся археологией, под руководством Б.Э. Петри совершал экскурсии по Прибайкалью с целью изучения памятников древности. В 1926 г. опубликовал первую научную работу “Неолитические стоянки на Верхней Лене”. В 1928 г. был назначен заведующим этнографическим отделом Иркутского краеведческого музея. В начале 1930-х годов начались археологические изыскания в зоне затопления проектируемых гидростанций на Ангаре. Окладников возглавил Ангарскую археологическую экспедицию Иркутского краеведческого музея и Восточно-Сибирского отдела Географического общества. Работы на Ангаре заложили основу периодизации прибайкальского неолита и бронзового века. В 1934 г. он окончил исторический факультет Иркутского пединститута и поступил в аспирантуру ГАИМК в Ленинграде. В 1938 г. А.П. Окладников защитил кандидатскую диссертацию на тему “Неолитические могильники в долине р. Ангары”. Позднее была опубликована капитальная монография “Неолит и бронзовый век Прибайкалья”: ч. 1–2 – 1950; ч. 3 – 1955.

В 1935 г. Алексей Павлович руководил археологическим отрядом Нижнеамурской комплексной экспедиции, организованной по инициативе и при поддержке В.Г. Тан-Богораз. Результатом этих работ стали первая хронологическая схема амурских памятников.

Параллельно с работами на Ангаре А.П. Окладников вместе с В.Д. Запорожской проводил изучение каменного века Южного Узбекистана, увенчавшееся открытием и раскопками многослойного памятника мустьерского времени и погребения мальчика-неандертальца в гроте Тешик-Таш. В 1950 г. за монографию “Тешик-Таш. Палеолитический человек”, опубликованную в 1949 г., Окладников был удостоен Государственной премии СССР. В конце жизненного пути это открытие он назовет своим первым “звездным часом”. Второй “звездный час” – это исследование поселения верхнего палеолита у с. Верхняя Буреть на Ангаре, открытого еще в 1936 г.

С 1940 г. А.П. Окладников работает в Якутии, руководит Ленской историко-археологической экспедицией, результаты этих исследований обобщены в докторской диссертации “Очерки по истории Якутии от палеолита до присоединения к Русскому государству”. Продолжением работ в Якутии стали работы 1946 г. на Колыме.

В 1947–1952 гг. проводились широкомасштабные исследования на территории Забайкалья, в Бурятской АССР, Читинской области, в верховьях р. Лены.

В 1947–1958 гг. пути экспедиционных маршрутов Окладникова пролегают по Туркмении, Таджикистану, Киргизии, Узбекистану, где было открыто и исследовано большое количество памятников каменного века.

В 1949 г. он впервые проводит полевые исследования в Монголии в составе Советско-Монгольской экспедиции под руководством С.В. Киселева.

С 1950 г. изучает раннюю историю народов Дальнего Востока. Он возглавил работы Дальневосточной археологической экспедиции ЛОИИМК АН СССР. Результаты работ 1953–1958 гг. обобщены в монографии “Далекое прошлое Приморья”. В ней приведена историческая последова-

тельность археологических культур Дальнего Востока.

Новый этап работ на Ангаре связан со строительством Иркутской ГЭС (1951–1955 гг.), затем Братской ГЭС (1955–1959 гг.). Здесь А.Н. Окладников руководит экспедицией, изучавшей древние памятники в зоне затопления.

В 1950-х годах Окладников заведовал Ленинградским отделением ИИМК АН СССР, где до переезда в Новосибирск с 1952 по 1961 г. одновременно руководил сектором палеолита. В 1957 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

В 1957 г. Совет Министров СССР принял постановление “О создании Сибирского отделения Академии наук СССР”. В 1961 г. по приглашению академика М.А. Лаврентьева – первого президента Сибирского отделения АН СССР – Окладников переехал в новосибирский Академгородок, где возглавил Отдел гуманитарных исследований. На базе этого отдела в 1966 г. был создан Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, основателем и первым директором которого стал А.П. Окладников. Его заслугой является создание гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. В 1964 г. Алексей Павлович был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1968 г. – действительным членом АН СССР. Под руководством А.П. Окладникова и В.И. Шункова была опубликована пятитомная “История Сибири”, за которую им была присуждена Государственная премия СССР в области науки и техники.

С 1960 г. под руководством Окладникова были возобновлены работы Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции, открыты и исследованы многочисленные памятники каменного века, доказано существование палеолита на территории Монголии. Одновременно он занимается изучением палеолита Ангары, Алтая, Забайкалья, Дальнего Востока.

Одно из центральных мест в научном творчестве А.П. Окладникова занимает история первобытного искусства. Особое внимание он уделяет изучению петроглифов, которым посвящены его многочисленные статьи и монографии. Один из крупнейших специалистов в области древнего искусства Герберт Кюн писал А.П. Окладникову: “Ваши работы открыли мне новую удивительную область древнего искусства. Никогда не думал, что в далекой, холодной Сибири может быть такое оригинальное и выразительное искусство. Спасибо за то наслаждение, которое доставили мне Ваши книги” (Аннотированная библиография..., 1974. С. 6).

В 1974 г. по приглашению Национальной академии наук США и Коннектикутского университета Окладников возглавил группу сибирских археологов

в совместных советско-американских археологических исследованиях на Алеутских островах.

В последние 10 лет своей жизни А.П. Окладников активно обрабатывает и публикует полевые материалы, разрабатывает вопросы теории. Ежегодно выходят монографические исследования и многие десятки статей и рецензий. Он был избран иностранным членом ряда зарубежных академий, награжден многочисленными орденами и медалями.

Особый интерес Окладников проявляет к изучению одного из древнейших в Сибири палеолитических местонахождений – стоянки Улалинка в черте г. Горно-Алтайска, которая была открыта в 1961 г. Он полагал, что по геологическим условиям залегания каменный инвентарь Улалинки может быть датирован временем около миллиона лет назад. А.П. Окладников считал Улалинку древнейшим палеолитическим памятником Сибири и за месяц до смерти назвал ее открытие своим третьим “звездным часом”, оказавшимся последним. Однажды в конце жизни, когда Алексей Павлович не смог присутствовать на докладе геолога Л.А. Рагозина об Улалинке на заседании Общества испытателей природы в старом здании МГУ на Моховой, он попросил меня сходить туда, предупредить, что не придет, и рассказать ему о ходе обсуждения.

Окладников являлся создателем сибирской школы археологов, его ученики успешно трудятся в десятках сибирских университетов и музеев. Среди его учеников академики А.П. Деревянко и В.И. Молодин.

Жизни и деятельности А.П. Окладникова посвящены сотни работ: книги, биографические статьи, воспоминания, рецензии. И хотя с момента его кончины прошло более четверти века, их число неуклонно возрастает: переиздаются и его труды, не устаревающие с годами, регулярно в разных концах нашей страны проводятся научные конференции, посвященные памятным датам жизни Алексея Павловича.

“Однако деятельность крупного ученого, – пишет историограф Л.Ю. Китова, – оценивается не только положительно. Появились резко негативные отзывы, когда личность исследователя рассматривается односторонне без учета колоссального труда, вложенного в открытие и изучение разнообразных археологических памятников, организационной роли в формировании сибирских центров археологии, без учета исторических событий и политической ситуации в стране” (Китова, 2003. С. 30). Исследовательница ссылается на публикацию А.А. Фомозова 1995 г., которая в числе прочих статей этого автора в 2006 г. была единодушно осуждена научной общественностью на страницах журнала “Российская археология”. Сам же Окладников не откликнулся на выпады. Он мол-

чал, как бы не замечая, игнорируя нападки. Алексей Павлович продолжал напряженно трудиться и лишь изредка, когда окружающие досаждали вопросами, почему же он не отвечает на происки злопыхателя, позволял себе как бы невзначай припомнить восточную мудрость – пословицу об идущем караване.

Л.Ю. Китовой удалось обнаружить интересные архивные документы, которые она опубликовала в статье “Некоторые архивные материалы о формировании А.П. Окладникова как исследователя” (2003). Она писала, что в 1937 г., когда всем слоям общества был преподан урок незаконной расправы, грозящей любому, А.П. Окладников получил один из первых политических ударов. На его книгу, которая была опубликована в 1937 г., последовала рецензия, в ней Алексей Павлович обвинялся в аполитичности, притуплении бдительности, попустительстве врагам народа. «Урок был преподан наисерьезнейший, 1937 г. – пик репрессий. На карту могли быть поставлены не только карьера, но и собственная жизнь, и судьба близких. А.П. Окладникову, видимо, в дальнейшем приходилось часто делать выбор. Человек, занимающий пост руководителя любого ранга, в советском государстве проверялся на благожелательность и преданность режиму. Правила игры обществу диктовало тоталитарное государство, и чем выше должность, тем больше приходилось “соответствовать”. Сегодняшние историографы пытаются всесторонне проанализировать личность и деятельность большого ученого, но пройдет еще сто лет, и будут помнить только о вкладе в археологию» (Китова, 2003. С. 32).

Добавлю, что еще многие будут помнить его добрые дела, благородные поступки, которые Окладников совершал постоянно, органично, как бы незаметно для окружающих, примером чему может служить его содействие “воскресению” дважды репрессированного Г.К. Вагнера, в дальнейшем знаменитого исследователя культуры и искусства Древней Руси. Георгий Карлович, как говорится в аннотации к книге его воспоминаний, “зафиксировал духовный подвиг восхождения из глубин лагерных рудников к вершинам научных прозрений”, и в этом восхождении руку помощи протянул ему именно А.П. Окладников, в котором Г.В. Вагнер, по его словам, “видел свое спасение”.

В 1955 г. Г.К. Вагнер из мест заключения прибыл в Красноярск, получив согласие Окладникова зачислить его в экспедицию, откуда направился в Иркутск. Он писал: «В Иркутск я приехал впервые (не считая проезда его “транзитом” в телячьем вагоне в 1937 и 1947 годах). Мне надлежало явиться в Художественный музей, где была база археологической экспедиции Окладникова. Алексея Павловича ждали здесь со дня на день. Меня встретил

директор музея Алексей Дементьевич Фатьянов, очень энергичный и добрый человек, видимо, не первый год друживший с Окладниковым. Не знаю, чем я расположил к себе Фатьянова: своими видением, рассказами о своей судьбе, готовностью, с какой Окладников приблизил меня к себе? Приехавший вскоре Алексей Павлович действительно отнесся ко мне очень участливо. Высокий, подвижный, очень живой и простой в обращении, Окладников произвел на меня сильное впечатление. Он сделал меня своим секретарем.

С Окладниковым и Фатьяновым мы подолгу засиживались по вечерам на скамье в ближайшем сквере. Я рассказывал о себе все без утайки и, вероятно, вошел в полное доверие. Начинаясь новый период в моей жизни, за которым должно было последовать Воскресение.

Ближайшая окладниковская программа была такова: купить моторную лодку и произвести на ней разведку вдоль Ангары до Братска, где уже работал один из отрядов экспедиции... Путешествие с А.П. Окладниковым на моторной лодке от Иркутска до Братска было лучшими днями моей жизни и работы в ангарской экспедиции. Я чувствовал себя обновленным, способным к интересной деятельности, открывающей дорогу в будущее. Мы делали остановки в примечательных местах, производили небольшие раскопки. Мне даже удалось вскрыть одно древнее погребение. Значительная остановка была в Балаганске, где тоже работал один из отрядов экспедиции Окладникова. Алексей Павлович был влюблен в Ангару и Приангарье. Высадившись в каком-нибудь археологически приметном месте, он легко ходил в поисках признаков пребывания древнего человека и обязательно находил их. В своих тяжелых сапогах я едва поспеивал за ним. При этом он никогда не терял хорошего настроения. Каких только историй он нам не рассказывал. Между прочим, Окладников был мой ровесник, но я чувствовал себя перед ним как-то незнайкой. Его интересовало все: от ничтожного черепка до наскальных рельефов. На одном из ангарских островов было множество наскальных древних изображений. Мне впервые открывался этот мир... Я фотографировал без устали. А мы плыли все дальше и дальше, разбивая к ночи палатку где-нибудь в особо привлекательном пункте.

Окладникову я обязан и тем, что он обратил мое внимание на деревянную архитектуру приангарских сел. Это были все старые села, не позже XVII в. В них виднелись строения с древними традициями. Я принялся их активно фотографировать. Через некоторое время, с вводом Братской ГЭС, все эти села должны были уйти на дно Братского моря.

Примерно через 4–5 дней мы доплыли до Братска. С Братской горы, увидев нашу лодку, нам уси-

ленно махали платками, шапками и кричали студенты археологического отряда. Здесь же оказалась и Е.Ф. Седакина, прибывшая на пароходе. Меня удивило, что древняя неолитическая стоянка, которую раскапывали студенты, находится так высоко над уровнем Ангары. Здесь я впервые увидел найденные при раскопках каменные изделия в виде рыб...

Алексею Павловичу надлежало ехать на Лену. Перед отъездом он сказал мне то, о чем я мечтал: по возвращении в Москву он поможет мне устроиться в Институт археологии Академии наук СССР. Я посадил Окладникова на поезд и занялся, по его велению, погрузкой нашей ладьи на пароход, а потом вместе с мотористом вернулся в Иркутск. Так закончилось мое первое путешествие по Ангаре. ... Ангара навсегда останется в моем сердце ступенькой к Воскресению» (Вагнер, 2004. С. 207–210).

Волею судеб на следующий год я неожиданно встретилась с А.П. Окладниковым в Красноярске и побывала в тех же, что и Георгий Карлович, местах. Наши воспоминания об Алексее Павловиче удивительным образом перекликаются.

Здесь мне хочется рассказать о том, как прост, демократичен, непритязателен в повседневной жизни был он – прославленный ученый – энциклопедист, организатор науки и общественный деятель.

Вспоминается конец августа 1956 г., когда я, студентка кафедры археологии МГУ, принимавшая участие в исследовании Большого Салбыкского кургана в Хакасии под руководством Сергея Владимировича Киселева, по завершении раскопок отправилась в Минусинский музей для сбора материалов для дипломной работы. Из Минусинска на старинном пароходике спустилась вниз по Енисею до Красноярска, где также намеревалась поработать в музее. Однако этим планам не суждено было сбыться. Здесь на личном опыте мне пришлось убедиться в справедливости народной молвы, гласящей, что Минусинский музей со дня его основания всегда был и остается родным домом для исследователей, в то время как в Красноярском музее в те годы воцарилась атмосфера подозрительности и казенщины.

В музее меня встретила директор Зинаида Константиновна Глусская, хорошо запомнившаяся каждому, кому случалось иметь с нею дело. Я вручила ей рекомендательное письмо, в котором мой научный руководитель чл.-корр. АН СССР Сергей Владимирович Киселев заранее благодарил ее за любезное содействие, которое она, вне всякого сомнения, окажет его ученице в работе с коллекциями музея. Прочитав письмо, Глусская взглянула на меня исподлобья и мрачно отрезала: “Много вас тут шляется, а потом вещи пропадают”. Было яс-

но, что с первой попытки, без длительной предварительной осады, в музейное фондохранилище попасть не удастся. Я уже начала подумывать о возвращении в Москву, хотя, признаться, из Сибири уезжать не хотелось. Вспоминались слова сотруди-ника кафедры археологии МГУ Михаила Никаноровича Кислова, которые я приняла к сведению еще на первом курсе истфака: “Лучшие студенты, выпускники кафедры, Валентин Янин и Валентин Седов всегда отправлялись в экспедиции первыми, а возвращались последними”. Манили неизведанные пути, хотелось подражать лучшим. Внезапно по музею разнеслась весть – в Красноярск приезжает Алексей Павлович Окладников.

На следующий день у ворот музея я увидела черный ЗИС-110. Без сомнения, эту фешенебельную машину престижной марки местные власти предоставили именно профессору Окладникову. С работами Алексея Павловича я познакомилась еще на первом курсе университета. В тот год в экспедицию я взяла с собой единственную книгу, это была монография А.П. Окладникова “Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Часть 3. Глазковское время”, которая незадолго до моего отъезда из Москвы появилась на прилавках книжных магазинов. В Салбыкской степи в конце трудового дня в палатке при свете свечи я читала и перечитывала ее. В Москве вместе с другими студентами-археологами с галерки актового зала на улице Волхонка, дом 14, где тогда проходили ежегодные отчетные пленумы ИИМК, слушала доклады А.П. Окладникова. Мне было хорошо известно, что Окладников – выдающийся советский археолог, но, увы, я не знала его в лицо, поэтому растерялась, когда из дверей музея вышел высокий худощавый человек и стремительно направился к ожидавшей его машине. В незнакомце никак нельзя было признать ученого с мировым именем. Загоревшее, обветренное лицо, скромный поношенный пиджак, брюки цвета хаки, заправленные в грубые солдатские сапоги. Мгновение я колебалась, затем решительно направилась к нему и выпалила наобум: “Здравствуйте, Алексей Павлович!” Он взглянул на меня с недоумением, но ответил незамедлительно: “Здравствуйте, садитесь, пожалуйста”. Машина тронулась. Окладников заговорил со мной, как со старой знакомой. Впоследствии я спрашивала у тех, кто хорошо его знал, не принял ли он меня в тот момент за кого-то другого или, может быть, не захотел признаться, что не узнает попутчицу. Ответ был однозначным: Окладников никогда не забывал человека, с которым хотя бы раз общался. Просто Алексей Павлович тактично не стал акцентировать внимание на моей, мягко выражаясь, своеобразной манере знакомства. По дороге Окладников сообщил, что на сегодня у него запланирован осмотр памятников каменного века в

окрестностях Красноярска, а на следующий день он едет на Ангару, где в зоне затопления проектируемой Братской ГЭС работает возглавляемая им экспедиция. “Поедемте на Ангару, там как раз нужны люди”, - пригласил он. Я ни минуты не колебалась. В гостинице меня поджидала московская студентка Светлана Маркелова, с которой я познакомилась еще в Минусинске. После недолгих раздумий она тоже решила отправиться в Братск.

Согласно статусу, Алексей Павлович мог ехать в вагоне высшей категории, я же с моей спутницей приобрели, естественно, самые дешевые билеты. Чтобы быть вместе с нами, Окладников, пренебрегая удобствами, взял билет в общий вагон. Поезд был полупустой и мы втроем занимали все купе. Осматривая из окна вагона окрестности Красноярска, Окладников обратил наше внимание на лесистые сопки, перспективные для поиска памятников каменного века, сказал, что его ученик Эрик Шавкунов (я впервые тогда услышала это имя) здесь непременно нашел бы стоянку первобытного человека. Поезд медленно петлял по однопутной, проложенной сквозь тайгу. Во время одной из незапланированных остановок Алексей Павлович соскочил с поезда и нарвал для нас на цветущей поляне букет солнечных жарков. Несколько оранжевых цветков я засушила на память в той самой, принадлежащей перу А.П. Окладникова, книге “Неолит и бронзовый век Прибайкалья”, которую возила с собой в рюкзаке.

Алексей Павлович заинтересованно расспрашивал нас о темах курсовых работ, о том, в каких экспедициях мы принимали участие, каковы результаты работ в текущем полевом сезоне. Я вдруг особенно остро ощутила, как еще мало знаю, как не умею точно выразить свою мысль. К тому времени я уже успела побывать во многих экспедициях, повидала разных начальников. Всегда существовала значительная дистанция между руководством экспедиции и рядовыми сотрудниками, студентами-лаборантами. Окладников держался с нами как с равными, но это отнюдь не приводило к панибратству, а, напротив, ставило его в наших глазах высоко на пьедестал.

Окладников много рассказывал о своих экспедициях, поездках, зарубежных командировках. Приходилось поражаться его мобильности, тому, в скольких местах ему удавалось побывать только за один полевой сезон. Так, в текущем 1956 г. он руководил широкомасштабными раскопками на Ангаре и на Дальнем Востоке, теперь же возвращается из Копенгагена, где принимал участие в работе XXXII Международного конгресса американистов. В этом же году в составе советской делегации ученых он посетил Объединенную Арабскую Республику с целью изучения археологических памятников в долине р. Нил.

Алексей Павлович рассказывал нам и о своей семье, о жене Вере Дмитриевне Запорожской, неизменной спутнице во всех скитаниях. У них большая радость: появилась долгожданная дочка, которую назвали Леной в честь великой сибирской реки, но теперь Вера Дмитриевна вынуждена оставаться в Ленинграде. Алексей Павлович настолько привык делить с женой все трудности и радости экспедиционной жизни, ему так не доставало ее, что, видимо, хотелось поговорить о ней хотя бы с нами, неожиданными попутчиками. Мы узнали, что с Верой Дмитриевной он прошел тысячи километров по степи, сквозь тундру и тайгу, с ней спускался в утлой лодке по бурным сибирским рекам, преодолевал путь верхом на лошадах и даже на северных оленях. Вместе они замерзали за полярным кругом, вместе сгорали на среднеазиатском пекле. Было удивительно странно и трогательно наблюдать, как этот могучий, волевой человек каждый свой шаг, каждый даже незначительный поступок мысленно согласовывал с желанием незримо присутствовавшей рядом с ним женщины. То и дело он повторял: “Вера Дмитриевна была бы недовольна, если бы узнала, что я еду в поезде в этой парадной рубашке. Надо переодеться”. Или же: “Вера Дмитриевна расстроилась бы, если узнала, что я еще не сделал себе укол инсулина”. Уже в те годы Алексей Павлович болел в тяжелой форме диабетом, возил с собой спиртовку, на которой обжигал шприц перед тем, как сделать самому себе инъекцию.

В Братске вместе с Алексеем Павловичем осмотрели знаменитый деревянный острог. В отряд Евгении Федоровны Седякиной, который базировался на высоком правом берегу Ангары напротив старого Братска, мы переправились на лодке. Раскопки велись на стоянке каменного века, расположенной на лесистом склоне к реке. Осмотрев раскоп и дав указания, Алексей Павлович продолжил свой путь: поднялся вверх по Ангаре до Иркутска и вскоре вновь спустился до Братска. К моменту его возвращения в наш отряд мы были уже старожилками. Каждое утро вместе с другими участниками работ узкой тропинкой мы шли на раскоп, находящийся недалеко от лагеря. Этот путь мы проделывали по нескольку раз в день. Каково же было наше удивление, когда по возвращении из Иркутска Алексей Павлович на этой проторенной дорожке мимоходом собрал целую коллекцию каменных орудий, которые все мы, участники раскопок, не смогли заметить у себя под ногами. Рассказывали, что в том же 1956 г. в Египте у подножия пирамид, там, где уже побывали десятки, если не сотни археологов-профессионалов, А.П. Окладников нашел палеолитические орудия, которые никто до него не сумел обнаружить. Так талант разведчика проявлял себя и в малом, и в большом.

Для Алексея Павловича время, проведенное с нами, было самым обычным, будничным, для нас же встреча с ним была событием, запечатлевшимся на всю оставшуюся жизнь. Колеса по стране и встречаясь с самыми разными людьми, Окладников дарил им звездные часы общения, заражал жаждой знаний, открытий, являя собой пример пренебрежения к трудностям и беззаветного служения науке.

Потом на протяжении четверти века я постоянно обращалась к его трудам, но редко встречала его самого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аннотированная библиография научных трудов академика А.П. Окладникова (1968–1973 гг.). Улан-Удэ, 1974.
- Вагнер Г.К.* Из глубины взываю... (*De profundis*). М., 2004.
- Китова Л.Ю.* Некоторые архивные материалы о формировании А.П. Окладникова как исследователя // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Матер. междунар. конф. "Из века в век". Новосибирск, 2003.
- Молодин В.И.* Предисловие // Сибирь в панораме тысячелетий (Матер. междунар. симпоз.). Т. 1. Новосибирск, 1998.

КО II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКОМУ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ
СЪЕЗДУ

КРУПНЫЙ ЧЕЛОВЕК КРУПНОЙ ЭПОХИ

© 2008 г. Ю. Ю. Пиотровский

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

*Имена их пребывают во веки,
хотя они отошли, закончили свои жизни...
имена их произносятся из-за писаний,
которые они сотворили, ибо они прекрасны
и память о тех, кто их сделал, пребывает во веки...*

Прославление писцов.

Египетский папирус Нового царства (по: Пиотровский Б.Б., 1991. С. 92)

14 февраля 2008 г. Государственный Эрмитаж и вся научная общественность России отметили 100-летие со дня рождения Бориса Борисовича Пиотровского, специалиста по культурам древнего Египта, Передней Азии и Закавказья. Он был образцом научной строгости, четкости и точности в работе, и достиг научных результатов высочайшей достоверности. Сегодня, по прошествии мно-

гих лет, становится все яснее, что “Борис Борисович был не просто блестящим ученым широчайшего диапазона..., но и блестящим и умелым организатором науки и музейного дела, прекрасным преподавателем и университетским профессором, замечательным лектором для взрослых и совсем маленьких. Он умел создавать вокруг себя добрую атмосферу, был очень прост в общении с людьми, но в то же время замкнут, любил шутить и смеяться, но всегда оставался серьезен внутри” (Пиотровский М.Б., 2008. С. 61).

Благодаря мемуарам Бориса Борисовича (мало кто знал, что он работал над ними, но среди бумаг оказалась готовая рукопись, изданная только после смерти) мы узнаем о многих событиях жизни ученого с его собственных слов (Пиотровский Б.Б., 1995; см. также: Борис Борисович Пиотровский, 1990).

Б.Б. Пиотровский родился 1 (14) февраля 1908 г. в Петербурге в семье Бориса Брониславовича и Софьи Александровны (урожденной Завадской) Пиотровских. Он был одним из четырех братьев (в 1904 г. родился старший, Александр, мечтавший о математике; в 1906 г. – Юрий, будущий военный врач, позже, в 1913 г. – Константин, будущий химик). Отец преподавал математику и механику в военно-учебных заведениях, перед революцией получил чин полковника. Мать занималась образованием сыновей дома, позже стала педагогом, с 1942 по 1952 г. работала в библиотеке Эрмитажа. В 1915 г. отца назначили инспектором классов Неплюевского кадетского корпуса в Оренбург, где семья встретила революцию. В Петроград Пиотровские вернулись только в январе 1921 г.

Дети оказались в карантинно-распределительном детском пункте – удивительном учреждении первых лет советской власти, которым заведовал Борис Брониславович и где были замечательные учителя. Скоро отца перевели в педагогический

Б.Б. Пиотровский. 1984 г.

институт им. К.Д. Ушинского, и дети попали в педтехникум, где проводились внеклассные занятия, работал исторический кружок, преподавали крупные ученые, а по субботам читали лекции юрист А.Ф. Кони, режиссер В. Мейерхольд, путешественник П. Козлов, египтолог Н.Д. Флиттнер и другие. Получив удостоверение об окончании 200-й советской школы и со второго захода пройдя политпроверку, Борис Пиотровский в 1925 г. поступил в Ленинградский университет на факультет языка и материальной культуры.

Интерес к древностям проявился у него еще в Оренбурге. Учитель рисования гимназии Курашквич, известный краевед, возил детей на экскурсии и в городской музей. «Мне очень хотелось работать сторожем в музее, но родители не позволили, что меня очень огорчило... Однажды на уроке истории учительница принесла в класс подлинные египетские древности и дала их в руки ученикам... этот урок сыграл решающую роль в моей жизни, я “заболел” древним Египтом и стал им увлеченно заниматься... Директор школы, где преподавала моя мать, Изабелла Васильевна Гиттис, снабжала меня книгами по Египту, я читал их запоем, делал рисунки и небольшие доклады в историческом кружке» (Пиотровский Б.Б., 1995. С. 21, 24, 25, 29).

Летом 1922 г. Борис купил первую книгу по Египту – “Древний Египет” Б.Л. Тураева. Тогда же, после экскурсии в Эрмитаж, Н.Д. Флиттнер предложила молодому человеку приходить и заниматься у нее вместе с Сергеем Черниковым и Николаем Шолпо; позже к ним присоединился Исидор Лурье; Борис посещал и лекции Натальи Давыдовны в Институте истории искусств (Зубовском). Постепенно он вошел в работу Отдела древностей Эрмитажа, делал рисунки для выездных лекций и экспозиций, получил научную тему “Династическая культура Египта”. “Мое увлечение Египтом не затухало, но я понимал, что поездка в Египет – это несбыточная мечта, так как все мои учителя-египтологи и старшие коллеги в Египте не были” (Пиотровский Б.Б., 1995. С. 33).

Поступив на ямфак, Борис Борисович с увлечением занялся египтологией у В.В. Струве и Н.Д. Флиттнер. Среди слушателей были исследователи со стажем (Д.А. Ольдерогге, Ю.П. Францов) и молодежная группа – И. Лурье, Н. Шолпо, Б. Пиотровский. С 1924/1925 г. в состав преподавателей археологического цикла входили Б.Л. Богаевский, М.В. Фармаковский, К.Э. Гриневич, Д.В. Айналов, С.А. Жебелев. Семинары вели П.П. Ефименко (доисторическая, финская и русская археология), А.А. Миллер (методология доисторической археологии, разведки и раскопки), А.А. Спицын (славянские древности), Г.И. Борова (эллинско-скифика). В группе древнего Востока и классического мира семинары по археологии Передней Азии вел И.И. Мещанинов, Египта –

Н.Д. Флиттнер; по сасанидскому искусству – И.А. Орбели, по античному – О.Ф. Вальдгауер и Б.Ф. Фармаковский (Тихонов, 2003. С. 148–151). На семинарах В.В. Струве студенты сами переводили и комментировали древние тексты, и это было особенно интересно. Б.Б. Пиотровский “...посещал на факультете эпизодически разные лекции, нельзя было пропускать С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле – это я себе никогда бы не простил” (1995. С. 44). С первого курса Борис Пиотровский занимался археологией у А.А. Миллера и А.А. Спицына, постепенно расширяя интересы, и на 1926/1927 г. выбрал курс “Палеонтология речи” Н.Я. Марра. Их встреча сыграла важную роль в судьбе ученого.

В 1922–1925 гг. в университет поступили многие известные в будущем археологи (Н.Н. Воронин, Г.Ф. Корзухина, Г.П. Гроздилов, А.А. Иессен, В.Ф. Гайдукевич, П.Н. Шульц, А.П. Круглов, Ю.В. Подгаецкий, А. Мачинский, А. Аджян и др.). Но русское студенчество как феномен безвозвратно ушло в прошлое (Олесич, 1999. С. 206), и в 1920-х годах формировался его новый, неоднородный, слой. «В то время в университете была борьба с “академизмом”, сменился состав студентов: считалось, что чем быстрее студент кончит университет, тем лучше. Углубленные занятия стали отходить в прошлое. В студенческий комитет, заменивший академсекцию, вошли молодые комсомольцы. Руководил ими Серафим Демьянов, очень экспансивный и решительный, вокруг него объединились студенты курсом младше меня, среди них был комсомолец Юрий Кричевский... Я вызвал неудовольствие тем, что хотел проучиться все пять лет и был “студентом-выдвиженцем” (т.е. “отличником”) по узкой теме и мало участвовал в общественной работе... С. Демьянов подал записку в деканат о моем отчислении из университета как “академиста”, не желающего заниматься политическими предметами и общественной работой» (Пиотровский Б.Б., 1995. С. 70).

1 марта 1930 г. Б.Б. Пиотровский получил свидетельство об окончании отделения истории материальной культуры историко-лингвистического факультета ЛГУ по археологической специальности, но еще 1 сентября 1929 г. он стал практикантом в Эрмитаже с выплатой стипендии. И.М. Дьяконов описал впечатление от первой встречи с Борисом Борисовичем в 1927 г. в студенческом кругу: «Боря Пиотровский – высокий рыжий юноша, сильно заикавшийся, но несколько этим не смущенный; его книжка силуэтов-карикатур была одним из “гвоздей” вечера: Миша сказал мне, что он египтолог, и я решил выпросить у него книжку о египетском языке и иероглифах». Позже “Пиотровский ушел в урартскую археологию (здесь он справедливо прославился, а с языками у него всегда было плоховато, хотя ему удавались кое-какие комбинации с Марровскими четырьмя элемента-

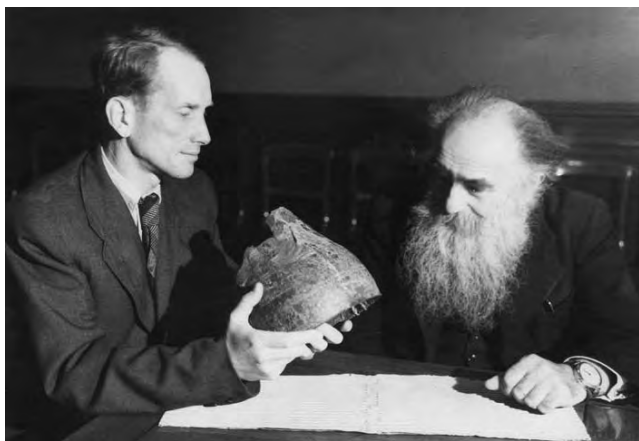

Рис. 1. Б.Б. Пиотровский и И.А. Орбели. 1952 г. (?).

ми на материале египетской иероглифики)» (Дьяконов, 1995. С. 133, 420).

С 1 декабря 1929 г. Б.Б. Пиотровского зачислили младшим научным сотрудником в сектор языка как фактора истории материальной культуры ГАИМК; им руководил Н.Я. Марр. В соседней комнате работали сотрудники сектора древнейшего Кавказа (его возглавлял И.И. Мещанинов): Борис Александрович Латынин, «худой высокий человек, ходивший тогда в кожаных гетрах и с короткой тростью в руке, занимался культурой эпохи бронзы Северного Кавказа, а Татьяна Сергеевна Пассек, из знаменитого дворянского рода, стала позже крупнейшим исследователем трипольской культуры. Рядом была боковая дверь, ведущая в сектор средневековья Кавказа и Средней Азии. Этим сектором руководил И.А. Орбели, а его ближайшими сотрудниками были К.В. Тревер и А.Ю. Якубовский; в том же секторе работали Антон Аджян и Леон Гюзальян». При более близком знакомстве И.А. Орбели оказался не таким уж «диким и несносным», как его представляли в Отделении древностей Эрмитажа (рис. 1).

По-прежнему привлекал Бориса Борисовича Египет, но Н.Я. Марр посоветовал молодому ученому обратиться к Кавказу – ведь неизвестно, когда удастся попасть в Египет. В Армении же мало исследованы памятники одного из народов древности, халдов; нужно заняться их поисками. И.И. Мещанинов предложил изучать халдскую клинопись; в группу вошли А. Аджян, Л. Гюзальян, А.П. Манцевич. 11 марта 1931 г. Б.Б. Пиотровского приняли в Отдел доклассового общества Эрмитажа на должность «научного сотрудника II разряда» несмотря на отрицательную характеристику местного комитета ГАИМК (опять виноват «академизм»), но в декабре 1931 г. И.А. Орбели (как он умел, «прямолинейно») перевел Бориса Борисовича в Отдел Востока, где тот стал хранителем коллекций по Урарту и Закавказью. В Отделе Востока Б.Б. Пиотровский «по части науки держался в

стороне от нас... – он весь уже давно ушел в археологию, был учеником А.А. Миллера, основательно готовился к ведению раскопок в Армении (археолог он вообще был очень обстоятельный, серьезный и аккуратный)... Бориса Борисовича в Эрмитаже тогда очень любили – был он человек компанейский, всегда готовый помочь в любом техническом деле: поднять, передвинуть, прибить, сделать рисунок для статьи.

Находился он уже не на первой стадии своего развития... как пелось (до меня) в песне Сектора Востока: «Кто из всех нас моложе и выше, кто быстрее всех работы печет, кто по виду живет тише мыши, а de facto не скучно живет? Египтолог и ассириолог, начинающий он халдовед, замечательный яфетидолог – вот Б.Б. вам готовый портрет»» (Дьяконов, 1995. С. 421, 422).

В те годы большая часть научного персонала Эрмитажа читала лекции в Ленинградском университете и других учебных заведениях, сотрудничала в ГАИМК, поэтому в анкетах часто требовалось отвечать на вопрос «какую работу считаете основной?» Для Бориса Борисовича основным оставался ГАИМК, где он активно работал в Северокавказской экспедиции А.А. Миллера¹. Позже он вспоминал: «Раскопки представлялись мне каким-то священным делом, с бережным отношением к каждому, даже мелкому обломку древней керамики, но в первую же минуту, как я попал на Гниловское городище, меня охватило недоумение и даже некоторое разочарование. Вся поверхность городища была усеяна древними черепками... я был потрясен картиной разрушения и отсутствия четких архитектурных остатков. Ныне я доволен тем обстоятельством, что мои первые археологические работы протекали в трудной археологической ситуации, что я сразу же столкнулся с задачей исследования слоев земляного городища... Это было совсем не похоже на то, с чем имеет дело археолог в книгах о древностях Египта, Месопотамии и античных городов Северного Причерноморья» (Пиотровский Б.Б., 1995. С. 51, 52). В состав экспедиции входили А.А. Иессен, М.И. Артамонов, П.Н. Шульц, Т.Н. Книпович, много студентов-практикантов; обстановка была дружной, сотрудники вместе работали и зимой.

В 1929 г. экспедиция проводила исследования в Кабардино-Балкарии, в Нальчике (там Борис Борисович встретил приехавшего «на обмен опытом» археолога-античника В.Д. Блаватского); «примкнувшим» сотрудником был Б.Е. Деген-Ковалевский. Здесь Б.Б. Пиотровский окупился в кавказскую среду, которая ему очень понравилась: реальный, «настоящий» Кавказ «стал вытеснять далекий Египет».

¹ В архиве Государственного Эрмитажа хранится список археологических экспедиций, в которых Б.Б. Пиотровский принимал участие в 1927–1973 гг. Среди них первая – Северокавказская.

В 1930 г. Н.Я. Марр направил Б. Пиотровского, А. Аджяна, Л. Гюзальяна в первую поездку в Армению и Грузию “искать халдов”: изучать циклопические крепости Армении и выяснять связь между ними и урартской лапидарной эпиграфикой. В разведке участвовал Е.А. Байбуртян, молодой археолог из музея в Ереване. В 1931 г. Б. Пиотровский и Л. Гюзальян продолжили изучение циклопических крепостей, а в Таманской экспедиции изучали быт черкесов в ауле Суворово-Черкесский (сохранились зарисовки Бориса Борисовича земледельческих орудий и инструментов для обработки дерева). Вспоминая разведки на о. Севан и р. Раздан в предвоенные годы, Б.Б. Пиотровский писал: “Наши разведочные работы в то время, по их условиям, были очень далеки от современных. Мы ходили пешком, у нас не было ни транспорта, ни базы, все несли на своих спинах, стараясь как можно меньше вещей взять в путешествие” (1995. С. 111).

В 1934 г. Борис Борисович вел разведочные раскопки и стереофотограмметрическую съемку крепости у с. Кёлагран (Цовинар), связанной с клинообразной надписью Русы I, но для стационарных полевых исследований этот памятник не годился. Для раскопок выбрали холм Кармир-Блур, где в 1936 г. геолог А.П. Демехин нашел обломок камня с клинообразной надписью урартского царя Русы II, сына Аргишти. В его долголетнее правление Урарту, одно из значимых государств Древнего Востока, пережило политический и культурный подъем. О больших строительных работах на севере страны упоминали урартские надписи, в одной из которых говорилось о строительстве на Араратской равнине нового административного центра. История его открытия на холме Кармир-Блур хорошо известна. Обломки камня и слой красного цвета (след разрушения горевших стен из сырцовых кирпичей, откуда и название: “Кармир-Блур” = “Красный холм”) обнаружили на вершине и склонах холма. На плато к западу и югу от него располагался древний город (на поверхности можно было проследить планировку кварталов).

Осенью 1938 г. Б.Б. Пиотровский и А.П. Круглов, собирая на Кавказе материал для сводного труда по археологии СССР, пришли на Кармир-Блур. Перед ними лежали красноватые склоны холма и базальтовые блоки цоколя. Сомнения оставались, удивляло полное отсутствие фрагментов керамики на поверхности. Андрей Павлович чаще бывал пессимистом, Борис Борисович – оптимистом, но на Кармир-Блуре оба были подавлены. И все же решение начать раскопки было принято – шаг, определивший дальнейшую судьбу ученого.

В 1939 г. Б.Б. Пиотровский “робко, сначала с города, а потом с юго-западного угла крепости” начал раскопки. “В первые же дни они были прерваны дождем... На следующий день, когда мы поднялись на холм, перед нами открылись конту-

ры помещений” (1995. С. 162). Весь холм занимал гигантский (площадь около 4000 м²) дворец урартского наместника в стиле монументальной древневосточной архитектуры. Северный и восточный фасады, со стороны обрывистых склонов холма, имели форму уступов с многочисленными башенками. Стены из сырцовых кирпичей с примесью рубленой соломы в нижней части на высоту до 2 м опирались на кладку из громадных камней. Дворец имел не менее 120 помещений с высотой стен до 10 м при длине до 30 м и ширине обычно не более 4 м. О названии города рассказала надпись на бронзовом запоре дверей: “Русы, сына Аргишти, крепость города Тейшебаини”, т.е. “города бога Тейшебы”, бога войны и бури. Открытие не было только везением: раскопкам предшествовала долгая, кропотливая, осознанная работа ученого, обеспечившая точность выбора.

Тем временем в стране началась кампания “идеологической борьбы”. В резолюции ленинградской производственной конференции музейных и экскурсионных работников (декабрь 1929 г.) говорилось: “вся музейная сеть Главнауки должна в своей специфической форме войти мощным фактором в общее русло строительства социализма и культурной революции”. В связи с этим задачей “в отношении личного состава музейных работников являлись: просмотр своих собственных рядов, отсеечение всех тех, кто безнадежно связал себя с отжитым уже временем или же не в состоянии воспринять новых форм и методов работы по строительству социализма...” (Пиотровский Ю.Ю., 1996. С. 156, 157).

21 сентября 1930 г. по обвинению в шпионаже был арестован Г.И. Боровка, а 22 октября, как обвиняемый в особо тяжком преступлении, уволен из Эрмитажа. В 1931 г. прошли чистки и проверки аппарата государственных учреждений, в том числе Эрмитажа. Основную установку видели в “очистке советского аппарата: 1) от элементов разложившихся, извращающих советские законы, срачивающихся с кулаком и нэпманом, мешающих бороться с волокитой и ее прикрывающих, высокомерно, по-чиновничьи, по-бюрократически относящихся к нуждам трудящихся, от растратчиков, взяточников, саботажников, вредителей”. Увы, “в условиях того времени... ученые в пылу политизированной полемики обвиняли своих коллег в антимарксизме, протаскивании буржуазных идей... дело доходило до доносов – осознанных или неосознанных, прямых или косвенных, совершаемых с различными целями: прояснить действительность, убрать или очернить конкурента, соперника, продвинуться по службе” (Пиотровский Ю.Ю., 1996. С. 159, 160).

Комиссию Рабкрина по чистке государственного аппарата возглавлял рабочий тов. Воробьев. Немало старых, нужных музею работников были “вычищены”. По воспоминаниям Б.Б. Пиотровского, над Эрмитажем «чистка прошла бурей, при-

чинив небольшие разрушения, которые были восстановлены... особенно неприятное впечатление произвела на всех “чистка” А.А. Ильина. Старый и очень уважаемый ученый стоял перед всеми, подперев рукой голову (он был частично парализован), а на него нападали бойкие ребята – А.Н. Берштам и Е.Ю. Кричевский» (1995. С. 100). В справке о “засоренности аппарата Эрмитажа” указывалось, что белогвардейцев и жандармов нет, офицеров старой армии – 7, фабрикантов – 1 (А.А. Ильин), детей служителей духовного культа – 5, из торговцев и купцов – 4, дворян – 55.

В 1933–1934 гг. в Ленинграде по делу “Российской национальной партии” (“дело славистов”) арестовали и осудили 37 человек, среди них сотрудников Этнографического отдела Русского музея и Эрмитажа, включая одного из ведущих археологов России того времени, одного из создателей РАИМК, А.А. Миллера (Ашнин, Алпатов, 1994). Именно он воспитал первых советских археологов, выдающихся специалистов своего дела (М.И. Артамонов, А.А. Иессен, А.П. Круглов, Ю. Подгаецкий, Н.Н. Воронин и др.). О самом А.А. Миллере написано немного; после ареста и смерти в Карагандинском исправительно-трудовом лагере в 1935 г. писать о нем было нельзя, и только после 1995 г. стали появляться отдельные статьи, посвященные его жизни и научной деятельности (Платонова, 2003; Алекшин, 2007). Яркий представитель петербургской палеоэтнологической школы, он входил в плеяду ученых, стоявших также у основания Этнографического отдела Русского (ныне Российский этнографический) музея, и собрал большую коллекцию по этнографии (почти треть кавказского собрания – 1076 номеров – и свыше 500 снимков фотоколлекции) (Дмитриев, Иванова, 1992).

Сегодня ясно, что дело “Российской национальной партии” сфабриковало секретно-политическое отделение ОГПУ в конце 1933 – начале 1934 г. как одно из звеньев кампании против старой русской интеллигенции в годы “культурной революции”. Целью было не столько уничтожение, сколько запугивание, унижение людей, воспитанных в иной системе ценностей. Доцент Ленинградского историко-лингвистического института М.М. Цвибак, выступая в 1931 г., говорил: “тем, кто хочет идти с нами, нужно... многое позабыть, прежде всего нужно позабыть, что они великие ученые, что они – носители науки... В наших условиях гигантского роста новых кадров делаются ничтожными мелкие достижения прошлого. В настоящее время не приходится говорить об отдельных ученых и всех ученых людях, настолько незаменимых, чтобы им позволить продолжать их старые традиции” (Брачев, 2005. С. 351).

После убийства С.М. Кирова “удар был нанесен по дворянам, в чем, казалось, не было никакой логики... прошла облава по комнатам и комнатущ-

кам, где ютились сохранившиеся дворяне – главным образом старушки-вдовы, но были и немногочисленные мужчины и довольно много юношей и подростков. Им было предложено... в 48 или 72 часа выехать из города в назначенные места высылки под надзор НКВД” (Дьяконов, 1995. С. 335, 336). В феврале 1935 г. были арестованы и попали на Шпалерную (внутренняя тюрьма НКВД) Борис Пиотровский, Андрей Круглов и Юрий Подгаецкий. Отпустили Бориса 19 апреля, но опасность оставалась. Год был очень тревожным: в марте родителям А.А. Иессена “предложили” покинуть Ленинград (они “уехали” в Уфу; как стало позже известно, отца расстреляли в декабре 1937 г.); Б.А. Латынина в срочном порядке освободили от работы, выслали в Куйбышев, а в сентябре 1937 г. осудили на 5 лет заключения решением Особого Совещания при НКВД.

В феврале 1938 г. прошла, по выражению И.М. Дьяконова, “армянская ночь”: арестовали почти всех армян в Ленинграде, включая заведующего Отделом Востока Эрмитажа А. Аджяна (расстрелян в 1938 г.) и Л. Гюзальяна (Варданян, 2003). Л. Гюзальян получил 8 лет лагерей, но Борис Борисович переписывался с ним. И.А. Орбели уцелел, хотя Л. Гюзальян рассказывал, что на допросах требовали “компромат” именно на него. В Ереване был арестован, отправлен в концлагерь и в 1938 г. расстрелян Е.А. Байбуртян, открывший поселение на холме Шенгавит. Б.Б. Пиотровский ходил с ним в небольшую разведку по реке Раздан (Занге).

Во второй половине 1930-х годов в ГАИМК сформировалась кавказская группа: А.А. Иессен, А.П. Круглов, Ю.В. Подгаецкий, Б.Б. Пиотровский, С.Н. Аносов, Б.Е. Деген-Ковалевский; А.А. Миллера заменила В.В. Гольмстен (в Эрмитаже она сменила В.И. Равдоникаса на посту заведующего Отдела доклассового общества). Про каждого из этой великолепной плеяды ученых можно написать отдельную работу. Правда, “с москвичами у нас отношения не ладились, но и плохими не были, хорошая дружба была только с Евгением Игнатьевичем Крупновым, кавказоведом по специальности... он всегда был степенным, немного взрослее, удивлялся непримиримости Дегена в споре...” (Пиотровский Б.Б., 1995. С. 131).

1941 г. был тревожным, но, как вспоминали мои старшие коллеги, у всех был какой-то радостный подъем. Все оборвала ночь на 22 июня. Г.Н. Балашова вспоминала: “директор Эрмитажа – академик Иосиф Абгарович Орбели – объявил с утра о переходе музея на военное положение. Все должны оставаться на своих местах: сотрудники в кабинетах, смотрители в залах... С утра 23 июня мы были уже в Эрмитаже, где были начаты работы по подготовке к эвакуации... Не все сотрудники Отдела Востока находились в это время в Ленинграде, две экспедиции уже выехали на работу: на Кав-

каз, на раскопки Кармир-Блура, – экспедиция во главе с Б.Б. Пиотровским, и вторая экспедиция в Средней Азии, возглавляемая Александром Юрьевичем Якубовским (...при участии известного антрополога из Москвы Михаила Михайловича Герасимова), вела раскопки мавзолея Гур-Эмир” (Эрмитаж. Хроника военных лет, 2005. С. 13, 14). На Кармир-Блуре работу начали успешно: на северном участке Рипсимэ Джанполадян 21 июня нашла бронзовую статуэтку урартского бога войны Тейшебы.

О нападении Германии Борис Борисович узнал, направляясь работать на цитадель. В Ленинград он вернулся в первых числах июля (об этом периоде в жизни города и страны он написал статью в 1985 г.). Город был на военном положении, стояло затишье, как перед бурей. В ИИМК паковали материалы археологических экспедиций, приводили в порядок дневники, чертежи, фотоснимки; большинство уходило в армию, но у этих людей хватало силы воли вместо личных дел заниматься разбором и упаковкой материалов, понимая, что распакуют и обработают их, возможно, уже не они... Рукописи спешно перепечатывали в нескольких экземплярах. В Эрмитаже шла упаковка особо ценных коллекций для эвакуации. Сотрудникам музея помогали добровольцы – студенты, художники, архитекторы, артисты; исключительную роль сыграла помощь красноармейцев и краснофлотцев. 1 июля ушел первый эшелон, сразу стали готовить второй. 27 августа было прервано железнодорожное сообщение, 8 сентября немецкие самолеты начали бомбить Ленинград, был потерян Шлиссельбург и утрачена сухопутная связь со страной. Деятели науки и культуры было настоятельно предложено эвакуироваться, но научная жизнь не замерла: ИИМК провел в сентябре и октябре защиты диссертаций; в октябре 1941 г. праздновали 800-летие Низами, и в Эрмитаже состоялось торжественное заседание, на которое слушатели и докладчики прибыли прямо с фронта.

Ученый совет ИИМК собирался регулярно. На последнем заседании Борис Борисович делал доклад о раскопках Кармир-Блура. Обсуждение было оживленным. «После заседания я вышел с академиком С.А. Жебелевым. Прощаясь, он сказал мне: “Сегодня я буду спокойно спать, я очень рад, что наука у нас развивается даже в таких трудных условиях. Ведь именно этим мы, ученые, боремся с фашизмом”. Мне не пришлось больше встретиться с академиком Жебелевым, он работал, не жалея сил, и его сердце не выдержало».

Охрану зданий Эрмитажа и Зимнего Дворца несли военнизированной пожарной команда и подразделения противовоздушной обороны из научных сотрудников музея. Долгие часы дежурств не теряли даром: “Одно время я стоял на посту с А.Я. Борисовым, крупным специалистом-сеμιтологом. Чтобы заполнить время, мы устроили друг

другу курс лекций, я его обучал археологии, он знакомил меня с основными проблемами сеμιтологии... Научная работа облегчала нам тяжелую жизнь” (Пиотровский Б.Б., 1995. С. 18).

В ноябре продовольственное положение Ленинграда ухудшилось, норма хлеба уменьшилась до 125 и 200 г в день. В середине декабря остановились трамваи. Кроме хлеба в столовых давали одну тарелку постного супа и очень редко кашу. Северная столица уже сталкивалась с голодным истощением: за 1917–1923 гг. в Петербурге от него умерло 19516 человек. Но в конце декабря 1941 г. регистрировали 2340 смертей от голода *в день*, на улицах подбирали не менее 160 трупов *ежедневно*; в декабре загсы Ленинграда (15 районов), Колпино и Кронштадта зарегистрировали 53843 смерти. Эти потери “не были следствием исключительно военных действий..., подавляющее большинство тех, кто погиб..., умерло непосредственно или косвенно от голода. Их смерть наступала не мгновенно, но вследствие мучительного, зачастую длительного голодания” (Жизнь и смерть..., 2001. С. 51, 5). А.Н. Болдырев в блокадном дневнике за 18 декабря 1941 г. писал: “Сегодня вызвонил студентов для занятий к себе в Эрмитаж. Предстоит путешествие еще в Академ. столовую и затем домой. Ноги очень слабы. Слабо и все остальное. К лекциям уже подготовку не осиливаю и сегодня объявил им, что читать не буду, только занятия текстом остаются. Пища воскресит во мгновение ока и тогда можно будет отчитать все пропущенное. Дождаться надо, дожить...” (1998. С. 33).

Самый молодой и веселый из “кавказского коллектива”, С.Н. Аносов, погиб в самом начале войны; самого старшего, А.А. Иессена, отправили в Свердловск с коллекциями. В городе остались Б.Б. Пиотровский, Ю.В. Подгаецкий и Б.Е. Деген-Ковалевский, который 27 сентября защитил диссертацию. Договорились, что оставшийся живым сохранит научные материалы друзей. А.П. Круглов погиб на Центральном фронте, Б.Е. Деген, проведив семью, умер на аэродроме 18 декабря 1941 г. Ю.В. Подгаецкий, придя в Эрмитаж в состоянии крайней дистрофии, умер на руках Б.Б. Пиотровского. Позже Борис Борисович с большими трудностями перевез из его дома рукописи и библиотеку, пришлось тащить санки с грузом через Неву: “Спуститься на лед было легко, а вот выбраться на набережную не хватало сил, и без помощи проходящих моряков я бы не сладил с моим грузом”. Пережили войну только он и А.А. Иессен. Б.Б. Пиотровский писал: “научные статьи, написанные в Ленинграде зимой 1941–1942 г., удовлетворяют меня более, чем некоторые из выполненных мной в мирной обстановке, и это понятно – в то время можно было или не писать вообще, или писать с большим подъемом, среднее исключалось” (1995. С. 196).

В конце марта 1942 г. по указанию А.Н. Косыгина И.А. Орбели покинул Ленинград; вместе с ним уехал в Ереван Борис Борисович. Там он завершил и опубликовал (тираж 400 экз.) «Историю и культуру Урарту». 30 января 1944 г. Б.Б. Пиотровский защитил докторскую диссертацию (отзыв В.В. Струве позже был напечатан). В те же дни состоялась свадьба Бориса Борисовича и Рипсимэ Джанполадян. В конце декабря 1945 г. ученый вернулся в Ленинград. Начинаясь мирная жизнь. В конце января 1946 г. за «Историю и культуру Урарту» Б.Б. Пиотровскому присудили Сталинскую премию; с этого момента он был причислен к «административным кадрам». В марте 1949 г. его назначили заместителем директора Эрмитажа; заведующим Ленинградским отделением ИИМК стал А.П. Окладников, и работа некоторое время шла спокойно.

В мае 1950 г. на страницах «Правды» открыли «свободную дискуссию» в связи с неудовлетворительным состоянием советского языкознания; в двух номерах в июне вышла большая статья И.В. Сталина. После его выступления для учеников Н.Я. Марра настало трудное время. Передовая статья «Вестника древней истории» громила А.П. Окладникова, В.И. Равдоникаса, А.Н. Бернштама как «ленинградских лидеров» марризма; А.П. Окладникова сняли с должности директора Ленинградского отделения ИИМК; новым директором стал М.М. Дьяконов. Затем взяли за М.И. Артамонова. Следующими жертвами стали «археологи-молчальники» (Б.Б. Пиотровский, В.И. Равдоникас, П.П. Ефименко). В августе 1951 г. И.А. Орбели, по его просьбе, освободили от должности директора Эрмитажа, назначив на это место М.И. Артамонова. Шел новый виток усиления борьбы на идеологическом фронте. Б.Б. Пиотровский вспоминал: «На каждом заседании М.К. Каргер дробил меня “за защиту идей Марра”, а Е.И. Крупнов в письмах из Москвы убеждал меня выступить с общей критической статьей о теории Марра. С Крупновым мы были в хороших отношениях, он дружил с ленинградскими кавказоведами и искренне хотел уладить конфликты и оздоровить обстановку. Он заверял меня в том, что многие полагают, что именно я смогу дать правильное направление в исправлении идеологических недостатков в археологии» (1995. С. 272). В 1953 г. Горком КПСС неожиданно предложил Борису Борисовичу стать заведующим Ленинградским отделением ИИМК, после чего «все страсти успокоились».

Сравнительно недавно мы узнали об обстоятельствах, которые могли изменить судьбу ученого. Б.С. Илизаров, занимаясь библиотекой И.В. Сталина, «единственного свободного читателя в стране», выявил тысячи пометок Иосифа Виссарионовича на полях сотен книг, в том числе по древней истории Закавказья. Очередной пик его

интереса к этой теме пришелся на 1950–1952 гг. В начале 1951 г. вышел сборник «По следам древних культур», посвященный успехам советской археологии, включавший статью Б.Б. Пиотровского «Урарту». Он попал на стол к И.В. Сталину и, видимо, неслучайно: на титульном листе красуется инвентарный номер и штамп «Библиотека “Правды”», а фамилия автора обведена карандашом – судьба ученого зависела от этого мягкого синего росчерка! Видимо, «доброжелатели» из «Правды» были осведомлены о втором этапе кампании против «школы Марра». Отмечены были имена царей, топонимы и термины урартской культуры, наводившие на мысль о ее древнеармянском происхождении: «...каждый раз, когда автор упоминал клинописные таблички, наскальные надписи и тексты, Сталин подчеркивал, буквально вскрикивая: “На каком языке?”, “Какой язык?”, “Язык?”, и так почти двадцать раз» (Илизаров, 2002. С. 264). И.В. Сталин все больше распалялся, так как ему было очевидно, что Б.Б. Пиотровский однозначно трактует культуру Урарту как протоармянскую. Но в последнем абзаце Борис Борисович написал: «В процессе распада этого большого государства Передней Азии на основании слияния народов мелких стран, входивших в состав Урарту, при освоении его культуры возникли современные народы Закавказья – армяне и грузины, создавшие в последних веках до нашей эры свои государства». Б.С. Илизаров пишет: «Справа на полях Сталин поставил знак “N”, а слово “возникли” дополнительно обвел карандашом. Уф-ф! Можно сказать, пронесло» (2002. С. 267).

В послевоенные годы раскопки на Кармир-Блуре продолжались и шли до 1971 г., с 1947 г. в них участвовали молодые армянские археологи – так рождалась школа Б.Б. Пиотровского. На Кармир-Блуре было сделано много выдающихся, до сих пор непревзойденных находок; лучшие из них отправляли сразу в исторический музей Армении, но Борис Борисович зарисовывал их, чтобы работать в Ленинграде (рис. 2). Многие предметы несли интереснейшие надписи: щит с изображениями львов и быков имел надпись о том, что его изготовил царь Аргишти, сын Менуа, для города Эребуни. В 1951 г. экспедиция начала изучать урартскую крепость на холме Арин-берд, на северной окраине Еревана, где были впервые открыты остатки урартских стеновых росписей; название этой крепости, Эребуни, позже сопоставят с названием Еревана.

После 1953 г. стали возможны заграничные командировки, налаживались отношения с зарубежными институтами и музеями (рис. 3). В 1956 г. сбылась мечта о поездке в Египет. Позже Борис Борисович участвовал во всех сессиях Комитета экспертов ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии, а в 1961–1963 гг. состоялась экспедиция Академии наук СССР в зону затопления Асуанской плотины. Был выбран район Нила протяженно-

Рис. 2. Б.Б. Пиотровский. Кармир-Блур. Работа в камералке.

стью около 30 км от Герр-Хусейна до Махарраки. Изучали раннединастический памятник у Хор-Дауда (неизвестный египетской археологии тип поселений, связанных со скотоводством); погребения эпохи Древнего царства у с. Западный Коштамна и Среднего царства (II тыс. до н.э.) в с. Курта; древние изображения и надписи на скалах, особенно в долине Вади Аллаки. Окаймленная горными кряжами, она вела к местности Икит, где находились золотые рудники и были изучены 200 древнеегипетских надписей (Пиотровский Б.Б., 1983). Список экспедиций, в которых принимал участие Борис Борисович, заканчивается в 1973 г., но это не значит, что его интерес к раскопкам угас: он с радостью консультировал молодых коллег; по его инициативе в 1980 г. была организована Келермесская археологическая экспедиция Эрмитажа для исследования курганов, раскопанных в начале XX в., а в 1983 г. Борис Борисович – научный руководитель Советско-Йеменской экспедиции.

В 1964 г. М.И. Артамонов был неожиданно освобожден от должности, а директором Эрмитажа назначен Б.Б. Пиотровский. Борис Борисович целиком отдал себя тому музею, в который пришел еще школьником. В 1950–1960-х годах Эрмитаж организовывал выставки по прямым соглашениям с зарубежными музеями (в частности, “Со-

Рис. 3. Индия. Аллахабад, февраль 1982 г. Встреча на вокзале. Слева направо: Р.М. Мунчаев, Г.М. Бонгард-Левин, Р.Б. Рыбаков, профессор Р. Шарма, Р.М. Джанполадян, Б.Б. Пиотровский, М. Ашрафи, В.М. Масон.

кровища гробницы Тутанхамона”, Каирский музей, 1974 г.). Они имели исключительный успех, но требовали огромных забот и бесчисленных поездок, которые продолжались до 1990 г. Много сил Б.Б. Пиотровский отдавал общественной работе (с 1966 г. руководил Ленинградским отделением ВООПИК, был председателем общества “СССР–Финляндия”). Борис Борисович глубоко интересовался вопросами культурного наследия, форм его сохранения. Две его статьи важны для понимания развития культуры древности и современной художественной культуры (Пиотровский Б.Б., 1976; 1991). В 1989 и 1990 гг., когда беспрерывно звучали упреки бойких газетчиков: престарелый директор не знает, что делает, его пора менять, и есть много молодых людей, жаждущих сменить его на этом посту, – Борис Борисович как никто другой понимал, что происходит, старался защитить музей от нападок. Часть процессов живо напоминала ему уже пройденное в 1920-х годах: государство так же не давало денег и т.п.

Исследовательская деятельность Б.Б. Пиотровского продолжалась. Он читал лекции по археологии Закавказья на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ, а после смерти В.В. Струве в 1965 г. стал заведующим кафедрой истории стран Древнего Востока. Существует мнение, что Б.Б. Пиотровский не успел (не сумел) опубликовать Кармир-Блур. Да, он мечтал издать отдельную книгу, собрать все об этом эталонном памятнике под одной обложкой. Но если мы оглянемся на изданное, то увидим, что основные комплексы введены в науку, а все вопросы, связанные с историей и гибелью города и цитадели, разобраны – причем достоянием не только российской, но и мировой археологии. Уже в 1939 г. вышла в свет небольшая, но, “подобно всем изданиям Эрмитажа, красиво и культурно оформленная книжка” Б.Б. Пиотровского “Урарту. Древнейшее

государство Закавказья”, где сжато давалась цельная картина его исторического развития. Эта обобщающая работа была написана для учителей и очень полезна (“В.Н. Бернадский (мой учитель, инициатор написания этой книги) шутил, что он не зря обучал меня истории в школе и что пришло время мне обучать учителей”). Она была издана затем по-армянски в Париже (1943) и на персидском языке в Тегеране. Монография “Ванское царство (Урарту)” Б.Б. Пиотровского (1959) переиздана в 1969 г. в шести странах мира.

Наследие Б.Б. Пиотровского огромно, и дело не только в количестве работ: ученый стремился публиковать *все* свои мысли и открытия, причем *все* они были актуальны и вызывали отклики. Его работы не устаревают: известна история статьи о Карнакском рельефе верховного жреца Аменхотпе, в которой студент Б.Б. Пиотровский доказывал, что награждение жреца происходило перед статуей фараона Рамзеса IX. Статью долго не замечали, но в 1959 г. египтолог В. Федерн предложил вспомнить ее и отказаться от ошибочных интерпретаций, еще существовавших в литературе. Сохранили значение и основные идеи наполненного наглядным археологическим материалом курса лекций “Археология Закавказья” (1949), хотя количество памятников и материалов существенно выросло. Работы выходят и после смерти Б.Б. Пиотровского: часть из них он готовил специально, но и собранный материал столь велик и значителен, что издательства берутся публиковать даже “сырые” тексты. Так произошло с книгой “История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы”.

Научные заслуги ученого признаны как в родной стране, так и за рубежом². Б.Б. Пиотровский награжден многими орденами и медалями своей Родины. Завершим рассказ о нем словами Михаила Борисовича Пиотровского, прекрасно выразившими главное: “Борис Борисович был символом особого историко-культурного явления, ярким примером дворян-интеллигентов, которые, несмотря на изменение политических режимов, служили Родине, твердо и умело выполняя свой долг в той области, где судьба доверила им это делать. Они не были суетливы, не знали корысти и ще-

славия. Они блестяще продолжали и сохраняли славу России. А она иногда вспоминает их добрым словом” (Пиотровский М.Б., 2008. С. 61).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексиин В.А.* Сектор/отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛО ИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН и его предшественники в ИАК-РАИМК-ГАИМК-ИИМК АН СССР (Основные вехи истории) // Зап. Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2007.
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* “Дело славистов”: 30-е годы. М., 1994.
- Болдырев А.Н.* Осадная запись (Блокадный дневник). СПб., 1998.
- Борис Борисович Пиотровский. Матер. к биобиблиографии ученых СССР. Сер. история. Вып. 19. М., 1990.
- Брачев В.С.* Крестный путь русского историка. Академик С.Ф. Платонов и его “дело”. СПб., 2005.
- Варданян Л.М.* Евгения Тиграновна Гюзальян: забытое имя в армянской этнографии // Репрессированные этнографы. М., 2003.
- Дмитриев В.А., Иванова В.П., А.А. Миллер* – археолог и этнограф-кавказовед // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.) Сб. науч. тр. СПб., 1992.
- Дьяконов И.М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995.
- Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001.
- Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историографии сталинизма. М., 2002.
- Олесич Н.* Господин студент императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1999.
- Пиотровский Б.Б.* Археология Закавказья. С древнейших времен до I тысячелетия до н.э. Курс лекций. Л., 1949.
- Пиотровский Б.Б.* Нубийская экспедиция Академии наук СССР (1961–1962) // ВДИ. 1963. № 2.
- Пиотровский Б.Б.* Значение культурного наследия для развития культуры и формы его сохранения // Новая и новейшая история. 1976. № 1.
- Пиотровский Б.Б.* Блокадный Ленинград (зима 1941/42 гг.) // В годы войны. Статьи и очерки. М., 1983.
- Пиотровский Б.Б.* Вади Аллаки – путь к золотым рудникам Нубии. М., 1983.
- Пиотровский Б.Б.* Культурное наследие и его роль в жизни человечества (размышления на тему) // Человек в зеркале наук. Тр. методологического семинара “Человек”. Межвузовский сб. Л., 1991.
- Пиотровский Б.Б.* Страницы моей жизни. СПб., 1995.
- Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа, краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000.
- Пиотровский М.Б.* Археолог из школьного учебника // Эрмитаж. 2008. № 1(10).
- Пиотровский Ю.Ю., А.А. Иессен* в Эрмитаже // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Матер. конф., посв. 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб., 1996.
- Платонова Н.* Александр Александрович Миллер – археолог // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX): биографический аспект. Вып. I. СПб., 2003.
- Эрмитаж. Хроника военных лет. 1941–1945. (Документы архива Государственного Эрмитажа). СПб., 2005.

² Б.Б. Пиотровский – член-корреспондент АН Армянской ССР (1945) и ее действительный член (1968); академик АН СССР (1970), член Президиума АН СССР (1980) и, некоторое время, академик-секретарь отделения истории. Заслуженный деятель науки Армянской ССР (1961), заслуженный деятель искусств РСФСР (1964), почетный член Института египтологии Карлова университета в Праге (1965), член Международного совета музеев (1965), член-корреспондент Германского археологического института (ФРГ, 1966), член-корреспондент (1967) и действительный член (1978) Британской академии, член-корреспондент Баварской академии наук (ФРГ, 1968), член-корреспондент Академии надписей изящной литературы (Франция, 1970), лауреат премии фонда “Ф.Ф.С.” г. Гамбурга (ФРГ) им. А.П. Карпинского (1980), кавалер ордена “Pour le merite fur Wissenschaften und Kunste” (1986).

**КО II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКОМУ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ
СЪЕЗДУ**

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА ИВАНОВИЧА ТОЛСТОГО

© 2008 г. П. Г. Гайдуков

Институт археологии РАН, Москва

18 мая исполнилось 150 лет со дня рождения графа Ивана Ивановича Толстого – выдающегося русского ученого, государственного и общественного деятеля, сторонника равноправия народов, организатора науки, художественного образования и просвещения, коллекционера (Толстой Иван Иванович, 2002; Толстой Иван Иванович (1858–1916), 2003 (рис. 1). До недавнего времени он был известен в основном как автор капитальных трудов по русской и византийской нумизматике, а также древнерусскому искусству (Жебелев, 1916; 1917; 2002; Вауер, 1926; Спасский, 1970. С. 197–200; 1989. С. 32–42; Сотникова, Спасский, 1983. С. 33–38; Гурулева, 1991а. С. 92–97; 1991б; 1991в; Мельникова, 1993). О других сторонах деятельности И.И. Толстого до конца XX в. было известно немного. И это несмотря на то, что его внучка Л.И. Толстая (1921–2006), сумевшая сохранить семейный архив, в течение четверти века проводила большую работу по изучению и изданию материалов к биографии своего деда (К 100-летию..., 1986; Толстая, 1987; 1991; Ананьич, Толстая, 1992; С.Ю. Витте на страницах дневника И.И. Толстого, 1992).

В последнее десятилетие ситуация кардинально изменилась: написан обстоятельный очерк жизни

Рис. 1. Иван Иванович Толстой. Фото начала 1910-х годов.

и творчества ученого (Нейхардт, 1999), изданы мемуары И.И. Толстого и его дневник (в сокращении) (Толстой, 1994; 1997а; б; Воспоминания министра..., 2002; Толстая, 2002), переизданы “Заметки о народном образовании” и газетные статьи по национальному вопросу (Граф Ив. Ив. Толстой, 2002; Граф Иван Толстой, 2002), публикуются воспоминания современников о нем (Жебелев, 1999; Ильин, 1999; Репин, 1913; 1999; Философов, 1999; Орешников, 2006), исследуются отдельные стороны его многогранной общественной деятельности (Толстая, Ананьич, 2001; Ананьич, Толстая, 2005; 2006; Ананьич, 2007). Готовится к печати часть обширного эпистолярного наследия И.И. Толстого за 1889–1898 гг. (Граф И.И. Толстой и его корреспонденты, 2008), а также полное издание дневниковых записей. Совсем недавно вышла в свет книга, посвященная общественной и государственной деятельности И.И. Толстого, а также его творчеству (Ананьич, 2007)¹. Только сейчас можно по достоинству оценить истинную роль этой незаурядной личности в общественной и культурной жизни России конца XIX – начала XX в. Но несмотря на повышенный интерес к И.И. Толстому в последние годы, его полная научная биография еще не написана.

И.И. Толстой родился 18 мая 1858 г. в Луге Санкт-Петербургской губернии. Он происходил из русского дворянского рода середины XIV в., принадлежал к “петербургскому роду” потомков фельдмаршала М.И. Кутузова по женской линии. Его дед, сенатор Матвей Федорович Толстой, был женат на дочери Кутузова Прасковье Михайловне. Отец И.И. Толстого, Иван Матвеевич (1806–1867), в последние годы жизни был министром почт и телеграфов (Сухорукова, 1998; Ананьич, 2007. С. 10, 11). Иван и его младший брат Дмитрий рано осиротели. Для их воспитания был приглашен немец Христиан Христианович Гиль, который фактически стал членом семьи и прожил с И.И. Толстым до своей смерти в 1908 г. Он не только привил своим подопечным интерес к коллекционированию, но и был, по словам И.И. Толстого, его “старейшим руководителем в нумизматике” (Толстой, 1882. С. IV).

¹ Автор признателен академику Б.В. Ананьичу за помощь в работе над статьей.

В 1876 г. окончив с серебряной медалью гимназию, И.И. Толстой поступил на юридический факультет Петербургского университета, закончив его в 1880 г. В 1881 г. он был определен на службу в Министерство иностранных дел, но через полгода переведен в Министерство внутренних дел, где занимался переселенческими проблемами. С 1885 по 1890 г. работал секретарем Императорского Русского археологического общества, а в 1886–1891 гг. – младшим членом, а затем членом Императорской археологической комиссии. В 1889 г. И.И. Толстой занял должность конференц-секретаря, а в 1893 г. был назначен вице-президентом Императорской Академии художеств. Под его руководством был разработан новый устав Академии и проведена ее реформа. И.Е. Репин так отзывался о деятельности И.И. Толстого: “Мои личные впечатления от прочитанных мне им положений и мероприятий, лежавших перед ним к исполнению, наполняют меня благоговением к уму, способностям, универсальному знанию и свежему взгляду на всякое дело этого скромного гения, являющегося редким исключением в бюрократическом мире” (Репин, 1999. С. 363). В 1897 г. И.И. Толстой был избран почетным членом Российской Академии наук. С 1899 г. по день смерти состоял помощником председателя Русского археологического общества.

В октябре 1905 г. в России было сформировано первое объединенное правительство во главе с председателем Совета министров С.Ю. Витте. По его приглашению И.И. Толстой вошел в правительство и возглавил Министерство народного просвещения. Одним из важнейших пунктов его программы являлась проблема полного равноправия всех национальностей, живших в пределах российского государства. За шесть месяцев существования правительства Витте И.И. Толстой успел привлечь новых людей в состав попечительских учебных округов и разработать программу реформ высших учебных заведений. В апреле 1906 г. правительство С.Ю. Витте было отправлено в отставку. И.И. Толстой был уволен со своего поста, не получив при этом никаких благодарностей или отличий. Сразу же он написал воспоминания об этом периоде своей жизни (Воспоминания..., 2002). По совету В.В. Стасова с сентября 1906 г. Толстой начал делать ежедневные дневниковые записи, которые вел до самой смерти. Его дневник – ценный источник информации о политической, научной, художественной и культурной жизни предреволюционной России (Толстая, Ананьич, 1997). Он имеет большое значение для изучения научной биографии И.И. Толстого и этапов формирования его нумизматической коллекции, а также для истории коллекционирования в России.

После отставки И.И. Толстой посвятил себя общественной деятельности и научной работе. Он делал все возможное для развития местного само-

управления и общественной инициативы. Без особых раздумий соглашался председательствовать в разного рода общественных организациях, не связанных напрямую с его научными интересами. На квартире И.И. Толстого с осени 1905 г. стал собираться “Кружок равноправия и братства”. С особой любовью он относился к созданному им Обществу библиотекосведения. Постоянно посещал заседания Общества по борьбе с проказой, Общества деятелей печатного дела, Лиги равноправия женщин и других общественных организаций.

О демократизме и открытости И.И. Толстого свидетельствовали многие современники. Двери его квартиры на 5-й линии Васильевского острова неподалеку от Академии художеств были открыты для всех с раннего утра. В своем дневнике он практически каждый день фиксировал визиты совершенно разных людей: профессоров университета, археологов и нумизматов, коллекционеров, политических деятелей, художников и писателей, чиновников, студентов, рабочих. За обеденный стол в доме Толстых садилось иногда до 15 человек гостей.

Осенью 1912 г. И.И. Толстой был избран гласным Городской думы от Васильевского острова, а в мае 1913 г. обновленным большинством Городской думы – на пост городского головы Санкт-Петербурга. На его плечи легла огромная работа, связанная с организацией городской жизни и городского хозяйства. Находясь на этой должности, И.И. Толстой всемерно способствовал поддержке репутации городского самоуправления.

С первых дней войны И.И. Толстой самым активным образом участвовал в организации жизни столицы в новых условиях. Он оказывал помощь и финансовую поддержку беженцам, встречал поезда с ранеными и калеками, возвращавшимися с фронта и из немецкого плена, собирал деньги для поддержки семей рабочих, боролся с нараставшей дороговизной. Практически каждый день заседал в разнообразных комитетах: Городском комитете по снабжению армии, Городском продовольственном комитете, Комитете помощи военнопленным, Комитете Союза городов, Комитете по оказанию помощи армянам, в обществе помощи пострадавшим от войны евреям и других общественных организациях. Он посещал больницы, занимался устройством распределительного пункта для беженцев и раненых на Варшавском вокзале. Осенью 1915 г. И.И. Толстой серьезно заболел, а в феврале 1916 г. был освобожден от должности городского головы по собственной просьбе.

И.И. Толстой скончался 20 мая 1916 г. в Гаспоре под Ялтой. 19 июня 1916 г. он был погребен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Петрограде. Профессор С.А. Жебелев, близкий друг семьи Толстых, в некрологе Ивану Ивановичу писал: «“Случайность жизни” сделала графа, в

Рис. 2. Могила И.И. Толстого на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. Фото П.Г. Гайдукова (декабрь 2007 г.).

последние два года его жизни, петроградским городским головою... На посту городского головы, особенно в те месяцы, когда разразилась война, граф не только не жалел себя, но он как-то забыл о себе. И уже не “случайность жизни”, а какое-то сверхчеловеческое исполнение ответственного долга, возложенного на графа в тяжелое время, переживаемое нашей родиной, надорвало его силы и свело в преждевременную могилу» (Жебелев, 1916. С. 44).

В 1927 г. на могиле И.И. Толстого почитателями и коллегами был установлен памятник, но позже имя ученого было предано забвению, захоронение разграблено, памятник украден (Ананьич, 2007. С. 6, 7). Через 80 лет, осенью 2007 г. по инициативе академика Б.В. Ананьича стараниями Международного благотворительного фонда имени Д.С. Лихачева при поддержке фонда “Константиновский” на могиле И.И. Толстого был установлен памятник по проекту архитектора В.Б. Бухаева (рис. 2; 3).

Список трудов И.И. Толстого насчитывает около 60 наименований (К 100-летию..., 1986. С. 172–176). Наиболее значимы его труды по русской и византийской нумизматике.

Будучи вместе со своим братом Дмитрием Ивановичем обладателем крупнейшей в России коллекции русских средневековых монет, И.И. Толстой уже в студенческие годы занялся их научным изучением. В 1882 г. 24-летний автор издал первый нумизматический труд, посвященный исследованию древнейших русских монет (Толстой, 1882). В работе собрано и описано более 170 монет из разных собраний, для которых автор предложил свою типологию и отнес к чекану Владимира Святославича, Святополка Ярополковича Окаянного и Ярослава Владимировича. Разработанная в книге научная концепция была положена в основу подготовленного в Эрмитаже и изданного в 1983 г. “Сводного каталога русских монет X–XI веков”. Его авторы писали о книге И.И. Толстого: “Он

Рис. 3. Памятник на могиле И.И. Толстого. Фото П.Г. Гайдукова (декабрь 2007 г.).

обогастил мировую нумизматическую литературу еще одним каталогом монет определенной исторической эпохи и решил вопросы, ответы на которые до той поры могли быть только предположительными. На материалах составленного им Свода Толстой неоспоримо доказал русское происхождение всех рассмотренных им монет и обосновал их общую систематизацию, а также датировку рубежом X–XI вв.” (Сотникова, Спасский, 1983. С. 36).

Книга о древнейших русских монетах сразу принесла И.И. Толстому известность в научных кругах. В 1882 г. он был избран действительным членом Императорского Русского археологического общества, Одесского общества истории и древностей и Эстонского ученого общества при Юрьевском университете. В сентябре того же года Академия наук удостоила работу “Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского” Уваровской премии второй степени (К 100-летию ..., 1986. С. 177; Ананьич, 2007. С. 13)².

² Полученные деньги лауреат передал А.В. Экземплярскому в виде гонорара за написание труда “Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период”. Впоследствии книга была издана на средства И.И. Толстого в двух томах (Экземплярский, 1889; 1891; И.И. Толстой – А.В. Орешникову. 13 января 1913 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 136. № 44. Л. 81об.).

Позже И.И. Толстой задумал издание своего значительного собрания монет XIV–XVII вв. в 11–12 выпусках под названием “Русская допетровская нумизматика”. В предисловии к первой книге он изложил общие принципы этого труда и дал перечень предполагаемых выпусков (Толстой, 1884. С. III–XI). В отдельных книгах планировалось описать монеты Великого Новгорода, Пскова, Твери с уделами, Рязани и Суздаля, монеты уделов Москвы, Московские великокняжеские (3 выпуска) и царские монеты (2 выпуска), неопределенные удельные монеты, а также платежные слитки.

В 1884–1886 гг. И.И. Толстой издал первые два выпуска задуманной серии, используя в исследовании не только свою коллекцию, но и другие оказавшиеся доступными ему монетные собрания. В книге “Монеты Великого Новгорода” на основе изучения 1200 новгородских денег периода независимости (1420–1478 гг.) были изданы все известные на то время штампы, снабженные на семи таблицах точными рисунками (Толстой, 1884). В книге “Монеты псковские” И.И. Толстой исследовал около 800 денег, а в десяти таблицах представил точные рисунки всех штампов. Кроме монет независимого Пскова (1425–1510 гг.) в работе были учтены также псковские монеты Василия III (1510–1533 гг.) (Толстой, 1886).

В передаче особенностей сотен вариантов рисунка и надписи монет И.И. Толстой продемонстрировал свою колоссальную трудоспособность и особую наблюдательность. При этом он умел различать идентичные лицевые и оборотные стороны на разных монетах. Однако обе указанные работы остались по сути дела формальной классификацией однообразного монетного материала, где отдельные группы формировались по сугубо внешним признакам: количеству точек возле изображения или алфавитному порядку букв на лицевой стороне. Выделенные группы не давали представления о датировке отдельных монетных выпусков. И.И. Толстому не удалось разработать хронологическую систематизацию монет Новгорода и Пскова, и он сам это сознавал. Он “вплотную подошел к важнейшему методическому открытию – изучению монет по соотношению штампов. Ему нужно было бы сделать следующий шаг – увидеть за каждым монетным типом орудия чеканки: пару чеканов (= штампов), и убедиться, что лицевой и оборотный штампы, составляющие рабочую пару, в процессе монетного производства попеременно использовались в сочетании со штампами других пар, образуя серии монет, у которых одинаковыми оказывались то лицевые стороны при разных оборотных, то оборотные при разных лицевых... Благодаря выявлению групп монет, связанных общими штампами, создавалась объективная возможность выделить монеты, чеканенные в одном центре и в определенные отрезки времени, т.е. создать научно обоснованную систе-

матизацию недатированных монет” (Мельникова, 1993. С. 46). Рассматриваемые книги сейчас интересны как полный свод информации о новгородских и псковских монетах и полный каталог самих монет, имевшихся в распоряжении нумизматов в 80-е годы XIX в.

В 1886 г. И.И. Толстой был приглашен в Археологическую комиссию, где проработал пять лет. Он занимался разбором и описанием монетных кладов, поступавших из разных регионов, и внес немалый вклад в развитие правильного представления о значении этих первоклассных нумизматических источников. В то время в России клады не рассматривали как единые комплексы, дающие представление о денежном обращении того времени и места, к которым они относились. Из них отбирали отдельные экземпляры, необходимые для формирования коллекций, а остальные монеты отправляли на переплавку. И.И. Толстой не мог согласиться с таким варварством. В особой записке на имя председателя Археологической комиссии А.А. Бобринского он предлагал после научного изучения и описания клада выставлять его в помещении комиссии для осмотра и отбора монет Эрмитажем, другими музеями, а также частными лицами. Благодаря введению такой практики монеты из кладов, хотя и в разрозненном виде, но сохранялись (Гурулева, 1991а. С. 94, 95; 1991б. С. 265, 266). И.И. Толстым были опубликованы некоторые из разобранных им кладов (Толстой, 1888а; б; 1889; 1892).

В 1889–1899 гг. И.И. Толстой вместе с профессором Н.П. Кондаковым готовил серию книг под общим названием “Русские древности в памятниках искусства”. Издание задумывалось как научно-популярное с большим количеством иллюстраций, оно предназначалось для широкого круга читателей. Во вводном разделе первого выпуска авторы писали: “Представить историческое образование и развитие древнерусского искусства, в точных снимках с художественных памятников русской древности и старины, – такова основная задача настоящего издания; необходимым дополнением снимков служит пояснительный текст” (Толстой, Кондаков, 1889. С. [III]). Предполагалось за 3 года издать 12 книг, причем первые 3 выпуска – в 1889 г. (И.И. Толстой – А.В. Орешникову. 12 марта 1889 г., 18 марта 1899 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 136. № 44. Л. 21об., 22об.). Однако в полной мере это начинание не осуществилось. Удалось подготовить лишь шесть книг, издание которых растянулось более чем на 10 лет. Два первых выпуска, “Классические древности южной России” (тираж 2000 экз.) и “Древности скифо-сарматские”, вышли в свет в 1889 г., третий – “Древности времен переселения народов” – в 1890 г., четвертый – “Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева” – в 1892 г. Последние книги серии (“Курганные древности и клады домонгольского периода” и “Памятники Вла-

димира, Новгорода и Пскова”) были изданы в 1897 и 1899 гг. (Толстой, Кондаков, 1889–1899).

В конце первого десятилетия XX в. И.И. Толстой вернулся к занятиям русской удельной нумизматикой и готовил к изданию монетные каталоги Великого княжества Московского с соответствующим историко-нумизматическим исследованием. В 1910 г. он опубликовал труд о монетах Дмитрия Ивановича Донского (1359–1389 гг.), а в 1913 г. – о монетах Василия Дмитриевича (1389–1425 гг.) (Толстой, 1910; 1913а). В каталоге первого исследования под 17 номерами описано 20 монет, в каталоге второго – под 128 номерами 311 монет. Известно, что И.И. Толстой начал изучение денег Василия Васильевича Темного (1425–1462 гг.), однако эта работа осталась незавершенной (И.И. Толстой – А.В. Орешникову, 2 марта 1910 г., 20 мая 1911 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 136. № 44. Л. 52 об., 64 об.; Гурулева, 1991в. С. IX, X). Несмотря на то, что за прошедшие 100 лет количество монет Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича увеличилось в 10 раз, они остаются слабо изученными, а труды И.И. Толстого о монетах Великого княжества Московского до сих пор не утратили своего научного значения.

И.И. Толстой хорошо знал, интересовался и собирал русские монеты позднейшего периода. Вместе с А.А. Ильиным он издал “Практическое руководство для собирателей” монет XVIII в. (Ильин, Толстой, 1910). После смерти Х.Х. Гиля, в 1908–1913 гг., помогал А.А. Ильину и М.Г. Деммени завершить подготовку к изданию монет Петра I для Корпуса русских монет XVIII–XIX вв. (Георгий Михайлович, вел. кн., 1914; Спасский, 1989. С. 41–43).

Особой страницей в научной биографии И.И. Толстого является его незавершенный труд “Византийские монеты” (Толстой, 1912–1914). Он заинтересовался этим материалом еще на заре своей научной деятельности, поскольку, изучая русские сребреники и златники, пытался отыскать их прототипы среди византийских монет. С 1880-х годов И.И. Толстой в России и Европе “по случаю” и на аукционах покупал византийские монеты, активно помогал ему в этом Х.Х. Гиль. В 1895 г. он писал А.В. Орешникову: “Хр[истиана] Хр[истианови]ча здесь нет: он с в[еликим] кн[язем] Георг[ием] Мих[айлови]чем в Биарице... Монеты покупает, конечно, и там, и извещает меня, что закупил для меня византийских, более чем на 1000 фр[анков]” (И.И. Толстой – А.В. Орешникову, 15 сентября 1895 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 136. № 44. Л. 39 об.). К началу XX в. И.И. Толстому “посчастливилось составить коллекцию, которая, пожалуй, может считаться лучше среди европейских частных собраний такого рода” (Толстой, 1913б. С. 86).

Работу над книгой “Византийские монеты” И.И. Толстой начал осенью 1910 г. В ноябре он пи-

сал А.В. Орешникову: “...я решил заняться, уже на свой кошт, огромным нумизматическим делом: изданием возможно полного описания византийских монет. Работаю с сентября по 10 часов в сутки, и у меня есть надежда, что кое-что из этого выйдет, хотя материала очень много и издание тех 4 или даже 5 томов, которые мне рисуются, потребует не менее 4–5 лет усиленной работы” (И.И. Толстой – А.В. Орешникову, 22 ноября 1910 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 136. № 44. Л. 59). Следует отметить, что в то время, кроме книг Ж. Сабатье и В. Врота, не было подробных каталогов византийских монет (Sabatier, 1862; Wroth, 1908). Начинание И.И. Толстого с одобрением приветствовали его коллеги – византилисты Н.П. Кондаков и В.Н. Бенешевич (Ананьич, 2007. С. 116).

Весной 1911 г. И.И. Толстой регулярно работал с эрмитажным собранием византийских монет. В апреле он писал А.В. Орешникову: “Я задаюсь... целью: издать гораздо более полный материал, чем у Сабатье, и при том для русских (будущих?) нумизматов... Во всяком случае, будет иметь известную ценность издание: 1) моей коллекции, 2) коллекции Эрмитажа, 3) проверенного Сабатье и 4) коллекции Британского музея. Это будет не согрус, но пропусков будет не много” (И.И. Толстой – А.В. Орешникову, 26 апреля 1911 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 136. № 44. Л. 62 об.). В сентябре 1911 г. И.И. Толстой сделал заказ типографии Голике и Вильборг на печатание своей книги. В конце 1911 г. вышел в свет первый, а в начале 1912 г. – второй выпуск труда “Византийские монеты” (Гурулева, 1991б. С. 269, 270). Выпуски имеют общую пагинацию. Перед описанием монет каждого царствования помещен очерк правления императора. Описания монет сопровождаются отдельными фотографиями и рисунками в тексте, а также прекрасными фототипическими таблицами монет, расположенными в конце изданий.

В предисловии к первому выпуску И.И. Толстой так объяснил читателям цель всего труда: “Будучи обладателем одного из крупных собраний византийских монет, я решил издать его описание, имея в виду: 1) желательность иметь труд на русском языке, посвященный существенной вспомогательной отрасли византологии, т.е. науки, которую с честью разрабатывали и продолжают разрабатывать русские ученые, 2) частые находки византийских монет в пределах России, особенно на юге и на Кавказе, 3) желательность обратить внимание на собирание этих монет в нашем отечестве, признавая, что плодотворное и осмысленное коллекционирование возможно только при существовании достаточно полного печатного пособия, посвященного разработке интересующей собирателя области” (Толстой, 1912. С. VI).

Осенью 1912 г. Русское археологическое общество присудило И.И. Толстому за первые два вы-

пуска труда “Византийские монеты” большую золотую медаль имени графа А.С. Уварова. Отзыв было поручено написать А.В. Орешникову, за который тот получил малую золотую медаль (Гурулева, 1991б. С. 271, 272; Орешников, 1991). В начале 1913 г. И.И. Толстой писал А.В. Орешникову: “Позвольте поблагодарить Вас, прежде всего, за лестный отзыв о моем издании, вследствие которого мне присудили Уварова, медаль Археолог[ического] Общества. Присуждение произошло в мое отсутствие, я только недавно узнал, что отзыв был составлен Вами (впрочем, я доселе с ним незнаком). Меня очень тронуло, что именно Вы занялись этим вопросом, и низко Вам кланяюсь, что же касается самого присуждения, то не особенно его одобряю, так как нахожу, что присуждение медалей должностным членам Общества и особенно председательствующему нежелательно; тем не менее, сознаюсь, было приятно, что сочлены отнесли ко мне симпатично, присудив медаль единогласно” (И.И. Толстой – А.В. Орешникову. 7 января 1913 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 136. № 44. Л. 77).

Особенно интенсивно работа над исследованием шла в конце 1912 г. и в первой половине 1913 г. За это время было издано пять выпусков “Византийских монет” и подготовлен к печати шестой (Гурулева, 1991б. С. 270). В январе 1913 г. И.И. Толстой писал А.В. Орешникову: “По части помощника по механической части моего издания, о к[оторо]м Вы спрашиваете, должен сказать, что слепки с монет делает известный, кажется, Вам Меняйлов, камердинер Георгия Мих[айловича], обученный покойным Хр[истианом] Хр[истиановичем], но затем все остальное делаю я – даже клею таблицы, не говоря о беготне в типографию, отвозке оригиналов в фототипию и т.п. Иногда, когда можно, работаю над визант[ийскими] монетами до 12 часов в сутки, но зато бывают перерывы в несколько месяцев (как в прошлом году)” (И.И. Толстой – А.В. Орешникову. 7 января 1913 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 136. № 44. Л. 77об.).

Всю книгу автор планировал уложить в 12 выпусков. В 1914 г. вышли в свет выпуски VI–IX “Византийских монет”, и на этом издание прекратилось. Оно заканчивается описанием монет Михаила III (842–867 гг.). Труд И.И. Толстого насчитывает 1060 страниц и 72 таблицы. В нем охарактеризовано более 4000 монет. На начало XX в. это был самый полный каталог по византийской нумизматике. “Несмотря на незавершенность, труд И.И. Толстого – новое явление в византийской нумизматике того времени: впервые монеты не просто описывались, а изучались, сопоставлялись с другими источниками той же эпохи, становились историческими документами, помогающими разобраться в спорных проблемах” (Гурулева, 1991б. С. 273).

В июне 1913 г. И.И. Толстой был утвержден на посту городского головы. Служебные обязанности отнимали слишком много времени, на научные занятия его почти не оставалось. И.И. Толстой продолжал исследование византийских монет, но все реже в его дневнике содержатся записи об этом. Начавшаяся Первая мировая война вообще остановила эту работу.

В декабре 1916 г. на заседании Русского археологического общества, посвященном памяти И.И. Толстого, обсуждался вопрос публикации рукописи, оставшейся после смерти автора. В ней описывались монеты начиная с правления Василия I (867–886 гг.) по Иоанна II Комнина (1118–1143 гг.). Рукопись была готова к изданию, в ней не хватало лишь исторических очерков правления императоров. Сын и дочь И.И. Толстого обязались продолжить прерванный труд и довести его до конца Византийской империи. Научное руководство взял на себя В.Н. Бенешевич (Гурулева, 1991б. С. 273, 274). Однако наступившие вскоре революционные события не позволили осуществить этому плану.

В 1991 г. В.В. Гурулева опубликовала рукопись И.И. Толстого, обнаруженную ею в домашнем архиве Л.И. Толстой, как десятый выпуск книги “Византийские монеты” (Толстой, 1991; Гурулева, 1991в).

И.И. Толстой вошел и историю отечественной нумизматической науки благодаря своим капитальным трудам, в которых он продемонстрировал новые комплексные подходы к классификации разрозненного нумизматического материала. Его книги, изданные с особым изяществом, кроме высокой научной составляющей имеют и художественное значение. Они остаются прекрасным памятником русского полиграфического искусства конца XIX – начала XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьич Б.В. И.Е. Репин и И.И. Толстой // Линия судьбы. Сб. статей, очерков, эссе. М., 2007.
- Ананьич Б.В. И.И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007.
- Ананьич Б.В., Толстая Л.И. И.И. Толстой и “Кружок равноправия и братства” // Освободительное движение в России. Вып. 15. Саратов, 1992.
- Ананьич Б.В., Толстая Л.И. Петербургский университет в январе-феврале 1911 г.: Власть и профессура // Русская история и историческая мысль XIX–XX вв.: Сб. статей к 75-летию А.Н. Цамутали. СПб., 2005.
- Ананьич Б.В., Толстая Л.И. И.И. Толстой – необычный городской голова Петербурга // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 3. М., 2006.
- Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого // Мемуары графа И.И. Толстого / Подгот. текста Л.И. Толстой. М., 2002.
- Георгий Михайлович, вел. кн. Монеты царствования императора Петра I. Т. II. СПб., 1914.

- Граф И.И. Толстой и его корреспонденты (1889–1898) / Публ. Л.И. Толстой, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова. М., 2008.
- Граф Ив. Ив. Толстой. Заметки о народном образовании в России // Мемуары графа И.И. Толстого / Подгот. текста Л.И. Толстой. М., 2002.
- Граф Иван Толстой. Письма русского из Рима // Мемуары графа И.И. Толстого / Подгот. текста Л.И. Толстой. М., 2002.
- Гурулева В.В. Византийская нумизматика в Эрмитаже // Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991а.
- Гурулева В.В. И.И. Толстой и византийская нумизматика // ВИД. Т. XXIII. Л., 1991б.
- Гурулева В.В. Предисловие // И.И. Толстой. Византийские монеты. Вып. 10. Барнаул, 1991в.
- Жебелев С.А. Граф И.И. Толстой (Некролог) // Журнал министерства народного просвещения. НС. Ч. LXV. Петроград, 1916. Сентябрь.
- Жебелев С.А. Граф Иван Иванович Толстой: 18 мая 1858 г. – 20 мая 1916 г. (Некролог) // Русский исторический журнал. Год I. Кн. 1–2. [Петроград.] 1917.
- Жебелев С.А. Основные моменты деятельности графа И.И. Толстого // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 1999.
- Жебелев С.А. Граф Иван Иванович Толстой (1858–1916) // Мемуары графа И.И. Толстого / Подгот. текста Л.И. Толстой. М., 2002. (Переизд. некролога 1916 г.)
- Ильин А.А. Граф Иван Иванович Толстой среди собирателей монет // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 1999.
- Ильин А.А., Толстой И.И. Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 г. Практическое руководство для собирателей. СПб., 1910.
- К 100-летию научно-нумизматической деятельности И.И. Толстого / Публ. Л.И. Толстой // Новые нумизматические исследования. НС. Ч. IX. Тр. ГИМ. Вып. 61. М., 1986.
- Мельникова А.С. И.И. Толстой и А.В. Орешников: Из истории нумизматической науки на рубеже XIX–XX вв. // Очерки по истории Отдела нумизматики. Нумизматический сб. Ч. XII. Тр. ГИМ. Вып. 83. М., 1993.
- Нейхардт А.А. И.И. Толстой: Ученый, человек, гражданин (штрихи к портрету) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 1999.
- Орешников А.В. Отзыв о труде графа И.И. Толстого “Византийские монеты” (Вып. I, II. СПб., 1912) // ВИД. Т. XXIII. Л., 1991.
- Орешников А.В. Воспоминания нумизмата о графе И.И. Толстом / Подгот. текста и коммент. П.Г. Гайдукова // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 1. М., 2006.
- Репин И. Что я думаю о графе Толстом // Аргус. № 10. СПб., 1913.
- Репин И. Что я думаю о графе Толстом // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 1999. (Переизд. заметки 1913 г.)
- С.Ю. Вите на страницах дневника И.И. Толстого (1906–1915 гг.). Публикация Б.В. Ананьича и Л.И. Толстой // Отечественная история. 1992. № 3.
- Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983.
- Спасский И.Г. Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Минцкабинета – Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. Т. VIII. М., 1970.
- Спасский И.Г. К истории создания Корпуса русских монет XVIII и XIX вв. // ВИД. Т. XX. Л., 1989.
- Сухорукова А.С. Иван Иванович Толстой (1858–1916) – министр, общественный деятель, нумизмат // Из глубины времен. Вып. 10. СПб., 1998.
- Толстая Л.И. Воспоминания И.И. Толстого как исторический источник // ВИД. Т. XIX. Л., 1987.
- Толстая Л.И. Дневник и воспоминания петербургского городского головы И.И. Толстого (1913–1916 гг.) // ВИД. Т. XXII. Л., 1991.
- Толстая Л.И. От составителя // Мемуары графа И.И. Толстого / Подгот. текста Л.И. Толстой. М., 2002.
- Толстая Л.И., Ананьич Б.В. Граф И.И. Толстой и его дневник // Толстой И.И. Дневник. 1906–1916 / Публ. Л.И. Толстой. СПб., 1997.
- Толстая Л.И., Ананьич Б.В. И.И. Толстой – гофмейстер и правозащитник // На пути к революционным потрясениям: Из истории России второй половины XIX – начала XX в.: Матер. конф. памяти В.С. Дякина. СПб.; Кишинев, 2001.
- Толстой Иван Иванович // Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений: 1802–1917. Биобиблиографический справочник. 2-е изд., исправл. и доп. СПб., 2002.
- Толстой Иван Иванович (1858–1916) // Полунина Н.М. Кто есть кто в коллекционировании старой России: Новый биографический словарь. М., 2003.
- Толстой И.И. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. Нумизматический опыт. СПб., 1882.
- Толстой И.И. Русская допетровская нумизматика. Вып. 1: Монеты Великого Новгорода. СПб., 1884.
- Толстой И.И. Русская допетровская нумизматика. Вып. 2: Монеты псковские. СПб., 1886.
- Толстой И.И. Клад куфических и западноевропейских монет, заключавший в себе обломок монеты Владимира Святого // Записки ИРАО. Т. III. СПб., 1888а.
- Толстой И.И. О монете Константина Мономаха с изображением Влахернской божией матери // Записки ИРАО. СПб., 1888б. Т. III.
- Толстой И.И. Три клада русских денег XV и начала XVI в. // Записки ИРАО. Т. IV. СПб., 1889.
- Толстой И.И. Клад византийских и римских монет IV и V вв. // Записки ИРАО. V. III, IV. СПб., 1892.
- Толстой И.И. Деньги великого князя Дмитрия Ивановича Донского // Записки нумизматического отделения ИРАО. Т. I. Вып. IV. СПб., 1910.
- Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. I. СПб., 1912.
- Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. I–IX. СПб., 1912–1914.
- Толстой И.И. Монеты великого князя Василия Дмитриевича // Записки нумизматического отделения ИРАО. Т. II. Вып. III–IV. СПб., 1913а.
- Толстой И.И. Как я стал нумизматом. Автобиографический очерк // Аргус. № 10. СПб., 1913б.

- Толстой И.И.* Византийские монеты. Вып. 10 / Науч. ред. В.В. Гурулева. Барнаул, 1991.
- Толстой И.И.* Записки городского головы / Публ., предисл. и примеч. Л.И. Толстой // Звезда. № 9. Л., 1994.
- Толстой И.И.* Воспоминания министра народного просвещения / Сост. Л.И. Толстая. 31 октября 1905 – 24 апреля 1906. М., 1997а.
- Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916 / Публ. Л.И. Толстой. СПб., 1997б.
- Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. 1. СПб., 1889.
- Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. Вып. 1–6. СПб., 1889–1899.
- Философов Д.В.* Граф Иван Иванович // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 1999.
- Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Биографические очерки по первоисточникам и главным пособиям А.В. Экземплярского. Т. I: Великие князья Владимирские и Владимиро-Московские. Издание графа И.И. Толстого. СПб., 1889.
- Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Биографические очерки по первоисточникам и главным пособиям А.В. Экземплярского. Т. II: Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие и удельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. Издание графа И.И. Толстого. СПб., 1891.
- Bauer N.* Graf Ivan Tolstoj // Zeitschrift fuer Numismatik. Bd. 36. Berlin, 1926.
- Sabatier J.* Description generale des monnaies Byzantines. T. I–II. Paris, 1862.
- Wroth W.* Catalogue of the Byzantine Coins in the British Museum. V. I–II. L., 1908.

КО II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКОМУ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪЕЗДУ

НЕКРОЛОГ С.Ф. ПЛАТОНОВА О ГРАФЕ А.С. УВАРОВЕ

© 2008 г. В. В. Митрофанов

Западно-Сибирский Институт Финансов и Права, Нижневартовск

За многолетнюю творческую деятельность С.Ф. Платонову приходилось довольно часто писать некрологи, прежде всего о близких людях: своих учителях, друзьях, даже учениках. Некоторые из них были выдающимися исследователями, другие – менее именитыми, третьи – совсем молодыми, делавшими первые шаги в науке. В конце XIX в. были опубликованы некрологи С.Ф. Платонова, посвященные памяти его учителей К.Н. Бестужева-Рюмина (1897 г.) и В.Г. Васильевского (1899 г.), много лет спустя он написал о В.О. Ключевском (1911 г.), затем о И.А. Шляпкине (1918 г.), А.А. Шахматове (1920 г.), В.С. Иконникове (1923 г.), в числе последних – о И.А. Линниченко (1926 г.), А.Н. Филиппове (1927 г.), Н.Д. Чечулине (1927 г.), А.Ф. Кони (1929 г.), М.М. Богословском (только недавно напечатан в Археологическом ежегоднике за 1998 г.), А.Е. Преснякове (1930 г.). Близки к жанру некролога статьи, написанные о А.В. Тищенко (1916 г.) и К.Д. Кавелине (1925 г.).

Некролог об А.С. Уварове – по всей видимости, первый из написанных С.Ф. Платоновым, вчерашним выпускником Санкт-Петербургского университета, – до сих пор остается неопубликованным. Это связано, вероятно, с тем обстоятельством, что личность и масштаб А.С. Уварова, его вклад в развитие российской археологии и истории вызвали многочисленные отклики научной общественности на его кончину. Московское Археологическое общество организовало специальное заседание, посвященное памяти ученого (Незабвенной памяти графа А.С. Уварова, 1885). Свой же “очерк” С.Ф. Платонов оценивал скромно, называл его “слабым и беглым”. Вероятно, поэтому написанный некролог и не был предложен к печати и хранится в настоящее время в личном фонде С.Ф. Платонова (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1479. Л. 1–6).

Крупный организатор археологической науки, инициатор Всероссийских Археологических съездов А.С. Уваров всю свою жизнь посвятил археологии. Его собрание предметов старины послужило основой Московского Исторического музея. С.Ф. Платонов называл его “первостепенной силой” науки, ставя в один ряд с Румянцевым и Строевым, Карамзиным и Соловьевым.

Собранная А.С. Уваровым богатейшая коллекция рукописей была известна всему ученому сообществу того времени. Из нее выписывались рукописи и для С.Ф. Платонова. В семейной библиотеке Уваровых, находившейся в имении Поречье, работал в 1904 г. талантливый ученик С.Ф. Платонова П.Г. Васенко.

Некролог о человеке, являвшемся “душой ученого мира”, представляет библиографический интерес и будет способствовать пониманию отдельных страниц научной биографии самого С.Ф. Платонова в начале его творческого пути. Публикуемая работа важна в плане определения представлений молодого исследователя о том, каким должен быть истинный ученый. Уже на раннем этапе своей деятельности С.Ф. Платонов считал важнейшими чертами любовь к науке, добросовестность в научном поиске, пропаганду научных знаний, открытость, талант организатора и человеческие качества. Со временем эти критерии дополнялись, конкретизировались и нашли отражение в личности самого С.Ф. Платонова.

Граф Алексей Сергеевич Уваров: [Некролог]*

Граф Алексей Сергеевич Уваров
(29 декабря 1884 г.).

29 декабря 1884 г. русская историческая наука понесла большую чрезвычайную утрату: умер граф Алексей Сергеевич Уваров. Мы так еще небогаты учеными силами, что потеря всякого подлинно добросовестного деятеля научной мысли и труда тяжела для человека, любящего нашу науку. Что касается до Уварова, то его смерть вызывает особенную грусть: в нем ушла от нас первостепенная сила одного из самых крепких и светлых работников науки, одного из самых горячих и высоких ее умов; ушла от нас универсальная творческая сила, не только преданный работник, но душа ученого мира, организатор и инициатор в сфере учено-общественной.

Мир историков, конечно, знает и понимает относительную величину и значение Уварова среди прочих, более популярных историков и популяр-

* В публикации используются правила современной орфографии. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

ных исторических рассказчиков, но обществу граф Уваров менее доступен. Это потому, что сфера его деятельности менее доступна вниманию и пониманию общества. Он был деятелем вспомогательных исторических наук, сухих и слишком специальных, но зато, быть может, более точных, таких, которые самой истории человеческого общества дают и новые материалы, и большую научность. Граф Уваров был археолог и был по своей деятельности, бесспорно, первый русский археолог.

Происходил он из высших слоев общества, был сыном Сергея Семеновича Уварова – министра народного просвещения и президента Академии наук. По матери он происходил из рода известных Разумовских.

Обыкновенно в наше время люди высших классов принимают участие в научном развитии своей родины более покровительством, чем деятельностью. Но Уваров был не таков. Он был меценатом там, где это было нужно и уместно, и очень щедрым меценатом; но и, кроме того, он был в высшей степени образованным человеком по сумме знаний и в высшей степени ученым деятелем по строгости научных приемов и по тому пониманию потребности и нужды науки, какие всегда у него были.

После него осталось много научных исследований по археологии. Он исследовал остатки античной культуры на северных берегах Черного моря (1851–1856 гг.)¹. Его трудами и стараниями раскопано было в области Оки и Волги 7000 курганов, и по этим могильным остаткам Уваров пишет большое исследование о племени меря “Меряне и их быт по курганным раскопкам” (1869 г.). Наконец, недавно издает он классическое громадное исследование под названием “Археология России. Каменный период” (1881 г.). Здесь сумма всех его археологических знаний и трудов. В то же время занимается он и древним искусством русским и христианским вообще. С 1860-х годов работал он над христианской символикой, собрал замечательную коллекцию икон и оставил в рукописи обширное их исследование, названное им “Византийской символикой”. Все эти исследования и большое количество отдельных статей дают Уварову право называться первоклассным русским археологом. Но его значение не исчерпывается только раскопками, собиранием исторического материала и его обследованием. Уваров больше, чем ученый деятель, он учено-общественный деятель. Его живая натура не довольствовалась ученым кабинетом и объективными бесстрастными выводами. Он не только исследовал, но и распространял науку в обществе, он старался возбудить к ней интерес, старался соединить ученые силы в сознательные сою-

зы, создать обмен мыслей и дать почву для новых и новых исследований. Соединением ученых, как он верно понимал, увеличивается их сила, скорей растет наука, сознательнее идет работа. И много поработал он в этом направлении, так много, что русские археологи давно безо всяких споров признали Уварова своим центром и главой. Ученые общества начинались инициативой Уварова. Стоило ему появиться в каком-нибудь провинциальном углу, и местные любители и исследователи старины, дотоль разделенные, работавшие в одиночку, соединялись в общество благодаря Уварову. Московское археологическое общество создано и жило Уваровым. Археологические съезды, наконец, созданы Уваровым – это его виднейший подвиг. Эти съезды происходят по разным городам России, периодически собирают вместе всех представителей русской археологической и исторической науки. Обмен мыслей, взглядов и выводов, происходящий между учеными, оживляет нашу науку, и этим русская наука обязана энергии и личности Уварова. Нет ни одного археологического предприятия, которое не начиналось бы Уваровым или не было связано с его именем. Стоит только вспомнить Исторический музей в Москве, и вы поймете: мог ли бы он даже существовать без Уварова. Для оживления науки и для соединения ученых Уваров пользовался не только своим ученым авторитетом, но и своим социальным положением, с одной стороны, всеми своими частными богатыми средствами – с другой. И мы взвели бы напраслину на русских ученых, если бы сказали, что они не умели ценить Уварова. На всех съездах председательство единогласно предоставлялось ему, а на V съезде в Тифлисе он был почтен самой искренней овацией как ученый и общественный деятель. И вообще, имя графа Уварова стояло очень высоко в ученом кругу; так, конечно, и будет всегда.

Такова личность Уварова как исследователя и деятеля. Как человек он достоин полного уважения. Помимо того, стремление к внешней карьере ему всегда было чуждо и положительные стороны его личности достойны почтения. Всегда деятельный, не старевший духом невзирая на свои 60 лет и давнюю болезнь, Уваров иногда слыл за живого, резкого и неуживчивого человека. Но наверно известно, что он имел друзей, был очень благовоспитан не только внешне, всегда приветливо относился к молодым и не мог помириться и ужиться с интригой и казнокрадством, когда ему приходилось с этим встречаться. Наверно известно, что немало людей, преданных науке, находили в Уварове живую помощь, видели в нем “каменную стену” (как они сами выражаются), за которую они смело укрывались ото всех невзгод. Уваров не смотрел на взгляды людей и помогал людям всех направлений, лишь бы за ними была честность да годность к науке. Из моего слабого и беглого очерка вам, конечно, трудно будет понять, какую силу, какую

¹ Имеется в виду труд “Исследования древностей Южной России и берегов Черного моря”.

прекрасную личность унесла смерть в лице Уварова. Обратитесь к его многочисленным некрологам, не пропустите отчета о заседании Московского археологического общества, которое скоро имеет быть специально в память Уварова, и вы поймете, что Уваров был большой человек, что его имя так же почтенно, как имена Румянцева, Строева, скажу даже, почтенно, как имена Карамзина и Соловьева. Пожелаем же, чтобы на Руси было больше таких сильных, а главное, таких деятельных, живых и общественных людей, которые бы работали для науки не только в кабинетах, но и

на людях, которые бы с наукой шли навстречу обществу. Наше общество может выдвинуть таких людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Незабвенной памяти графа Алексея Сергеевича Уварова. Речи, прочитанные в соединенном заседании ученых обществ 29 февраля 1885 года, назначенном Императорским Московским Археологическим обществом для чествования памяти своего покойного Председателя, с приложениями. М., 1885.

**КО II (XVIII) ВСЕРОССИЙСКОМУ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ
СЪЕЗДУ**

**ВСЕРОССИЙСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЪЕЗДЫ:
ОТ ПСКОВА ДО НОВОСИБИРСКА**

© 2008 г. А. С. Вдовин*, С. В. Кузьминых**, Д. В. Серых***

* Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

** Институт археологии РАН, Москва

*** Самарский государственный университет

В ноябре 2006 г. собрался I (XVIII) Всероссийский археологический съезд (АС) в Новосибирске (Современные проблемы..., 2006). От последнего (XV) дореволюционного АС его отделяют 95 лет. В этот почти столетний период неоднократно предпринимались попытки организации АС в масштабе всей страны; они, несомненно, интересны для истории отечественной науки.

Как известно, XVI АС в Пскове, намеченный на 20-е числа июля 1914 г., в преддверии войны был отменен за несколько дней до открытия. Съезд, как и предшествующие, внес значительный вклад в науку благодаря обширным подготовительным работам (Балтийский комитет в Берлине издал сборник трудов: Балтийский сборник..., 1914; была развернута выставка: Каталог выставки..., 1915). Но выбор места проведения АС, сделанный в 1912 г. в пользу Пскова, стоявшего слишком близко к границе, сыграл роковую роль.

Долго надеялись, что XVI АС все же состоится. Туркестанский кружок любителей археологии 2.03.1917 г. обсуждал вопрос о созыве очередного АС в пределах Туркестанского края (Лунин, 1964. С. 219). В архиве МАО есть письмо от 31.08.1918 г. из Пермской ученой архивной комиссии с предложением провести такой съезд в Перми, “в стороне от всяких военных или дипломатических осложнений” (ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Ед. хр. 527. Л. 9, 9об.). В качестве аргументов названы: необходимость устроить очередной АС на северо-востоке России и учреждение в Перми университета. Авторы письма не сомневались, что АС будут проводить и впредь: “...если не XVI-й Археологический съезд, который должен был состояться во Пскове, то уж во всяком случае следующий за ним съезд непременно должен иметь место в Перми” (ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Ед. хр. 527. Л. 10). Мысль провести АС в Перми мелькнула еще в 1914 г.; профессор П.С. Богословский в 1924 г. вспоминал: “...в 1914 г. мы (с И.Я. Кривошековым) мечтали по поводу назначенного тогда в Пскове XVI археологического съезда о созыве следующего такого съезда в Перми ввиду исключительного значения Пермского края с археологической точки зрения...” (Цит. по: Оконникова, 2002. С. 56).

После Октября 1917 г. организационная структура отечественной археологии существенно изменилась. Управление археологической и музейной деятельностью перешло в РАИМК–ГАИМК, где работали ведущие археологи. Продолжали функционировать старые и открывались новые университеты, работали музеи, так что новое поколение исследователей формировалось под крылом выдающихся представителей дореволюционной науки. Но многие археологические общества прекратили существование. После эмиграции П.С. Уваровой и смерти Д.Н. Анучина в 1923 г. свертывается деятельность МАО, так много сделавшего для организации и проведения АС по всей стране (Формозов, 2004. С. 33–40).

Казалось, уйдут в прошлое и археологические съезды. Но научное сообщество пыталось возродить их на новой организационной базе. Некоторую надежду начать этот процесс “сверху” давало сложение государственных структур, руководивших наукой. Такой структурой в первой половине 1920-х годов стал Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР. Активную роль в деятельности отдела играл В.А. Городцов, возглавлявший археологическую секцию. Его личный фонд в ОПИ ГИМ включает проекты организационного оформления советской археологии; они касаются только РСФСР, но в других советских республиках, судя по всему, шла похожая работа. В частности, к проекту создания Центрального археологического бюро при Академическом центре Наркомпроса (от 23.02.1923 г.) прилагался “Проект инструкции Ежегодных съездов представителей археологических обществ: Р.С.Ф.С.Р.” Предполагалось создать организационную систему, отдаленно напоминающую схему МАО–АС–региональные общества, но жестко централизованную. В качестве низших ячеек рассматривались столичные, губернские, областные и университетские научные общества; руководящего органа – Центрального археологического бюро; высшего представительного органа – ежегодные археологические съезды. Функции АС по этому проекту – утверждение отчетов о раскопках, ходатайства в Центральное археологическое бюро о выдаче от-

крытых листов, планирование археологических работ на следующий год, распределение находок по музеям (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 27, 28).

Желание продолжить традицию АС не оставляло и ведущих сотрудников РАИМК. А.А. Спицын делился новостью с В.А. Городцовым (25.03.1923 г.): "...затеваюсь здесь археологический съезд, да еще чуть ли не два, один через год" (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 438. Л. 44). Спустя три месяца он писал А.М. Тальгрёну (14.06.1923 г.): "Здесь у нас зреет мысль о Съезде в Петербурге, через 1–2 года. Вот бы Вам приехать" (РОБХУ. Ф. 230–13; далее отсылка на этот архивный фонд опускается).

Большинство проектов того времени остались на бумаге, но определенные успехи были достигнуты. Состоялись I Всеукраинская археологическая конференция 1925 г. в Одессе и I съезд исследователей белорусской археологии и археографии (Пряхин, 1986. С. 104). Идея созыва Всесоюзного АС начала оформляться организационно. Документы Отдела по делам музеев Главнауки Наркомпроса РСФСР дают основания считать, что подготовка съезда началась в 1924 г. (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 9. Д. 36. Л. 2). Возможно, импульсом для этого послужило обсуждение и принятие в том же году первых законов об охране памятников в Советской России. Первоначально съезд планировали провести как музейно-археологический. Судьба общего форума музейных работников похожа на судьбу XVI АС: его подготовку также сорвала мировая война (Разгон, 1991. С. 5–43), поэтому возобновление организационных работ в новых условиях являлось насущной задачей. В Музейном отделе Наркомпроса разрабатывали программу подготовки съезда, а для выяснения круга самых актуальных проблем, которые следовало рассмотреть, планировали предварительно обсудить их на областных совещаниях.

В перечне вопросов, предложенных для изучения Главнаукой, были состояние и охрана археологических памятников (включая выдающиеся объекты: Старую Рязань, Болгары, Ольвию и др.) в губерниях и областях, а также меры, принимаемые в этом направлении местными органами власти; учет и составление археологических карт; выяснение и поиски источников финансирования – кем и на какие средства проводятся раскопки. Не менее важен был вопрос о взаимоотношениях музеев с краеведческими организациями, вузами, школами, советскими учреждениями в деле охраны и производства археологических исследований (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 9. Д. 36. Л. 26). Для формирования программы съезда предлагалось сообщить "пожелания в деле учета, охраны и исследования археологических памятников в области", название научного доклада и сведения о докладчике.

Решение организационных проблем должна была взять на себя постоянная комиссия по созыву съезда. К концу 1924 г. Музейный отдел завершил подготовительную работу и направил ее результаты в Организационно-инспекторский отдел Наркомпроса для дальнейшего рассмотрения. Документы гласят: "По вопросу о музейно-археологическом съезде. Общий состав съезда по количеству участников предположительно до 300 человек, так как число музеев в Республике свыше 400, и кроме того, в съезде примут участие отдельные археологи, видные музейеведы и другие научные работники" (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 9. Д. 36. Л. 27).

10.01.1925 г. прошло совещание по выработке программы форума (теперь в документах его называют съездом археологов и реставраторов), сформулировавшее его общую цель: выяснить состояние музейного, археологического и реставрационного дела в СССР и ознакомиться с достижениями в этих областях для объединения деятельности по общему научно разработанному плану. Обсуждение предполагалось вести по секциям. На археологической секции в программу включались вопросы, связанные с состоянием охраны памятников, выяснением наиболее действенных мер в этом направлении на местах и в музеях, принципами экспонирования археологических коллекций. Намечалось обсудить научные достижения в области археологии в СССР и за границей, вопрос о социологическом методе в археологии (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 9. Д. 36. Л. 43).

В.А. Городцов, один из организаторов съезда, написал в апреле 1925 г. "Тезисы к организации археологических исследований в СССР", в которых специально обратился к вопросу охраны памятников. Один из тезисов гласит: "С целью надлежащей систематической организации в Союзе исследований по истории древнейших материальных культур, является необходимо организовать орган, периодически созываемый по согласованию и урегулированию вопросов общесоюзного характера по охране и изучению памятников археологии" (ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 9. Д. 36. Л. 47).

Однако ситуация в стране менялась: внутрипартийная борьба оказывала влияние на все сферы жизни. Прокатилась череда политических процессов. В 1926 г. Каменев, Зиновьев и Троцкий были выведены из Политбюро ВКП(б), а затем исключены из партии. Может показаться странным: каким образом все это связано с организацией предполагаемого АС? Дело в том, что в Наркомпросе работали жены многих видных партийных и государственных деятелей, в частности жена Л.Д. Троцкого – Н.И. Троцкая (Седова), возглавлявшая Отдел по делам музеев в Главнауке. Именно при ее участии в 1924 г. началась подготовка к созыву съезда. В 1927 г. ее отстранили от занимаемой должности (Кузина, 2005б. С. 671), и, как следствие, вопрос о съезде "лег под сукно".

Тем не менее в 1926 г. в Керчи удалось провести археологическую конференцию, посвященную столетию Керченского музея древностей. Первоначально речь шла именно о проведении “археологического съезда”, продолжающего традицию Всероссийских АС, а также планировавшегося в 1915 г. областного съезда в Крыму. Местные археологи получили поддержку со стороны РАИМК–ГАИМК и АН СССР (Маркевич, 1927). Но у организаторов возникли проблемы с утверждением статуса мероприятия и масштаба его программы. Как писал А.И. Маркевич, “эта благая мысль... вызвала согласие на ее осуществление, но не в виде съезда, а [в виде] конференции, с некоторым ограничением времени и программы... По формальным причинам конференция не могла иметь всесоюзного характера”. Он также указывал, что “характер и организация конференции были выяснены только к июню месяцу, когда начались и приглашения на нее Главнаукой. Небольшой промежуток времени, оставшийся до конференции, и каникулярное время лишили многих лиц возможности принять в ней участие, но несмотря на это конференция вышла удачной и имела характер настоящего археологического съезда” (1927. С. 319–321). Среди 135 делегатов от 73 учреждений и организаций семи республик Союза были ведущие представители археологической науки.

Разделение конференции на четыре секции (доисторическую, ирано-эллинскую, средневековую и тюрко-татарской археологии) означало, что она стала первым в России и СССР специализированным форумом археологов. В лучших традициях АС была устроена выставка, подготовлены издания по истории и археологии Крыма, в перерывах между заседаниями проведены экскурсии, в том числе на раскопки. В резолюции конференции – уже привычное для археологов пожелание о преподавании археологии в вузах. Особого внимания заслуживает ее 4-й пункт: “О созыве периодических Археологических съездов и созыве в 1928 г. АС в Москве”.

Через год в Крыму была проведена 2-я конференция археологов СССР, приуроченная к столетнему юбилею раскопок Херсонеса. К ее организации подошли еще более обстоятельно. Организаторами выступили Главнаука и Крымнаркомпрос. Распоряжением по Главнауке № 26 от 15.02.1927 г. назначили Московскую комиссию по подготовке конференции (В.А. Городцов, Б.А. Фармаковский, Д.В. Айналов, К.Э. Гриневиц и др.) под председательством Б.С. Жукова (Вторая Конференция..., 1927. С. 5). 5 марта 1927 г. Крымнаркомпрос утвердил Симферопольскую организационную комиссию (И.П. Бирзгал, У. Боданинский, П.И. Голландский, К.Э. Гриневиц и др.); еще одну комиссию организовал президиум Севастопольского райисполкома; они провели 4 заседания.

В Херсонесской конференции участвовали 88 делегатов от 57 учреждений из 20 городов СССР (Вторая Конференция..., 1927. С. 6–8). На пленарном заседании были зачитаны многочисленные приветствия участникам конференции от отечественных ученых и учреждений; телеграммы от Германского археологического института и его отделения в Риме, музея преистории и древней истории в Берлине; от выдающихся представителей европейской науки Э. Миннза, А.М. Тальгрена, Т. Арне. Было решено послать письменные приветствия руководителям страны (Сталину, Калинин, Рыкову, Луначарскому); не менее важно, что после доклада К.Э. Гриневица “Сто лет херсонесских раскопок” участники почтили вставанием память почивших исследователей Херсонеса, в том числе организаторов Всероссийских археологических съездов А.С. и П.С. Уваровых (Вторая Конференция..., 1927. С. 17–19).

Восьмой пункт резолюции конференции гласил: “Созыв Всесоюзного Археологического съезда Конференция считает желательным назначить в 1928 году в г. Москве, согласно постановлению Керченской Конференции” (Вторая Конференция..., 1927. С. 63). В процессе подготовки конференции в Херсонесе, а также во время ее проведения, видимо, шло неофициальное обсуждение вопроса об организации АС. В.А. Городцов пишет своему ученику Н.К. Ауэрбаху (31.08.1927 г.): “В Саратове проф. П.С. Рыков возбудил мысль о съезде в Москве моих учеников с их учениками, чтобы повидаться, выработать общие директивы для дальнейших работ и поделиться новостями в работах. Съезд хотелось назначить на весну 1928 г. В настоящие минуты я готовлюсь к отъезду в Севастополь для участия в юбилейных работах Херсонесского музея. По возвращению в Москву тотчас же примемся за подготовку нашего товарищеского съезда в Москве. Я по этому поводу переговорил кое с кем, и все высказали большую готовность осуществить дело. Предположено учредить предварительные комитеты в Москве, Саратове и Самаре. Хорошо бы было учредить Комитет и у Вас, в Новосибирске, под Вашим руководством. Задачи комитетов будут состоять в выяснении количества лиц, могущих прибыть в Москву, и в координации работы их. Всего хотелось бы пробыть в нашем свидании дней 5. Более подробно мы Вас известим после предварительного обсуждения вопроса в Москве” (Архив ИАЭ СО РАН, фонд Н.К. Ауэрбаха, б/н; далее отсылка на этот архивный фонд опускается).

Таким образом, несмотря на кадровые перемены в Наркомпросе, механизм по организации АС запущен, в регионах проходят конференции, на которых обсуждаются вопросы, сформулированные в начале 1925 г. на совещании по выработке программы съезда. Посылаются, пусть неофициальные, приглашения зарубежным коллегам.

А.А. Спицын уверенно сообщает А.М. Тальгрёну: “В 1928 г. предполагается Всесоюзный Московский Археологический Съезд” (22.04.1927 г.), “Вам надо обязательно на нем быть” (06.09.1927 г.). Через несколько месяцев (06.11.1927 г.) Спицын продолжает: “От организационной комиссии этого съезда еще ничего неизвестно, но принципиально властями дано на него согласие”. В Москву начинает стекаться информация с мест.

Деятельное участие в этом процессе приняли начальник Главнауки Ф.Н. Петров и официальный представитель АН СССР академик С.Ф. Платонов. Намеченные сроки из-за различных организационных сложностей сдвинулись примерно на год. В письме Петрова Платонову от 20.03.1928 г. со всей определенностью говорится о формировании Оргкомитета АС, намеченного на 1929 г. (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 4993. Л. 4). Следом (6.04.1928 г.) на учено-консультационном совещании по археологии в Музейном отделе Главнауки К.Э. Гриневич официально доложил о необходимости созыва Всесоюзного АС в Москве осенью 1929 г. В обсуждении приняли участие Ю.В. Готье, И.Н. Бороздин, Н.И. Новосадский. Был намечен состав Предварительного комитета (далее ПК) АС по РСФСР в составе 27 человек (Ф.Н. Петров, Н.Я. Марр, С.Ф. Платонов, А.А. Спицын, В.А. Городцов, К.Э. Гриневич, Б.В. Фармаковский и др.). Общие основы программы АС и проект организационных форм его созыва было поручено разработать Подкомиссии ПК (К.Э. Гриневич, В.А. Городцов, И.Н. Бороздин, Н.И. Новосадский) (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 4993. Л. 6). В эти же дни (видимо, 13.04.1928 г., как будет видно ниже из письма Городцова Ауэрбаху) прошло “неофициальное совещание”, на котором Василий Алексеевич зачитал свой проект организации АС (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 2732. Л. 11).

В.А. Городцов пишет об этих совещаниях Н.К. Ауэрбаху (22.04.1928 г.): «К подготовительным работам I-го Всесоюзного археологического съезда приступлено в Москве. Было два заседания инициативной группы. 1-ое заседание состоялось под моим председательством в Главнауке, 6-го апреля. На этом заседании вырабатывались общие директивы, в результате было поручено мне к следующему (второму) заседанию написать “План” и “Правила” Съезда, что мною и выполнено. 13 апреля состоялось 2-е заседание, на котором заслушаны и подвергнуты обсуждению представленные мною “План” и “Правила”... 21-го апреля назначено 3-е заседание при расширенном количестве членов, ожидаемых из др[угих] городов. Это заседание должно окончательно выработать форму “Правил”, представленных мною в 32 параграфах. Очень трудно примирять интересы республик... Во всяком случае, почин сделан. В дальнейшем намечен следующий ход: Главнаука РСФСР выработанные План и Правила, размножив, разошлет по

республикам с приглашением делегатов в Москву для организации “Предварительных комитетов I-го съезда”. От Новосибирска намечены Вы и Вас будут просить приехать в Москву. Съезд намечается на 1–15 сент[ября] 1929 г. Второй Всесоюзный Арх[еологический] Съезд предполагается в Киеве».

Судя по всему, огромный интерес к АС проявили регионы. К.Э. Гриневич сообщал С.Ф. Платонову 15.04.1928 г., что “...Украина... торопит... она хочет поскорее начать у себя орг[анизационную] работу” (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 2732. Л. 13). В.П. Левашова, работавшая в то время в Омске, интересовалась у Н.К. Ауэрбаха (которого В.А. Городцов информировал о всех перипетиях с созывом АС): “Что слышно о съезде? Я ничего не знаю” (цит. по: Китова, 2007. С. 259). Намеченное на 21.04.1928 г. заседание учено-консультационного совещания по археологии при Музейном отделе ГНП было проведено в расширенном составе. Присутствовал официальный представитель АН СССР академик С.Ф. Платонов. Гриневич зачитал проект организации АС с объяснительной запиской и проект обращения к Главнаукам республик Союза с предложением принять участие в работе съезда. В процессе обсуждения Платонов выразил пожелание включить в текст проекта пункт о приглашении на АС иностранных археологов; выступили также Н.Д. Протасов, А.С. Башкиров, И.Н. Бороздин, В.А. Городцов и др. Совещание постановило принять предложенный проект с некоторыми изменениями (в частности, с оговоркой, что АС должен сосредоточить внимание на вопросах изучения памятников материальной культуры, исключив из круга своих занятий вопросы истории права и литературы) и разослать его Наркомпросам республик Союза, членам ПК по РСФСР и в АН СССР.

Вскоре (25.04.1928 г.) С.Ф. Платонов доложил о результатах совещания на заседании Президиума АН СССР, который выразил “сочувствие делу восстановления археологических съездов, не созывавшихся с 1911 года, путем созыва всесоюзного археологического съезда осенью 1929 года в Москве”, уполномочив академиков Н.Я. Марра и С.Ф. Платонова на участие в ПК АС (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 4993. Л. 7, 9, 10).

Первое заседание ПК по РСФСР по созыву I Всесоюзного АС прошло в ГИМ 26.05.1928 г. На нем обсуждали вопросы организации съезда и его программу (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 4993. Л. 14). Само заседание (равно как и заседание ПК Музейного съезда) было неофициально приурочено к празднованию 40-летнего юбилея научной деятельности В.А. Городцова (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 2732. Л. 11об.) и состоялось через два дня после чествования Василия Алексеевича. 28 мая 1928 г. распоряжением по ГНК № 140 был оконча-

тельно утвержден намеченный ранее состав ПК АС по РСФСР в составе 27 человек (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 2732. Л. 23; ОПИ ГИМ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 45; РА ИИМК. Ф. 2 (ГАИМК). Оп. 1. 1928 г. Ед. хр. 73. Л. 1). В архивах сохранилось несколько редакций проектов организации АС и обращений к союзным республикам (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 4993. Л. 16–22об.; ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 46, 46об.). Эти материалы дают развернутое представление как об общих принципах организации Всесоюзного АС, так и о масштабе планируемых работ.

В течение 1928 г., видимо, проводилась определенная организационная работа, в том числе в регионах. Еще 09.11.1928 г. ПК по РСФСР опубликовал (за подписью В.А. Городцова) обращение к местным научным организациям с просьбой создавать местные комитеты содействия Съезду. К началу 1929 г. такие комитеты появились в ряде городов РСФСР. Так, в Новосибирске при Обществе изучения Сибири был создан Сибирский краевой комитет по содействию организации Всесоюзного АС, приступивший к сбору информации для составления общесибирского плана археологических работ с целью получения из Москвы средств на исследования в плановом порядке. Отмечалось, что “план должен учитывать как полевые исследовательские работы, так и кабинетные, и массовую работу по учету и охране памятников... План составляется на 5-летие...” (Еженедельник..., 1928. С. 28). Его разработку поручили Б.Э. Петри и П.П. Хороших (Восточная Сибирь), В.Г. Карцову (Красноярский, Канский, Ачинский округа), И.М. Мягкову (Томский округ с Нарымским краем), С.М. Сергееву (Бийский и Барнаульский округа), Н.К. Ауэрбаху (Новосибирский округ), В.П. Левашовой (остальные округа Западной Сибири), А.И. Разину (Дальний Восток), П.П. Хороших (Бурято-Монголия, Якутия). Одновременно Комитет обратился к ленинградским и московским археологам, работающим в Сибири (С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, С.В. Киселев, Г.П. Сосновский, Г.Ф. Дебец), с просьбой представить свои предложения о планируемых полевых исследованиях (НА КККМ. Оп. 01. Д. 1823. Л. 3).

24.01.1929 г. ПК по РСФСР разослал на места проект, в котором перечислялись основные вопросы, предлагаемые для обсуждения на пленарных заседаниях съезда. Был намечен следующий порядок их рассмотрения: определение места археологии среди других наук и выяснение методологических основ восстановления общественно-экономических формаций по памятникам материальной культуры; методика археологических работ, в особенности самих раскопок; итоговые доклады специалистов-археологов всех республик Союза о достижениях последних лет; разработка генерального плана археологических работ во всесоюзном масштабе; проблема распределения археологиче-

ского материала по музеям; методы учета, хранения и экспозиции археологических памятников; методика подготовки кадров в области археологии; популяризация археологических знаний; публикация археологических работ; нумизматика, сфрагистика, эпиграфика, палеография и глиптика; установление тем на соискание государственных премий в целях интенсификации и государственного планирования научно-исследовательских археологических работ. Тезисы докладов на АС должны были быть представлены к 1 октября, а сам съезд предполагалось провести 20–31.12.1929 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 46, 46об.; НА КККМ. Оп. 01. Д. 1823. Л. 1).

Важно отметить, что проект программы съезда не несет отпечатка партийно-идеологического гнета. Только в первом пункте отдана дань новым, послереволюционным веяниям в исторической науке, внедрению в нее марксизма. Остальные пункты вполне традиционны и касаются существа и путей развития самой археологии.

23.01.1929 г. Главнаука Наркомпроса разослала приглашения на заседание ПК по РСФСР, намеченное на 16.02.1929 г. Повестка дня включала следующие вопросы: информация о текущей работе ПК Союзных республик и местных комитетов содействия; доклад комиссии по разработке Генерального плана археологических работ в СССР; использование лета 1929 г. для достижения максимальной готовности к АС; выработка проекта регламента АС; утверждение кандидатур докладчиков от РСФСР по главным вопросам; созыв Центрального ПК СССР и утверждение его повестки дня; выставка к АС; экскурсии; издания АС (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 4993. Л. 24). Подразумевалось расширенное заседание с участием представителей союзных и автономных республик и областей. Было разослано 150 приглашений (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 2732. Л. 21, 21об.).

Состоялось ли февральское заседание 1929 г. и каковы были его результаты, выяснить не удалось. Пока не найдено ни одного связанного с АС официального документа, датированного позже января 1929 г. Но в любом случае в начале 1929 г. организационная активность резко пошла на спад. 9 июля К.Э. Гриневич писал С.Ф. Платонову: “Положение с созывом Арх[еологического] Съезда, как и следовало ожидать – более чем плачевно. Кажется, один я искренне этого хотел в последний период Главнаучного начальства. Для характеристики того, насколько это интересует Главнауку, приведу два факта: 1. Главнаука посылает работников из провинции ко мне в музей для разговоров о Съезде (*sic!*); 2. Главнаука особой бумагой вывела меня из состава Предварительного комитета РСФСР; 3. Денег на изд[ание] Бюллетеня не дали. Но, однако, из этого не следует, что надо унывать. – Наоборот! Дело зашло слишком далеко,

разговоров и заседаний было слишком много и труда положено немало. Поэтому случайные причины надо во что бы то ни стало преодолеть. В Главнауке сейчас усилилось влияние срывателя Съезда Б.С. Жукова¹ и К°. Поэтому надежды на ГНК мало... Я думаю, что единственно правильным будет вот что: пусть Академия Наук возьмет на себя оборванную линию и продолжит это дело. Только не давайте этого дела АИМК, если состав ее не изменится. (Там тоже есть срыватели.)” (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 2732. Л. 22).

В нескольких сохранившихся письмах К.Э. Гриневича С.Ф. Платонову (последнее датировано 6.11.1929 г.) о подготовительных работах АС уже ни слова (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 2732. Л. 23–29). Тогда же А.А. Спицын пишет А.М. Тальгрену (29.09.1929 г.): “В Москве перемены в Главнауке, и мне пока неизвестно, состоится ли предполагавшийся в 1929 г. Археологический Съезд”. В 1930 г. тема АС уже не обсуждается в письмах В.А. Городцова и Н.К. Ауэрбаха, которые в предшествующие годы вели активный диалог в связи с его подготовкой. Видимо, кадровые перестановки в течение 1929 г. во всех головных научных организациях (АН СССР, ГНК, ГАИМК, РАНИОН) свели к нулю усилия по организации АС.

История несостоявшегося I Всесоюзного АС 1929 г. изложена здесь тезисно и по фрагментарным источникам; она требует специального изучения и продолжения архивных разысканий. Но определенные выводы уже можно сделать.

В обращении ПК Всесоюзного АС (1929 г.) говорится: “Со времени последнего 15-го Всероссийского Археологического Съезда в Новгороде прошло 15 лет². За это время в связи с накоплением нового материала изменились многие гипотезы и теории, стал на очередь ряд методологических вопросов; при вузах были открыты кафедры и отделения; выдвинулись вопросы о роли археологии в краеведении и культурном строительстве нацменьшинств; создалась необходимость государственного планирования археологических экспедиций...” (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 2732. Л. 23–29).

В течение 1917–1929 гг. отечественные археологи пытались интегрироваться в складывающуюся систему государственного администрирования и планирования научных работ, воспользоваться ею для планирования и регулирования археологических исследований в масштабах страны. Эти по-

пытки были более или менее успешными, пока советское государство не усилило идеологическое давление на науку до предела, начав массовые политические репрессии и перевод гуманитарных наук на марксистские “рельсы”. 1929-ый – “год великого перелома” – положил начало разгрому отечественной науки и культуры в 1930-е годы (Лебедев, 1992. С. 427–432; Клейн, 1993. С. 20–22; Формозов, 2004. С. 49–62). Репрессии коснулись большинства тех, кого мы видели в списке ПК намечавшегося АС. Достаточно сказать, что третьим в этом списке значится С.Ф. Платонов – главный фигурант печально знаменитого “Академического дела”. Некоторые ученые подверглись травле и были уволены из научных организаций: А.А. Спицын, умерший вскоре, в 1931 г., В.А. Городцов, отлученный от Исторического музея; другие отбыли срок в лагерях, тюрьмах или были надолго сосланы (И.Н. Бороздин, А.С. Башкиров, В.Ф. Смолин, К.Э. Гриневич, Н.Л. Эрнст и др.); некоторые из лагеря или ссылки не вернулись (А.А. Миллер, П.С. Рыков, А.А. Захаров) (Формозов, 1998. С. 191–206; Люди и судьбы..., 2003).

Несмотря на то, что организация I Всесоюзного АС сошла в 1929 г. на нет, археологи, музейщики и краеведы в провинции, не владевшие всей полнотой информации, надеялись на его созыв. И когда в декабре 1930 г. в Москве состоялся I Всероссийский музейный съезд (далее МС) (Кузина, 2005а. С. 493, 494), многие делегаты ехали на него с надеждой, что он будет именно археологическим. Примечательно, что проект МС обсуждался параллельно с проектом АС. Формирование оргкомитетов обоих съездов происходило в одни и те же сроки (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 2732. Л. 11об.). В списке Оргкомитета I МС из 17 человек 7 были одновременно членами ПК АС: Ф.Н. Петров, С.Ф. Платонов, Н.Я. Марр, В.А. Городцов, Б.П. Денике, К.Э. Гриневич, Н.Р. Левинсон (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Оп. 1. Ед. хр. 308. Л. 43, 45).

Увы, надежды делегатов из провинции не оправдались: I Всероссийский МС явился прежде всего идеологическим мероприятием. Его решения привели к ликвидации ряда музеев, реэкспозиции в большинстве из них, созданию новых, “марксистских” экспозиций; он “надолго вверх развитие музейного дела в русло идеологической пропаганды” (Кузина, 2005а. С. 494). Ход съезда, его атмосфера и решения не были случайными: созданный в 1930 г. уже после чистки научных и краеведческих учреждений и практически полного обновления оргкомитета, он идеологически оформил разгром отечественного краеведения. Показательно, что подавляющее большинство делегатов съезда (85%) начали работу в музеях в годы советской власти, а значительная их часть имела стаж музейной работы не более года или двух (Закс, 1980. С. 165).

¹ Характеристика Б.С. Жукова (см. о нем: Бадер, 1968) как “срывателя Съезда”, видимо, связана с давними сложными личными отношениями Бориса Сергеевича и В.А. Городцова; см. об этом в письмах В.П. Левашовой Н.К. Ауэрбаху (Китова, 2007. С. 255, 256).

² XV АС состоялся в 1911 г. Цитируемый документ был написан не ранее ноября 1928 г., так как в нем упоминается опубликованное 31.10.1928 г. сообщение. Вероятно, “15 лет” – это опечатка, следует читать “17 лет”.

Вопрос о созыве Всесоюзного АС на протяжении следующего десятилетия не поднимался. К нему решились вернуться лишь в предвоенные годы, когда оказались востребованными традиции дореволюционной российской археологии. В апреле 1939 г. состоялась I Всероссийская археологическая конференция музеев системы Наркомпроса РСФСР, которая рассмотрела вопрос о состоянии археологических исследований и задачах дальнейшей работы музеев, наметила пятилетний план археологических работ музеев с подробным перечнем памятников, подлежащих обследованию и раскопкам, их исследователей и финансовых средств, необходимых для выполнения этих работ (Первая..., 1939. С. 5–62). Конференцию организовал Музейно-краеведческий отдел Наркомпроса РСФСР, но в реальности инициатива ее проведения исходила из ГИМ, в стенах которого она и состоялась. С основными докладами выступили ученики В.А. Городцова А.Я. Брюсов и Д.А. Крайнов. Конференция наметила план мероприятий “с целью дальнейшего подъема археологической работы советских музеев и окончательной ликвидации последствий вредительства” (Первая..., 1939. С. 7). Несмотря на последнюю формулировку, ученики В.А. Городцова подняли вопрос о созыве Всесоюзного АС, что отражено в последнем, 35-м пункте Постановления: “Настоятельно просить ИИМК о созыве осенью 1939 г. Всесоюзной археологической конференции, которая должна послужить сильнейшим средством нового подъема археологической работы в СССР и организации ее во всеобщем масштабе. Желателен также созыв межобластных археологических конференций” (Первая..., 1939. С. 13).

ИИМК, который в 1939 г. официально возглавил М.И. Артамонов, в предвоенные годы не только “приходил в себя” после нескольких лет репрессий, чистки и неоднократной смены руководства, но был до предела погружен в работу по подготовке ряда больших обобщающих трудов (“Всемирная история”, т. I; “История СССР”, т. I–II; “История культуры Древней Руси”), по изданию первых выпусков новых периодических серий (МИА, КСИИМК), по наведению порядка в полевых исследованиях в РСФСР и в системе отчетности. В этой связи ИИМК вряд ли был готов взять на себя организацию АС, но поддержал инициативу грузинских коллег о созыве съезда в Тбилиси. Об этом свидетельствует ответное письмо М.И. Артамонова на запрос академика С.Н. Джанашиа (к сожалению, письмо последнего не сохранилось). Директор ИИМК выразил готовность “всеми силами поддержать... инициативу по созыву в Тбилиси Первого Всесоюзного Археологического съезда в 1942 г.”. В письме, в частности, говорится: “Запрос о созыве Археологического съезда давно уже волнует советских археологов и Ваша инициатива провести первый после Октября Всесоюзный ар-

хеологический съезд в Тбилиси может встретить с нашей стороны только горячие приветствия... За образец организации можно принять дореволюционные Археологические съезды, с их большой подготовительной работой предварительных комитетов, с заседаниями не только пленарными, но и секционными, с экскурсиями и с монументально изданными трудами...” (РА ИИМК. Ф. 312. Оп. 2. Ед. хр. 847. Л. 128). Письмо М.И. Артамонова датировано 4 мая 1941 г. Начавшаяся 22 июня война сорвала очередную попытку созвать Всесоюзный АС.

Идея его проведения вновь высказывается в 1944 г. коллективом археологов ИИМК (прежде всего тех, кто работал тогда в Москве), обратившихся с докладной запиской на имя президента АН СССР академика В.Л. Комарова о разрешении созвать Всесоюзное археологическое совещание в Москве при АН СССР (Итоги и перспективы..., 1945. С. 7). Поводом к обращению стали два юбилея: в 1944 г. исполнялось 85 лет со дня основания Императорской Археологической комиссии и 25 лет – Институту истории материальной культуры АН СССР. Постановлением Президиума АН СССР от 03.08.1944 г. было принято решение созвать совещание в ноябре–декабре текущего года и утвержден его Оргкомитет во главе с вице-президентом академиком В.П. Волгиным; его заместителями стали академик Б.Д. Греков и профессор А.В. Мишулин, секретарем – С.А. Тараканова (Итоги и перспективы..., 1945. С. 11, 12). Совещание прошло в Москве 25.02 – 1.03.1945 г. (Альтман, 1945. С. 91–96; Всесоюзное..., 1945. С. 88–96).

В обращении Оргкомитета к участникам совещания подчеркивалось, что “идея созыва археологических съездов не нова в истории русской науки... Империалистическая война в 1914 г. помешала созвать XVI археологический съезд, который намечался в Пскове. Следует ли говорить о том значении, которое имели эти съезды для развития археологических знаний и разработки древней истории народов России на основе вскрывшихся археологических материалов, обобщавшихся на съездах. Эту плодотворную традицию русской науки будет продолжать наша советская археологическая наука” (Итоги и перспективы..., 1945. С. 7, 8). Отмечалось, что отдельные археологические конференции в советский период собирались, но “Всесоюзное археологическое совещание ныне состоится впервые”. Его провели в Москве, “последующие совещания или съезды могут быть намечены (как это и проводилось ранее) в других городах Советского Союза” (Итоги и перспективы..., 1945. С. 8).

Всесоюзное археологическое совещание 1945 г. определило перспективный план исследовательских работ АН СССР по археологии на ближайшее пятилетие. Для координации всех работ в Со-

ветском Союзе был поставлен вопрос о создании Всесоюзного археологического комитета при авторитетном правительственном органе, который осуществлял бы планомерное распределение усилий. Приведение в порядок всего археологического хозяйства страны, его точный учет и строгая систематизация рассматривались в качестве первоочередной задачи всех советских археологических учреждений (Итоги и перспективы..., 1945. С. 164). Подчеркивалось, что в стране “вопрос о государственной организации охраны археологических памятников и ее юридическом обосновании остался неразрешенным, а археологические памятники остаются до сих пор без надзора и охраны” (Итоги и перспективы..., 1945. С. 188). Отмечалась целесообразность системы выдачи открытых листов на археологические раскопки и разведки квалифицированным специалистам-археологам через ИИМК в РСФСР и местные институты в других республиках Союза при строгости контроля над качеством и методикой исследований и обязательном представлении научных отчетов о работе, образующих научно организованный архив (Итоги и перспективы..., 1945. С. 192).

Всесоюзное археологическое совещание 1945 г. по масштабу и значимости в полной мере сопоставимо с дореволюционными АС. Однако в последующие годы ИИМК/ИА АН СССР уже не собирал столь внушительных форумов. Причин, вероятно, несколько: организационная сложность проведения подобных мероприятий в Москве и Ленинграде и централизация археологической науки, основные кадры которой были сосредоточены в столицах, а провинциальные центры после разгрома 1930-х годов только начинали возрождаться. В условиях жесткой централизации возвращение к системе прежних, демократических по своей сути Всероссийских АС не укладывалось в организационные рамки развития советской науки. Пленумы ИИМК/ИА АН СССР, инициированные С.В. Киселевым, посвящались теперь в основном итогам археологических (прежде всего полевых) исследований за текущий год.

На рубеже XX и XXI вв. российская археология вступила в новый период развития. Возобновление практики Всероссийских археологических съездов является одним из проявлений возвращения к истокам и традициям отечественной археологической науки.

Один из авторов (С.В. Кузьминых) работал при поддержке гранта РГНФ (проект 08-01-00024а).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альтман В.* Всесоюзное археологическое совещание [Москва. 25 февраля–1 марта 1945 г.] // ИЖ. 1945. Кн. 5.
- Бадер О.Н.* Памяти Бориса Сергеевича Жукова // СА. 1968. № 4.
- Балтийский сборник исследований по археологии и истории: Труды Балтийского Предварительного комитета по устройству XVI АС во Пскове в 1914 г. Берлин, 1914 (на нем яз. с рус. резюме).
- Всесоюзное археологическое совещание [Москва. 25 февраля–2 марта 1945 г.] // ВАН. 1945. № 4.
- Вторая Конференция археологов СССР 10–13 сентября 1927 года: По случаю столетия херсонесских раскопок (1827–1927). Севастополь, 1927.
- Еженедельник Наркомпроса. 1928. № 46.
- Закс А.Б.* Всероссийский музейный съезд // История СССР. 1980. № 12.
- Итоги и перспективы развития советской археологии: (Материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания). М., 1945.
- Каталог выставки XVI Всероссийского АС 1914 года во Пскове, отмененного по случаю войны. Псков, 1915.
- Китова Л.Ю.* История сибирской археологии (1920–1930-е годы): изучение памятников эпохи металла. Новосибирск, 2007.
- Клейн Л.С.* Феномен советской археологии. СПб., 1993.
- Кузина Г.А.* Первый Всероссийский музейный съезд // РМЭ. 2005а.
- Кузина Г.А.* Троцкая (Седова) Наталья Ивановна // РМЭ. 2005б.
- Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992.
- Лукин Б.В.* История и древности Туркестанского края в трудах археологических съездов // ИМКУ. 1964. Вып. 6.
- Люди и судьбы. Библиографический словарь восточковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. и состав. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003.
- Маркевич А.И.* Керченская конференция археологов // Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н.П. Кондакова. “SEMINARIUM KONDAKOVIANUM”. Вып. I. Прага, 1927.
- Оконникова Т.И.* Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.). Ижевск, 2002.
- Первая Всероссийская археологическая конференция (10–13 апреля 1939 г.). М., 1939.
- Пряхин А.Д.* История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.). Воронеж, 1986.
- Разгон А.М.* Предварительный музейный съезд – итоги развития музейного дела в России // Музеи и власть. Из жизни музеев. Ч. 2. М., 1991.
- Современные проблемы археологии России. Т. I–II. Новосибирск, 2006.
- Формозов А.А.* Русские археологи и политические репрессии // РА. 1998. № 3.
- Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историкографические очерки. М., 2004.

II НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ, ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В X–XVIII вв.” (Ялта, Украина, 2007)

Первая встреча археологов Восточной Европы, занимающихся исследованиями глазурованной керамики, состоялась в Ялте в мае 1998 г. Она оказалась чрезвычайно полезной и впервые поставила на повестку дня многие острые вопросы происхождения и хронологии различных типов поливной посуды, производившейся и импортировавшейся в Восточную Европу. По результатам той конференции был издан сборник статей, сразу ставший библиографической редкостью (Поливная керамика..., 2005). За прошедшие 10 лет археологические исследования позволили добыть новые материалы по данной проблематике, которые требовалось коллективно обсудить и проанализировать. Стало очевидно, что необходимо вновь созывать форум ученых, работающих в этой области. Организаторами второй встречи в Ялте выступили Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины и Институт археологии Российской академии наук. Проведение конференции стало возможным благодаря совместной поддержке ее проекта Российским гуманитарным научным фондом (грант № 07-01-91180 г/у) и Президиумом Национальной академии наук Украины (грант № 31-01). Участники конференции были размещены на территории санатория “Жемчужина” (пос. Гаспра), где на протяжении 4 дней и проходила ее работа.

В ходе конференции были заслушаны 36 докладов, подготовленные 35 исследователями. Российские ученые составляли подавляющее большинство участников встречи, на которую приехали также представители Украины, Молдовы и Казахстана. К сожалению, по не зависящим от организаторов причинам в конференции не смогли принять участие более десяти специалистов из Болгарии и Румынии, выступления которых уже были включены в программу. К началу работы форума были опубликованы тезисы докладов его участников (Поливная керамика..., 2007).

Первый день работы конференции открылся докладом *Е.А. Армарчук* (Москва, Россия) “Поливная керамика X–XI вв. городища Садвар в южном Хорезме”, в котором были продемонстрированы материалы из раскопок этого памятника, проводившихся в 1973 г. Несмотря на то, что прошло уже более 30 лет, они представляют несомненный интерес, поскольку со времени выхода монографии Н.Н. Вактурской (1959 г.) поливная керамика из раскопок Хорезмской экспедиции почти не публиковалась.

Доклад *С.И. Валушиной* (Казань, Россия) “Чаша с люстровой росписью конца X–XI в. из Биляра” проинформировал о находке при раскопках 1987 г. в столице домонгольской Волжской Булгарии нескольких обломков светлоглиняной чаши, покрытой белой непрозрачной поливой и желтой люстровой росписью, происходившей из Египта или Месопотамии. Это вторая находка такого рода на территории лесной зоны Восточной Европы (первая была сделана в Старой Ладоге).

В совместном докладе *О.В. Кузнецовой* и *А.А. Нуржанова* (Алматы, Казахстан) “Комплекс поливной керамики Та-

раза X–XII вв.” была дана подробная характеристика материалов этого города, бывшего столицей государств тюркешей, карлуков, караханидов, джагатаидов. Поливная керамика X–XII вв. изготавливалась здесь из ожелезненной (красновато-коричневого цвета) глины и покрывалась бесцветной, желтоватой или зеленоватой глазурью. Формы сосудов представлялись чашами, блюдами, чиргами, альбарелло и др.

Продолжением этой темы стал доклад *О.В. Кузнецовой* (Алматы, Казахстан) “Поливная керамика городов Северо-Восточного Семиречья”. Посуда данного региона изготавливалась из ожелезненных (красножгущихся) глин, покрывалась белым ангобом и украшалась полихромной красочной росписью. Реже встречалась керамика с гравированным по ангобу декором. Обнаруженные импорты происходили из Ирана и Китая. Встречена даже одна чаша из Японии.

М.Д. Полубояринова (Москва, Россия) выступила с докладом “Импортная керамика Болгарского городища”, в котором были представлены находки, обнаруженные при многолетних раскопках в этом столичном городе Волжской Булгарии: иранские люстровые и полихромные полуфаянсы, византийская и крымская полумайолика. Наименьшую долю импорта составляла керамика среднеазиатского происхождения.

Доклад *А.И. Романчук* (Екатеринбург, Россия) “Глазурованные сосуды как хронологический индикатор торговых связей” носил обзорный характер и был посвящен находкам из средневековых слоев Херсонеса Таврического. Представленные серии хорошо известных и ранее публиковавшихся образцов византийской “Zeuxippos wear” ярко характеризуют связи этого города с Константинополем в XIII в. Период конца XIII–XIV в. маркируют находки фессалонийских (с изображениями птиц) и константинопольских (с шахматным узором) сосудов с орнаментацией “сграффито” и выемчатой техникой.

В докладе “Группа поливной керамики из слоя разрушения XIII в. в жилом квартале южного района Херсонеса” *Л.В. Седиковой* (Севастополь, Крым, Украина) и *А. Рабиновичем* (Остин, США) были представлены результаты раскопок в Херсонесе, проводившихся в последние годы. Среди серийных находок рассмотренного комплекса – амфоры трапезундской и трилийской групп, “Zeuxippos wear”, полумайолика с росписью ангобом под желтой глазурью, белоглиняная полумайолика с зелено-коричневой росписью, иранский полуфаянс с ажурным декором.

Образцы крымской и византийской поливной керамики из новых раскопок курганных могильников и случайных находок на территории Краснодарского края были представлены в докладе *Е.А. Армарчук* (Москва, Россия) “Глазурованные чаши XIV в. из Северо-Восточного Причерноморья”.

С.Г. Бочаров (Симферополь, Крым, Украина) представил доклад “Рубеж XIII–XIV вв. по материалам керамического комплекса поселения Посидима (Коктебель)”, в кото-

ром на примере находок, датируемых последней четвертью XIII – первой четвертью XIV в., удалось показать смену в Крыму византийского керамического комплекса новым золотоордынским и выделить ассортимент начального этапа золотоордынского производства на полуострове.

Из доклада *Н.Ф. Лисовой* (Ульяновск, Россия) собравшиеся узнали о новых интерпретациях некоторых орнаментальных мотивов на кашинной керамике золотоордынского производства (с изображениями аль-Бурака и Персея с головой Медузы Горгоны).

Доклад *В.Ю. Коваля* (Москва, Россия) “Глазури причерноморской майолики и полумайолики: химический состав по данным спектрального анализа” ставил целью ввести в научный оборот результаты серии из 52 анализов глазурей причерноморского, средиземноморского и золотоордынского происхождения. Рассмотрение полученных результатов позволило прийти к выводу об отсутствии существенных (хронологических и территориальных) различий в составе византийских и северопричерноморских глазурей на протяжении X–XV вв. и опровергнуть выдвигавшиеся ранее гипотезы о хронологических изменениях в рецептуре. Было показано, что крымские и золотоордынские свинцовые глазури изготавливались по близким рецептам, заимствованным из Византии.

Подробнейшей характеристике узко датированных наборов поливной керамики был посвящен доклад *А.Н. Масловского* (Азов, Россия) “Восточнокрымский поливной импорт в керамическом комплексе золотоордынского Азака”. Благодаря массовым находкам и точной датировке по сериям монет автору удалось проследить динамику ввоза крымской керамики в этот город в пределах временных отрезков протяженностью в 15–20 лет, что дало небывалую доселе точность в датировках большинства типов рассматриваемых сосудов. Уже в начале XIV в. доля крымской поливной посуды в импорте Азака составляла 50%.

Доклад *В.Ю. Коваля* (Москва, Россия) “Керамика Востока и Причерноморья в Тверском Кремле” информировал о серии находок XIII–XIV вв., включавшей редкие для средневековой Руси иранские люстровые сосуды и хорезмшанскую штампованную керамику. Они, по предположению докладчика, могли принадлежать знатному ордынцу, проживавшему в Твери в первой половине – середине XIV в.

Импорт XVI–XVIII вв. из Ирана и Турции стали предметом доклада *Ю.В. Зарубина* (Нижний Новгород, Россия) “Позднесредневековая кашинная керамика в контексте археологического материала Нижнего Новгорода”, в котором они были представлены на фоне других находок, демонстрирующих особый статус этого крупного торгового центра на Волге.

“Поливные чаши XIV в. с изображением кошачьих хищников из раскопок золотоордынского Азака” назывался доклад *М.В. Дмитриенко* (Азов, Россия), представившей подборку характерных византийских изделий с такими изображениями.

И.В. Волков (Москва, Россия) выступил с докладом “Поливная керамика золотоордынского Маджара”, в котором была дана исчерпывающая характеристика керамики, производившейся в этом крупнейшем золотоордынском центре Северного Кавказа. Ранее она была известна весьма фрагментарно и сопровождалась ошибочными определениями. В частности, *И.В. Волков* опроверг мнение о желтом цвете кашина, изготавливавшегося в Маджаре.

Содержание доклада *В.Л. Мыца* (Симферополь, Крым, Украина) далеко выходило за рамки его названия: “Крымская поливная керамика второй половины – конца XIV в.”. В нем были обозначены главные современные проблемы изучения поливной посуды Крыма: отсутствие разработанной стратиграфии Херсонеса (и отсюда сомнительность многих предлагавшихся датировок), грубые ошибки при публикации материалов из раскопок Судака (из-за неверного определения открытых комплексов как закрытых), проблематичность хронологии керамики Мангупа. Большинство из этих проблем, по мнению докладчика, являются следствием того, что исследователи керамики часто опираются не на конкретный материал, а на интерпретацию вмещавших его комплексов, основанную на не критическом (или излишне доверчивом, одностороннем) отношении к письменным источникам, которые пытаются непременно с такими комплексами связать.

Совместный доклад *Н.Д. Русева* и *В.Н. Чобану* (Кишинев, Молдова) “Поливная посуда богатой усадьбы XIV в. (городище Костешты, Молдова)” был посвящен характеристике материала, полученного в результате возобновления археологических раскопок на известном памятнике, являющемся остатками крупного золотоордынского города. К сожалению, отсутствие государственной охраны городища приводит к его разорению кладоискателями.

Еще один совместный доклад – “Китайская керамика из Маджара” – был представлен *И.В. Волковым* (Москва, Россия) и *Ю.Д. Обуховым* (Буденовск, Россия). В нем был впервые продемонстрирован уникальный и весьма обширный материал из сборов на территории Маджара, включавший селадоны, голубой и сине-белый (цинхуа) фарфор, керамику “цыцжоуяо”.

Итогом первого дня конференции стало формирование объемного представления как о крымском керамическом производстве, так и о производствах поливной посуды в смежных регионах на фоне разнообразных данных об импорте восточных сосудов в Восточную Европу на протяжении X–XV вв. При этом происходила сверка взглядов и оценка признаков, указывающих на местное или импортное происхождение керамики.

Второй день работы конференции начался докладом *А.Ф. Кочкиной* (Самара, Россия) “Находки поливной керамики на средневековых памятниках Самарского Поволжья”, в котором были представлены материалы из раскопок и сборов последних лет на Муромском городке, Междуреченском городище и Сухореченском селище, на которых встречены изделия болгарского и золотоордынского времени (в том числе среднеазиатская поливная посуда XI в., византийская и иранская керамика XIV в.).

Э.Е. Кравченко (Донецк, Украина) в докладе “Донецкие степи в золотоордынский период (отражение особенностей истории региона в керамическом комплексе его памятников)” представил немногочисленные, но характерные импорты из Крыма, ордынского Поволжья и Руси, попадавшие на степные поселения Подонья в XIV в.

Новые находки в целом неплохо известной по предыдущим публикациям поливной керамики из Белгорода-Днепровского (Аккермана) были продемонстрированы в докладе *Г.С. Богуславского* (Одесса, Украина) “Некоторые категории керамики из новых раскопок средневекового Белгорода”.

И.Б. Тесленко (Симферополь, Крым, Украина) в докладе “Керамика из раскопок христианского храма в с. Малый Маяк” представила типологическую характеристику всего раз-

нообразия материала, полученного при исследовании памятника, располагающегося на Южном берегу Крыма, в районе Алушты, и относящегося к числу слабо изученных в Крыму сельских объектов XV–XVIII вв.

Сообщение *В.П. Кирилко* (Симферополь, Крым, Украина) касалось одной целиком собранной из обломков миски из раскопок крепости Фуна, которую автор интерпретировал как супницу из сервиза середины XV в.

С большим интересом был заслушан доклад *В.Л. Егорова* (Москва, Россия) “Производство псевдоселадона в столице Золотой Орды – Сарае”, основывавшийся на материалах раскопок Поволжской экспедиции под руководством Г.А. Федорова-Давыдова. Докладчиком были показаны как образцы настоящих китайских селадонов, привезенных в Поволжье, так и местных кашинных имитаций подобных сосудов, покрывавшихся непрозрачной светло-зеленой поливой (именно такую керамику и принято называть псевдоселадонами), а также остатки гончарного горна, в котором могли ее производить.

В докладе *М.В. Цыбина* (Воронеж, Россия) “Архитектурный декор золотоордынского мавзолея у пос. Красный Воронежской области” был подведен итог изучения кашинных мозаик, обнаруженных при раскопках этого памятника. По аргументированному мнению автора доклада, рассматриваемые мозаики были изготовлены в поволжских городах Золотой Орды, откуда их привозили и монтировали для украшения здания мавзолея, принадлежавшего, видимо, одному из представителей ордынской аристократии.

М.Н. Ельникова и *И.Р. Тихомолова* (Запорожье, Украина) в совместном докладе “Штампованная керамика городища Большие Кучугуры” установили наличие на данном памятнике как серой хорезмской керамики, так и желтоглиняных изделий, украшенных росписью цветными глазурями, произведенных, по-видимому, в Маджаре.

Систематизации керамических импортов средневекового Азака был посвящен доклад *С.А. Кравченко* (Азов, Россия) “Парадная поливная керамика из раскопок Азака”. Автору удалось проследить динамику движения керамических импортов. На протяжении XIV в. в Азак ввозились итальянская и азербайджанская полумайолика, иранский и сирийский люстр, иранские фаянсы “минаи”, китайская керамика (фарфор, селадон, “цычжоуяо”), но к концу этого столетия импорт ограничивался уже только испанским люстром.

Т.Ю. Яшаева (Севастополь, Крым, Украина) в докладе “Поливная керамика из окрестностей Георгиевского монастыря” рассказала о немногочисленных, но интересных находках, обнаруженных при исследовании средневекового памятника в окрестностях Херсонеса (на мысе Фиолент).

В докладе *И.В. Волкова* (Москва, Россия) “Комплекс поливной керамики XV в. могильника Черный Ерик” не только был обстоятельно рассмотрен погребальный обряд курганного могильника адыгов на юго-восточном побережье Азовского моря, но на основе анализа его материалов выделены некоторые критерии для атрибуции керамической продукции Восточного Крыма XV в. (в том числе – очень тонкая, “впитавшаяся” в черепок глазурь на внутренней поверхности закрытых форм).

Совместный доклад *И.В. Волкова* и *В.Н. Ярош* (Москва, Россия) “Анализ пигментов двух образцов кашинной керамики из Маджара” ввел в научный оборот данные, полученные при спектральном анализе, выполненном на масс-спектрометре, синего и зеленого красителей. В первом случае окраска достигалась за счет оксида кобальта (при высокой доле оксида железа), во втором – оксида хрома.

А.Г. Ситдигов (Казань, Россия) в докладе “Поливная посуда Казанского ханства (о некоторых типах керамики из раскопок Казанского кремля)” представил подробное описание относительно немногочисленных находок поливной посуды XV–XVI вв. на территории Татарстана. Среди нее выделяются две группы – красноглиняная керамика без декора, покрытая бирюзовой непрозрачной глазурью, и светлоглиняная керамика с рельефным декором, покрывавшаяся зеленой или желтой глазурью. Было высказано предположение о производстве таких сосудов на территории Казанского ханства.

Доклад *Т.М. Тепловодской* и *О.В. Кузнецовой* (Алматы, Казахстан) “Поливная керамика Отрара XV – начала XVII в. (технологический аспект)” дал полную характеристику продукции этого города, включавшей чаши, блюда, кувшины, чираги и т.п. Были показаны изменения, происходившие в гончарстве Отрара на протяжении двух столетий, в частности, рост использования в декоре марганцевой росписи.

Турецким керамическим импортом был посвящен доклад *И.Р. Гусач* (Азов, Россия) “Малоазийская поливная керамика XV–XVIII вв. из раскопок в турецкой крепости Азак”. В Азове представлен весь спектр таких изделий, которые до недавнего времени приписывались для XVI–XVII вв. исключительно производству Изника, а для XVIII в. – Кютахьи.

Хронологически наиболее поздние сюжеты рассматривались в докладе *Я.В. Френкеля* (Санкт-Петербург, Россия) “Дальневосточный и европейский фарфор в Государственном Эрмитаже (опыт археометрической атрибуции)”. Большая серия рентгено-флюоресцентных анализов глазурей и бисквита китайского и европейского фарфора позволила установить четкие критерии различий между ними, используя соотношения оксидов железа, марганца, никеля, титана и кобальта.

Сообщение *В.Ю. Ковалева* (Москва, Россия) касалось уникального образца русской поливной керамики конца XIV – первой половины XV в. с рельефным изображением музыкантов (гуслияра и гудца), находящим аналогии в иллюстрированном миниатюрами светском книжном сюжете “Свадьба Париса и Елены”.

Итогом второго дня конференции стало формирование широкой (в хронологическом и территориальном планах) картины производства поливной посуды и перемещений готовых изделий на пространствах Евразии в X–XVIII вв.

На третий день работы форума был проведен “Круглый стол” “Основные вопросы изучения поливной керамики”, проходивший под руководством сопредседателей Оргкомитета конференции (С.Г. Бочарова и В.Ю. Ковалева), на котором обстоятельно обсуждению был подвергнут представленный А.Н. Масловским (Азов, Россия) проект программы описания образцов поливной керамики при составлении археологических и музейных описей, а также в научных публикациях. Всеми участниками совещания была поддержана мысль о том, что назрела необходимость выработки унифицированного (формализованного) описания археологических образцов поливной посуды для достижения адекватного понимания между исследователями, работающими в разных городах и даже в разных странах. Проект А.Н. Масловского был тщательно изучен, существенно дополнен и в целом одобрен. Было принято решение продолжить работу в этом направлении на серии специальных семинаров, задачей которых станет выработка “Керамологического словаря” (свода специальных терминов) и уточненной программы унифицированного описания поливной керамики.

Результатом конференции стало не только существенное расширение базы данных по поливной керамике При-

черноморья, но и взаимопонимание по целому ряду важных вопросов ее атрибуции. Было признано целесообразным сосредоточить внимание исследователей прежде всего на изучении признаков технологии изготовления посуды. Встречи исследователей поливной керамики решено сделать более регулярными, с интервалом в четыре–пять лет.

Институт археологии РАН, Москва
Крымский филиал Института археологии НАН Украины,
Симферополь

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005.
Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. Тез. II Междунар. науч. конф. Ялта, 2007.

*В.Ю. Коваль
С.Г. Бочаров*

РАШО РАШЕВ (1943–2008)

Рашо Рашев во время последнего приезда в Россию, февраль 2007 г.

В ночь с 28 на 29 февраля 2008 г. в числе девяти граждан Болгарии погиб Рашо Рашев. Чья-то неосторожность или безответственность привела к пожару в поезде.

Для любого археолога-болгариста это имя более чем известно, и дело не только в его научных степенях и званиях. Сейчас, после трагического известия, еще трудно во всей полноте оценивать вклад Рашо Рашева в изучение археологии и истории ранних болгар. Пройдет некоторое время, и, надеемся, коллеги и ученики напишут о его роли в болгарской археологии второй половины XX – начала XXI в. Безусловно, напишут и коллеги из многих зарубежных стран. Одно несомненно: в историографии Первого Болгарского царства его имя займет место рядом с именами В.Н. Златарского, В. Бешевлиева, Ж. Вържаровой, С. Ваклинова (Станчева), Дм.Ил. Димитрова.

По окончании в 1969 г. исторического факультета Велико-тырновского университета Р. Рашев работает экскурсоводом в Преславе, сотрудником в средневековом отделе Исторического музея г. Силистра. Новый этап в его жизни наступает с созданием в 1975 г. в Шумене филиала Археологического института и музея Болгарской академии наук, куда его принимают научным сотрудником. В стенах филиала и на раскопках первой болгарской столицы Плиски Р. Рашев формируется как опытный полевой практик и незаурядный исследователь.

Раскопки этого самого грандиозного памятника средневековой Болгарии велись и ведутся поныне большим коллективом ученых, среди которых Р. Рашев со временем становится одним из ведущих. Его статьи о результатах работ в Плиске с 1980-х годов постоянно появляются на страницах сборников “Плиска-Преслав” и других изданий. Он работает преимущественно в Дворцовом центре Плиски. К числу особо интересных надо отнести раскопки Р. Рашевым подземных ходов-галерей VIII–IX вв., результаты которых опубликованы им в серии статей. Одновременно ученый исследует земляные укрепления и другие объекты в Плиске и за ее пределами.

Итоги работ предшественников и коллег в первой столице Болгарии отражены в небольшой книжке Р. Рашева “Плиска. 100 години археологически разкопки”, написанной в соавторстве с Я. Димитровым.

Раскопки столичного центра – лишь одна сторона деятельности молодого ученого. Прделав кропотливую работу, Р. Рашев выпускает в 1982 г. книгу, которая долго не потеряет своего значения, – “Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII–XI в.)”. Объем собранного материала обширен, тем более что автор вышел за объявленные в заголовке хронологические рамки. Учтено 1024 (!) античных, раннесредневековых и позднесредневековых оборонительных сооружения, чертежи многих из них представлены в 69 таблицах. Итогом полевых обследований и изучения архивных материалов и публикаций стали приложенные к книге три большие карты. Вряд ли сам Рашо смог бы подсчитать, сколько километров он проехал и прошел по совсем не маленькой Болгарии при подготовке книги. Значение этого труда неоспоримо не только для болгарской археологии. Созданный Р. Рашевым свод античной и средневековой фортификации Нижнего Дуная чрезвычайно ценен и для исследователей крепостей периода Хазарского каганата бассейна Дона и Северного Кавказа. Он наводит на мысль если не о прямом участии фортификаторов Первого Болгарского царства в создании каменных хазарских крепостей, то об использовании их опыта. О значении работ Р. Рашева для российской праболгарской и хазарской археологии еще скажем не раз.

Вернемся к Плиске, где два открытия Р. Рашева в полной мере должны быть названы сенсационными, перевернувшими представление о ее раннем, докаменном облике. С интервалом в четверть века, в 1981 и 2005 гг., он находит и раскапывает две громадные деревянные юртообразные постройки, возведенные на деревянных платформах. Их остатки настолько грандиозны и необычны, что реконструкция Р. Рашева и В. Дочевой внешнего облика первой из них (“Юртообразна постройка в Плиска”) вызвала недоверие ряда археологов, в том числе в России. Как в одной из своих последних работ (“Праболгары на юго-западной окраине евразийских степей”) написал сам исследователь, раскопки деревянных представительных сооружений стали основанием для пересмотра ряда гипотетических положений о времени постройки дворца Крума и в целом о хронологии строительства и стратиграфии Плиски. Только этого открытия было бы достаточно, чтобы имя Р. Рашева навсегда оказалось связанным с изучением Плиски. Заслуживают особого внимания тщательность и высокий методический уровень, с которыми было проведено вскрытие сооружений сложной конструкции с десятками опорных столбов, что намного труднее раскопок каменной архитектуры.

Необходимо сказать о значении открытия Р. Рашева для археологии праболгар и хазар Приазовья–Подонья. На сегодня здесь исследованы только более поздние крепости Хазарского каганата (Маяцкая, Саркел, Семикаракоры и др.) с иными типами застройки, но остаются неизвестными ранние представительные и жилые сооружения праболгар. Опыт раскопок столбовых конструкций в Плиске должен быть учтен российскими археологами и вот в какой связи. Р. Рашев в книге “Прабългарите през V–VII век” (о ней ниже), отметив, что до сих пор не найдена “резиденция” Кубрата, предположил, что их могло быть две – летняя и зимняя. Возникает вопрос – не так ли, как плисковские, могли выглядеть ханские постройки эпохи Кубрата? Подобная постановка вопроса необходима и допустима, ведь традиция сооружения деревянных дворцов, о чем писал Р. Рашев, восходит еще ко времени Аттилы.

Одновременно с работами в Плиске и книгой о крепостях Рашо находит время для исследований отдельных памятников, частных вопросов и даже конкретных предметов. Появляются статьи и публикации о генезисе болгарского города, о Мадарском всаднике, баклажках, поясных наборах и многом другом. В 1987 г. выходит написанная в соавторстве со Ст. Станиловым книга “Старобългарското укрепено селище при с. Хума, Разградски окръг”.

При всей широте интересов у Р. Рашева была главная тема, над которой он работал много лет, – исторические корни праболгар, обстоятельства, предшествовавшие их появлению на Нижнем Дунае, и культура, которую они принесли с востока. Первое изложение своего видения проблемы исследователь представил в 1993 г. в концептуальной статье “За произхода на прабългарите”, где среди прочих рассмотрен весьма дискуссионный вопрос “тюрки ли са прабългарите?”. Большое внимание уделено реконструкции языковой ситуации в орде Аспаруха. Отмечу детальный анализ историографии вопроса, в том числе российской, а также принципиальное указание на необходимость в полной мере обратиться к археологическим источникам, поскольку письменные себя исчерпали, а подчас используются тенденциозно.

В 2000 г. появляется книга “Прабългарите през V–VII век”. Несмотря на небольшой объем (192 с.), который не мог вместить полный анализ столь обширной проблематики, она сразу привлекает внимание в России. С появлением кни-

ги Р. Рашев не прекращает разработку темы. Появляются дополненные второе и третье издания, в 2007 г. в Велико Тырново выходит четвертое, объем которого уже в два раза превосходит первоначальный (366 с.).

Разумеется, Р. Рашев не первый, кто обратился к созданию общей картины археологии праболгар. Достаточно назвать его непосредственных предшественников С. Ваклинова (Станчева) и Дм.Ил. Димитрова. Но только Р. Рашев выполнил громадную и, казалось бы, непосильную для зарубежного археолога работу – собрал, разместив на почти ста таблицах, рисунки предметов из праболгарских и близких к ним хронологически погребальных памятников Северного Причерноморья, Дона, Кубани и Дагестана. При этом от издания к изданию сводка материалов постоянно пополнялась благодаря использованию самых последних российских и украинских публикаций. Для болгарских археологов собранные Р. Рашевым материалы – бесценная основа для дальнейших исследований. Полагаю, многие из них только благодаря Рашо в полной мере ознакомились с памятниками праболгар в столь обширном охвате. Впрочем, то же самое следует сказать и о российских археологах, тем более что второй раздел книги посвящен праболгарским и близким им памятникам Средней Европы, а третий и четвертый – Италии, Египта, Балканского полуострова. И все-таки основа работы – исследование и историческая трактовка памятников с территории России, Украины, Крыма. В прощальном обзоре жизни и научной деятельности Рашо Рашева невозможно дать аналитический разбор этого фундаментального труда. Но одно не могу не отметить. Исследователь весьма скептически относился к выделению среди погребальных памятников типа Сивашевки, Перещепино–Вознесенки собственно хазарских и к отнесению к хазарским подкурганых погребений с ровиками. Сомнения, на мой взгляд, достойные внимания. Не принимал Р. Рашев распространенное мнение об исключительной связи Вознесенки с поминальными памятниками тюркских каганов, как и ровиков с тюркскими оградками¹. Заслуживает внимания и тезис о том, что Фанатория не являлась столицей Кубрата.

Примечательна рассматриваемая книга и еще в одном отношении – это заинтересованный взгляд со стороны на состояние нашей археологической болгаристики, ее зеркало. В него стоит заглянуть, так как проблема истории праболгар в настоящее время вряд ли может разрабатываться без учета оценок и высказываний Рашо Рашева даже в том случае, если с какими-то из них тот или иной автор сочтет возможным дискутировать. Р. Рашев прекрасно понимал (в отличие от многих современных российских и украинских исследователей), что значительное количество вопросов, особенно этнической интерпретации памятников, не может быть решено сегодня, а нехватку археологических источников нельзя подменять хитроумными построениями. Но свои выводы Р. Рашев не навязывает, в книге немало мест, где он прямо предлагает читателю самому ориентироваться в той или иной спорной проблеме.

В прямой связи с книгой Р. Рашева находится его статья “За началото на българската средновековна култура”, где он очень категорично предлагает сделать принципиальный выбор между двумя вариантами: 1) история и материальная культура развиваются как два синхронных процесса; 2) история и культура различаются по своим начальным датам; ран-

¹ Открытие в Северной Осетии аланских курганов с ровиками VI–VII вв. подтвердило эти сомнения Р. Рашева, как и целесообразность его обращения к иранским компонентам в культуре праболгар (Габуев, Малашев, 2007).

ние формы материальной культуры не совпадают по времени появления с началом политической истории и отстают от нее. Вновь отмечу методологическую важность такой постановки вопроса. Статья призвана показать, что несовершенство датирования и необоснованность последующих выводов могут приводить к неверным историческим построениям, не отвечающим состоянию изученности самых ранних болгарских памятников. Указывая в заключении на невозможность категорического выбора между двумя вариантами, сам исследователь склонялся ко второму.

Крупной вехой в жизни Р. Рашева стала защита в 2002 г. докторской диссертации “Българска езическа култура. VII–IX век (археологическа характеристика)”, послужившей основой большой монографии (600 с.) под тем же названием. Эта последняя и самая большая работа ученого не имеет равных в современной болгаристике и может быть названа историко-этнографическим обозрением целой эпохи в ранней истории болгар.

По существу всю жизнь Р. Рашев посвятил тому периоду истории болгарского народа, когда шло слияние двух его составляющих – тюрков и славян. Вклад и тех, и других был для него равноценен, а культура языческой Болгарии рассматривалась как основание будущей христианской. Р. Рашев не перекраивал древнюю историю в соответствии с современными политическими тенденциями, он ее изучал, причем максимально объективно, как часть общей истории народов юго-востока Европы.

В научном творчестве Рашо была особая тема, находившаяся вне основного круга его интересов. Ее можно назвать темой “для души”: царь Симеон и его время, названное болгарским “золотым веком”. Симеон, отождествлявший себя с библейским Моисеем, – одна из самых сложных и противоречивых фигур болгарской истории по принятии христианства: владетель из династии Крума, основатель новой, уже христианской, столицы Преслава, мечтавший о возобладании над Византией, адепт и оппонент “греческой модели”, собиратель книг, но в то же время “неортодоксальный христианин, близкий по духу и темпераменту язычнику”. По словам Р. Рашева, “в царствование Симеона создана формула болгарской политической и культурной идеи”. Серия написанных исследователем на протяжении ряда лет очерков превратилась в книгу, вышедшую в конце 2007 г., – “Цар Симеон. Щрихи към личността и делото му”.

Нельзя не сказать о стиле трудов Р. Рашева. Написаны они в строгой манере, но в то же время очень простым, доходчивым языком, а книга о Симеоне – и увлекательно. Автор не допускает многословия, изложение ведется по существу, без ненужных “литературных” излишеств, витиеватых выражений. Воспринимать книги Р. Рашева легко даже для русского читателя. И, конечно, поражает его эрудиция не только в археологии, но и в сопредельных гуманитарных науках, широта научных интересов.

Выпускник университета “Св. Кирилл и Методий” в Велико Тырново, позднее Р. Рашев сам отдал много лет преподаванию в этом и других вузах, в том числе в Варненском свободном университете. Лекции, прочитанные в 1991–2000 гг. в Шуменском университете “Епископ Константин Преславски”, легли в основу еще одной книги “Прабългарите и Българското ханство на Дунав”. Рассчитанная на студенческую аудиторию, она далеко выходит за рамки своего первоначального назначения. Иначе и быть не могло. Это не стандартное “учебное пособие”, но изложение концепций и взглядов ученого на основные вехи ранней болгарской истории и культуры.

Не всегда равно активные с обеих сторон связи болгаристов-археологов наших стран были тем не менее налажены еще во времена СССР и социалистической Болгарии. И здесь Р. Рашев занимал особое место. Никто из болгарских археологов не поддерживал контакты с российскими (равно и с украинскими) коллегами с таким постоянством, никто из них столь часто не приезжал к нам. Причем, и это стоит отметить особо, несмотря на политические зигзаги в отношениях двух стран, начавшиеся в 90-е годы прошлого века. Как настоящий ученый Рашо стоял выше этого.

Р. Рашев не только прекрасно знал литературу о салтово-маяцкой культуре Хазарского каганата, но и непосредственно участвовал в раскопках его памятников. В 1980 г. он был приглашен в Советско-Болгарско-Венгерскую экспедицию на Маяцкий археологический комплекс. Если на городище и селище он был скорее наблюдателем и соучастником, то на Маяцком могильнике на специально выделенном для него раскопе он получил возможность провести самостоятельное исследование неизвестного в Болгарии типа погребального сооружения – катакомб. В 1987 г. вместе с Л. Дончевой-Петковой Р. Рашев представлял болгарскую сторону в Советско-Болгарской экспедиции на уникальном Правобережном Цимлянском городище. Его интересовали здесь не только укрепления, что вполне понятно для специалиста по фортификации Первого Болгарского царства, но весь комплекс материальной культуры крепости.

Р. Рашева отличало постоянное внимание к новинкам археологических изданий СССР, а затем и России. Ему принадлежат рецензии на сборник “Маяцкое городище. Труды Советско-Болгарско-Венгерской экспедиции”, книги И.А. Баранова, В.Е. Флёровой и другие. Нельзя, однако, умолчать о том, что Рашо не дождался ответного внимания к своим работам от российских авторов, прежде всего московских, в чем большая вина и автора этих строк.

Статьи самого Рашо представлены в ряде российских и крымских изданий. С другой стороны, в Болгарии он публиковал обзоры последних результатов изучения памятников салтово-маяцкой культуры, в том числе в 2003 г. – по проблеме многовариантности праболгарского погребального обряда – “Единство и различия в ямния (български) погребален обред на салтово-маяцката култура”.

В середине 2007 г. профессор Рашо Рашев стал директором Национального археологического института Болгарской академии наук. Среди многих его планов было издание в трех томах “Археологии Болгарии”.

Каким запомнился Рашо? Подтянут, скромно и аккуратно одет. Немногословный, всегда внимательно слушающий собеседника. В нем чувствовалась внутренняя сосредоточенность. Внешне, возможно, даже несколько суровый, он чутко улавливал шутку и с готовностью на нее откликался. Будучи более чем заметной фигурой в европейской болгаристике, не проявлял снобизма, высокомерия в общении с коллегами. Был точен в выполнении обязательств и обещаний – непрменная черта интеллигентного человека.

Прощание с Рашо Рашевым прошло в Историческом музее г. Шумена. Он похоронен на Аллее знаменитых граждан города.

КНИГИ И НЕКОТОРЫЕ СТАТЬИ РАШО РАШЕВА

Модел на юрта от Девня // Археология. 1976. № 1. С. 39–45.
Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII–XI в.). Варна, 1982. 230 с.

- Старобългарското укрепено селище при с. Хума, Разградски окръг // Разкопки и проучвания, XVII. София, 1987. 163 с. (в соавт. с Ст. Станиславов).
- Раннесредновековен могилник у с. Ножарево, Силистренски окръг // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989. С. 214–220 (в соавт. с Ст. Станиславов).
- Юртообразна постройка в Плиска // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1989. С. 291–313 (в соавт. с В. Дочев).
- За произхода на прабългарите // *Studia protobulgarica mediaevalia europensia*. В чест на професор Веселин Бешевлиев. Велико Търново, 1993. С. 22–33.
- Мадарският конник – стари и нови въпроси // Исторически преглед. 1998. № 3–4. С. 192–204.
- Плиска. 100 години археологически разкопки. Шумен, 1999. 102 с. (в соавт. с Я. Димитров).
- Прабългарите през V–VII век. Велико Търново, 2000. 192 с.
- Прабългарите и Българското ханство на Дунав. София, 2001. 181 с.
- Множественост етнонимов – еднообразие погребалного обряда в степях Восточной Европы в VI–VII вв. // Хазары. Второй Междунар. коллоквиум. Тез. М., 2002. С. 86, 87.
- Единство и различия в ямния (български) погребален обред на салтово-маяцката култура // Българи и хазари през ранното средновековие. София, 2003. С. 16–41.
- За началото на българската средновековна култура // Плиска-Преслав. Т. 9. Шумен, 2003. С. 145–167.
- Праболгары на юго-западной окраине евразийских степей // Средневековая археология евразийских степей. Т. 1. Казань, 2007. С. 104–117.
- Прабългарите през V–VII век (четвърто допълнено издание). Велико Търново, 2007. 366 с.
- Цар Симеон. Шрихи към личността и делото му. София, 2007. 138 с.
- Българска езическа култура. VII–IX век (археологическа характеристика). София, 2008. 600 с.

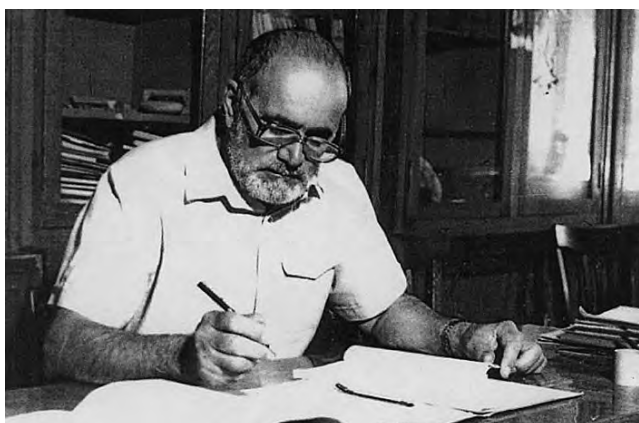
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Элементы погребального обряда могильников Брутского городища // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007.

Институт археологии РАН, Москва

В.С. Флёров

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА НИКИФОРОВИЧА СТАНКО (19.02.1937–16.02.2008)

16 февраля 2008 г. скоропостижно скончался известный археолог, историк и этнолог, доктор исторических наук, профессор Владимир Никифорович Станко.

В.Н. Станко родился 19.02.1937 г. в с. Терновка (сейчас входит в границы г. Николаева) в болгарской семье Никифора Дмитриевича и Марии Федоровны Станковых. Закончив среднюю школу, В.Н. Станко в течение года работал электриком на Николаевской электростанции, после чего поступил на историко-филологический факультет Ростовского государственного университета. С 3-го курса он продолжил обучение на историческом факультете Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова, где под влиянием профессоров М.Ф. Болтенко, П.О. Карышковского и доцента М.С. Синицына начал профессионально заниматься археологией.

После окончания университета в 1960 г. В.Н. Станко работал научным сотрудником, а затем – заместителем директора Одесского государственного археологического музея

АН Украинской ССР. В это время (не без помощи П.О. Борисковского) окончательно определился круг его научных интересов – первобытная археология, в частности археология палеолита и мезолита, и древняя история. В 1965 г. он поступил в аспирантуру Института археологии АН Украинской ССР (Киев), которую досрочно окончил в 1967 г., защитив под научным руководством С.Н. Бибикова кандидатскую диссертацию “Мезолит Северо-Западного Причерноморья”.

В 1968 г. В.Н. Станко возвратился в Одессу и работал старшим преподавателем, доцентом кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Одесского университета. Он преподавал общие курсы (“История первобытного общества”, “Основы археологии”, “Основы этнографии”), а также проводил спецсеминары и читал спецкурсы по проблемам первобытной археологии. В эти годы им были начаты раскопки мезолитического поселения Мирное (Килийский р-н Одесской обл.), в ходе которых была разработана серия комплексных методик изучения экологии, экономики и общественных отношений первобытного населения. Полученные во время исследования памятника теоретические и практические результаты стали основой для докторской диссертации “Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья”, которую ученый успешно защитил в 1983 г.

В 1976 г. по инициативе В.Н. Станко в Одессе был организован отдел археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии АН УССР, который Владимир Никифорович возглавлял до 1989 г. На отдел были возложены обязанности проводить раскопки в зонах многочисленных в то время новостроек на территории Одесской области, а также научную обработку полученных материалов. Благодаря высокой общеисторической и археологической эрудиции В.Н. Станко удалось сплотить вокруг себя немногочисленную, но дееспособную группу специалистов, занимавшихся проблемами каменного и бронзового веков,

скифологии, сарматологии, антиковедения, черняховской культуры, поздних кочевников, гидроархеологии, исторической географии и хронологии, нумизматики, палеозоологии, петрографии и других специальных направлений. За эти годы сотрудниками отдела было защищено две докторских и семь кандидатских диссертаций, издано семь монографий и пять сборников научных трудов. Сегодня отдел является одним из ведущих научных центров археологического исследования древностей юга Украины и смежных территорий.

В 1987 г. В.Н. Станко снова приступил к чтению лекций на историческом факультете Одесского университета; в 1989 г. ему было присвоено ученое звание профессора. С 1993 г. он возглавлял образованную им кафедру археологии и этнологии Украины, в рамках которой происходила подготовка студентов по специальностям “Археология” (с 1996 г.) и “Этнология” (с 1998 г.). Им были разработаны и прочитаны новые спецкурсы по теории археологии и методике обработки археологических материалов, а также по проблемам антропосоциогенеза, палеолита мира, археологии каменного века Северного Причерноморья и другие. По его инициативе и под его руководством на историческом факультете началось изучение этнологической проблематики. Это было особенно актуально в связи с пестрым этническим составом населения края. В 1994 г. В.Н. Станко был избран деканом исторического факультета ОГУ.

В 2005 г. В.Н. Станко переехал на постоянное место жительства в г. Николаев, но не прекратил научной и педагогической деятельности. Он преподавал в Николаевском педагогическом университете им. В.А. Сухомлинского и Николаевском отделении Киево-Могилянской академии.

В.Н. Станко является автором 135 научных работ. С 1978 г. и до своей смерти он возглавлял комплексные исследования группы палеолитических памятников вблизи с. Анетовка (Доманевский р-н Николаевской обл.). Основные результаты его исследований были изложены в докладах на престижных научных форумах в Добрыче (Болгария, 1988), Нью-Кастле (Великобритания, 1994), Тулузе (Франция, 1995), Берлине (Германия, 1995), Балчике (Болгария, 1995) и др. При его активном участии было организовано проведение многих международных исторических, археологических и этнологических конференций. Он являлся научным руководителем международного проекта в рамках программы INTAS.

В.Н. Станко – лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники, академик Российской национальной академии наук, академик Российской академии естественных наук (секция антропологии и археологии). Он был членом Провода Всеукраинского и членом Президиума Одесского областного филиала охраны памятников истории и культуры. В.Н. Станко входил в состав специализированного ученого совета по защите докторских диссертаций при Институте археологии НАН Украины, а также Полевого комитета. С 1996 г. он возглавлял образованный по его инициативе специализированный ученый совет по защите вначале кандидатских, а затем и докторских диссертаций при историческом факультете ОНУ им. И.И. Мечникова.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В.Н. СТАНКО

1. Мезолитическая стоянка Гиржево в Одесской области // СА. 1966. № 2. С. 96–103.
2. Кархеологической карте-схеме памятников каменного века Нижнего Поднестровья // МАСП. 1966. Вып. 5. С. 235–244 (в соавт. с В.И. Красковским).
3. Мезолит Северо-Западного Причерноморья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1967. 28 с.
4. Мезолит Днестровско-Дунайского междуречья // МАСП. 1971. Вып. 7. С. 93–110.
5. Некоторые итоги работы Ингульской экспедиции // КСИА. 1971. Вып. 127. С. 50–53 (в соавт. с О.Г. Шапошниковой).
6. Типы памятников и локальные культуры в мезолите Северного Причерноморья // МИА. 1972. № 185. С. 252–261.
7. Периодизация памятников мезолита Северного Причерноморья // МАСП. 1976. Вып. 8. С. 15–21.
8. Основные особенности и хронология памятников мезолита степей Северного Причерноморья // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 46–53.
9. Позднемезолитическое местонахождение Зализничное на Нижнем Дунае // Археология. 1979. № 29. С. 80–82 (в соавт. с Л.В. Субботиным).
10. Поздний палеолит и сложение мезолита в Северо-Западном Причерноморье // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. Киев, 1980. С. 5–21.
11. Ранний мезолит степей Северного Причерноморья // Первобытная археология: поиски и находки. Киев, 1980. С. 90–109.
12. Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья. Киев, 1982. 176 с.
13. Мирное. Проблемы мезолита степей Северного Причерноморья // Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1983. 54 с.
14. Позднепалеолитическое поселение Анетовка 1 // Северное Причерноморье: материалы по археологии. Киев, 1984. С. 4–14 (в соавт. с Т.Н. Швайко, С.П. Смольяниновой).
15. Исследование палеолита и мезолита степного Побужья // СА. 1985. № 4. С. 5–20 (в соавт. с С.П. Смольяниновой).
16. Человек и природа Северного Причерноморья // Корреляция отложений, событий и процессов. Кишинев, 1985. 260 с.
17. Хронология позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья // БКИЧПЕ. 1988. № 57. С. 116–120 (в соавт. с Ю.С. Свеженцевым).
18. Палеоэкологическая обстановка в позднем палеолите степного Причерноморья // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Л., 1989. С. 27–30.
19. Производственные комплексы по утилизации охотничьей добычи в позднем палеолите // Первобытная археология: материалы и исследования. Киев, 1989. С. 54–63.
20. The paleoecological situation on the Black Sea steppe in the Late Paleolithic // Antiquity. 1989. V. 63. № 241. P. 216–218.
21. Recherches archeologiques dans la region du Nord de la Mer Noire (recherches sur la paleolithique et la mesolithique) // L'eau et les Homes. Venna, 1989. 13 p.
22. Природная среда и развитие хозяйства позднепалеолитического человека в бассейне р. Южный Буг // Четвертичный период: методы исследования, стратиграфия и экология. Таллинн, 1990. С. 31–33 (в соавт. с Р.Я. Арап, А.В. Старкиным).
23. Культурно-исторический процесс в мезолите Северо-Западного Причерноморья // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. Киев, 1991. С. 5–17.
24. Палеоэкологическая ситуация в мезолите Северного Причерноморья // Studia Praehistorica. № 11–12. Sofia, 1992. С. 18–28.
25. К методике изучения микроструктур памятников палеолита // Древности причерноморских степей. Киев, 1993. С. 4–8.
26. Исследование стоянки ранней поры позднего палеолита Анетовка 13 в Северном Причерноморье // Изучение древних культур и цивилизаций. СПб., 1994. С. 51–55 (в соавт. с В.Ф. Петрунь).

27. Анетовка 13 – памятник начальной поры позднего палеолита в степном Причерноморье // Археологический альманах. Донецк, 1994. С. 161–180 (в соавт. с В.Ф. Петрунь).
28. Финальный палеолит и мезолит Горного Крыма. Одесса, 1994 (в соавт. с С.Н. Бибиковым, В.Ю. Коеном). 240 с.
29. Landscape Dynamics and Mesolithic Settlement in the North Pontic Steppes // Landscape in Flux. University of New-castle-upon-Tyne, 1994. P. 12, 13.
30. Bison Hunters in the Late Paleolithic of the Ukraine // La Bison Gebier et Moyen de subsistance. Toulouse, 1995. 39 p.
31. Кризис охотничьего хозяйства и возникновение скотоводства в Азово-Причерноморских степях // Древности. Вып. 1. Харьков, 1995. С. 6–11.
32. Культ бизона (быка) в древних обществах Северного Причерноморья // Древности. Тр. РАО. Т. 19. М., 1995. С. 17–29.
33. Хозяйство населения степей Северного Причерноморья в мезолите // ЗІФ ОДУ. 1996. Вип. 3. С. 3–14.
34. Мистецтво та світогляд пізньопалеолітичної людини (за матеріалами України) // Археологія. 1996. № 3. С. 39–50 (в співавт. с М.І. Гладких).
35. Охотники на бизонов в позднем палеолите Украины // Археологический альманах. № 5. Донецк, 1996. С. 129–138.
36. Некоторые итоги изучения позднего палеолита Северо-Западного Причерноморья (1. Южно-бугская группа памятников) // Археология и этнология Восточной Европы. Одесса, 1997. С. 14–27.
37. Некоторые итоги изучения позднего палеолита Северо-Западного Причерноморья (2. Днестровская группа памятников) // ЗІФ ОДУ. 1997. Вип. 4. С. 3–9.
38. Промысел бизона в палеолите Северного Причерноморья // ЗІФ ОДУ. 1997. Вип. 5. С. 3–10.
39. Landscape Dynamics and Mesolithic Settlement in the North Pontic Steppes // Landscape in Flux Central and Eastern Europe in Antiquity. Oxbow Books, 1997. P. 253–262.
40. Історія первісного суспільства. Київ, 1999. 240 с. (в співавт. с М.І. Гладких, С.П. Сегедой).
41. Мезолит Южной Бесарабии // ЗІФ ОДУ. 1999. Вип. 8. С. 8–67 (в соавт. с П.М. Долухановым, М. Сефериадес и др.).
42. La Scythie avant les Scythes // Archeologia. 1999. № 369. P. 66–73 (en collabor. avec P. Dolukhanov, M. Seferiades).
43. Анетовка 2 – позднепалеолитическое поселение и святилище охотников на бизонов в Северном Причерноморье // Stratum plus. 1999. № 1. С. 322–325.
44. Scythia Before the Scythians // Archaeological Reports. 1998. № 22. P. 1–9 (in cooper. with P. Dolukhanov, M. Seferiades).
45. Bison Hunters in the Late Paleolithic of the Ukraine // La Bison: gibier et moyen subsistance des hommes du Paleolithique aux Paleoindiens des Grandes Plaines. Toulouse, 1999. P. 343–349.
46. Les Bison prehistoriques d'Anetovka // Archeologia. 2000.39. № 370. P. 50–55 (en collabor. avec M. Seferiades).
47. Black Sea level changes and distribution of late Paleolithic and Mesolithic populations in the Northern Black Sea region // 8 EAA Annual Meeting 24–29 September 2002. Thessaloniki, 2002. 203 p.
48. First Cattle-Breeders of the Azov-Pontic Steppes // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. Cambridge, 2003. P. 299–306.
49. Mesolithic economy in the North Pontic steppes // BAR. 2004. 1224. P. 73–77.
50. The Dynamics of population Forming processes in the North-Western Pontic area in Late Paleolithic and Mesolithic // 2 Plenary Meeting and Field Trip of project IGCP-521. Odessa, 2006. P. 163–165.

Одесский Национальный университет им. И.И. Мечникова
Институт археологии НАН Украины, Одесса

*А.Н. Дзиговский
А.С. Островерхов*